ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

сочиненіе

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

—

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

—

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

изданіе

Д. Е. Кожанчикова.

—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Важное значеніе эпохи Богдана Хмельницкаго въ русской исторіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ семьѣ славянскихъ народовъ, Польша и Русь явились съ самодѣятельною историческою жизнію преимущественно предъ другими народами того же племени, которые или рано подпали чуждой власти и чуждому вліянію, или обнаруживали свое историческое существованіе только противодѣйствіемъ чужеплеменнымъ натискамъ. Государственный и общественный складъ, историческое движеніе и народный характеръ Польши и Руси хотя исходили изъ одинакихъ племенныхъ началъ, но тамъ и здѣсь приняли не только различныя, но противоположныя и враждебныя одно другому направленія. Въ продолженіе многихъ вѣковъ Польша и Русь вели между собою непрестанную, упорную послѣдовательную борьбу. Долго перевѣсъ былъ болѣе на сторонѣ Польши: подчинивъ себѣ Червоную Русь, соединившись съ Литвою и завладѣвъ значительною частію русскихъ земель, Польша вступала послѣдовательно шагъ за шагомъ, внутрь русскаго міра и, въ началѣ XVII вѣка, чуть было не овладѣла имъ окончательно. Эпоха Богдана Хмельницкаго повернула старинный споръ въ противную сторону. Съ этого времени въ борьбѣ двухъ народностей перевѣсъ обратился на русскую сторону. Эпоха Богдана Хмельницкаго начала и приготовила то, что должно было, по хо-

1

ду историческихъ обстоятельствъ, совершиться въ грядущихъ поколѣніяхъ со всѣми послѣдствіями для славянскаго міра, быть можетъ еще не взвѣшенными судьбою.

Выпускаю въ свѣтъ мое повѣствованіе съ поправками и добавленіями, составленными, при помощи источниковъ, которые были мнѣ неизвѣстными или мало извѣстными при изданіяхъ предыдущихъ. Такими преимущественно были рукописи Императорской Публичной Библіотеки, заключающія, отчасти въ подлинникахъ, но болѣе въ старыхъ копіяхъ, современныя письма, реляціи, извѣстія, акты, дневники и показанія; дѣла Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, изъ которыхъ дѣла бывшаго малороссійскаго приказа напечатаны подъ моею редакціею въ III томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи и нѣкоторые документы и письма, напечатанные въ Сборникѣ изданномъ въ Варшавѣ подъ названіемъ Памятной Книжки Якова Михайловскаго. Считаю долгомъ принести искреннюю признательность библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки Аѳ. Ѳед. Бычкову и вообще всѣмъ почтеннымъ членамъ этого учрежденія за радушное пособіе въ моихъ занятіяхъ.

ИСТОЧНИКИ.

—

) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Томъ первый. 1830.

** 2) Акты относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Собранные и изданные археографическою коммиссіею. Томы I, II, III. (Въ третьемъ томѣ помѣщены дѣла малороссійскаго приказа, относящіяся ко времени Богдана Хмельницкаго). С.-Петербургъ, 1861, 1863 и 1864 гг.

** 3) Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. 3 тома. Кіевъ, 1845, 1846 и 1852.

** 4) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. 4 тома. Москва, 1813, 1819 и 1822.

5) Рукописи Императорской Публичной библіотеки отдѣловъ: польскаго и разноязычнаго.

6) Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской оружейной палатѣ. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

** 7) Источники малороссійской исторіи, въ «Чт. моск. общ. ист. и др.» 1858. 1 томъ.

** 8) Чинъ православнаго львовскаго братства, репротестъ дворянъ православнаго исповѣданія на минскаго вое-

воду Тышкевича и универсалъ митрополита Петра Могилы къ православному минскому братству, найденные въ древнихъ архивахъ минской губерніи. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.)

** 9) Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. третья. Акты о казакахъ. 1500—1648 г. т. I. Кіевъ, 1863.

10) Starożytności historyczne polskie z rękopismów zebrał Ambroży Grabowski. 2 tomy. Kraków, 1840.

11) Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t. p., tudzież listy historyczne etc. z rękopismów zebrane przez Ambrożego Grabowskiego. 2 t. w Krakowie, 1845 r.

12) Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta et a collegio archeographico edita. Petropoli, 1848.

** 13) Zbiór pamiętników o dawnéj Polsce, zebrane przez J. U. Niemcewicza. 6 tomów. Lipsk.

** 14) Pomniki do dziejów Polski wieku XVII, wydał August Podgórski. 2 tomy. Wrocław, 1840.

** 15) Pamiętniki o Koniecpolskich, wydał Al. Przyłęcki. Lwów. 1842.

** 16) Jakuba Michałowskiego wojskiego lubelskiego, a późniéj kasztelana bieckiego, księga pamiętnicza z dawnego rękopisma, będącego własnością, Ludwika hr. Morsztyna, wydana staraniem i nakładem C. K. towarzystwa naukowego krakowskiego. w Krakowie, 1864.

** 17) Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza w. ks. Litewskiego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. 2 t. w Poznaniu, 1839.

18) Collectanea Sękowskiego. Wojny z Ottomanami z powodu Kozaków. 2 tomy. Wilno.

** 19) Рукопись, содержащая нѣсколько актовъ, относящихся къ исторіи гетманщины.

**) 20) Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуусобіяхъ, бывшихъ послѣ его смерти, Москва, 1846. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 21) Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска запорожскаго. Кіевъ, 1720. 2 т. 1848.

* 22) Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной и отъ начала поляковъ, крвавшои небывалой брани Богдана Хмельницкаго съ поляки за наияснѣйшихъ королей польскихъ Владислава, потомъ Яна Казимира отправоватися початой въ року 1648 и за лѣтъ десять по смерть Хмельницкаго неоконченной, зъ разныхъ лѣтописцевъ и зъ діаріуша, на той войнѣ писаннаго и самобытныхъ старожиловъ свидѣтельствы утвержденная. (Рук.)

23) «Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Oliviensem usque seu annales regnante Joanne Casimiro Polonarum Sveciaeque rege ab anno MDCXLVIII usque ad annum MDCLX auctore Laurentio Joanne Rudawski equite polono ex manuscripto celeberrimae bibliothecae Zaluscianae edidit Laurentius Mizlerus. Varsoviae et Lipsiae, 1755.

* 24) Historia belli cosacco-polonizi auctore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno 1676 ex manuscriptis monumentis historiae hungaricae in lucem protulit Carolui Koppi in regia scientiarum universitate historiae profess. Pestini, 1789.

* 25) Joachimi Pastorii ab Hirtenberg, Historiae polonae plenioris partes duae. Dantisci. Anno MDCLXXXV.

** 26) De rebus anno 1648 et 1649 contra cosaccos zaporovios gestis. Edid. Albertus Vuik Kojalowicz. Wilnae, MDCLI.

* 27) Epitome de rebus anno 1648 et 1649 contra zaporowianos cosacos in Polonia et Lithuania gestis a Joanne Dionisio Lobzynski. Viennae Austriae, 1653.

** 28) Storia delle guerre civile di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese. In Venetia, MDCLXXI.

* 29) Annalium Poloniae ab obitu Vladislavi IV Climacteres scriptore Vespasiano a Kochovo Kochowski. 3. vol. Cracowiae, anno 1683, 1688, 1698.

* 30) Historja panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora. Z rękopismu wydał Edward Raczyński. 2 tomy. Poznan, 1840.

* 31) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza. Z rękopismu wydał K. Wł. Wojcicki. 2 tomy. Warszawa, 1846.

* 32) Wojna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowanie Najjaśniejszego Jana Kazimierza tocząca się, na cztéry podzielona części oyczystą muzą od Samuela z Skrzypny Twardowskiego. Opus posthumum. Typis Collegii Callisiensi. Anno Dom. 1681.

** 33) Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznajomego autora: Historya o buntach Chmielnickiego, o wojnie z Tatarami, ze Szwedami i z Węgrami za króla Władysława i Jana Kazimierza przez lat dwanaście krótko zebrana, ab anno 1647 anno 1648. W Wrocławiu, 1842. (Переводъ напечатанъ въ «Чт. имп. моск. общ. и др. рос.»

подъ названіемъ «Краткая исторія о бунтахъ Хмѣльницкаго»).

* 34) Pochodnia wojennéj sławy J. o. Xiążęcia Jeremia Michała Wiszniowieckiego ze czterech części złożona y w roku 1649 wystawiona.

35) Relatio gloriosissimae expeditionis victoriosissimi progressus et faustissimae pacificationis cum hostibus serenissimi et potentissimi principis ac domini Johannis Casimiri regis Poloniae et Sveciae.

* 36) Relatio gloriosissimae victoriae principis ac domini Joannes Casimiri Poloniae et Sweciae regis potentissimi de chano crimensi rebellisque cosacis ei foederatis die XXX mensis Iunii MDCLI apud Beresteczko obtente. Varsoviae.

37) Obsidio Zamosciana, quam perduelles cosachi junctis viribus Tartarorum grassante et ad affligendum regnum Poloniae conspirante audacia fatali tempore Poloniae sub interregnum Anno Dei 1648 fecerunt, a M. Johanne Bytomski Phil. et v. i. d. eloquentiae professore et canonico Zamoscensi tanta calamitate consorte et spectatore exhibita. Anno Dom. 1649. Jannuar

* 38) Fawor Niebiesky pod czas szczęśliwey Elekcyiey na królewstwo polskie Pana naszego miłościwego Jana Kazimierza Kr. Szw. miastu Lublinu czasu gwałtownego niebespeczeństwa od swawolnych kozaków cudownym sposobem roku 1648 die 10 Novembr. pokazany. 1648. w Lublinie.

** 39) Relation oder aussführliche Beschreibung von der Jammerlichen und Erbarmlichen Verstörung und Einäscherung so bey Eroberung der schoenen Stadt Lublin von der Moscowitern und Cosacken barbarischer Weise. Lublin, MDCLVI.

40) Plantus Poloniae super ingenti suorum clade a Cosacis rebellibus illata per Simonem Dominicum Wachowski conscriptus anno D. 1649.

41) Gründliche und denckwürdige Relation der neulichen Kosacken-Unruhen wider die Kron Polen unter Commando Gen. Chmielnicki als gen. Hauptmann Poltoraik–Kosaku Obristen und Krzywanos als vornemsten Häuptern der Kosacken, nach bewussten und zum theil selbst erfuhrnen Umbständen kürtzlich verfasset durch einen namhaften officier jedoch dabei des Friedens Liebhaber. 1649.

* 42) Odmiana postanowienia niestatecznéj sfery kozackiey z wzruszeniem pokoiu od miesiąca Stycznia 1651 do Września 1651 widziana y z dokonczeniem wieku nieodmienney pamięci Jaśnie Oświeconego niegdy Xiążęcia Imci Jeremiego Michała Korybuta Wiszniowieckiego przez urodz. Jana Białobockiego, wydana w Krakowie 1653.

* 43) Brat Tatar albo Liga wilcza ze psem na gospodarza do czasów terazniejszych stosująca w roku 1651 miesiąca Listopada, wydana przez Jana Białobockiego.

* 44) Pieśń o potrzebie z Tatary i Kozakami pod Beresteczkiem, 30 Junii 1651.

* 45) Dyskurs jednego miłośnika ojczyzny naszey w którym się pokazuie dowodnie że z wieczną hanbą tego zacnego królewstwa Pan Bóg, skarał woysko nasze potężne tego roku. 1648.

46) Neuer polnischer Florus das ist richtige und glaubwürdige Erzehlung der blutigen Kriege so die jeztherrschende Majestät in Polen — Koenig Johannes Casimirus von Anbeginn seiner Regierung biss auf gegenwärtigen Tag

wiewol zu verschiedenen Zeiten mit den Cossacken, Tartaren, Russen, Szweden, Chur-Brarderburgischen und Siebenbürgern geführt. Nürnberg, 1666.

** 47) Cellarii Regni Poloniae Descriptio. 1659 anno.

48) Bellum scythico–cosacicum seu de conjuratione Tartarorum, Cosacorum et plebis Russiae contra regnum Poloniae ab invictissimo Rege Joanne Casimiro profligata. Narratio plenioris historiae operi praemissa. Auctore Joachimo Pastorio de Hirtemberg. Dantisci, 1652.

* 49) Rerum in Magno Ducatu Lithuanie per tempus rebellionis russicae gestarum commentarius. Regiomonti, 1653.

* 50) Latopisiec Jerlicza albo kroniczka z rękopismu wydał K. Wł. Wojcicki. Petersburg, 1853.

** 51) Kronika miasta Lwowa przez Dyonizego Zubryckiego. Lwów, 1844.

52) Relation contenant l'estat véritable des affaires de Pologne, le journal et les particularitez du siège et de la prise de Varsowie, l'entrée de la Reyne dans la Pologne, le secour de 50000 tartares pour le Roy de Pologne et l'électeur de Branderbourg. 1656.

53) L'origine véritable du soulevement des cosaques contre la Pologne par Linage de Vauciennes. Paris, 1674.

* 54) Ingressus Stephani in Czarnica Czarnecki Russia palatini.

55) Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne etc. par Pierre Chevalier, conseiller du Roy en sa cour des Monnoyes. Paris, 1663.

** 56) О бунтѣ города Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648. Москва, 1847. (Въ Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 57) Краткое описаніе о казацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ его дѣлахъ, собранное изъ разныхъ исторій иностранныхъ; нѣмецкой—Бишинга, французской—Шевалье, латинской—Безольди, и рукописей русскихъ чрезъ бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго. 1765. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 58) Сказаніе о гетманахъ казацкихъ ажъ до Богдана Хмельницкаго (рукопись).

* 59) Историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ. Г. Ф. Миллера, бывшаго историографа россійскаго. Москва, 1846. (Въ «Чт. общ. ист. и др.»)

* 60) О казакахъ запорожскихъ, какъ оные издревле начались и откуда свое происхожденіе имѣютъ и въ какомъ состояніи нынѣ находятся. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

* 61) Лѣтопись малороссійская писана 1689 (рукопись).

* 62) Лѣтописное повѣствовованіе о Малой Россіи и ея народѣ и о казакихъ вообще, отколь и изъ какаго народа оные происхожденіе свое имѣютъ и по какимъ случаямъ они нынѣ при своихъ мѣстахъ обитаютъ, какъ-то: черкасскіе, или малороссійскіе, и запорожскіе и отъ нихъ уже донскіе, а отъ нихъ яицкіе, что нынѣ уральскіе, гребенскіе, сибирскіе, волгскіе, терскіе, некрасовскіе и прочіе казаки, какъ равно слободскіе полки, собрано и составлено чрезъ труды генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана 1785. 1786. Москва. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и др.»)

63) Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 года съ дополненіемъ о запорожскихъ казакахъ, и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное изъ лѣтописей польскаго и малороссійскаго журнала или записокъ генерала Гордона, Страленберга, шведскаго историка, изъ жизнеописанія о государѣ Петрѣ Великомъ архіепископомъ Ѳеофаномъ и грекомъ Антоніемъ Калифоромъ, фамиль-

ныхъ записокъ и публичныхъ указовъ 1789 г. Москва, 1848. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и древн.»)

64) Повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Богдана Хмельницкаго. Москва, 1847. (Въ «Чт. общ. ист. и древн.»)

* 65. Slawische Jahrbücher, herausgegeben v. Jordan 1840. («Посланіе раввина о бѣдствіяхъ, постигшихъ евреевъ отъ казаковъ»).

66) Описаніе Малой Россіи и Украины, съ приложеніями. Сочнненіе Станислава Зарульскаго, служившаго въ россійской арміи капитаномъ. Москва, 1847. (Въ «Чт. моск. общ. ист. и древн.»)

* 67) Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи. Соч. Н. Бантыша-Каменскаго, въ 1795 г. собранное. Москва, 1805.

** 68) Описаніе кіевософійскаго собора и Исторія кіевской іерархіи. Кіевъ, 1825.

* 69) Dzieje panowania Jana Kazimierza od roku, 1656 do jego abdykacyi w roku 1668 przez ks. Michała Krajewskiego. 2 tomy. Warszawa, 1846.

* 70) Historia panowania króla Władysława IV przez Kajet. Kwiatkowskiego. Warszawa, 1825.

* 71) Karol Szajnocha. Dwa lata dziejów naszych, 1646–1648, tom pierwszy. 1865.

* 72) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Wydał W. A. Maciejowski. 2 tomy. Petersburg.

* 73) Исторія Малой Россіи, Бантыша-Каменскаго. 3 т. 1842.

** 74) Рукопись виленская. (принадлежала Малиновскому;

списки актовъ относящихся къ 1648 г. изъ нея сообщены г. Киркоромъ).

* 75) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, изд. Михайломъ Максимовичемъ. Ч. I. Кіевъ, 1849.

* 76) Запорожская старина, И. Срезневскаго, въ 2-хъ част. 6 тетр. Харьковъ, 1833—1838.

* 77) Записки о Южной Руси, П. Кулиша.

* 78) Народныя южнорусскія пѣсни, изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854.

* 79) Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. 2 tomy. Lwow, 1848.

* 80) Сборникъ южнорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ Н. И. Костомаровымъ. (рукоп.)

Примѣчаніе. Двумя звѣздочками означены наиболѣе важные и достовѣрные источники, преимущественно акты; одной—такіе, которые, хотя очень важны, но требуютъ строгой и осторожной критики; тѣ же, которые оставлены безъ всякаго знака, вообще мало достовѣрны, и только тогда могутъ быть принимаемы, когда сходны съ другими, болѣе достовѣрными.

Памятная книжка Якова Михаловскаго (№ 16) заключаетъ между прочимъ много актовъ, помѣщенныхъ и въ Памятникахъ Кіевской Коммиссіи (№ 3). Сочиненіе Коховскаго (№ 29) Исторія, изданная Рачинскимъ (№ 30) и Памятники, изданные Войцицкимъ (№ 31), сходны между собою, такъ что кажутся варіантами одного и того же сочиненія. Сочиненіе Твардовскаго (№ 32) и Исторія о бунтахъ Хмельницкаго (№ 33) сходны между собою относительно выбора событій и порядка изложенія, такъ что послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажется сокращеніемъ перваго. Лобзынскій (№ 27) переписалъ Кояловича (№ 26), съ нѣкоторыми добавленіями, которыя, впрочемъ, большею частью находятся въ Памятникахъ къ польской исторіи, изданныхъ Подгорскимъ (№ 14). Пасторій (№ 8) и Рудавскій (№ 23) въ опи-

саніи событій 1651 года пользовались дневникомъ, помѣщеннымъ въ Сборникѣ Грабовскаго (№ 10). Авторъ Исторіи о презѣльной брани (№ 22) пользовался между прочимъ Коховскимъ. Ригельманъ (№ 62) пользовался Самовидцемъ (№ 20) Исторіею о презѣльной брани (№ 22), а также Пасторіемъ› (№ 48) или Шевалье (№ 55), Симоновскій (№ 57) пользовался Шевалье (№ 55), который, въ свою очередь копировалъ Пасторія (№ 48), и Величко (№ 21), заимствуя многое изъ недошедшаго до насъ Дневника Зорки, и Твардовскимъ (№ 32). Дневникъ посольства Киселя и Мястковскаго помѣщенъ въ Сборникѣ Нѣмцевича (№ 13) и въ первомъ томѣ Памятниковъ кіевской коммиссіи (№ 3); а Описаніе осады Львова въ 1655 году по современнымъ дневникамъ, находится въ Хроникѣ Львова (№ 51) и въ Дополненіяхъ къ памятникамъ русской исторіи (№ 12). Трактаты и договоры помѣщены въ большей части означенныхъ здѣсь сочиненій и сборниковъ сходныхъ между собою.

ВВЕДЕНІЕ.

Южнорусскій народъ.—Литовскій періодъ.—Основаніе казачества.—Его ранняя судьба.—Его распространеніе.—Унія.—Перерожденіе русскаго дворянства.—Морскіе походы казаковъ.—Вражда съ шляхетствомъ.—Возстаніе Жмайла.—Кураковскій договоръ.—Возстаніе Тараса.—Избраніе Владислава.—Возстановленіе православной іерархіи.—Возстаніе Павлюка.—Битва подъ Кумейками.—Боровицкій договоръ.—Возстаніе Остраницы и Гуни.—Битва на Старицѣ.—Договоръ на Масловомъ-Бродѣ.—Униженіе казачества.—Угнетеніе русскаго народа.

Народъ, населяющій въ настоящее время большую часть Галиціи и Буковины, Люблинскую губернію Царства Польскаго, губерніи Россійской Имперіи: Подольскую, Волынскую, Кіевскую, часть Гродненской и Минской, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, землю войска Кубанскаго, составляющій значительную часть народонаселенія въ губерніяхъ: Воронежской, Курской, Херсонской, имѣющій свои поселенія въ губерніяхъ: Саратовской, Астраханской, Самарской, Оренбургской и землѣ Войска Донскаго, народъ, называемый малоруссами, украинцами, черкасами, хохлами, русинами и просто русскими, въ IX вѣкѣ, по извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ, является разбитымъ на мелкіе народцы. Жившіе въ западной Волыни, назывались дулебами, жившіе по Бугу назывались бужане, а послѣ велыняне [1]) по Днѣстру — тиверцы, ниже къ морю—улечи или

[1]) *Велѣнний* (украинск.) великій (въ увеличительномъ смыслѣ). Есть въ

угличи, а въ Галиціи—хорваты. Къ нимъ, вѣроятно, слѣдуетъ причислить и лучанъ, о которыхъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: мѣсто ихъ жительства было въ нынѣшней Гродненской губерніи.

На востокъ отъ дулебовъ и велынянъ жили древляне въ нынѣшнемъ Полѣсьѣ, поляне около Днѣпра, суличи на берегахъ Сулы, сѣверяне въ нынѣшней Черниговской губерніи. Древній лѣтописецъ нашъ указываетъ на эту послѣднюю восточную группу, какъ на переселившихся съ Дуная, но не говоритъ того же о западной группѣ, изъ чего можно заключить, что принадлежащихъ къ послѣдней считали болѣе древними обитателями края, чѣмъ образовавшихъ восточную группу.

Часть южно-русскаго племени (вѣроятно, восточной группы), по какимъ-то переворотамъ, въ незапамятныя времена, отброшена была далеко на сѣверъ къ озеру Ильменю, и тамъ основала Новгородъ. Колонія эта, основанная посреди народа чудскаго племени, носила названіе славянъ, а потомъ новгородцевъ. Между новгородцами и южно-руссами, по Днѣпру, Двинѣ и Нѣману и ихъ притокамъ, жило иное и притомъ, вѣроятно, немалочисленное племя — кривичи (ихъ же видовое, мѣстное прозвище—полочане), родоначальники нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. На востокъ отъ нихъ, по Сожѣ и Окѣ и ихъ притокамъ, было еще одно славянское племя ляхской или лехитской вѣтви, раздѣлявшееся на два народца, радимичей и вятичей. Далѣе на востокъ пространство нынѣшняго русскаго материка было заселено народами не славянскаго происхожденія, но славяне проникали туда уже въ

народѣ темное преданіе о томъ, что въ Югозападной Руси нѣкогда жилъ народъ *велетні*—исполины; слово антъ, которымъ у Прокопія о Іорнанда называются славянскіе народы, обитавшіе въ краѣ, въ которомъ, впослѣдствіи, мы застаемъ южно-русскій народъ, имѣетъ, по готски, то же значеніе.

глубокой древности, подвигаясь съ запада на востокъ и подчиняя себѣ финскія и финско-тюркскія племена.

Въ половинѣ IX вѣка, русскіе славяне стали соединяться въ одну державу подъ главенствомъ варяжскихъ князей. Кіевъ, городъ земли полянъ, сдѣлался столицею этой державы. Славянскія племена защищали нѣсколько свою отдѣльность, но не могли удержать ее и признавали власть Кіева. Земля полянъ, иначе русская (въ тѣсномъ значеніи этого слова) стала первенствующею между землями другихъ славянскихъ племенъ, жившихъ на пространствѣ, занимаемомъ нынѣшнею Россіею, и всѣ они усвоили названіе русскихъ, русскаго народа. Съ теченіемъ времени мелкіе народцы слились и образовали три вѣтви русскаго народа: то были — южнорусская, бѣлорусская и великорусская. Послѣдняя образовалась изъ смѣси переселявшихся и подвигавшихся на востокъ южноруссовъ, отрасли послѣднихъ, рано отъ нихъ оторвавшейся—новгородцевъ, бѣлоруссовъ, славянъ лехитскаго отдѣла (радимичей и вятичей) и ославянившихся народовъ финско-тюркскаго племени. Держава, основанная варягами, не могла удержаться въ образѣ монархіи и скоро приняла федеративный строй, т. е. разбилась на нѣсколько земель съ княжествами, соединенныхъ единствомъ правящаго княжескаго рода и главенствомъ великаго князя. Это связующее средство было, однако, слабо для того, чтобъ удержать федеративный строй; гораздо сильнѣе и прочнѣе была внутренняя связь—единой вѣры, единаго церковнаго и книжнаго языка и сознанія единства происхожденія, выражаемой общимъ для всѣхъ названіемъ русскихъ. Со второй половины XII вѣка Южная Русь начинаетъ уже мало по малу жить отдѣльно отъ сѣверной и восточной. Она сама была раздѣлена на нѣсколько княженій, управляемыхъ народными сходками (вѣчами) и князьями, которые хотя и принадлежали къ одному роду, но возводимы и смѣняемы

были чаще не по праву преемничества, а по прихоти военнаго сословія. Кромѣ славянскихъ поселенцевъ, въ Южную Русь внѣдрились тюркскія племена подъ именемъ торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, черныхъ клобуковъ; впослѣдствіи они до извѣстной степени вошли въ составъ южнорусской народности и внесли въ нее азіатскую стихію.

Монгольское нашествіе обезлюдило русскую или кіевскую землю и вообще восточная часть южнорусской земли, гдѣ еще въ XII вѣкѣ существовало названіе украина, стала надолго пустою или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно малолюдною. Народонаселеніе сгущалось на западѣ — на Волынѣ и въ Червоной Руси: туда перенесенъ былъ и центръ политической дѣятельности. При князьяхъ Романѣ и сынѣ его Даниле, видимъ попытки утвердить и объединить южнорусскій народъ, но внутреннія несогласія, неустройства и вмѣшательства сосѣдей (поляковъ и венгровъ) не допустили до этого. Въ XIV вѣкѣ западная часть Южной Руси, т. е. Червоная Русь соединилась съ Польшею, а та, которая лежала на востокъ отъ ней, вошла въ составъ новообразовавшагося государства русскаго, подъ властью князей литовскаго рода, отчего и назвалось оно великимъ княжествомъ литовскимъ.

Польша долго и постоянно стремилась къ тому, чтобъ присоединить къ себѣ это государство, и достигала этой цѣли тѣмъ, что на польскій престолъ выбирались русско-литовскіе князья. Одинъ изъ нихъ, Казимиръ Ягеллоновичъ, въ 1476 году уничтожилъ удѣльное кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ: въ Руси вводилось устройство, заимствованное изъ Польши. Установлены чины воеводъ, каштеляновъ, старостъ, дарованы русскому дворянству права польскаго дворянства. По польскому образцу, вольные города, мѣстечки, села раздавались старостамъ въ пожизненное владѣніе, что неизбѣжно убивало древнее вѣчевое общинное самоуправленіе. То былъ первый важный шагъ къ тому тѣсному

сближенію русскаго дворянства съ польскими обычаями и нравами, которое, наконецъ, привело его къ совершенному ополяченію и къ раздѣленію съ остальнымъ народомъ.

Скоро, вслѣдъ за тѣмъ, появились казаки, которымъ, со временемъ, суждено было стать борцами за русскую народность противъ Польши, охранителями православной вѣры, проводниками свободы, независимости и единенія русскаго народа.

Казачество—безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе казакъ, означающее по татарски бродягу, вольнаго воина, наѣздника. По основаніи крымскаго царства и по занятіи ордами черноморскихъ странъ, татарскіе наѣздники стали безпокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ—Московскаго и Литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ казакахъ. Такъ Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы Московскаго Государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою [2]). Въ 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану, что на литовскія области нападаютъ перекопскіе казаки, а въ 1516 году крымскій ханъ Махметъ-Гирей объяснялъ тому же литовскому государю, что происшедшее предъ тѣмъ нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было своевольными татарами бѣлогородскими казаками [3]). Нѣсколько позже, при Сигизмундѣ Августѣ, извѣстны были казаки татарскіе: въ граматѣ 1561 года, писанной черкасско-

---

[2]) Дѣла Моск. Арх. Ин. Дѣлъ.

[3]) Dwa lata dziejow naszych. 1. 41.

му старостѣ, этотъ великій князь литовскій сообщаетъ, что перекопскій царь писалъ къ нему о двадцати четырехъ казакахъ бѣлогородскихъ, которые пожелали вступить въ службу литовскаго государя. Приложенныя при этой граматѣ имена двадцати четырехъ казаковъ — всѣ татарскія [4]). Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усвоивать и тѣ способы и пріемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и, такимъ образомъ, у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ военныхъ людей: въ Московскомъ Государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и неплатившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжамъ* (поземельная единица), имѣвшіе однако свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею [5]). Они не были воины: изъ другихъ, нѣсколько позднѣйшихъ актовъ видно, что они занимались возкою соли и пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же Московскаго Государства, на нижней Волгѣ—казаками (1582 г.) назывались вольные работники на судахъ—то, что послѣ на Волгѣ назывались бурлаки. Нанимаясь къ какому нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гулящіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами [6]). Отличіе тѣхъ и другихъ казаковъ явно высказывается въ актахъ того времени;

---

[4]) Акты Ю. и З. Р. II. 157.

[5]) Акты Арх. Экс. 1. 303.

[6]) Акты А. Э. 1. 347.

такъ напр. запрещается изъ казаковъ, находившихся на купеческихъ судахъ, брать въ казаки (а казаковъ бы есте съ судовъ у нихъ въ стрѣльцы и казаки не имали) [7]). Такимъ образомъ, слово «казакъ» въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало въ обширномъ смыслѣ то, что иначе называлось — гулящій человѣкъ, т. е. не связанный тягломъ. Это значеніе подходитъ къ тому, какое и теперь во многихъ мѣстахъ Великой Россіи даютъ слову «казакъ», выражая имъ вольнаго, чаще бездомовнаго работника.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ литовскому государству, названіе «казакъ» означало воина, но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею; такъ въ граматѣ, данной подъ 1499 годомъ кіевскимъ мѣщанамъ, говорится о казакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу [8]. При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ Августѣ было два рода казаковъ: однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей; другіе собирались въ вольныя шайки и выбирали сами себѣ предводителей. Первые назывались по имени своего старосты и предводителя, такъ какъ въ Московскомъ Государствѣ работавшіе на судахъ казаки назывались именемъ хозяина судна, на которомъ они служили. Такъ подъ 1503 г. мы встрѣчаемъ черкасскихъ Княжь-Дмитровыхъ казаковъ [9]. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. 1516-й годъ обозначается историками какъ періодъ уже значительной дѣятельности казаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями казачества были хмельницкій староста Предславъ Лядскоронскій, черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, кото-

---

[7]) Акты Ист. 1. 436.

[8]) Акты Зап. Р. 1 № 170.

[9]) Арх. Юго-з. Р. т. I. ч. 3. стр. 1.

рому приписывали первому устройство казаковъ въ смыслѣ военнаго сословія, и князь Дмитрій Вишневецкій, знаменитый, впослѣдствіи, своими покушеніями на Крымъ и Молдавію и своею трагическою кончиною въ Царьградѣ. Ядромъ казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, находившіеся долгое время подъ старостинскою властью Евстафія Дашковича, которому польскіе историки даютъ титулъ «знаменитаго казака». Обязанностью казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украинѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной ногѣ. Такъ въ уставной граматѣ кіевскимъ мѣщанамъ, вмѣнялось имъ въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами [10]). Не будучи, такимъ образомъ, воинами, подобно казакамъ, мѣщане, несли сверхъ того повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военнаго сословія, освобождались отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ военной. Что для казаковъ составляло привилегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними и хлопы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ то образовалось другого рода казачество—вольное, неподчиненное существовавшему по закону управленію. Ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась запорожская Сича.

Когда собственно возникла эта славная впослѣдствіи община — нѣтъ точныхъ указаній. Въ 1527 году, вѣроятно,

---

[10]) Акты Ю. и З. Р. 1 128.

не существовало за порогами постояннаго казацкаго населенія: крымскій ханъ Саипъ-Гирей жалуется на казаковъ, черкасскихъ и каневскихъ, которые *становились* подъ улусами татарскими на Днѣпрѣ и нападали на татаръ [11]). По этому поводу онъ грозилъ напасть на Черкасы и Каневъ, но не говорилъ ни о какомъ казацкомъ гнѣздѣ ниже по Днѣпру, а объ немъ онъ долженъ былъ прежде всего упомянуть, еслибъ оно въ то время существовало. Въ 1533 году Евстафій Дашковичъ на піотрковскомъ сеймѣ представлялъ о необходимости держать постоянную казацкую сторожу въ двѣ тысячи человѣкъ на днѣпровскихъ островахъ, и кромѣ того, нѣсколько сотъ конныхъ для доставки имъ продовольствія. Историкъ Бѣльскій говоритъ, что на сеймѣ, по этому поводу, ничего не было сдѣлано [12]). Такимъ образомъ, и въ этомъ году, повидимому, еще не было Сичи. Въ шестомъ десятилѣтіи XVI вѣка, князь Дмитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ [13]). Появленіе казацкой селидьбы на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того, казаки, по извѣстію Бѣльскаго, имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько намъ извѣстно, о ея существованіи первый разъ являются указанія въ граматѣ Сигизмунда Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ нетолько ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемѣшкиваютъ*, то есть обитаютъ [14]).

---

[11]) Солов. Ист. V. 359.

[12]) Kronika Xięga. V.

[13]) Ак. Ю. и З. Р. II. 148.

[14]) Арх. Югоз. Р. 1. ч. 3. стр. 4.

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые, какъ показываютъ акты конца XV и начала XVI вѣковъ, издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскихъ городахъ продавали свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустыннаго края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Занимаясь ловлею и соленіемъ рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападенія татаръ, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать ихъ. Такое положеніе дѣлало ихъ бодрыми, храбрыми и быстрыми. Переплывать днѣпровскіе пороги было дѣло трудное и опасное и пріучало ихъ дѣлаться отважными мореходцами. Изъ промышленнаго товарищества неизбѣжно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле нетолько за рыбою и звѣрьми, но и за военною добычею, попадали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удальцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское Государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлись по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Тѣ, которымъ нравилась одинокая бурлацкая жизнь, оставались въ построенномъ укрѣпленіи зимовать; то была, такъ называемая, сирома, то есть сѣрая голь, которой нечего было жалѣть на родинѣ и для которой жизнь была копейка во всякое время. Другіе возвращались на Украину, но

уже не хотѣли быть тѣмъ, чѣмъ судьба опредѣлила имъ быть до того времени, то есть нести мѣщанскія и сельскія повинности; они оставались и сами себя называли казаками: по тогдашнымъ понятіямъ, кто былъ воинъ и подвергалъ себя безпрестанно опасностямъ войны, тотъ уже тѣмъ самымъ ставилъ себя выше другихъ и не хотѣлъ нести повинностей, которыя должны были падать исключительно на мирное народонаселеніе, какъ бы въ вознагражденіе за охраненіе своего жительства отъ опасностей. Недовольство, существовавшее между мѣщанами въ тѣ времена, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается жалобами мѣщанъ на воеводъ и старостъ. Такъ, въ 1523 году, кіевскіе мѣщане жаловались на своего воеводу Андрея Немировича, что онъ имъ сказываетъ разныя несправедливости, заставляетъ ходить съ собою въ походъ пѣшихъ, отнимаетъ у нихъ лошадей и вооруженіе и раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и наказываетъ ихъ въ случаѣ, когда плѣнный убѣжитъ, хотя бы мѣщанинъ не имѣлъ умысла выпустить его, тогда какъ по закону, въ подобныхъ случаяхъ, не слѣдовало мѣщанину чинить наказанія; воевода, сверхъ того, присвоиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, посылаетъ мѣщанъ на черные работы, которыя не слѣдовало возлагать на мѣщанъ. На такую жалобу не послѣдовало отъ великаго князя ничего, кромѣ нравоученія воеводѣ, чтобы онъ впередъ такъ не дѣлалъ и не присвоивалъ себѣ суда надъ мѣщанами, которыхъ судить должны были войтъ, бурмистръ и радцы [15]). Въ Черкасахъ, по смерти Евстафія Дашковича, появились одни за другиму новые старосты: противъ одного изъ нихъ, Тышкевича, взбунтовались мѣщане; по слѣдствію оказалось подозрѣніе въ поджигательствѣ къ бунту на нѣкоего Пенко, который, однако, оправдался [16]).

[15]) Акты Ю и З Р. II. 132.

[16]) Арх. Югоз. Р. 1 ч. 3. стр. 2.

Потомъ Пенко сталъ старостою и черкасскіе мѣщане жаловались, что этотъ новый староста заставляетъ ихъ на себя работать, возить дрова и сѣно, не позволяетъ возить въ Кіевъ на продажу медъ, не даетъ ловить рыбу и бобровъ, отнимаетъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ днѣпровскій порогъ Звонецъ, собираетъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рождества Христова и отягощаетъ ихъ поставкою подводъ. Мѣщанскія повинности подъ его управленіемъ были до того тяжелы, что иные мѣщане поступали къ нему въ служебники, чтобы освободиться отъ мѣщанскихъ повинностей, которыя, чрезъ уменьшенія числа тяглыхъ, не облегчались для остальныхъ, оставшихся въ мѣщанствѣ. По этой жалобѣ, кіевскій воевода Немировичъ, тотъ самый, на котораго жаловались кіевскіе мѣщане, производилъ, съ двумя королевскими дворянами, дознаніе и нашелъ старосту невиновнымъ [17]). Уже этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, какъ тогдашнее положеніе городовъ способствовало тому, чтобы мѣщане выходили изъ своего званія и поступали въ казачество. За мѣщанами сельскіе люди стали дѣлать то же. Запорожье наполнялось бѣглецами. Побывавши на Низу и возвратившись въ Украину, эти бѣглецы умножали собою число людей, называвшихъ себя вольными казаками, не хотѣвшими подчиняться прежнымъ своимъ властямъ.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою, и строгое повиновеніе волѣ начальства—то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшія ее, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду—сходку, подобную стариннымъ вѣчамъ. На

---

[17]) Акты З. Р. П. 352.

радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошевого, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, назывались кошемъ—слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренный атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но по окончаніи года отдавалъ отчетъ въ управленіи, и въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Съ этой цѣлью, чтобъ онъ не зазнавался, существовалъ обрядъ — новоизбранному кошевому мазали лицо грязью. Пища у нихъ—говоритъ украинскій лѣтописецъ [18]) была ржаное квашеное тѣсто, называемое соломаха, рѣдко сваренное, а болѣе праздничное кушанье—рыбная похлебка, называемая щербою. Они жили въ куреняхъ, человѣкъ по сту пятидести въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчные на войнѣ, запорожцы казнили смертію своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мирныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣшеніемъ: «за едино путо вѣшаютъ на древѣ». Въ товарищество поступали и холостые и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подъ смертною казнію. За блудодѣяніе жестоко наказывали палочными ударами. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

Такъ жили по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, первые запорожцы, остававшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ. Большая часть удальцевъ, которымъ суждено было не погибнуть и не попасть на войнѣ въ плѣнъ, возвращалась домой, обогащаясь добычею, нѣ-

---

[18]) Истор. о презѣльной брани.

сколько разъ повторяла свои походы на Низъ, или же изъ нихъ образовывались казацкія шайки, которыя выбирали предводителей, величаемыхъ гетманами, или они, отвѣдавши казацкаго житья, поступали подъ предводительство какого нибудь пана, который, въ такомъ случаѣ, называясь ихъ гетманомъ, обращался съ ними, какъ съ вольными людьми. Такіе вольные казаки служили у князей Вишневецкихъ и Ружинскихъ. Единаго начальника надъ всѣми украинскими казаками еще не было. Крайнее равенство правъ господствовало въ ихъ бытѣ. Шляхтичъ ли, князь ли, мѣщанинъ или сельскій хлопъ шелъ въ казаки — онъ былъ равенъ своимъ товарищамъ. Сперва вольное казачество наполнялось мѣщанами, а потомъ большинство въ немъ состояло изъ сельскихъ хлоповъ, не хотѣвшихъ повиноваться своимъ панамъ. Вѣкъ Сигизмунда Августа былъ эпохой значителнаго ополяченія русскаго дворянства. Оно принимало польскій образъ жизни, усвоивало полскіе нравы и польскую рѣчь, начинавшую мало по малу замѣнять русскую. Съ тѣмъ вмѣстѣ паны русскіе стали жить роскошнѣе: нужды ихъ усложнились и требовали усиленія доходовъ и черезъ то положеніе хлоповъ стало тягостнѣе, а между тѣмъ имъ было большое искушеніе — возможность убѣгать отъ пановъ, и они убѣгали въ казачество. Не только изъ Южной Руси, но изъ Литвы и Польши приходили искатели свободы. Мѣстожительства казаковъ не ограничивалось Черкасами и Каневымъ, какъ было вначалѣ, но по всему пространству нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской проживали казаки, люди вольные, не хотѣвшіе подчиняться установленнымъ властяхъ, и связанные съ центромъ казацкой вольности—запорожскою Сичью. Одна изъ украинскихъ лѣтописей говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: сколько въ Украинѣ казаковъ? Ему отвѣчали: «У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ

байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ». Казацкіе походы не ограничивались уже стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ: на своихъ чайкахъ, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и умѣщавшіе до шестидесяти человѣкъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, нападали на мусульманскіе города, избавляли изъ галеръ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подъ стѣнами столицы падишаха. Возвращаясь домой съ добычею, нѣкоторые изъ бѣдняковъ становились богачами и своимъ примѣромъ увлекали другихъ на казацкіе подвиги.

Польское правительство не покровительствовало умноженію казачества: оно не могло не видѣть въ немъ подрыва существующаго порядка, такъ какъ казачество наполнялось людьми, убѣгавшими отъ повинностей; притомъ оно боялось, что казацкіе набѣги на Крымъ и Турцію будутъ вызывать непріязненныя дѣйствія противъ Польши со стороны мусульманскихъ сосѣдей, съ которыми оно не хотѣло вести войнъ. Польскимъ и литовскимъ государямъ казалось лучше платить крымскимъ ханамъ дань, которую они называли, изъ благоприличія, жалованьемъ. Татары нужны были для нихъ въ нескончаемой борьбѣ Литвы съ Москвою, чтобы, при случаѣ, можно было напускать на земли послѣдней союзныя орды. Правительство, однако, не желало совершеннаго уничтоженія казаковъ, но хотѣло, чтобы ихъ было немного, въ качествѣ пограничной стражи, для обереженія польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ своевольныхъ казаковъ. Какъ ни враждебно становилось казачество къ шляхетству, наполняясь преимущественно изъ панскихъ хлоповъ, но пока еще сами паны и шляхта покровительствовали его развитію. Въ 1540 году Сигизмундъ Августъ послалъ такой выговоръ «справцѣ» кіевскаго воеводства, князю Корецкому: «многократно прежде писали мы тебѣ обнадеживая тебя нашею милостію и угро-

жая наказаніемъ и приказывали, чтобъ ты бдительно наблюдалъ и не допускалъ тамошнихъ казаковъ нападать на татарскіе улусы; вы же никогда не поступили сообразно нашему господарскому приказанію и не только не удерживали казаковъ, но ради своей выгоды сами давали имъ дозволеніе и черезъ такую неосмотрительность вашу наше государство не могло пребывать въ покоѣ и терпѣло большой вредъ отъ татарскаго поганства». Исчисляя затѣмъ совершенныя передъ тѣмъ своевольства казаковъ надъ татарами, грамата эта говоритъ: «посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича; мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ казаковъ переписать въ реестръ и доставить намъ этотъ реестръ. Приказываемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ казакамъ непремѣнно записаться въ реестръ и послѣ того никоимъ образомъ не выступать изъ нашихъ приказаній, а затѣмъ кто осмѣлится впередъ нападать на татарскіе улусы, тѣхъ хватать и казнить, либо къ намъ присылать. Если же перекопскій царь за вредъ, нанесенный его подданнымъ, нападетъ на наше государство или пошлетъ на него своихъ людей, тогда никакая твоя отговорка принята не будетъ, и мы, безъ всякаго милосердія, взыщемъ на твоихъ маетностяхъ и на тебѣ самомъ вредъ, нанесенный нашимъ господарскимъ и земскимъ имуществамъ» [19]) Въ 1557 году Сигизмундъ Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за его храбрые подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что онъ предлагалъ — содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ замкѣ на днѣпровскомъ островѣ. Сигизмундъ Августъ, напротивъ, возлагалъ на него обязанность — бдительно смотрѣть, чтобы казаки отнюдь не дѣлали нападенія на области турецкаго императора, съ которымъ какъ и съ крымскимъ царемъ, заключенъ былъ вѣчный міръ [20]). Въ 1568 году, когда уже образовалась запо-

[19]) Акты Ю. и З. Р. I. 110.

[20]) Акты Ю. и З. Р. II. 148.

рожская Сича, Сигизмундъ Августъ въ универсалѣ къ казакамъ писалъ: «Мы освѣдомились, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинныхъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру по полямъ и по инымъ *входамъ*, и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города, съ поля, съ Низу, и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ; если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему приказанію, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе» [21]).

Распоряженія эти не имѣли силы. Сича не уничтожалась, напротивъ укрѣплялась, казацкіе побѣги не только не прекращались, но увеличивались. Попытка привести казаковъ въ извѣстность посредствомъ реестрованія и тѣмъ заградить путь приливу тяглыхъ людей въ казачество не удалась; но старосты, видя умаленіе своей власти и доходовъ, стали утѣснять и отягощать казаковъ, жившихъ у нихъ въ староствахъ, такъ что послѣдніе жаловались правительству. Въ послѣдній годъ своего царствованія (1572 г.), Сигизмундъ Августъ поручилъ коронному гетману Язловецкому произвести въ казачествѣ переборъ, и ограничивъ казаковъ извѣстнымъ числомъ, взять ихъ изъ подъ власти старостъ подъ свою власть, назначивъ имъ годовое жалованье. Тогда, сколько извѣстно, былъ поставленъ первый разъ старшій надъ всѣми казаками съ правомъ суда надъ ними подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана. Этимъ старшимъ былъ нѣкто Янъ Бадовскій, шляхетскаго происхожденія. Съ этихъ поръ

[21]) Арх. Югоз. Р. 1. ч.3. стр. 4.

являются надъ казаками старшіе, признаваемые правительствомъ [22]).

Между тѣмъ совершилось великое событіе. Сигизмундъ Августъ, всю жизнь потакавшій полякамъ, устроилъ, съ величайшимъ, однако, усиліемъ, соединеніе великаго княжества Литовскаго съ Польскимъ королевствомъ. Вся земля южнорусская, именно Украина (то есть нынѣшнія губерніи Кіевская и Полтавская), Волынь и Подолія на всеобщемъ сеймѣ были отдѣлены отъ Литвы и присоединились непосредственно къ Польшѣ. Русскіе, какъ сказано было въ актѣ, соединились съ поляками, какъ равные съ равными и свободные съ свободными. Русскіе дворяне упорно противились этому соединенію, однако согласились, успокоенные клятвенными утвержденіями вѣчной неприкосновенности своей вѣры, языка, законовъ,—словомъ, совершенной цѣлости своей національности [23]). Но того, что писалось на бумагѣ, нельзя было сохранить на дѣлѣ. Русское дворянство слишкомъ сроднилось съ польскою жизнью, достаточно проникалось духомъ польской образованности, стояло уже на пути ополяченія и полной измѣны той народности, которую еще офиціально признавало за собою. Это вело къ тому, что русское дворянство должно было сдѣлаться чужимъ для народа, который, оставаясь попрежнему русскимъ, находился у него подъ властью и произволомъ, тѣмъ болѣе неограниченнымъ и тягостнымъ, чѣмъ болѣе русскіе дворяне походили на поляковъ. Казаки, происходя преимущественно изъ простаго народа и, оставаясь русскими, были его дѣятельною силою, а потому должны были неизбѣжно стать во враждебныя отношенія къ дворянству.

---

[22]) Акты Ю. и З. Р. II. 176.

[23]) Объ исторіи соед. Литвы съ Польшей см. въ дневникѣ Люблинскаго сейма, изданномъ Археогр. Коммиссіею.

Преемникъ Сигизмунда Августа, Стефанъ Баторій, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ слить Южную Русь съ Польшею въ одинъ составъ. Король хотѣлъ ослабить и, мало по малу, довести до уничтоженія казаковъ, потому что они были оплотомъ русской народности и главнымъ препятствіемъ къ слитію Руси съ Польшею. Украина только на бумагѣ принадлежала Польскому королевству; дворяне служили въ казацкомъ войскѣ, не спрашиваясь ни у кого, а казаки, которыхъ было много во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ, выбирали гетмановъ, воевали, мирились, дѣлали свои распоряженія, не относясь къ правительству [24]). Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ бы въ знакъ милости и благосклонности, казацкому гетману Ѳедору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, знамя съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшинъ [25]). Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реестровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно коммиссія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній Южной Руси реестровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ [26]). Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника асаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника сотеннаго асаула. Гетману,

---

[24]) Hist. belli cosac. polon.

[25]) Лѣтоп. сам. 2.—Истор. о през. бр.—Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ. 2.—Сказ. о гетм. запор.

[26]) Histor. belli cosac. polon. 10.

главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ были чины генеральные: асаулъ, судья и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованье по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣетъ право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реестровыхъ король сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобъ современемъ только эти шесть тысячъ, записанныя въ реестръ, остались казаками, а прочіе, мало по малу, вошли въ сословіе посполитыхъ: они, всѣ, наравнѣ съ другими, подпали бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реестровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши; Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову [27]). Тогда то было начало столѣтней вражды южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его.

Шахъ первый показалъ мысль посредствомъ казаковъ освободить Южную Русь отъ соединенія съ Польшею. Онъ выгонялъ шляхтичей, поселявшихся въ Подоліи со времени при-

[27]) Лѣтоп. самов. 2.

соединенія ея къ Польшѣ, по акту 1569 года [28]); король хотѣлъ рѣшительно истребить казачество, но не успѣлъ, и сказалъ, не задолго до кончины: «изъ этихъ *льотриковъ* (бродягъ) казаковъ образуется когда то самостоятельное государство» [29]).

По смерти Стефана, при Сигизмундѣ III, сеймъ началъ издавать постановленія, стѣснявшія казачество. Конституціею 1590 г. положено, чтобы казаки находились подъ властью короннаго гетмана, который имъ будетъ назначать старшихъ. Ни полковники, ни сотники не имѣли права принимать въ казацкое сословіе новыхъ лицъ безъ своего старшаго, а старшой безъ воли коронпаго гетмана, и у послѣдняго долженъ былъ находиться списокъ всѣхъ казаковъ. Чтобы заградить переходъ въ казачество мѣщанамъ и хлопамъ, вмѣнили въ обязанность въ коронныхъ имѣніяхъ старостамъ, а въ земскихъ владѣльцамъ-собственникамъ (дѣдичамъ) учредить урядниковъ, обязанныхъ смотрѣть, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста жительства и не ходилъ на Низъ, въ Сичу и поле. Строжайше запрещено было продавать простонародію порохъ, селитру, оружіе и всякую военную добычу. Виновные въ несоблюденіи этихъ правилъ подвергались смертной казни. Тому же подвергались непослушные и нерадивые урядники, а тѣ владѣльцы, у которыхъ въ имѣніяхъ оказалось бы своеволіе, подвергались судебному преслѣдованію, если потакали безпорядкамъ. Всѣ казацкіе начальники должны быть назначены короннымъ гетманомъ и непремѣнно изъ шляхты. Учреждали двухъ чиновниковъ подъ названіемъ дозорцевъ, также изъ шляхетскаго званія: ихъ обязанность была наблюдать, не оказывается ли гдѣ своеволіе, не составляется ли казацкая шайка, не порываются ли хлопы выходить изъ по-

---

[28]) Кратк. опис. о каз. мал. нар. 2.

[29]) Лѣт. Велич. I. 338.—Лѣт. отъ смерт. Хмельн.

виновенія дворянству, и обо всемъ доноситъ гетману. Это еще болѣе раздражило казаковъ и было причиною новыхъ возстаній; поляки же ни мало не достигли цѣли. Казаки были такъ сильны, что опредѣленія сейма не имѣли на нихъ вліянія; притомъ же польскіе дворяне, сами того не зная, способствовали увеличенію и усиленію казацкаго сословія. Занимая въ Украинѣ, особенно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, привольныя, но малонаселенныя земли, они приглашали къ себѣ переселенцевъ, обѣщая имъ выгоды; это называлось: «зазывать на слободы». Русскіе бѣжали къ нимъ изъ Волыни и Червоной Руси, гдѣ не было казаковъ и народъ находился въ большой подчиненности у владѣльцовъ. Эти новосельцы часто приходили въ свободу и тотчасъ же убѣгали къ казакамъ, а другіе, если и занимались земледѣліемъ въ имѣніи пана, то всегда могли избавиться побѣгомъ отъ обязанностей подданства, а въ случаѣ возстанія казаковъ противъ власти, готовы были увеличивать собою число казацкаго войска [30]). Итакъ, казаки были уже раздражены противъ Польши, а между тѣмъ усиливались; мысль объ отторженіи Руси возникала; вдругъ появилась церковная унія, или соединеніе греческой церкви съ римскою.

Римскіе первосвященники издавна простирали виды на русскую церковь. Попытки ихъ впродолженіе вѣковъ оставались безуспѣшны. Но въ концѣ XVI вѣка обстоятельства были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ когда либо. Въ распоряженіи ихъ былъ орденъ іезуитовъ, введенный въ Польшу при Сигизмундѣ Августѣ, и въ короткое время овладѣвшій и правительствомъ и умами дворянства, и воспитаніемъ юношества. Сигизмундъ III-й былъ горячій католикъ и готовъ былъ на все въ угодность папѣ. Притомъ же стремленія польской политики благопріятствовали видамъ римскаго

---

[30]) Hist. bel. cos. pol. 22.

двора: совершенное слитіе Руси съ Польшею казалось неудобоисполнимымъ, пока не успѣютъ поколебать вѣру русскаго народа. Возникла унія и возникла съ искусствомъ. Не касаясь, повидимому, правъ Руси, освященныхъ торжественно кореннымъ закономъ соединенія русскихъ съ поляками, не показывая явнаго намѣренія подчинить русскихъ римско-католической церкви, ограничивались единственно тѣмъ, что русскіе должны были признать спасительность римско-католическаго исповѣданія, со всѣмъ ученіемъ западной церкви, наравнѣ съ греческимъ, и почитать обряды западные такими же святыми, какъ и восточные; а римская церковь признавала святость всего, составляющаго достояніе восточнаго православія. Такова была видимая сущность уніи. Способъ ея введенія былъ также прикрытъ личиною справедливости: католики отнюдь не навязывали русскимъ уніи. Нашлись лица изъ духовнаго званія, которыхъ можно было употребить орудіями и придать дѣлу такой видъ, будто церковь православная, въ лицѣ духовныхъ представителей, добровольно предлагаетъ братское соединеніе съ западною церковью для блага всего христіанства. Нѣкоторые епископы увлечены были обманомъ; ихъ убѣдили подписаться на бланкахъ, на которыхъ потомъ написали совсѣмъ не то, что имъ обѣщали, а будто они всѣ желаютъ признать первенство римскаго апостольскаго престола [31]). Этотъ то актъ былъ утвержденъ папою, а потомъ поляки считали себя въ правѣ употреблять всякія явныя мѣры къ уничтоженію русской вѣры въ русской землѣ, думая, что коренной законъ соединенія русскихъ съ поляками, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, отнюдь не нарушенъ. Унію выдумали только для простаго народа: дворянъ предполагалось обратить прямо въ католичество.

---

[31]) Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 140.

Дворянство южно-русское, при появленіи уніи, зашумѣло, составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру [32]); но лѣтъ чрезъ тридцать съ небольшимъ послѣ того, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ» [33]).

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владиміра, или Гедимина, пользовались передъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государственнаго управленія. Они полюбили эту роль, промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней Южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро перемѣнили и вѣру, потому что эта перемѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію старостствъ; при томъ ободряли ласки короля и двора, и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія.

Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ польками; а если сами заимствовали отъ супругъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ, перерождались цѣлыя фамиліи.

Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Кра-

---

[32]) Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 149

[33]) Опис. Укр. 8.

ковѣ, во Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе; ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его; описываютъ ее ересью; представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину—и все въ ней кажется ему варварскимъ; онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южнорусскую; на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба.

Наконецъ, многіе дворяне, живя на родинѣ, увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей Южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи, большая часть православныхъ епископскихъ каѳедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и унитовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Притомъ польскіе дворяне, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе разселялись въ Руси. Сила привычки велика: русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными; не только не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности кре-

стьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета [34]). Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему непринадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться. «Нѣтъ государства — говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга [35])—гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властью шляхты. Разгнѣванный землянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и самаго убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурнаго не потерпитъ». Со времени уніи, какъ мы замѣтили, панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить [36]), что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи Посполитой распространилась чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ званые столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Бережливость считалась постыдною; въ тотъ вѣкъ принимали на хорошій тонъ въ домѣ, когда лакеи вытирали сальныя тарелки рукавами господскихъ кунтушей, вышитыхъ золотомъ по драгоцѣнному бархату [37]). «Въ прежнія времена — говоритъ современный обличитель Старовольскій [38])—короли ха-

---

[34]) Опис. Укр: 9.

[35]) Kaz. IV.

[36]) Опис. Укр. 111.

[37]) Ibid.

[38]) Reforma obyczajów.

живали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, хочетъ отличиться отъ простого народа, чтобъ не замѣтили на немъ овчины. Прежде, бывало, шляхтичъ ѣздилъ простымъ возомъ, рѣдко когда въ колебкѣ на цѣпяхъ, а теперь катитъ шестернею въ кочѣ, обитомъ шелковой тканью съ серебрянными украшеніями. Прежде, бывало, пили доброе домашнее пиво, а теперь не то что погреба—и конюшни пропахли венгерскимъ. Прежде, бывало, четырехлѣтняго венгерскаго бочка въ сто гарнцевъ стоила десять злотыхъ, а теперь за бочку въ шестьдесятъ гарнцевъ платятъ по 150, по 200, по 400 злотыхъ и дороже того. Всѣ деньги идутъ на заморскія вина, на сахарныя сласти, на пирожныя и пастеты, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до ремесленника, всѣ пропиваютъ свое состояніе, потомъ входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, всякъ наровитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить (epulari splendide); заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они какъ гарпіи или саранча: одна особа съѣдаетъ въ одинъ день столько, сколько множество бѣдняковъ заработаютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно (не мучась совѣстью)». Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтянокъ. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣсколько тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.

«Крестьяне въ Польшѣ,—говоритъ современникъ—[39]), му-

[39]) Опис. Укр. 114. 127.

чатся какъ въ чистилищѣ, въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ называемый *осыпъ* [40]), то есть нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть [41]), и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очковаго,* каждый волъ—пошлинѣ подъ названіемъ *рогатаго;* за право ловить рыбу, платилъ онъ *ставщину* за право пасти скотъ— *спасное*, за право собирать жолуди—*жолудное*, за ловленіе рыбы и звѣрей—*десятину*, за измолъ муки— *сухомельщину* [42]) и т. п. Крестьянамъ не дозволялось не только приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду на аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ и горилку, что и скотъ пить не станетъ; «а если,—говоритъ Старовольскій, [43])— хлопъ не захочетъ отравляться этою бурдою, то панъ велитъ нести ее къ нему во дворъ, а тамъ, хоть въ навозъ выливай, а заплати за нее». Случится у пана какая нибудь радость—подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное (witane); если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матеріи, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревнямъ хлопы должны были

---

[40]) Лѣт. самов. 7.

[41]) Опис. Укр 9.

[42]) Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 56.—Ист. о през. бр.

[43]) Reforma obyczajow.

давать «стацію» его гайдукамъ и казакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду—на его подданныхъ налагалась всегда какая нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, «а пойдетъ хлопъ жаловаться пану,—говоритъ Старовольскій—такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать какъ его слуги». Наберетъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ—и тому и другому не платитъ. Таковъ былъ панскій обычай. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ [44]) а сами или жили и веселились въ своихъ палацахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ называемаго *дудка* (dudek); если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну* [45]). Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено: и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья [46]). Кромѣ того, имущество, жизнь

---

[44]) Fawor. Niebiesky.

[45]) Hist. bel. cos. polon. 32.—Fawor. Niebiesky.

[46]) Hist. bel. cos. pol. 32.—Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70.—Универс. кіевск. митр. Петр. Мог. 10.

крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію [47]). Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ—что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія. Старосты и державцы—говоритъ Старовольскій [48])—не обращаютъ вниманія ни на королевскіе декреты, ни на коммиссіи, пусть на нихъ жалуются: у нихъ всегда найдутся пособники выше; обвиняемый будетъ всегда правъ, а хлоповъ бранятъ, пугаютъ и запугаютъ до того, что они оставятъ дѣло и молчатъ. Если же найдется такой смѣльчакъ, что не покорится и не оставитъ иска, такъ его убьютъ или утопятъ, а имущество его отдадутъ другимъ, угодникамъ панскимъ. Убитаго обвинятъ—будто онъ бунтовщикъ, хотѣлъ бѣжать въ опришки, на границѣ воровство держалъ и т. п. Двое старостъ—продолжаетъ тотъ же Ставропольскій—судились за то, что одинъ изъ нихъ посылалъ своихъ слугъ бросить съ моста въ воду проѣзжихъ ограбивши ихъ имущество, а другой бралъ съ купцовъ на ярмаркѣ незаконные поборы цѣлыми кусками блаватныхъ матерій да бочками малвазіи. И что же? Ихъ отпустили и оправдали а искъ продолжать предоставлено на ихъ слугахъ, даромъ, что за однимъ старостою уже извѣстны были прежде подобныя дѣла. И не мудрено было поступать такимъ образомъ старостамъ, когда, по извѣстію современниковъ, привилегію на староство выхлопотать стоило дороже, чѣмъ сколько староство приносило годоваго дохода. «У насъ—говоритъ тотъ же Старовольскій—въ канцеляріяхъ завелись неслыханные прежде поборы—подарки ассесорамъ и судьямъ; вездѣ подкупы, войты,

[47]) Пам. кіев. ком. 1. 2. 89.

[48]) Ref. obycz.

лавники, бурмистры, всѣ на подкупѣ, а о доносчикахъ, какъ они подводятъ невинныхъ людей, и говорить тяжело: поймаютъ богатаго, запугаютъ, засадятъ въ тюрьму и тянутъ надъ нимъ слѣдствіе, а съ него сосутъ подарки и взятки. Такъ называемые экзаторы—собиратели податей въ городахъ и коронныхъ имѣніяхъ, были также грабители«. «Иногда— говоритъ Старовольскій—за квитанцію возьмутъ больше, чѣмъ поборовъ соберутъ. Знаю я одного такого собирателя: ему городъ подарилъ за квитанцію сто талеровъ,—онъ бросилъ ихъ со стола и ногами потопталъ и не далъ квитанціи, пока ему не всучили сто чирвонцевъ. Другой по Руси ѣздилъ собирать недоимки изъ села въ село и вездѣ бралъ себѣ стаціи—полти мяса, сыръ, масло, даже рогатый скотъ за нимъ гнали стадомъ. Кромѣ безграничнаго произвола старосты или жида подстаросты, которые не жалѣли людей, потому что они составляли достояніе владѣльца только до его смерти, въ коронныхъ имѣніяхъ квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами. Нашъ жолнеръ— говоритъ Старовольскій—не знаетъ ни вѣры, ни отечества: получитъ отъ Рѣчи Посполитой жалованье и пропьетъ его въ одинъ вечеръ, а потомъ достаетъ себѣ платье, упряжь и продовольствіе отъ убогихъ людей, награбитъ у нихъ всякой всячины и везетъ въ обозъ, а тамъ раскинетъ палатку и продаетъ награбленное, потомъ кричитъ на гетмана, жалуется, требуетъ, чтобы войско отпустили на гиберны (зимовыя квартиры), получаетъ жалованье по четвертямъ и не помнитъ того, что получилъ не въ зачотъ за четверть. Жолнеры составляютъ конфедераціи, расписываютъ самовольно квартиры, собираютъ на себя королевскіе доходы и такимъ образомъ тотъ, кто обязанъ защищать отечество, дѣлается его разорителемъ. На войну ли идутъ жолнеры—обдираютъ бѣдныхъ людей; съ войны возвращаются—то же самое; одна хоругвь прійдетъ въ село, грабитъ его, за нею другая, третья, и нѣтъ

такого села, гдѣ бы не перебывало тридцать, сорокъ хоругвей. Люди плачутъ, кричатъ, разбѣгаются». «Много намъ разсказываютъ о турецкомъ рабствѣ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, «но это касается военноплѣнныхъ, а не тѣхъ, что жительствуютъ у турокъ подъ властью, обрабатываютъ землю ими занимаются торговлей. Послѣдніе, заплативъ годовую дань, или окончивши положенную на нихъ работу, свободны такъ, какъ не свободенъ у насъ ни одинъ шляхтичъ. У насъ въ томъ свобода, что всякому можно дѣлать то, что захочется: отъ этого и выходитъ, что бѣднѣйшій и слабѣйшій дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго, сильный наноситъ слабому безнаказанно всякія несправедливости, какія ему вздумается. Въ Турціи никакой паша не можетъ того дѣлать послѣднему мужику, иначе поплатится за то головой; и у москвитянъ думный господинъ и первѣйшій бояринъ, и у татаръ мурза и высокій уланъ не смѣютъ такъ оскорблять простаго хлопа, хотя бы и иновѣрца; никто и не подумаетъ объ этомъ: всякъ знаетъ, что его самаго могутъ повѣсить передъ домомъ обиженнаго. Только у насъ въ Польшѣ вольно все дѣлать и въ мѣстечкахъ и въ селеніяхъ. Азіатскіе деспоты во всю жизнь не замучатъ столько людей, сколько ихъ замучатъ каждый годъ въ свободной Рѣчи Посполитой».

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять конституцій, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія [49]) но, во первыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а вовторыхъ, эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться

[49]) Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 85—89, 101—110.

только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ, впрочемъ, съ опасностью подвергнуться наѣзду какого нибудь сосѣда, возбужденнаго католическимъ духовенствомъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ — католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ какъ пановъ католической вѣры, со дня на день, становилось больше, чѣмъ православныхъ, то значитъ, эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или староствъ [50]); обращали насильно православныя церкви въ унитскія [51]); нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи: ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія [52]). Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину [53]), не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая со-

---

50) Ист. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 70.

51) Hist. bel. cos. pol. 24.

52) Пам. кіев. комм. I. 2. 99.

53) Pam. do panow Zygm. III. WI. IV. i Jan. Kaz. 254.

держанія и при томъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ унитской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ унитскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были выбираемы въ должности [54]) и, въ качествѣ членовъ городскаго начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Червоной Руси, землѣ, издавна присоединенной къ Польшѣ, православные еще до уніи подвергались стѣсненіямъ; но со времени уніи, во Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи [55]). Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и унитовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Луцкѣ, въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились на монастырь православнаго крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадѣльнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали домы, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти; наконецъ, оставаясь безъ преслѣдованія за свои поступки, величались своими подвигами, называя ихъ богоугодными дѣлами [56]). Въ Кіевѣ насильно обратили

[54]) Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іер. 159.

[55]) Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 71.

[56]) Памят. кіев. комм. 1. 1. 241—222.

большую часть церквей въ унитскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи. [57]) По всей Руси въ судахъ и трибуналахъ накопилось тогда безчисленное множество религіозныхъ процессовъ. Іезуиты настраивали католиковъ и унитовъ подавать на православныхъ доносы, обвиняющіе ихъ въ хуленіи римско-католической вѣры. Обвиняемыхъ заключали въ оковы, подвергали мученіямъ пытокъ, подъ которыми иные умирали, и всегда почти, если обвиненному удавалось перенести муки и просидѣть нѣсколько лѣтъ въ отвратительной тюрьмѣ, его постигала конфискація имущества и *инфамія*, то есть лишеніе гражданской чести [58]).

Еслибы не было казаковъ, поляки, быть можетъ, и достигли бы своей цѣли. Русское дворянство легко поддавалось польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, порабощенный дворянствомъ, показывалъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, роптал̃ъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину, также точно, какъ, нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое и мало по малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то же должно было, если не сразу, то въ теченіе немалаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнію. Все должно было ополячиться и окатоличиться, еслибы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество—вооруженное, крѣпкое, составлявше цвѣтъ и мате-

[57]) Опис. кіев. Соф. соб. и Ист. кіев. іерарх. 159.

[58]) Унив. Петр. Моч. II.—Истор. изв. о возн. въ Польшѣ ун. 79.

ріальную силу русскаго народа. Наполняясь, въ послѣднее время, какъ было сказано, изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество отъ власти и произвола старосты или дѣдичнаго пана, вносилъ туда сердечную, глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему лядскому, потому что ненавистный его панъ былъ или сдѣлался ляхомъ; за-урядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще мерзостнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность. Казацкія возстанія Лебеды и Наливайка [59]), при самомъ введеніи уніи, уже прикрывались религіею. Послѣ этихъ возстаній поляки издали грозное постановленіе противъ казаковъ. Всѣ низовцы, за ихъ своевольства, признавались врагами отечества и кварцяное украинское войско, защищая отъ ихъ своевольствъ, шляхетскіе домы и имѣнія, могло истерблять ихъ безъ суда и слѣдствія. У казаковъ отнимались всѣ ихъ прежнія права, грунты (угодья) и данный имъ отъ Баторія Трехтемировъ. Эти постановленія и исполненія по нимъ не только не прекратили казацкихъ своевольствъ, но еще болѣе раздражили казаковъ и побуждали къ своевольствамъ въ большомъ размѣрѣ. Напрасно повѣрялось панамъ и ихъ дозорцамъ ловить и заковывать бродягъ (гультаевъ), бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній, и возвращать ихъ въ мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ же казнить

Исторія этихъ двухъ возстаній изложена авторомъ въ соч. „Южная Русь въ концѣ XVI. вѣка" напечатанномъ въ III томѣ „Историческія Монографіи и изслѣдованія."

жестокою смертію. Пока Запорожье со всѣми днѣпровскими островами и приднѣпровскими трущобами не было во власти пановъ—нельзя было задушить казачества. Бѣжавшій отъ пановъ народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу въ казачествѣ. Сами паны, считая себя вообще вправѣ дѣлать то, что имъ хочется, и худо понимая, что они дѣлаютъ, продолжали помогать разростанію казачества и лишали дѣйствія правительственныя распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ Украинѣ. Хлопы, бѣжавшіе отъ какого нибудь пана, иногда побывавши прежде на Низу, а иногда даже и не побывавши тамъ въ качествѣ вольныхъ людей, гультаевъ, приставали къ другому пану, особенно такому, который заводилъ слободы и выставлялъ на дорогѣ шесты съ количествомъ вбитыхъ въ него колковъ, означавшихъ количество льготныхъ лѣтъ, предоставляемыхъ новопоселянамъ. У такого пана въ слободу принимался не только бѣглый хлопъ, но иногда даже разбойникъ, спасающійся отъ висѣлицы. Украинскіе паны, какъ вообще польскіе паны, жили между собою не въ согласіи. Ссоры, наѣзды другъ на друга были дѣломъ обычнымъ. Поэтому сами паны ради своевольства охотно принимали къ себѣ казаковъ, людей вольныхъ и своевольныхъ, и съ ихъ помощію безчинствовали противъ своей братіи. Такіе казаки, однако, при первомъ неудовольствіи, готовы были поступать съ своимъ паномъ такъ же, какъ, по наущенію его, поступали съ его сосѣдомъ. И шляхтичи, жившіе въ Украинѣ у пановъ слугами, такъ же пропитывались казацкимъ духомъ, дружились съ казаками и, вмѣстѣ съ ними, грабили имѣнія своихъ пановъ. Вся Польша жила своеволіемъ, но въ Украинѣ, странѣ пограничной и удаленной отъ средоточія власти и государственной жизни, это своеволіе приняло самые широкіе размѣры. Въ другихъ краяхъ Рѣчи Посполитой, по крайней мѣрѣ, своевольничалъ дворянинъ, но не смѣлъ своевольничать хлопъ, которому во-

обще не дозволяли имѣть человѣческой воли; въ Украинѣ своевольничалъ и хлопъ и не хотѣлъ подчиняться своему легальному безправію: географическое положеніе Украины и историческія условія указали ему для этого исходъ въ казачествѣ. Само правительство не было послѣдовательно въ своей строгости къ казакамъ и, въ 1601 году, по поводу войны со Швеціею, сняло свой драконовскій приговоръ надъ казачествомъ, произнесенный по укрощеніи Наливайка: оно дозволило казакамъ воевать противъ шведовъ, но думало охранить ихъ отъ своеволія тѣмъ, что оставляло ихъ въ непосредственной зависимости отъ короннаго гетмана и допускало наборъ въ казачество не иначе, какъ безъ ущерба старостамъ и дѣдичнымъ панамъ [60]).

Всего болѣе помогли возрастанію казачества украинскіе паны Вишневецкіе, Рожинскіе, Сапѣги, Зборовскіе и проч., выводившіе толпы своевольныхъ казаковъ въ Московское Государство. Подъ знаменами самозванцевъ, въ шайкахъ Лисовскаго и Сапѣги, въ войскѣ Сигизмунда подъ Смоленскомъ и въ земскихъ ополченіяхъ Ляпунова и Пожарскаго служили казаки. Нѣкоторые близорукіе паны были сначала довольны что своевольные люди всякаго званія и состоянія покидаютъ польскія владѣнія и находятъ себѣ поприще въ чужомъ государствѣ. Они скоро обманулись. Казацкая удаль такъ разрослась, что обширная Московщина не могла вытянуть изъ Украины всего казачества; въ то время, когда одни казаки то терзали Московское Государство, то починяли его, другіе дрались съ татарами и ходили на море грабить турковъ. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ казаки не отправлялись на море, хотя многіе изъ ихъ походовъ остались неизвѣстными. Турки и татары безпрестанно жаловались польскому прави-

---

[60]) Vol. Leg. Изд. Піар. f. 622.

тельству и требовали унять казаковъ. Такъ въ 1601 году главный совѣтникъ крымскаго хана Ахметъ-Калга предъявлялъ послу Рѣчи Посполитой Пясочинскому, что низовые казаки нападаютъ на Крымъ. Пясочинскій объяснялъ, что казаки не подданные польскаго короля, и король не можетъ принимать обязательствъ за своевольный народъ, живущій въ пустыняхъ; между ними, правда, есть и поляки, но есть и москвитяне, и волохи, и турки, и татары, и жиды, и люди всякаго языка; пусть татары истребляютъ ихъ, когда захватятъ въ своихъ предѣлахъ. На другой (1602) годъ тридцать чаекъ и одна каторга явились на Черномъ морѣ. Казацкій атаманъ Кплей бился на морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его, потомъ ушелъ благополучно къ устью Днѣпра; потомъ близъ Овидова озера казаки взяли турецкій купеческій корабль, плывшій изъ Кафы; турки успѣли убѣжать, а грекамъ казаки оказали милосердіе — никого изъ нихъ не убили, но только ограбили. На турокъ это событіе произвело такое впечатлѣніе, что они хотѣли-было взять въ неволю ѣхавшаго въ Константинополь польскаго посла. Когда онъ пріѣхалъ къ своему назначенію, на него напустились съ упреками и угрозами. Отвѣтъ польскаго посла туркамъ былъ такой же, какой былъ данъ татарамъ: казаки не подданные короля; они вольные люди и также не послушаются поляковъ, какъ и турокъ, и не разъ сами поляки должны были остерегаться ихъ. Какъ? — возразили турки — вы говорите неправду, что они вольные люди: это все подданные польскихъ пановъ Вишневецкихъ, Збаражскихъ и другихъ. Турки исчисляли даже города и селенія, изъ которыхъ происходили казаки. — Казаки — говорилъ имъ полькій посолъ — есть сборъ всякаго народа, но есть въ ихъ рядахъ и бѣглецы изъ польскихъ владѣній. Что же? У васъ, въ самомъ Константинополѣ, при всей вашей бдительности, случаются безпорядки, а на Бѣломъ морѣ Буратъ Райза держалъ разбой и угро-

жалъ самому государю. Такъ и у насъ казаки города и волости разоряли, людей мучили... да еслибъ всѣ казаки были изъ польскаго государства, то ихъ можно было бы укротить, а то они собираются отовсюду. Король укрощалъ войскомъ своимъ Наливайка-волошанина, Лободу-москвитянина и Косинскаго — тотъ былъ нашъ полѣшанинъ. Да казаки-то и моря не знали, пока ваши же турки Райзы не показали себя и не научили ихъ мореплаванію, а потомъ съ ними заодно васъ воюютъ. Сами виноваты, что такихъ учителей имъ дали. Слѣдуетъ бить казаковъ, когда они появятся у васъ, но слѣдуетъ также бить и учителей — особенно тѣхъ, которые живутъ около Бѣлгорода и на насъ нападаютъ. Такого рода толки повторялись каждый годъ [61]). Такимъ образомъ въ 1605 и 1607 г. встрѣчаемъ подобныя жалобы турокъ. Казацкіе набѣги на мусульманскія государства усиливались разомъ съ усиленіемъ внутренняго своеволія. Польское правительство должно было укрощать и то и другое. Мѣщане и хлопы, покидая свое званіе и присвоивая себѣ имя казаковъ, отправлялись въ Сичу, оттуда хoдили воевать на сушѣ и на морѣ, «заживать», какъ говорилось тогда «рыцарской слaвы», а возвращаясь на родину уже ни за что не хотѣли подчиняться прежней власти, прежнему суду, считали своею собственностію свои грунты, которые прежде даны имъ были только во владѣніе, а не въ собственность, не хотѣли нести никакихъ повинностей, какъ вольные казаки-лыцари, а когда паны хотѣли ихъ принудить, они составляли такъ-называемыя купы (шайки) и расправлялись съ шляхетскими дворами. Мѣщане Брацлавскіе и Корсунскіе обратили въ это время на себя особое вниманіе своимъ своеволіемъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ жалобами турецкаго падишаха и крымскаго хана, побудили польскій сеймъ издать въ 1607 году строгую

---

[61]) Рук. Имп. П. Б. польск. f. IV. № 71.

конституцію противъ казаковъ и вообще украинскаго удальства. Всѣ казаки или именующіе себя казаками, должны были, по силѣ этой конституціи, подчиняться юрисдикціи пановъ — жительствующіе въ коронныхъ имѣніяхъ — старостъ и подстаростъ, а въ имѣніяхъ наслѣдственныхъ — дѣдичныхъ пановъ. И тѣ и другіе имѣли право казнить казаковъ смертію, особенно если они попрежнему вздумаютъ бѣгать на Запорожье и нападать на турецкія и татарскія владѣнія. Что эта конституція не имѣла никакой силы, показываетъ другая, изданная въ 1609 г., въ которой говорится: несмотря на прежнюю конституцію, казаки продолжаютъ своевольствовать, не признаютъ надъ собою власти старостъ и пановъ, имѣютъ своихъ гетмановъ, свое судопроизводство, вмѣшиваются въ управленіе всею Украиною, собираются въ купы, нападаютъ на города и замки и вторгаются въ сосѣднія государства. Сеймъ назначилъ тогда коммиссію для установленія ряда въ мятежной Украинѣ; всѣхъ казаковъ, которые жительствуютъ въ волостяхъ, слѣдовало непремѣнно подчинять юрисдикціи и управленію старостъ и пановъ, а тѣмъ, которые на Низу, слѣдовало дать особаго старшого, подчиненнаго коронному гетману [62]). Но вслѣдъ затѣмъ, скоро, война Сигизмунда III съ Московскимъ Государствомъ была поводомъ послабленія этихъ строгихъ мѣръ, нужно было военныхъ людей. Позволили набирать охотниковъ. Тогда подъ благовиднымъ предлогомъ помощи королю стали собираться своевольныя купы и вмѣсто того, чтобъ идти къ Смоленску, оставались въ Украинѣ казаками и не хотѣли повиноваться посламъ. Это побудило сеймъ издать конституцію, которая оставляла право собранія охотниковъ только тѣмъ лицамъ шляхетскаго званія, которые имѣли для этого проповѣдные листы, а другихъ велѣно стращать оружіемъ и обращать къ

---

[62]) Vol. Leg. 1617. Ibid. 1665.

прежнему повиновенію старостамъ и панамъ. Умаявшееся отъ большихъ переходовъ и побѣговъ украинское населеніе безпрестанно пополнялось новыми пришельцами изъ Волыни, Червоной Руси, Бѣлой Руси: одни прямо шли въ Сичу, въ казаки; другихъ завлекали паны, заводившіе слободы, но эти пришельцы тотчасъ пропитывались духомъ казацкой вольности. Бывшіе въ Московскомъ Государствѣ казаки прошли тамъ хорошую школу и, по возвращеніи въ Украину, стали опытными наставниками въ своевольствѣ: составляли шайки, предводители назывались казацкими полковниками; они нападали на панскія усадьбы и разоряли ихъ. Казаки—писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ гетманъ Жолкѣвскій—овладѣли всею кіевскою Украиною, господствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, что хотятъ, то и дѣлаютъ. Въ 1612 году своевольный магнатъ Стефанъ Потоцкій вторгнулся въ Молдавію, поддерживая низложеннаго Турціею господаря, былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и навлекъ на Польшу страхъ мести со стороны Турціи. Въ то же время и казаки, которыми, какъ кажется, тогда началъ предводительствовать знаменитый Петръ Конашевичъ Сагайдачный, пускались на море. Въ 1613 году, возвратившіеся изъ Московскаго Государства жолнеры составили конфедерацію, требовали себѣ уплаты семидесяти-восьми милліоновъ, и за отказомъ правительства удовлетворить ихъ требованіямъ, нападали на королевскія имѣнія, самовольно собирали съ нихъ доходы, а жители подвергались необузданности жолнерскаго произвола. Польскій сеймъ долженъ былъ смириться передъ ними и спасти отечество отъ дальнѣйшихъ разореній только тѣмъ, что отсчиталъ имъ требуемую сумму. Естественно было и казацкому своеволію разыграться въ этотъ годъ. Запорожскіе удальцы два раза ходили на море, грабили приморскіе крымскіе города и возвращались съ огромною добычею. Къ этому году, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться

знаменитое взятіе Кафы и освобожденіе множества христіанскихъ плѣнниковъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела смятеніе. Обратились къ бывшему тогда въ столицѣ падишаху польскому послу Андрею Горскому съ жалобою, что подданные Рѣчи Посполитой нападаютъ на подвластныя падишаху владѣнія. «Эти казаки — отвѣчалъ Горскій — разбойническое скопище, составленное изъ разныхъ народовъ; никто не разберетъ, какого они племени — кто русинъ, кто москвитинъ, кто волошинъ, а кто и полякъ; они привыкли безчинствовать, когда имъ случай откроется, и не слушаютъ ни короля, ни Рѣчи Посполитой. Если вы ихъ истребите—съ нашей стороны не будетъ никакого неудовольствія». Турецкое правительство приказало румелійскому беглербегу преградить казакамъ обратный путь въ Днѣпръ и истребить ихъ [63]). Но казаки не только избѣжали погрома, а еще ночью приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ турецкія галеры остановились, напали на нихъ, взяли шесть галеръ въ плѣнъ и потопили нѣсколько мелкихъ судовъ. На другой годъ, ободренные этимъ успѣхомъ, отправились казаки на море еще съ большимъ числомъ чаекъ. У нихъ вожами были тогда убѣжавшіе отъ турковъ невольники, отрекшіеся ислама, вѣроятно, насильно имъ навязаннаго. По ихъ указанію, казаки, переплывъ поперегъ Черное море, напали на Синопъ самый цвѣтущій въ то время городъ Малой Азіи, славный столько же своими богатствами, сколько прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ, и прозванный цвѣтистою рѣчью Востока городомъ любовниковъ (медшетъ юльушшакъ). Казаки овладѣли старымъ замкомъ, перерѣзали гарнизонъ, ограбили и сожгли арсеналъ, суда въ пристани и всѣ мусульманскіе домы, многихъ мусульманъ перерѣзали, освободили изъ неволи христіанскихъ плѣнниковъ и ушли,

---

[63]) Рук. И. П. Б. разнояз Q. № 8.

прежде чѣмъ жители сосѣднихъ поселеній могли собраться и дать имъ отпоръ [64]). Современники говорили, что убытку понесли турки милліоновъ на сорокъ. Вѣсть объ этомъ въ Константинополѣ произвела ужасъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ турки овладѣли этимъ городомъ, онъ не видалъ въ стѣнахъ своихъ никакого непріятеля. Падишахъ такъ разгнѣвался, что хотѣлъ тотчасъ казнить своего великого визиря Насcафхъ- пашу, но жена и дочери упросили ему жизнь; падишахъ на первый разъ утолилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что далъ своему визиро нѣсколько ударовъ буздыханомъ [65]). Послѣ этого внушенія, великій визирь немедленно отправилъ въ погоню за казаками Шакшака-Ибрагимъ-пашу: послѣдній съ своими судами успѣлъ вступить въ устье Днѣпра прежде, чѣмъ казаки туда прибыли; но казаки, провѣдавши, что ихъ стерегутъ турки на Днѣпрѣ, высадились въ другомъ мѣстѣ, потащили свои чайки по сухопутью, чтобы потомъ пустить ихъ по днѣпровской водѣ, повыше того мѣста, гдѣ ихъ ожидали турки. Но турки узнали объ этомъ и бросились на нихъ; казаковъ было, какъ говорятъ поляки, до двухъ тысячъ, до двухсотъ изъ нихъ погибло, большинство ушло съ добычею, но пришлось потерять и побросать въ воду нѣсколько награбленнаго, а двадцать человѣкъ попались въ плѣнъ живьемъ и были отправлены въ Цареградъ, гдѣ ихъ казнили въ присутствіи обитателей Синопа, прибывшихъ въ столицу падишаха съ печальною вѣстію о разореніи своего города [66]).

Тогда турецкое правительство обратилось снова къ Польшѣ и объясняло коронному гетману, что такъ какъ польскій посолъ въ Константинополѣ объявилъ, что поляки не пре-

---

[64]) Collect. Senkowsk. 126.

[65]) Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.

[66]) Collect. 127.

пятствуютъ туркамъ преслѣдовать и истреблять казаковъ, то турецкія и татарскія войска пойдутъ на нихъ въ глубину казацкой земли. Жолкѣвскій отписалъ, что такой походъ въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполитой, не можетъ быть допущенъ, когда Польша находится въ мирѣ съ Турціею, что онъ самъ съ польскимъ войскомъ пойдетъ укрощать казаковъ, а турки пусть стерегутъ ихъ на Лиманѣ, не пускаютъ на море и истребляютъ какъ угодно тѣхъ, которые имъ попадутся [67]). Въ это время въ Украинѣ казаки раздражали противъ себя поляковъ и другими поступками: своевольныя шайки, составленныя изъ хлоповъ и мѣщанъ, называвшихъ себя казаками, разоряли въ Брацлавщинѣ владѣльцевъ, нападали на ихъ усадьбы. Хлопы, самовольно поступившіе въ казачество, не только отрекались отъ повиновенія панамъ, но присвоивали себѣ въ собственность грунты — поземельные участки, которые имъ давались отъ пановъ, а такъ какъ паны хотѣли заставить ихъ повиноваться и не давали имъ грунтовъ и жестоко наказывали непослушныхъ, когда они попадались имъ въ руки, то хлопы стали дѣйствовать противъ пановъ вооруженною силою; невозможно было разобрать, кто настоящій казакъ, и кто самъ себя называетъ этимъ именемъ. Приходили королю жалобы отъ пановъ на такія своевольства. Сверхъ того Жолкѣвскій провѣдалъ, что у казаковъ проявился какой то самозванецъ, котораго они собирались везти въ Молдавію и посадить на господарство. Еще предъ великимъ постомъ въ 1614 г. Жолкѣвскій сталъ разгонять въ Брацлавщинѣ шайки называвшихъ себя казаками, и очистивши отъ нихъ Брацлавщину, послалъ въ Переяславль къ казакамъ, признаваемымъ правительствомъ въ этомъ званіи, двухъ ротмистровъ требовать прекращенія своевольствъ; онъ извѣщалъ казаковъ, что къ нимъ прибудутъ коммиссары

[67]) Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.

для установленія между ними порядка. Обѣщанные коммиссары прибыли уже осенью, по возвращеніи казаковъ изъ синопскаго похода, и 15-го октября подъ Житомиромъ заключили договоръ съ казаками [68]). Обязали казаковъ не нападать на сосѣднія государства, когда у Польши нѣтъ съ этими государствами войны, не собирать и не принимать въ свое товарищество своевольныхъ шаекъ, которыя шатаются по Руси и нападаютъ на шляхетскія имѣнія. Всѣмъ тѣмъ, которые, будучи прежде того панскими подданными, самовольно называли себя казаками и присвоивали данные имъ отъ пановъ грунты, велѣно оставаться подъ властію пановъ и подчиняться ихъ юрисдикціи. Казакамъ, подъ опасеніемъ потери ихъ правъ, запрещалось созывать толпы народа, подъ предлогомъ рады, и нигдѣ не дозволялось быть казацкой радѣ, кромѣ даннаго издавна казакамъ города Трехтемирова [69]). Тѣ казаки, которыхъ въ этомъ званіи признавало правительство, обязаны были, въ качествѣ пограничной стражи, находиться подъ властію тѣхъ старшихъ, какихъ дастъ имъ коронный гетманъ, и за свою службу имъ предоставлялось каждогодно на рождественскія святки въ Кіевѣ получать десять тысячъ злотыхъ и семьсотъ поставовъ каразеи (сукна низшаго достоинства) [70]).

Это не укротило казаковъ. На слѣдующій годъ они подавали просьбу о снятіи съ нихъ условій, наложенныхъ на нихъ прошлогоднимъ договоромъ, но король извѣстилъ ихъ универсаломъ [71]), что, по опредѣленію сейма, они должны оставаться въ предѣлахъ, указанныхъ бывшею коммиссіею. Ка-

---

[68]) Рук. И. П. Б. польск. IV. f. 33.

[69]) Рук. И. П. Б. польск. f. № 99.

[70]) Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.

[71]) Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. 3. 192.

заки не слушались. Сами паны опять имъ подали поводъ къ поступкамъ, которыхъ не одобряло правительство. Два магната, Корецкій и Вишневецкій, сдѣлали набѣгъ на Молдавію, пригласивъ съ собой казаковъ. Имъ не посчастливилось, и Корецкаго взяли въ неволю. Но другіе казаки въ то же время отправились на Черное море, переплыли его поперегъ, напали на Трапезонтъ, ограбили этотъ городъ и разбили пашу Цикалу (родомъ генуэзца), потопивъ у него три судна [72]). Въ Константинополѣ вѣсть объ этомъ произвела ужасную тревогу. Визирь Нассафхъ-паша не избѣжалъ своей судьбы: его удавили. Отъ падишаха и его новаго визиря послѣдовали снова къ Польшѣ жалобы, сопровождаемыя угрозами разорить казацкую землю. Между тѣмъ непослушные хлопы продолжали собираться въ шайки и разорять шляхетскія имѣнія и усадьбы. «Несмотря на всѣ наши прежнія мѣры»—писалъ король Сигизмундъ [73])—«казацкое своеволіе доходитъ до ужасающихъ крайностей; громады казаковъ не даютъ Рѣчи Посполитой покоя, шляхетство не можетъ безопасно проживать въ своихъ имѣніяхъ, терпитъ убытки и лишенія; сверхъ того казаки продолжаютъ врываться въ сосѣднія государства и навлекаютъ на Рѣчь Посполитую опасность войны; турецкій императоръ и его визирь требуютъ истребленія казаковъ». Отмщая за морскіе походы на Турцію и вмѣстѣ за наѣзды казаковъ на татаръ, учиненные въ одно время съ морскими походами, крымскій ханъ двинулъ многочисленную орду на Украину и произвелъ значительное опустошеніе, а потомъ, по своему обычаю преувеличивая свои подвиги, писалъ польскому королю письмо насмѣшливымъ тономъ: «Мы собрали сто восемдесять тысячъ татаръ и разорили двѣсти паланокъ и каждому татарину досталось по семидесяти человѣкъ плѣн-

[72]) Рук. И. П. Б. польск. f. № 33.
[73]) Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. 3. 206.

ныхъ, а воловъ одинъ Богъ знаетъ сколько. Намъ отъ отцовъ нашихъ заповѣдано воевать государства, а вамъ это совсѣмъ не идетъ, — совсѣмъ не ваше дѣло, а когда хочете наѣзжать и воевать чужія государства, такъ надобно умѣть. Не знаемъ, съ вашего ли согласія или безъ вашего, казаки дѣлаютъ наѣзды, только мы этого такъ не оставимъ, а пойдемъ къ Каменцу, и надѣлаемъ вамъ того, что можно надѣлать»[74]

Въ виду такихъ угрозъ назначили снова коммиссію для укрощенія казаковъ и приведенія въ порядокъ украинскихъ дѣлъ, но пока эта коммиссія составилась, казаки пустились опять на море, и на этотъ разъ уже къ самому Константинополю и близъ столицы производили опустошенія. Падишахъ, какъ выражается Жолкѣвскій въ своемъ письмѣ, не привыкши сносить ни отъ кого оскорбленій, разгнѣвался до крайности, когда казаки, разоривъ десятки турецкихъ городовъ, наконецъ, въ окна самаго сарая замигали своими походными огнями. Въ турецкомъ диванѣ положили послать большое войско подъ начальствомъ Скиндеръ-паши, чтобъ истребить казаковъ до тла и заселить Украину мусульманами. Это предпріятіе было само по себѣ вызовомъ Польши къ войнѣ. Скиндеръ-паша двинулся на Подоль. Жолкѣвскій, не рѣшаясь подвергать Рѣчь Посполитую случайностямъ войны съ Турціею, поспѣшилъ просить мира и заключилъ съ турецкимъ предводителемъ договоръ въ Бушѣ (26 сентября 1617), обязавшись, между прочимъ, укротить казаковъ и истребить ихъ, если они не будутъ послушны властямъ и станутъ опять дѣлать набѣги на турецкія области. Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, 28-го октября, состоялся новый договоръ съ казаками. Ихъ опять обязали не ходить на море, не нападать на турокъ и татаръ и не принимать въ свое званіе своевольныхъ

---

[74]) Рук. И. П. Б. разнояз. Q. № 8.

людей, то есть, не допускать увеличенія своего сословія [75]) болѣе того, сколько дозволялось правительствомъ. Эта коммиссія, какъ и прежнія, не достигла своей цѣли. Сами польскія власти разрушили то, что устанавливали. Вслѣдъ затѣмъ, по поводу войны съ Московскимъ Государствомъ, королевичъ Владиславъ обратился къ казацкому гетману Конашевичу-Сагайдачному и приглашалъ его воевать Московское Государство. Для казацкой удали настало раздолье. Подъ предлогомъ собиранія казаковъ для похода въ Московщину, стали составляться и сновать по Руси своевольныя шайки изъ бѣглыхъ мѣщанъ и хлоповъ, избирали себѣ начальниковъ, которые величали себя казацкими полковниками, и дѣлали наѣзды на шляхетскіе дворы. Изъ дѣлъ того времени видно, что тогда на Руси уже созрѣла и установилась ожесточенная вражда между всѣмъ нешляхетскимъ—мѣщанами, хлопами, казаками съ одной стороны и всѣмъ шляхетскимъ,- привилегированнымъ, съ другой. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ универсалъ короля Сигизмунда III: «Маетности обывателей Кіевскаго воеводства не только отъ чужеземныхъ непріятелей, но и отъ внутренняго своеволія почти уничтожены и доведены до крайняго положенія. Во все наше царствованіе, мы старались не только освободить коронныя земли отъ непріятельскихъ вторженій, но и удержать внутреннее спокойствіе и укротить своевольство частныхъ лицъ, необузданно стремящихся ко всякому злу, но, по какому то особенному несчастію и по людскимъ грѣхамъ, ничто не помогаетъ, напротивъ своевольство все болѣе и болѣе усиливается» [76]). Король взывалъ ко всѣмъ обывателямъ Кіевскаго воеводства, чтобъ они всѣ вооружились и, содѣйствуя коронному гетману, разсѣевали и истребляли сновавшія по Руси шайки самозванныхъ казаковъ.

---

[75]) Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. 3. 206·

([76] Арх. Югоз. Росс. Ч. 1. 3. 257.

Но вслѣдъ затѣмъ опять наступили обстоятельства, когда польское правительство стало нуждаться въ казакахъ. Польша, подстрекаемая австрійскимъ дворомъ, стала въ непріязненное отношеніе къ Турціи, вмѣшалась въ молдавскія дѣла, поддерживая возмутившагося противъ турецкаго падишаха молдавскаго господаря Граціана, и отважилась на войну съ Турціею. Война эта была несчастна для Польши. 6-го октября разбито было польское войско подъ Цецорою. Гетманъ Жолкѣвскій палъ въ битвѣ. Много пановъ было взято въ неволю. На этомъ сраженіи казаковъ было мало, всего, какъ говорятъ, до двухъ тысячъ. Въ числѣ ихъ былъ сотникъ чигиринскій Михаилъ Хмельницкій, погибшій въ битвѣ. Съ нимъ находившійся сынъ его, Зиновій-Богданъ, которому, впослѣдствіи, суждено играть важную роль, былъ взятъ въ плѣнъ и пробылъ послѣ того въ неволѣ два года [77]). Это былъ молодой человѣкъ, получившій, по тогдашнему, хорошее воспитаніе: онъ учился у іезуитовъ въ Ярославлѣ, владѣлъ хорошо латинью, но не сдѣлался ни полякомъ, ни папистомъ, какъ случалось со многими, получившими такое образованіе [78]).

Война съ Турціею придала смѣлости казацкимъ морскимъ набѣгамъ, которые на этотъ разъ могли совершаться уже безъ преступленія противъ польскаго правительства. Казаки опустошили европейское побережье Турціи на Черномъ морѣ и взяли богатый городъ Варну. Въ сентябрѣ 1620 года гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный геройски отличился съ своими казаками подъ Хотиномъ, находясь тамъ вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ. Одни казаки поправили тогда дѣло. Поляки заключили съ Турціею миръ, оставившій ихъ въ прежнихъ отношеніяхъ съ послѣднею. Поляки обѣщали преградить путь морскимъ набѣгамъ казаковъ на будущее время [79]).

---

[77]) Jak. Michal. Ks. pam. 431.

[78]) Annal. Polon. Clim. I. 20.

[79]) Jak. Sobiesk. Pam. wojn. chocimsk.

Самъ Сагайдачный, недовольный этимъ миромъ, получивъ на сраженіи тяжелую рану, удалился въ кіевобратскій монастырь, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался..

Уже не разъ и прежде казаки ополчались за вѣру и въ 1618 году утопили въ Кіевѣ выдубицкаго игумена Грековича за ревностную пропаганду уніи [80]). Въ 1620 году, воспользовавшись проѣздомъ черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный упросилъ его посвятить въ санъ православнаго кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, а затѣмъ были посвящены владыки на всѣ русскія епархіи. Это событіе было ударомъ для римско-католической пропаганды, которая до сихъ поръ полагала главнымъ образомъ надежду на то, что православные или дизуниты, какъ ихъ окрестили паписты, не имѣли іерархіи.

Поэтому Сигизмундъ III объявилъ новопоставленныхъ архіереевъ незаконными и приказывалъ предавать ихъ суду, а папа Урбанъ VIII своими буллами разжигалъ противъ нихъ фанатизмъ своей паствы. Но благодаря той же свободѣ, которая въ Польшѣ дозволяла папистамъ свирѣпствовать надъ православіемъ—и возстановленная іерархія утвердилась подъ покровомъ казацкаго оружія. Самъ гетманъ Сагайдачный только этимъ фактомъ показалъ свой протестъ польскимъ стремленіямъ. За услуги, которыя онъ оказывалъ Польшѣ, этотъ гетманъ не пользовался слишкомъ хорошимъ воспоминаніемъ въ послѣдующія времена, когда закоренѣлая вражда къ ляхамъ стала первѣйшею гражданскою добродѣтелью, а дружба съ ляхами—преступленіемъ. Одна малорусская лѣтопись выразилась о немъ, что онъ всегда съ ляхами въ мирѣ жилъ, а поспольство терпѣло [81]). Какъ въ то время это поспольство было далеко отъ того, чтобы жить съ ляха-

---

[80]) Рук. И. П. Б. IV. № 36.

[81]) Сказ. ажъ до Богдана Хмельницкаго

ми въ мирѣ, показываетъ, между прочимъ, и то, что во время хотинской битвы, когда запорожцы выручали поляковъ, подольскіе хлопы тайно служили туркамъ и чуть было не успѣли, по наущенію послѣднихъ, зажечь польскаго обоза [82]): видно, что уже въ то время для русскаго хлопа Польша не была отечествомъ. Сагайдачный считалъ ее отечествомъ, и въ этомъ становился въ разрѣзъ съ посполитствомъ, и такое раздѣленіе отчасти перешло вообще на реестровыхъ казаковъ въ противоположеніе посполитству. Реестровые казаки, хотя не потеряли связи своей съ остальнымъ народомъ, но, при случаѣ, были готовы на мировую съ ляхами, тогда какъ въ посполитствѣ годъ отъ году развивалась ожесточенная ненависть. Но какъ бы то ни было, однако, справедливость требуетъ признать за Конашевичемъ-Сагайдачнымъ громадную заслугу для борьбы православнаго русскаго народа съ папизмомъ и полящиною — это было возстановленіе іерархіи. Съ этихъ именно поръ борьба русскаго народа съ ополяченнымъ шляхетствомъ, опредѣленнѣе и точнѣе, чѣмъ прежде, покрывалась знаменемъ оскорбленной и униженной православной вѣры.

Строгое запрещеніе безпокоить турецкіе предѣлы, данное вслѣдствіе условій хотинскаго мира, не имѣло у казаковъ силы. Въ слѣдующемъ же году (1622), когда посолъ Рѣчи Посполитой панъ конюшій князь Збаражскій былъ въ столицѣ падишаха, казаки на своихъ чайкахъ сдѣлали набѣгъ [83]). Письмо къ крымскому хану, приписываемое атаману Сирку [84]), исчисляя морскіе походы казаковъ, относитъ этотъ походъ къ 1621 году и говоритъ, что его сдѣлалъ Богданъ Хмельницкій, и «многіе карабли и каторги турецкіе опановалъ и благополучно до Сичи повернулся». Но извѣстіе это невѣрно.

---

[82]) Jak. Sobiesk. Pam. wojny chocimsk. 33.
[83]) Рук. И. П. Б. f. 67.
[84]) Лѣтоп. Величка. 2. 380.

Вопервыхъ, изъ современныхъ дѣлъ видно, что походъ этотъ совершенъ былъ не въ 1621, а въ 1622 году; вовторыхъ, Хмельницкій былъ два года въ плѣну, и ни какъ не могъ совершить похода въ 1621 г., а что въ 1622 г. не онъ совершилъ его, доказывается тѣмъ, что казаки, впослѣдствіи, указывали полякамъ, которые особенно этотъ поводъ считали преступнымъ, что они представили предводителей этой морской шайки къ суду [85]). Трудно предположить, чтобъ виновники этого похода, попавшись въ руки полякамъ, уцѣлѣли. Вслѣдъ затѣмъ, по восточнымъ извѣстіямъ (1622 — 1623), двадцать тысячь войска вторгалось въ Молдавію и Валахію. То были (какъ справедливо показалъ Сенковскій) своевольные казаки. Въ отплату за нарушеніе мира, въ іюнѣ 1624 года [86]) Кентемиръ-Мурза, вышедши изъ Молдавіи съ тридцатью (какъ говорятъ) тысячами изъ Бессарабіи, опустошилъ огнемъ и мечомъ дворы и села около Ярослава, Березина, Красна, Мекдишева, и ушелъ со множествомъ плѣнниковъ. Въ отмщеніе за то, въ сентябрѣ того же года, казаки на ста чайкахъ спустились въ Черное море. Турецкій флотъ стоялъ тогда въ Крыму въ Кафѣ, занятый укрощеніемъ тамошнихъ междуусобій. Казаки дошли до окрестностей Константинополя и 7-го октября ограбили и отчасти сожли селеніе Еникіой на берегу Константинопольскаго пролива, потомъ ушли благополучно, избѣгнувъ погони. На слѣдующій годъ триста чаекъ отправились къ Трапезунту и Синопу; въ каждой чайкѣ было по пятидесяти казаковъ—слѣдовательно всѣхъ пятнадцать тысячъ. Начальникъ турецкихъ морскихъ силъ Реджидъ-паша съ сорока тремя галерами и гальотами поплылъ имъ на встрѣчу и въ кровопролитномъ сраженіи при Карагманѣ (на западномъ берегу Чернаго моря) нанесъ имъ

---

[85]) Рук. И. П. Б. IV. 138.

[86]) Collect. 178.

пораженіе. Побѣда эта досталась туркамъ не дешево. Казаки сначала одолѣвали и уже было овладѣли адмиральскимъ кораблемъ, но перемѣна вѣтра дала успѣхъ ихъ противникамъ; только тридцать чаекъ спаслось; семьсотъ восемьдесятъ плѣнниковъ достались побѣдителямъ и осуждены со скованными ногами работать веслами на турецкихъ галерахъ. Вслѣдъ за тѣмъ сухопутное казацкое войско проникло въ Крымъ помогать крымскому хану Мугаммедъ-Гирею и его брату Шегинь-Гирею, взбунтовавшимся противъ турецкаго главенства. Казаки, по ихъ просьбѣ, прошли весь Крымъ, осадили турокъ въ Кафѣ и заставили помириться съ Мугаммедомъ. Тогда турецкій посолъ отправился къ польскому королю съ жалобою, требованіемъ немедленно наказать и укротить казаковъ и съ угрозами, въ случаѣ неисполненія воли падишаха.

Въ то же время снова казачество раздражило поляковъ своимъ противодѣйствіемъ ихъ распоряженіямъ. Казачество не хотѣло знать установленныхъ реестровъ; вмѣсто шести тысячъ ихъ были десятки тысячъ. Весь народъ стремился оказачиться и тѣмъ самымъ вырваться изъ подъ власти старостъ, пановъ и вообще польскаго строя. «Казаки (говоритъ современникъ Яковъ Собѣсскій) утратили свои древніе запорожскіе обычаи. Прежде они мало знали семейныя связи, незнакомы были съ избыткомъ и невоздержаніемъ и, кромѣ оружія, ничего не знали. Войско ихъ состояло тогда едва изъ нѣсколькихъ тысячъ, а теперь масса казачества возрастаетъ ежедневно; уже не мужество и заслуги даютъ рыцарское званіе: бѣглецы отъ плуга и ремеслъ изъ русскихъ провинцій наполняютъ ряды ихъ; толпа невоинственныхъ мужиковъ внѣдряется въ права старыхъ и заслуженныхъ воиновъ; споры и распри испортили ихъ древніе обычаи; благоразуміе замѣнилось грабительствомъ, дисциплина—необузданнымъ буйствомъ, повиновеніе начальству — своевольствомъ. Бродячіе отряды по Руси и Литвѣ, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ, грабятъ

костелы, коронныя и дворянскія имѣнія. Когда они идутъ въ походъ, толпы ихъ живутъ грабежемъ; возвращаясь изъ похода, они селятся по короннымъ и дворянскимъ имѣніямъ и отрекаются отъ всякаго повиновенія панамъ. Немногіе изъ старыхъ воиновъ возвращаются въ Сичу; другіе, обогащенные добычею, занимаются хозяйствомъ, живутъ съ женами и дѣтьми и, недовольные бездѣйствіемъ, вмѣшиваются въ уличныя дрязги и отправляютъ на сеймы посольства, защищая права исповѣдующихъ греческую вѣру, непризнающую правъ западной церкви» [87]).

Изъ этого современнаго описанія какъ нельзя яснѣе видно, что казачество, распространяясь по Руси, было стражемъ русской народности, препятствовало принятому гражданскому порядку въ Польшѣ. Полякамъ еще болѣе необходимо было, если не совершенно уничтожить казачество, то остановить разлитіе этого воинственнаго элемента на всю массу русскаго народонаселенія, поставить казаковъ въ ограниченное число, въ значеніи исключительно особаго военнаго сословія.

Въ 1625 году казаки послали своихъ депутатовъ съ такими смѣлыми требованіями:

«Обезпечить древнюю православную вѣру, удалить унитовъ отъ церквей и церковныхъ имѣній, признать законными духовныхъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, и уничтожить изданные имъ во вредъ универсалы, дозволить казакамъ проживать спокойно во всѣхъ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ Кіевскаго воеводства, уничтожить всѣ стѣснительныя противъ нихъ постановленія (слѣдовательно, дозволить полное расширеніе казачества и возможность всему народу въ Кіевскомъ воеводствѣ перейти въ казачество, а также переходить туда изъ другухъ воеводствъ жителямъ), дозволить казакамъ судиться самимъ между собою, не завися

---

[87]) Jak. Sob. Pam. wojny. choc. 44.

ни отъ какихъ другихъ урядовъ, а въ случаѣ тяжбы съ мѣщанами выбирать поровну судей отъ мѣщанскаго уряда и отъ казаковъ, дозволить казакамъ передавать свои имущества кровнымъ или кому захотятъ по завѣщанію, а не отдавать ихъ уряду, какъ хотѣло правительство, дозволить имъ безпрепятственно ходить на рыбные и звѣриные промыслы (а слѣдовательно и въ Сичь, откуда они могли предпринимать морскіе походы), дозволить имъ вступать въ службу иностранныхъ государей, возвысить имъ жалованье, не допускать жолнеровъ на квартиры въ Кіевскомъ воеводствѣ, не давать кадуковъ по войсковымъ товарищамъ, то есть, въ случаѣ преступленія не раздавать имуществъ другимъ лицамъ, мимо наслѣдства, дать привилегію на братство, основанное въ Кіевѣ, и на школы для обученія юношества».

При такой просьбѣ приложенъ былъ перечень утѣсненій, которыя терпитъ православная вѣра въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ. Указывали, что въ Полоцкѣ и Витебскѣ ни въ одной церкви не дозволялось совершать богослуженія, а священниковъ, какъ только покажутся въ городѣ, сажаютъ въ тюрьмы, дѣти умираютъ безъ крещенія, люди живутъ безъ вѣнчанія и отходятъ на тотъ свѣтъ безъ исповѣди и св. причащенія, а полоцкій владыка приказывалъ выкапывать изъ земли погребенныхъ на кладбищѣ и бросать на съѣденіе собакамъ. «Ксендзъ-митрополитъ Рутскій въ Вильнѣ взялъ подъ арестъ виленскихъ предмѣщанъ и они до сихъ поръ сидятъ за порукою подъ слѣдствіемъ; въ Вильнѣ и Полоцкѣ выгнали изъ урядовъ и радъ мѣщанъ греческой религіи, и лишаютъ ихъ тѣхъ правъ, какими они до сихъ поръ пользовались. Уряды не хотятъ даже принимать просьбъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ людямъ греческой вѣры отъ апостатовъ, а между тѣмъ, безпокоятъ мандатами и тянутъ въ суды шляхту, которая скрываетъ у себя священниковъ греческой религіи. Въ Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Витебскѣ, Дрисѣ

и другихъ литовскихъ городахъ полоцкой епархіи апостатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и много убійствъ учинилъ надъ людьми. Въ Пинскѣ и во всей пинской епархіи апостатъ Шаховскій отнялъ церкви на унію и людей насилуетъ. Также въ Луцкѣ, Ровномъ и во всѣхъ городахъ луцкой епархіи отступникъ почаевскій отнялъ церкви и попа Іоанна Жемальскаго, ради уніи, отправилъ въ оковахъ въ Замостье. Въ Кременцѣ, Брестѣ и другихъ городахъ епархіи владимирской, въ Бускѣ, Бельзѣ, Сокалѣ, Красноставѣ хелмскій апостатъ Пакоста, въ Ярославлѣ апостатъ Крупицкій, также въ Перемышлѣ отнимаютъ церкви, мучатъ поповъ и людей. Во Львовѣ отдалили русскихъ отъ всякихъ цеховыхъ ремеслъ, не допускаютъ православныхъ звонить въ колокола, ходить къ больнымъ съ св. причастіемъ, переносить черезъ городъ мертвыхъ и пр. Въ Кіевѣ апостатъ Рутскій также надѣлалъ много несправедливостей людямъ древней греческой религіи и опустошилъ церкви».

Но этимъ не ограничили казаки оборону вѣры. Узнавши, что въ Кіевѣ войтъ Ѳедоръ Ходыка, въ ревности къ распространенію уніи, печатаетъ православныя церкви, казаки отправились туда, убили войта, ограбили католическій монастырь, убили въ немъ священника, отняли угодья, принадлежавшія прежде православной церкви св. Василія, и судили въ Кіевѣ, дѣла по своему. Вмѣстѣ съ тѣмъ они, въ совѣтѣ съ митрополитомъ Іовомъ, отправили къ московскому царю посольство, съ просьбою принять казаковъ подъ свое покровительство. Посольство это взялъ на себя луцкій православный епископъ Исаакій. Это сдѣлалось извѣстно полякамъ.

Поляки не могли простить казакамъ такого поведенія. Гетманъ Станиславъ Конецпольскій получилъ повелѣніе укротить казаковъ оружіемъ.

Въ октябрѣ гетманъ съ своимъ кварцянымъ войскомъ вошелъ въ Украину и дошелъ до Канева. 11-го октября ка-

заки прислали къ нему депутатовъ и просили, чтобъ онъ не шелъ на нихъ съ оружіемъ, пока не воротится съ Запорожья ихъ гетманъ Жмайло, а тѣмъ временемъ они совѣтовались на радѣ. Рада ихъ не была согласна; поляки узнали, что съ этой всеобщей рады три тысячи казаковъ ушли изъ Канева. Гетманъ Конецпольскій послалъ за ними погоню; казаки, побившись съ ляхами, ушли къ Черкасамъ, а затѣмъ и остальные изъ Канева прошли туда же. Ихъ было, по польскимъ донесеніямъ, до двадцати тысячъ. Конецпольскій послѣдовалъ за ними къ Черкасамъ. Казаки опять послали просить, чтобъ поляки не наступали на нихъ, и говорили, что гетманъ ихъ Жмайло уже вышелъ изъ Запорожья и скоро будетъ. Но поляки не послушали ихъ просьбы. Казаки ушли изъ Черкасъ. Поляки послѣдовали за ними. Подъ мѣстечкомъ Боровицею, 19-го октября, казаки въ третій разъ послали депутацію съ прежнею просьбою, увѣряя, что вотъ гетманъ ихъ скоро придетъ и тогда будутъ вести переговоры. Поляки и въ третій разъ не послушали ихъ. Казаки ушли къ Крылову, и поляки за ними. 25-го октября явились казацкіе депутаты и извѣстили, что ихъ гетманъ наконецъ, пришелъ изъ Запорожья съ пушками и извѣщалъ о своемъ прибытіи. 26-го октября отправились къ казакамъ отъ гетмана коммиссары съ условіями, которыя должны были поставить казачество въ то стѣснительное положеніе, въ какомъ желала его содержать Рѣчь Посполитая. Казаки отвѣчали, что объ этомъ у нихъ будетъ рада, и рада эта произошла 26-го октября, и въ тотъ же день тринадцать старшихъ казаковъ явились къ гетману и объявили, что казаки не желаютъ принять ни одного пункта изъ условій, предложенныхъ имъ.

Конецпольскій сказалъ имъ: «Такъ-какъ вы не хотите, какъ прилично вѣрнымъ подданнымъ, пріобрѣсти милость его величества, то за ваше непослушаніе и своеволіе отвѣдаете на

своихъ шеяхъ нашихъ сабель, и пролитая кровь останется на вашихъ душахъ». Депутатовъ отпустили, Конецпольскій надѣлъ на себя вооруженіе, и съ высокаго кургана разсматривалъ въ зрительную трубу казацкій таборъ. Началось сраженіе. Казаки защищались храбро. Битва кончилась поздно. На другой день гетманъ приказалъ дѣлать приготовленія къ штурму казацкаго табора, который стоялъ за болотомъ и былъ окопанъ. Но одинъ гайдукъ передался къ казакамъ и объявилъ имъ, что поляки замышляютъ штурмъ.

Тогда казаки, находя мѣсто недостаточно удобнымъ для обороны, хотѣли переправиться на другой берегъ Днѣпра, но въ это время поднялась буря и на рѣкѣ были сильныя волны. Нѣсколько отважныхъ лодокъ пустились на Днѣпръ и потонули. Жмайло приказалъ сниматься съ табора и повелъ своихъ казаковъ ниже по теченію Днѣпра къ урочищу Старому Городищу надъ Кураковымъ озеромъ.

Поляки послѣдовали за ними. Нѣсколько дней прошло въ дракахъ. Наконецъ, казаки, сильно тѣснимые, соглашались покориться, но ни за что не хотѣли выдавать зачинщиковъ, ссылаясь на то, что они будутъ судить ихъ по своему войсковому праву. Они смѣнили съ гетманства Жмайла и выбрали гетманомъ Михайла Дорошенка.

Польскіе коммиссары, съѣхавшись съ казаками, стали имъ исчислять вины казаковъ. «Вы—говорили имъ они—получили отъ Рѣчи Посполитой важныя права, хотя большая часть васъ и не шляхетскаго званія, однако вы по вольности вашей жизни и по правамъ на имущества почти сравнены съ высшими классами Рѣчи Посполитой. Къ удивленію цѣлаго свѣта, Рѣчь Посполитая прощала вамъ то, что, по всѣмъ правамъ, заслуживало кары, и много разъ заключала съ вами коммиссіи, желая прекратить ваши своевольства болѣе убѣжденіями, чѣмъ строгостію, и теперь вы сдѣлали нѣсколько преступленій: 1) вы предпринимали морскіе походы, которые

навлекли на Рѣчь Посполитую войну со стороны Турціи; въ особенности преступенъ тотъ вашъ набѣгъ, который былъ совершенъ въ бытность въ Константинополѣ посла Рѣчи Посполитой, пана конюшаго Збаражскаго, посланнаго для окончательнаго заключенія мира; 2) вы сносились съ московскимъ государемъ, съ которымъ Рѣчь Посполитая еще не постановила твердаго мира и признавали за нимъ царскій титулъ, а также сносились съ крымскимъ ханомъ Шегинь-Гиреемъ и помогали ему; 3) принимали къ себѣ разныхъ царьковъ, которые назывались то московскими, то волоскими государями, и давали притонъ разнымъ подозрительнымъ лицамъ, которые могутъ быть вредными для Рѣчи Посполитой; 4) вы самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство считаетъ законно занимающими эти должности; 5) лица шляхетскаго званія и владѣльцы безпрестанно жалуются, что ихъ подданные выходятъ изъ повиновенія и потомъ вооруженными купами наѣзжаютъ на ихъ имѣнія, посягаютъ на ихъ жизнь, присвоиваютъ грунты, отнимаютъ пожитки, не даютъ собирать съ ихъ имѣній доходовъ; 6) казаки неоднократно нападали на староства, а въ недавнее время напали на городъ Кіевъ, убили тамъ войта, добраго человѣка, вашего единовѣрца, другихъ взяли въ неволю или отдавали на поруки и ограбили, напали на римско-католическій монастырь, убили священника, отняли у монастыря грунтъ и завели на немъ хуторъ, оскорбили намѣстника подвоеводскаго и на самаго подвоеводу похвалялись, налагали на города разные поборы, брали себѣ стаціи, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ званія шляхетскаго, духовныхъ, мѣщанъ и жидовъ замучили съ неслыханнымъ варварствомъ».

На это казаки оправдывались такъ:

«Мы сами отослали на сеймъ для покорности тѣхъ предводителей, которые ходили на море во время посольства пана Збаражскаго, представивъ ихъ въ гродскій судъ, чему свидѣтель подвоеводчій, а послѣ мы ходили на море, потому что намъ не дали жалованья, обѣщаннаго на прежнихъ коммиссіяхъ. Мы посылали въ Москву не для какого нибудь договора, а напомнить, чтобы, по давнему обычаю, не забыли прислать намъ казны. Съ Шегинь-Гиреемъ такъ случилось: товарищи наши вышли на добычу съ Дона, въ то время, какъ Шегинь-Гирей поссорился съ Калгою, волна принесла нашихъ товарищей къ берегу въ Крымъ голодныхъ и оборванныхъ; Шегинь-Гирей ихъ принялъ къ себѣ на службу, а такъ какъ они ему послужили честно, то онъ, показывая любовь къ польскому королю, прислалъ въ Запорожье своихъ пословъ просить, чтобъ мы не нападали на Крымъ, чего мы и не хотѣли дѣлать безъ воли королевской; но такъ какъ Шегинь-Гирей обязывался утвердить присягою миръ отъ всей орды съ владѣніями его величества короля, то намъ казалось справедливымъ заключить договоръ съ нимъ. О святѣйшемъ патріархѣ и о поставленныхъ имъ духовныхъ его величество знаетъ, и духовные уже объясняли это дѣло. Что касается до разныхъ цариковъ, московскихъ, турецкихъ, волоскихъ и другихъ неизвѣстныхъ лицъ, то мы не чувствуемъ себя виновными въ этомъ: приходъ на Запорожье и выходъ оттуда издавна былъ всѣмъ свободенъ. Кто наѣзжалъ на шляхетскіе дворы и оскорблялъ людей шляхетскаго званія, тѣхъ считаемъ виноватыми и готовы чинить надъ ними правосудіе. Что касается до кіевскаго дѣла, то мы видимъ во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, на Бѣлой Руси, на Волыни, на Подоли великое утѣсненіе церквамъ Божіимъ: не дозволяютъ священникамъ нашимъ отправлять свободно богослуженія, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, которые отдаютъ унитамъ, и вообще дѣлаютъ великое насиліе совѣ-

сти нашимъ христіанамъ, а кіевскій войтъ, по наущенію попа онаго, близко насъ въ Кіевѣ, печаталъ церкви, отнималъ издавно данные приходамъ доходы и оскорбительными словами бранилъ нашего кіевскаго митрополита; чего не могъ терпѣть не только онъ митрополитъ, но и простѣйшій человѣкъ, когда идетъ дѣло о его совѣсти и о чести. Отдаемся въ томъ на мудрость вашихъ милостей. Объ убійствѣ монаха и оскорбленіи подвоеводчаго не знаемъ, а грунтъ, который мы отобрали, принадлежитъ издавна церкви Василія».

Коммиссары предложили имъ условія. Казаки пытались смягчить ихъ, домогались, чтобъ имъ дозволили жить во всѣхъ имѣніяхъ, судиться своимъ судомъ, ходить на море на рыбную ловлю, оставить за собою артиллерію, а болѣе всего — говорили они — просимъ и молимъ, чтобъ наша греческая вѣра не терпѣла утѣсненій, ибо спокойствіе ея присягалъ хранить король. Но казаки должны были уступить. Тѣ, которые входили въ реестръ и должны были оставаться въ казацкомъ званіи, отступили отъ громады тѣхъ, которые хотѣли одинаковыхъ съ ними правъ, тѣмъ болѣе, что поляки не только обѣщали настоящимъ казакамъ оставить права, но еще и прибавить жалованье. Шесть тысячъ реестровыхъ казаковъ должны были, по прежнему, составлять военное привилегированное сословіе и получать отъ государства жалованье: изъ нихъ тысяча человѣкъ, по назначенію короннаго гетмана, должна была по очереди находиться въ низовьяхъ за порогами, чтобъ не допускать непріятеля къ переправамъ; остальные же, находясь въ волостяхъ, должны были, по требованію короннаго гетмана, прибывать къ нему на помощь въ случаѣ нужды. Казакамъ предоставлено заниматься промыслами, торговлею, рыбною и звѣриною ловлями, но безъ ущерба старостамъ. Запрещалось строго ходить на море и разрывать миръ съ Турціею и Крымомъ, а также нападать

и по сухопутью на сосѣднія державы, и всѣ чайки, какія были у казаковъ, слѣдовало сжечь при коммиссарахъ Рѣчи Посполитой. Запрещалось казакамъ вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла, неотносящіяся къ войску, заключать съ сосѣдними державами договоры и вступать въ иностранную службу; запрещалось присвоивать себѣ непринадлежащую къ нимъ юрисдикцію, но дозволялось имъ имѣть между собою собственный судъ. Въ случаѣ жалобъ людей другихъ вѣдомствъ на казаковъ, казацкому начальству слѣдовало оказывать немедленно правосудіе. Тѣмъ казакамъ, которые жительствовали въ панскихъ имѣніяхъ, дозволялось тамъ жить по прежнему только въ такомъ случаѣ, когда казакъ будетъ послушенъ пану; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ, въ теченіе двѣнадцати недѣль, выйти въ коронное имѣніе. Войско будетъ находиться подъ властью старшаго, выбраннаго ими, но утвержденнаго коронымъ гетманомъ, и получать жалованье, которое полагалось въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ злотыхъ въ годъ. Затѣмъ, всѣ, называвшіе себя казаками, но не вошедшіе въ реестръ шеститысячнаго числа, должны подчиниться своимъ старостамъ и дѣдичнымъ панамъ, и всѣ, присвоенные ими въ качествѣ казацкихъ грунты и всякія имущества должны быть отданы панамъ; но тѣ, которые такимъ образомъ должны быть выписаны изъ реестра, не будутъ подвергаться наказаніямъ отъ старость и подстарость за то, что они находились въ казакахъ. Но такимъ образомъ ограждались только тѣ изъ бывшихъ въ казацкомъ званіи и терявшихъ его, которые принадлежали прямо къ коронымъ имѣніямъ; о тѣхъ же, которые поступала въ казачество изъ панскихъ дѣдичныхъ имѣній, не упоминалось вовсе въ договорѣ, слѣдовательно, они предоставлены были произволу владѣльцевъ.

Въ такомъ смыслѣ былъ составленъ договоръ 6-го ноября 1625 года на урочищѣ Медвѣжьихъ-Лозахъ, при озерѣ Ку-

раково. Новоизбранный гетманъ Михаилъ Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность и точное исполненіе договора; за нимъ дали присягу и другіе казацкіе чины [88]).

Послѣ этого въ Константинополь дано знать чрезъ посла, что казаки укрощены, задорнѣйшіе ихъ беи уничтожены, чайки сожжены и всѣ они присягнули не выходить болѣе въ Черное море. По требованію польскаго посла, падишахъ приказалъ хану вызвать своихъ мирзъ, которые съ ордами стояли у Киліи и готовились разорять русскій край.

Татарамъ было это очень непріятно, потому что они были рады предлогу къ грабежу; но казаки скоро сами вывели ихъ изъ затрудненія. Семьдесятъ чаекъ появилось на Черномъ морѣ; посланныя противъ нихъ турецкія галеры переловили половину бывшихъ на нихъ казаковъ и привели плѣнниковъ къ «высокому порогу». Татары, находившіеся въ Стамбулѣ, говорили: «когда казаки не перестаютъ тѣшиться разбоями, такъ и намъ позвольте дѣлать наѣзды на ляшскую землю» [89]). Восточныя извѣстія говорятъ, что турецкое правительство отказало имъ; такъ или иначе, только въ 1626 году огромная толпа татаръ бросилась въ глубину Украины; воевода кіевскій, храбрый Стефанъ Хмѣлецкій, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, разбили ее подъ Бѣлою-Церковью: одинадцать тысячъ легло на мѣстѣ [90]).

Это посѣщеніе требовало со стороны казаковъ новой отплаты. Случай представился. Мухаммедъ-Гирей былъ снова сверженъ и на мѣсто его посаженъ Джанибекъ-Гирей. Изгнанникъ, вмѣстѣ съ братомъ, опять обратился къ казакамъ. Для казаковъ, кромѣ недавняго посѣщенія Украины, былъ еще

---

[88]) Рук. И. П. Б. польск. f. № 67.

[89]) Collect. 134.

[90]) Lat. Jerlicza. 35.

новый поводъ вмѣшаться въ это дѣло: Гассанъ-паша, правитель Бессарабіи, посадивъ въ Кафѣ на крымскій престолъ Джанибекъ-Гирея, отправился къ устью Днѣпра и занялся устройствомъ укрѣпленій для преграждения казакамъ выхода изъ Днѣпра въ море [91]). Дорошенко отправился въ Крымъ. Въ его войскѣ было много изъ тѣхъ, которые, за составленіемъ реестра, остались внѣ казацкаго сословія. Они нашли мухаммедова соперника приготовленнымъ: знаменитые наѣздничествами мирзы и, въ числѣ ихъ, Кентемиръ, на котораго татары смотрѣли, какъ на необыкновеннаго богатыря, были уже съ нимъ. Упорная битва продолжалась два дня. На первый день побѣда явно клонилась на сторону казаковъ: «множество татаръ (говоритъ мусульманскій историкъ) получили мученическіе вѣнцы изъ рукъ невѣрныхъ». На другой день, мирзы рѣшились съ отчаяніемъ ударить на непріятелей со всѣхъ сторонъ; закипѣла страшная битва, побѣда снова было склонялась на сторону казаковъ; вдругъ татары, защищавшіе Мухаммеда, «пораженные (говоритъ тотъ же историкъ) ужасною мыслью, что они соединились съ невѣрными на пролитіе мусульманской крови, вспомнивъ, что чрезъ это они лишатся благодѣяній своей вѣры и осуждаютъ себя на вѣчный пламень, покинули союзниковъ и перешли на сторону Джанибекъ-Гирея. Мухаммедъ-Гирей найденъ былъ мертвымъ. Голова Дорошенка, убитаго въ битвѣ, была взоткнута на стѣнахъ Кафы [92]).

Очевидно, что договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ мало удовлетворялъ казаковъ, мало и полякамъ приносилъ пользы. Морскіе походы продолжались своимъ обычнымъ чередомъ. Въ 1629 г. казаки опять посѣтили Босфоръ и, по выраженію письма, приписываемаго атаману Сирку, окуривали мушкет-

---

91) Collect. 183.

92) Ibid. 186.

нымъ дымомъ цареградскія стѣны и обитателямъ Цареграда задали великій страхъ и смятеніе[93]).

Начальники приморскихъ странъ Турецкой имперіи, Анатоліи и Румеліи жаловались, что казаки безпрерывно разбойничаютъ; пойманные въ плѣнъ изъ нихъ увѣряли турокъ, будто они пустились на море не по своей охотѣ, а по приказанію польскаго правительства. Эти вѣсти казаки распускали для возбужденія войны между Польшею и Турціею, чтобъ, такимъ образомъ, можно самимъ имѣть право на морскія экспедиціи. И вотъ казаки оказались виновными передъ своимъ правительствомъ не только въ своеволіи, но въ умышленныхъ покушеніяхъ поссорить Польшу съ Турціею. Внутри Украины договоръ на Медвѣжьихъ-Лозахъ не водворилъ такого порядка, какъ того хотѣлось Польшѣ. Съ этихъ поръ распространилось въ Украинѣ имя «выписчиковъ»; такъ стали называть тѣхъ, которые, какъ и прежде дѣлалось, хотѣли самовольно сдѣлаться казаками; имя это возникло теперь оттого, что Кураковская коммиссія исключила (выписала) множество такихъ изъ реестровъ, куда они были вписаны. Такимъ образомъ, казачество дѣлилось на два рода — на реестровыхъ и выписчиковъ. Первые, въ числѣ шести тысячъ, признавались въ казацкомъ званіи; вторые хотѣли быть казаками и сами себя считали въ этомъ званіи, въ противность волѣ правительства. Послѣднихъ было несравненно болѣе, чѣмъ первѣхъ, и никто не въ состояніи былъ услѣдить за ними: то были, попрежнему, подданные коронныхъ и дѣдичныхъ имѣній, неповиновавшіеся своимъ панамъ, называвшіе себя, въ противность имъ, казаками, бѣжавшіе въ Сичь или составлявшіе внутри Украины своевольныя купы, нападавшія на дворянъ. Издавна, какъ мы видѣли, велось это: нисходящее поколѣніе прежнихъ самозванныхъ казаковъ—дѣти, вну-

---

[93]) Лѣт. Величка. 2. 380.

ки, племянники, всѣ считали себя казаками, тогда какъ правительство не хотѣло ихъ признавать въ этомъ званіи. Имъ теперь особенно было тяжело это непризнаніе, когда они или отцы ихъ уже были вписаны въ реестръ; при Сагайдачномъ само правительство, нуждаясь въ военной силѣ, дозволяло быть большему числу казаковъ. Кураковская коммиссія ихъ выгнала, обратила въ хлоповъ. Но хлопы въ Украинѣ вообще давно уже стремились сдѣлаться казаками; теперь это стремленіе усилилось, послѣ того, какъ въ массу хлоповъ возвращаемо было много такихъ, которые, по своимъ понятіямъ, считали за собою нѣкоторое законное право числиться казаками. Реестровые казаки, смотря по обстоятельствамъ, готовы были укрощать ихъ, по приказанію короннаго гетмана, но также готовы были, при случаѣ, стать съ ними заодно противъ ляховъ, тѣмъ болѣе, когда ихъ соединяла съ русскимъ народомъ религія, требовавшая защиты.

Выписчики, бывшіе въ Крыму съ Дорошенкомъ, по смерти его, выбрали изъ своей среды гетманомъ Тараса, котораго коронный гетманъ называлъ презрѣннымъ хлопомъ, вѣроятно, оттого, что онъ принадлежалъ къ реестровымъ. Часть реестровыхъ признала его, но большинство ихъ избрало себѣ предводителемъ Грицька Чорнаго, человѣка, преданнаго полякамъ. Коронный гетманъ утвердилъ его [94]). Грицько, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, одержалъ побѣду надъ татарами подъ Бурштыномъ [95]). Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не пускалъ на море, не дозволялъ хлопамъ причисляться къ казацкому сословію и строго наказывалъ непослушныхъ. Тарасъ оставался на Запорожьѣ; его силы возрастали; бѣглецы изъ Украины собирались къ нему; онъ разослалъ универсалъ, въ которомъ, называя себя

---

[94]) Рук. И. П. Б. польск. F. № 241.
[95]) Lat. Jerlicza 36.

законнымъ предводителемъ казаковъ, приказывалъ неповиноваться Грицьку и признавать его старшимъ, потому что Грицько не былъ избранъ вольными голосами, по казацкому обычаю, при арматѣ. Съ своей стороны, Грицько посылалъ на Запорожье свои универсалы, приглашалъ покориться и обѣщалъ всѣмъ прощеніе. Такъ продолжалось полгода. Когда доставлено было слѣдуемое казакамъ жалованье, Грицько не сталъ раздавать его, а прежде сдѣлалъ пересмотръ казакамъ, привелъ въ порядокъ реестръ, исключилъ изъ него тѣхъ, которые убѣжали къ Тарасу на Запорожье, и замѣстилъ другими, по его соображеніямъ, надежными. Наконецъ, Тарасъ вышелъ съ запорожцами на Украину. Запорожцы—доносилъ коронный гетманъ—поступили хитро: обѣщали привезти армату и покориться. Грицько довѣрялъ имъ и не принялъ предосторожностей: его внезапно схватили, привезли къ Тарасу и казнили жестоко: ему сперва отрубили руки, потомъ голову. Есть извѣстіе, что онъ принялъ унію и за то его особенно мучили казаки. Его приверженцы спасались бѣгствомъ—кто въ лѣсъ, кто въ степь, а большинство пристало къ коронному войску. Тогда Тарасъ оповѣстилъ универсаломъ, что всякъ, кто хочетъ, можетъ сдѣлаться казакомъ, и приглашалъ всѣхъ подниматься на ляховъ [96]).

Угнетенія, наносимыя православной вѣрѣ, увеличивались, по мѣрѣ того, какъ папизмъ пріобрѣталъ новыхъ прозелитовъ между русскими дворянами; въ имѣніяхъ пановъ, перемѣнившихъ религію, православные храмы подвергались поруганію; по городамъ все болѣе и болѣе накоплялись религіозные процессы; православные, обличаемые унитами и католиками въ хуленіи западной церкви, томились въ темницахъ. Митрополитъ Іовъ, опираясь на равенство правъ русскаго народа съ польскимъ, созывалъ соборъ съ цѣлію про-

---

[96]) Рук. И. П. Б. польск. F. № 241.

тиводѣйствовать насилію, но противъ него гремѣли ужасныя папскія граматы, возбуждавшія вѣрныхъ сыновъ намѣстника Петрова преслѣдовать непризнающихъ власти апостольскаго престола и единства церкви подъ его главенствомъ.

Въ такомъ положеніи были церковныя дѣла, когда польскія войска возвратившись съ прусской войны, расположены были въ Украинѣ и притомъ даже на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ никогда еще не квартировало кварцяное войско. Тогда между русскимъ народомъ пошелъ слухъ, что польскіе жолнеры пришли съ цѣлію уничтожить православную вѣру и истребить весь южнорусскій народъ, а отечество его заселить поляками. Хмѣльные жолнеры, въ жару ненависти противъ схизматиковъ, похвалялись истребить русскихъ украинцевъ до предѣловъ московщины. Духовные, сопоставляя папскія граматы съ злоупотребленіями жолнеровъ, квартировавшихъ въ Кіевѣ, призывали православныхъ къ защитѣ вѣры и жизни. [97]). Польскіе историки указываютъ на печерскаго архимандрита, какъ на возбудителя народнаго возстанія: печерскимъ архимандритомъ былъ тогда знаменитый Петръ Могила [98]). Вѣроятно и митрополитъ Іовъ Борецкій участвовалъ въ этомъ возбужденіи народа: сынъ его, Стефанъ Борецкій былъ однимъ изъ казацкихъ старшинъ, поднявшихъ возстаніе [99]). Разбирая, вѣроятно, откуда исходятъ призывы возстанія, поляки умертвили въ Кіевѣ одного митрополичьяго служку и съ нимъ трехъ другихъ лицъ.

Тарасъ послалъ требованіе, чтобъ жолнеры удалились и не занимали квартиръ восточнѣе Бѣлой-Церкви. Начальники отписали, что они будутъ квартировать тамъ, гдѣ имъ приказано отъ правительства. Тогда Тарасъ напалъ на польскія

---

97) Львовск. лѣтоп. Журн. Мин. Нар. Пр. 1838. апр.

98) Pam. do pan. Zygm. III. 154.

99) Львовск. лѣт. ibid.

войска, стоявшія близь Корсуня вмѣстѣ съ реестровыми казаками. Послѣдніе, въ числѣ трехъ тысячъ, лишившись уже своего предводителя Грицько, пристали къ Тарасу. Поляки бѣжали [100].

Возбуждаемый универсалами Тараса и духовенствомъ, народъ возсталъ и началъ прогонять жолнеровъ. Ихъ изгнаніе было для русскихъ тѣмъ удобнѣе, что гетманъ Конецпольскій, замѣчая въ своемъ войскѣ духъ неповиновенія и опасаясь возмущенія за неисправный платежъ жалованья, старался предупредить волненія, пока Рѣчь Посполитая на сеймѣ не назначитъ уплаты, и разставилъ одну хорухвь отъ другой на далекомъ разстояніи такъ, чтобъ не дать имъ сходиться [101]. Застигнутые врасплохъ, иные поплатились жизнію. Всѣ бѣжали, покинувъ свои имущества.

Тарасъ отправилъ къ коронному гетману посольство и требовалъ: уничтожить кураковскую коммиссію, ограничивавшую число казаковъ, и выдать казаковъ, приверженцевъ Грицько, убѣжавшихъ отъ войсковаго суда. Что касается до убійства Грицька, то онъ признавалъ это справедливымъ дѣломъ суда. Само собою разумѣется, что коронный гетманъ не могъ принять такихъ условій. Готовясь идти на усмиреніе русскихъ, Конецпольскій послалъ впередъ себя отрядъ подъ начальствомъ Самуила Лаща, короннаго стражника, (т. е. блюстителя порядка надъ пограничными областями) [102]. По свидѣтельству современника [103], этотъ панъ не боялся закона, не стыдился людей, наѣзжалъ на шляхетскія имѣнія и домы, разорялъ, умерщвлялъ людей, обрѣзывалъ имъ носы и уши, насильно отдавалъ дѣвицъ и вдовъ за людей своего войска,

---

100) Рук И. П. Б. польск. F. № 241.
101) Pam. do pan. Zygm. III. 154.
102) Рук. И. П. Б. польск. F. № 241.
103) Lat. Jerl. 50.

составленнаго изъ разной сволочи. Его постигли двѣсти тридцать шесть баннпцій и тридцать семь инфамій за разныя преступленія, но онъ всегда имѣлъ защитника въ Конецпольскомъ, который охранялъ его военными экземптами и такимъ образомъ давалъ потачку его своевольствамъ: кто бы вздумалъ на него искать судомъ, тотъ долженъ былъ отречься жены и дѣтей и спасаться бѣгствомъ. За то онъ былъ набоженъ и для очищенія грѣховъ въ послѣднихъ дняхъ масляницы запирался въ монастырь для духовныхъ упражненій. Этотъ Лащъ на первый день пасхи 1630 (еще какъ кажется до раздѣлки Тараса съ жолнерами подъ Корсуномъ) въ мѣстечкѣ Лисянкѣ вырѣзалъ поголовно все населеніе, не разбирая ни пола, ни возраста; жители искали спасенія въ церкви; жолнеры врывались и туда и перебили всѣхъ безъ разбора. Другой такой же отрядъ перерѣзалъ всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ Димерѣ. По дорогамъ жолнеры хватали русскихъ и мучили. Народъ толпами бѣжалъ къ Тарасу и у него набралось нѣсколько десятковъ тысячъ, но это войско, исключая запорожцевъ и реестровыхъ, не было хорошо вооружено и искусно. Тарасъ переправился съ нимъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и думалъ заманить за собою поляковъ, чтобъ потомъ пресѣчь имъ сообщеніе съ правою стороною Днѣпра.

Самуилъ Лащъ, услышавъ о переправѣ казаковъ, прибылъ въ Кіевъ и соединился съ отрядомъ Потоцкаго; они ожидали коронпаго гетмана; съ ними было до двухъ тысячъ реестровыхъ, не приставшихъ къ Тарасу. Конецпольскій прибылъ только предъ троицынымъ днемъ. Впослѣдствіи, онъ доложилъ сейму, что медленность его происходила оттого, что трудно было достать подводъ и подводчиковъ. Доминикане (вѣроятно кіевскіе), во время литургіи, положили на алтарѣ его саблю, послѣ обѣдни носили ее съ торжествомъ около

церкви и поднесли предводителю, чтобы поразить ею поганыхъ схизматиковъ.

Казаки сосредоточили свои силы въ Переяславлѣ. Конецпольскій отправился добывать ихъ. Когда онъ подступилъ къ Переяславлю, Лащъ замѣтилъ, что одинъ казацкій отрядъ пробирается на помощь къ своимъ, и бросился отрѣзать его; казаки, которыхъ было до пятисотъ, дали ему отпоръ; Лащъ, разсудивъ, что не можетъ одолѣть этого отряда, послалъ къ гетману просить помощи; гетманъ самъ, собравъ двѣ тысячи человѣкъ отборнаго войска, поспѣшилъ къ нему на помощь; но казаки убѣжали. Поляки стали ихъ преслѣдовать и отдалились отъ своего обоза, а тутъ, какъ будто для приманки, наткнулся на нихъ другой казацкій отрядъ, также шедшій къ Переяславлю; въ немъ было не болѣе двухсотъ человѣкъ. Поляки окружили его. Русскіе бросились въ сарай, и тамъ отчаянно стали защищаться, не отдаваясь врагамъ живыми. Всѣ погибли, кромѣ израненнаго сотника, попавшаго въ неволю отъ изнеможенія силъ. Но въ то время, когда поляки доставляли себѣ удовольствіе истреблять этихъ двѣсти молодцовъ, двое гайдуковъ изъ польскаго лагеря ушли въ Переяславль и донесли Тарасу, что въ польскомъ лагерѣ нѣтъ коронпаго гетмана. Казаки высыпали изъ города. Начальство надъ поляками принялъ Потоцкій. Началась жестокая сѣча; двѣ тысячи человѣкъ пало съ обѣихъ сторонъ; казаки успѣли захватить нѣсколько орудій; въ то же время другая часть казацкаго войска стала на перепутьи гетману, и когда Конецпольскій, истребивъ двѣсти человѣкъ и услышавъ гулъ битвы, спѣшилъ къ своему обозу, казаки преградили ему путь и завязали съ нимъ упорную битву. Битва длилась шесть часовъ сряду, и прекратилась потому, что пошелъ сильный дождь, помѣшавшій обѣимъ сторонамъ [104]).

---

[104]) Львовск. лѣт. Журн. М. Нар. Пр. 1838. апр.

По свидѣтельству какъ русскихъ, такъ и польскихъ источниковъ, эта битва стоила полякамъ дорого, такъ что въ одинъ день у Конецпольскаго погибло больше воиновъ, чѣмъ во время всей прусской войны съ Густавомъ Адольфомъ, продолжавшейся три года [105]). Эта неудача полководца, который показалъ себя лучше въ войнѣ съ знаменитымъ полководцемъ своего времени, чѣмъ съ возставшимъ русскимъ народомъ, зависѣла отъ пренебреженія, какое оказывали поляки къ тому роду войнъ, которыя называли холопьими. Конецпольскій взялъ съ собою противъ Тараса не все свое войско; онъ, между прочимъ, оставилъ на правой сторонѣ Днѣпра одну роту въ окопѣ, другую въ селѣ монастырскомъ; русскіе напали на нихъ и истребили; тогда умертвили они и двадцать кіевскихъ купцовъ, которые везли продовольствіе польскому войскому, и сожгли близь Кіева пятьдесятъ байдаковъ и много лодокъ, чтобъ лишить поляковъ возможности прибывать на помощь къ своему коронному гетману.

Конецъ этой войны разсказывается различно. Украинскіе лѣтописцы говорятъ, будто казаки побѣдили поляковъ, а потомъ помирились съ ними. Польскій лѣтописецъ говоритъ, что казаки выдали зачинщиковъ мятежа и присягнули вѣрно служить Рѣчи Посполитой, и повиноваться тому старшему, котораго дастъ имъ коронный гетманъ. Въ своей реляціи [106]) поданной на сеймъ, Конецпольскій, подробно разсказывая о началѣ возстанія Тараса, ограничивается нѣсколькими словами объ окончаніи войны. «Нѣсколько недѣль — говоритъ онъ — прошло въ безпрестанныхъ битвахъ, наконецъ, съ божія благословенія казаки увидали свои проступки, просили милосердія, и заключили договоръ на основаніи Кураковскаго». Эта неохота гетмана распространяться о своемъ дѣлѣ

[105]) Pam. do pan. Zygm. III. 1. 154.

[106]) Рук. И. П. Б. f. № 241.

показываетъ, что ему не совсѣмъ посчастливилось. Современные великорусскіе собиратели вѣстей въ польскихъ владѣніяхъ слыхали, что лучшіе казаки были тогда съ Конецпольскимъ, и хотя мятежники сначала имѣли успѣхъ, но потомъ смѣнили своего гетмана и признали даннаго имъ другаго, Тимоху Орандаренка [107]). Что Тарасъ дѣйствительно попался полякамъ въ руки и былъ казненъ, подтверждаетъ извѣстіе, которое въ томъ же году польскій посланникъ Пясочинскій въ Константинополѣ сообщилъ о томъ, что гетманъ казацкій съ своею старшиною казнены смертію за то, что осмѣлись нападать на турецкія области [108]). Вѣроятно, возстаніе Тараса не имѣло никакого вліянія на судьбу реестровыхъ казаковъ: они оставлены были на условіяхъ краковской коммиссіи. Это понятно, когда возстаніеТараса преимущественно было дѣломъ выписчиковъ, а не реестровыхъ; изъ послѣднихъ часть (по извѣстію львовской лѣтописи, одна треть всего количества реестровыхъ) была съ Конецпольскимъ съ самаго начала Тарасова возстанія. а другая, пріставши къ выписчикамъ и вмѣстѣ съ ними бывши съ Конецпольскимъ, согласились отступить отъ своихъ товарищей.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. По польскому обычаю, за смертію короля слѣдовало два сейма: конвокаціонный и элекційный (избирательный). Конвокаціонный былъ всегда важенъ тѣмъ, что на немъ дѣлался обзоръ предъ-идущаго царствованія и подавались мнѣнія и требованія о разныхъ улучшеніяхъ, которыя должны быть поставлены въ руководство будущему королю.

Тогда остатки православнаго дворянства заявили голосъ въ пользу гонимаго восточнаго исповѣданія. Они потребовали уничтоженія всякихъ постановленій, стѣсняющихъ сво-

---

107) Дѣла Арх. Иностр. Дѣлъ.

108) Pam. do pan. Zygm. III. 1. 154.

бодное богослуженіе, всѣхъ привилегій, выданныхъ однимъ лицамъ во вредъ другимъ, всѣхъ универсаловъ, мандатовъ, интердиктовъ, запрещающихъ православнымъ строить церкви, имѣть участіе въ магистратахъ, всѣхъ секвестрацій и отдачъ на поруки въ религіозныхъ дѣлахъ, всѣхъ запрещеній на недвижимыя имущества по процессамъ такого свойства, прекращенія силы декретовъ, изданныхъ съ 1596 года въ угоду унитамъ и во вредъ лицамъ, исповѣдующимъ греческую религію, возвращенія полной свободы богослуженія восточной церкви, не только для тѣхъ, которые въ ней твердо пребыли, но и для тѣхъ, которые бы захотѣли возвратиться въ ея лоно отъ уніи, предоставляя это право въ равной степени какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ; должны быть уничтожены всѣ трибунальскіе декреты, изданные въ послѣднихъ годахъ, начиная съ 1627 по 1630 г., клонящіеся къ ограниченію правъ православныхъ относительно свободы богослуженія, крещенія, брака, устройства школъ и типографій, печатанія и чтенія книгъ, не заключающихъ ничего оскорбительнаго противъ короля и Рѣчи Посполитой, чтобъ никто, по такимъ предметамъ не могъ терпѣть безпокойствъ и привлекаемъ къ суду духовному или свѣтскому подъ страхомъ наказаній, и напротивъ, чтобы всякъ, кто сдѣлаетъ насиліе церкви или начнетъ протестъ противъ собраній православныхъ людей, подвергался наказанію, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Требовали, чтобъ за кіевскимъ митрополитомъ было утверждено посвященіе отъ патріарха сообразно древнимъ обычаямъ, чтобы всѣ епархіи, коллегіи, типографіи, госпитали съ данными на ихъ содержаніе фондами, присвоенные унитами, возвращены были православію; всѣ церкви, которыя стояли запечатанными, должны быть открыты для православнаго богослуженія; православные должны имѣть право строить вновь церкви даже и въ мѣстностяхъ, принадлежа-

щихъ панамъ римско-католическаго исповѣданія, если тамъ для католиковъ есть уже костелъ; всѣ метрики и публичные церковные акты, захваченные унитами, слѣдовало возвратить православному духовному вѣдомству и чтобы впередъ. въ случаяхъ ссоръ римскаго духовенства съ греческимъ, дѣло разбиралось не въ Римѣ, а въ трибуналахъ, смѣшаннымъ судомъ; православные ремесленники и купцы въ своихъ занятіяхъ должны имѣть равныя права съ римскими католиками ихъ званія; дворянство православной вѣры не должно быть удаляемо отъ должностей по поводу религіи. Все это должно быть занесено въ присягу будущаго короля. Требовалось, чтобы изъ Вильно и Люблина были удалены іезуитскія коллегіи, потому что людямъ греческой вѣры нѣтъ возможности приходить въ трибуналъ, когда они тамъ имѣютъ дѣла: еслибъ ихъ шло пятьдесятъ человѣкъ — и тогда іезуитскихъ студентовъ наберется до тысячи; отъ іезуитовъ-то повсюду происходитъ безпокойство церквамъ и людямъ греческой вѣры; просили, чтобъ въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было учреждено по одному блюстителю церковныхъ правъ и имуществъ; они по общему довѣрію могутъ ходатайствовать въ случаѣ несправедливости и насилій, нанесенныхъ церквамъ и особамъ греческой вѣры; и такъ-какъ каждой особѣ трудно, по дѣламъ, касающимся религіи, имѣть доступъ къ королю, то долженъ быть назначенъ при королевской особѣ одинъ изъ исповѣдующихъ греческую вѣру, который могъ бы охранять передъ нимъ дѣло своей церкви и своихъ единовѣрцевъ. Для большей крѣпости всего этого, православные домогались, чтобы духовные сенаторы за свои діоцезіи, гетманы за войско и старосты тѣхъ королевскихъ имѣній, гдѣ есть послѣдователи греческой религіи— за свои староства, обязаны были присягнуть въ соблюденіи правъ греческой вѣры и исповѣдующихъ ее.

Того же требовали одновременно и диссиденты для себя.

На предложенные пункты паписты отвѣчали, что они соглашаются на все, чего только требуетъ сохраненіе общественнаго спокойствія, а потому — пусть всѣ некатолики, не правильно думающіе о святой Троицѣ, не испытываютъ никакихъ гоненій, конфискаціи имѣній, тюремныхъ заключеній; равнымъ образомъ — пусть уничтожатся трибунальскіе декреты, если они противны законамъ; но они не дозволятъ расходящимся съ римскою церковью въ вѣрѣ отправлять богослуженіе въ тѣхъ королевскихъ городахъ, гдѣ до настоящаго времени его не было. Всѣ духовные, будучи пойманы въ преступленіи, должны предаваться духовному суду; тамъ же подвергнутся слѣдствію, черезъ инквизитора, и министры диссидентовъ въ подобныхъ случаяхъ. Духовные сановники сената подписались подъ этимъ отвѣтомъ въ такой формѣ: Archiepiscopus или episcopus (имя) subscribo salvis iuribus religionis et Ecclesiae catholicae et Regni.

Православные и диссиденты не могли быть довольны такимъ отвѣтомъ и увидѣли въ немъ сильный отпечатокъ іезуитскаго искуства сказать такъ, чтобы потомъ можно было перетолковать сказанное не въ томъ смыслѣ, въ какомъ съ перваго раза могли понять дѣло тѣ, которымъ говорилось. Православные и диссиденты написали на этотъ отвѣтъ реплику, въ которой такимъ образомъ обличали уловки своихъ противниковъ: «очень дивимся нерасположенію къ себѣ духовныхъ, которые хотятъ тѣ раны, отъ которыхъ страдаемъ мы уже полвѣка, залечивать лекарствами—хуже самыхъ ранъ; притомъ, они отвѣчаютъ на просьбы наши не по пунктамъ, отдѣльно, а на всѣ разомъ, такъ что мы не можемъ разобрать: что мы у нихъ выпросили и въ чемъ они намъ отказали». Диссиденты говорили въ своей репликѣ: «вы, господа духовные, не упоминаете вовсе о дворянствѣ греческой вѣры, но мы не хотимъ вовсе отъ него отдѣляться въ правахъ на свободу совѣсти. Съ другой стороны мы не думаемъ отдѣ-

лять отъ себя и такъ называемыхъ еретиковъ и считаемъ несправедливымъ выраженіе, что свобода предоставляется тѣмъ, которые думаютъ о святой Троицѣ правильно; такое различіе можно сдѣлать только въ кругѣ религіи, а въ кругѣ политической свободы это не допускается. Еслибы мы на это согласились, то потеряли бы наши древнія права и дозволили себѣ нарушать обязательства отцовъ нашихъ, вѣру, честь и совѣсть; тогда бы мы сами подали примѣръ нарушенія того, чего мы домогаемся отъ папистовъ. Допущеніе такого рода различій въ дѣлѣ вѣры повело бы къ инквизиціи: человѣческое коварство найдетъ себѣ лазейку; этакъ древнюю греческую религію обвинятъ, что она неправильно учитъ о св. Троицѣ, а кто будетъ судьею въ такомъ дѣлѣ, кто будетъ производить слѣдствіе? Каждому не католику придется доказывать, что онъ не еретикъ, чтобъ избѣгнуть преслѣдованія за ересь. Потомъ дѣло ставится такъ, какъ будто католики соглашаются на предоставленіе свободы разновѣрцамъ, единственно на время *каптуровъ* (во время безкоролевія утверждались суды наз. каптуровыми) до восшествія на тронъ новаго короля, ради общественнаго спокойствія, и тѣмъ самымъ не обязываютъ себя ничему продолжительному, незыблемому. «Что это такое? Намъ даютъ охраненіе ради общественнаго спокойствія? Это значитъ только, что насъ не будутъ убивать. Но такимъ охраненіемъ пользуются и хлопы, и корчмари, и всѣ чужеземцы — жиды и татары. Намъ нужно права свободнаго исповѣданія своей религіи, а объ этомъ гг. духовные умышленно отозвались глухо; намъ нужно спокойствія почетнаго, сообразнаго съ нашими шляхетскими правами; да и людямъ другихъ сословій слѣдуетъ дать такое же спокойствіе. Надобно навсегда пресѣчь всякія изгнанія, конфискаціи въ большомъ и маломъ видѣ. О декретахъ также сказано глухо и тоже съ умысломъ такъ выражаются. Намъ говорятъ, что согласны уничтожить силу

только такихъ декретовъ, которые противны закону; значитъ, нужно еще толковать: какой декретъ противенъ закону, а какой непротивенъ; и найдутъ, что нѣкоторые изъ нихъ, хотя для насъ тягостные, непротивны закону и оставятъ ихъ во всей силѣ. Запрещеніе явнаго богослуженія въ королевскихъ городахъ, гдѣ его предъ этимъ не было, повлечетъ за собою продолженіе всѣхъ прежнихъ насилій и стѣсненій, а изъятіе духовныхъ отъ свѣтскаго суда приведетъ къ тому, что будутъ освобождать отъ свѣтскаго суда студентовъ и учениковъ шалуновъ, которые, одѣвшись въ платье духовнаго званія, производятъ всякія безчинства. Наконецъ, подпись ихъ милостей сенаторовъ духовнаго сана уничтожаетъ и то, что намъ теперь дастся. Кто дѣлаетъ уступки съ ограниченіями, тотъ—вообще или въ частяхъ—оставляетъ за собою нѣчто изъ того, что будто бы уступаетъ

Эти энергическія заявленія не измѣнили фанатизма противной стороны, но когда приходилось подписывать каптуръ (то есть состояніе Рѣчи Посполитой во время безкоролевія до избранія новаго государя), то православные и диссиденты уперлись и не хотѣли ни за что подписывать, пока не получатъ уступокъ въ ихъ религіозномъ дѣлѣ. Послѣ долгихъ споровъ, примасъ Янъ Венжикъ первый уступилъ, а за нимъ и большинство епископовъ: вмѣсто salvis iuribus Catholicae Ecculesiae они подписали свой отвѣтъ на требованія некатоликовъ съ другою оговоркою: salvis iuribus dioecesiae meae. Въ сущности, конечно, это мало измѣняло вопросъ. Православные и диссиденты обратились къ посредству Владислава и, подъ его вліяніемъ, составленъ былъ меморіалъ о примиреніи унитовъ съ неунитами на такихъ условіяхъ: «отдать неунитамъ кіевскую митрополію со всѣми церквами и монастырями, кромѣ Софійскаго собора и Выдубицкаго монастыря, львовскую епархію со всѣми тѣми церквами и монастырями, которые еще не были обращены въ унію, епар-

хіи луцкую и перемысльскую по кончинѣ лицъ, занимавшихъ эти епархіи, архимандритіи печерскую и жидичевскую; въ Литвѣ—двѣ епархіи, пинскую и мстиславскую; объявить свободное богослуженіе въ воеводствахъ кіевскомъ, браціавскомъ, подольскомъ, земляхъ: львовской, галицкой, литичевской; оставить неприкосновенными братства, школы, госпитали, семинаріи съ правомъ заводить ихъ вновь; допускать неунитовъ къ городскимъ должностямъ; дать неунитамъ въ Могилевѣ четыре, въ Оршѣ двѣ церкви, а въ Вильнѣ дозволить достроить церковь св. Духа; прекратить всѣ религіозные процессы, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ принялъ унію, а прихожане не желаютъ ее принимать, церковь отдавать прихожанамъ». Православные не были довольны на этотъ разъ и желали, чтобъ эти уступки, составивъ основаніе на будущее время, послужили началомъ большихъ уступокъ, но католики въ посольской избѣ кричали: «гг. неуниты и диссиденты хотятъ, чтобы въ каптурѣ приговорили обязать новоизбраннаго короля сохранить все это: нѣтъ, не слѣдуетъ принуждать къ этому новаго короля».

Все это не обѣщало ничего прочнаго. Пока еще существовали въ Польшѣ православные дворяне, можно было, по-крайней мѣрѣ, надѣяться, что за православіе будутъ шумѣть и кричать, но съ переходомъ въ папизмъ остальныхъ дворянъ—что неизбѣжно должно было совершиться—православію не было никакого законнаго голоса. На томъ же сеймѣ явились казацкіе послы (Лаврентій Пашковскій, Герасимъ Козка, Дорошъ Кузкевичъ и Ѳедоръ Пухъ) и подали отъ имени гетмана Ивана Петрижицкаго со всѣмъ войскомъ запорожскимъ письмо къ примасу отъ 23-го іюня. Казаки изъявляли сожалѣніе о кончинѣ короля и просили расположить пановъ къ тому, чтобы королевичъ Владиславъ сдѣлался польскимъ королемъ. «Подъ счастливымъ его правленіемъ—писали казаки—мы надѣемся возвращенія и умноженія

нарушенныхъ нашихъ правъ и вольностей. Вашему первосвященству довольно извѣстно, какъ равно и всему государству, да и до всѣхъ народовъ дошли слухи о томъ, что мы въ царствованіе покойнаго короля терпѣли большія несправедливости, неслыханныя оскорбленія и находились въ великомъ огорченіи, оттого что униты вступаютъ въ наши права и вольности, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, причиняютъ много утѣсненій намъ казакамъ и всему русскому народу: они отняли монастыри съ принадлежащими къ нимъ имуществами, уничтожили святыя церкви, отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ и засмутили сельскій народъ: дѣти остаются некрещенными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда и многіе разстаются съ жизнью, не получивъ передъ смертью святого причащенія. Не вспоминаемъ о другихъ замѣшательствахъ и безпорядкахъ, происходившихъ со времени появленія уніи. Поэтому всенижайше и покорнѣйше просимъ васъ, превелебный во Христѣ отецъ и милостивый панъ, пусть эта новоизмышленная унія со всѣми безпорядками, проистекающими отъ нея, будетъ уничтожена теперь же до коронаціи будущаго государя, а мы, вѣрный и доброжелательный отечеству народъ, будемъ успокоены и удовлетворены; пусть господа униты возвратятъ захваченное ими достояніе тѣмъ, у кого оно находилось прежде, то-есть духовенству нашей греческой церкви, состоящей въ послушаніи у константинопольскаго патріарха, за что мы со всѣмъ народомъ русскимъ желаемъ полагать животъ за цѣлость любезнаго отечества. Если же сохрани Боже сталось бы иначе, то мы принуждены будемъ искать другихъ мѣръ удовлетворенія, а мы того не желаемъ, будучи увѣрены, что ваше преосвященство, какъ милостивый отецъ и панъ, обратите на это вниманіе».

Просьба эта не понравилась на сеймѣ. Паны находили дерзкимъ то, что казаки осмѣливаются указывать сейму на

лицо, которое слѣдуетъ избирать въ короли; еще противнѣе было ревностнымъ католикамъ слушать требованіе объ уничтоженіи уніи. Не меньше того раздражила поляковъ представленная казацкими послами инструкція, въ которой казачество поручало имъ домогаться допущенія казаковъ, какъ рыцарей Рѣчи Посполитой, до избранія новаго короля. Шляхта считала исключительно только себя полноправною въ такомъ важномъ дѣлѣ, и съ негодованіемъ встрѣтила покушеніе нешляхетскаго сословія присвоить и себѣ то, что до сихъ поръ принадлежало одной шляхтѣ. «Казаки называютъ себя членами Рѣчи Посполитой—говорили тогда въ посольской избѣ—правда, они члены, но такіе, какъ ногти и волосы, которые обрѣзываютъ». 17-го іюля примасъ Янъ Вежикъ отправилъ казацкихъ пословъ довольно вѣжливо, но замѣтилъ имъ неумѣстность желанія пользоваться шляхетскимъ правомъ избранія короля, тогда какъ ихъ обязанность повиноваться тому королю, котораго изберетъ шляхта, да не подавать поводовъ къ разрыву съ турецкимъ императоромъ, Крымомъ и другими. Высказавъ имъ на словахъ такое нравоученіе, примасъ вручилъ имъ письменный отвѣтъ за подписомъ своимъ и маршала посольскаго кола Криштофа Радзивилла. Отвѣтъ этотъ былъ такого содержанія: съ Божія благословенія, шляхетское сословіе Рѣчи Посполитой, которому единственно, а не кому либо иному, принадлежитъ избраніе короля, по правамъ и древнимъ обычаямъ, выберетъ такого государя, который будетъ умножать славу, честь и достояніе польской короны, соблюдать вольности каждаго и наградитъ заслуги войскъ Рѣчи Посполитой; тогда сенаторы и чины обоихъ народовъ (польскаго и литовскаго) представятъ королю о вѣрности, преданности и постоянной службѣ запорожскаго войска, дабы король благоволилъ почтить его своею милостью и привлечь благосклонностію къ новымъ услугамъ отечеству, чего требуютъ и теперь паны сенаторы отъ войска запорож-

скаго. Что касается до греческой религіи, то гг. сенаторы уже снеслись по этому вопросу съ послами воеводствъ и земель Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, имѣющими право участія въ публичныхъ совѣщаніяхъ. Они съумѣютъ найти вѣрныя средства, ведущія къ успокоенію недоразумѣній и къ удовлетворенію послѣдователей греческой религіи. Богъ дастъ, на будущее время, при содѣйствіи новаго государя, эти недоразумѣнія совершенно прекратятся, съ соблюденіемъ правъ, присвоенныхъ каждому; къ чему и паны сенаторы съ панами послами обоихъ народовъ не преминутъ съ своей стороны показать старанія, свидѣтельствуя свое доброжелательство старшому на сейчасъ [109]) войска запорожскаго и всему войску, желаемъ, чтобы войско запорожское исправляло надлежащую службу, вмѣстѣ съ короннымъ войскомъ чинило отпоръ всякимъ непріятельскимъ покушеніямъ и наказывало тѣхъ, которые своими походами на море нарушаютъ миръ съ сосѣдними государствами.

Такой отвѣтъ чрезвычайно не понравился казакамъ, несмотря на его вѣжливый тонъ. Ихъ манили такими обѣщаніями, которыя они уже слышали много разъ и прежде и которыя, какъ они испытали, никогда не исполнялись. Послы казацкіе, возвратившись изъ Варшавы, навлекли на себя злобу войска: ихъ чуть было не казнили. Впрочемъ, въ это время совершилась какая то важная перемѣна въ казачествѣ: вмѣсто гетмана Петрижицкаго въ сентябрѣ посланы были на элекційный сеймъ отъ гетмана Андрія Гавриловича новые казацкіе послы: Ѳедоръ Козминскій, Ѳедоръ Праличъ и Василій Онушкевичъ.

«Мы никакъ не думали — сказано было въ данной имъ инструкціи—чтобы, послѣ такихъ важныхъ кровавыхъ услугъ,

---

[109]) Т. е. тому лицу, которое въ то время занимало должность старшаго надъ казаками.

какія мы оказывали во всѣхъ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, охраняя цѣлость отечества, поливая землю своею кровію и устилая ее своими головами, ихъ милости паны, какъ намъ донесли послы наши, прогнѣвались на насъ за то, что мы въ своихъ инструкціяхъ, данныхъ имъ отъ насъ, считая себя членами Рѣчи Посполитой, просили не отдалять насъ отъ участія въ избраніи короля. Если это не нравится ихъ милостямъ—пусть будетъ по ихъ волѣ; надѣемся, что они изберутъ такого государя, который соблюдетъ насъ при нашихъ правахъ, свободѣ и вольностяхъ, пріобрѣтенныхъ нашими предками и утвержденныхъ присягою королей.

«Какъ ни прискорано для насъ то обстоятельство, что насъ удаляютъ отъ избирательства, но еще прискорбнѣе то, что вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молимъ и слезно просимъ объ успокоеніи, сообразно присягѣ покойныхъ польскихъ королей и послѣдняго короля, нашей древней греческой церкви, находящейся въ послушаніи святѣйшаго константинопольскаго патріарха, и потревоженной новоизмышленными унитами; но насъ водили, откладывали рѣшеніе дѣла отъ сейма до сейма до настоящаго дня, и, наконецъ, на послѣднемъ сеймѣ, предъ отшествіемъ изъ міра сего покойнаго короля, дали обѣщаніе, что его величество усмиритъ тѣхъ, которые произвели смуту между народами, и успокоитъ насъ и нашъ русскій народъ относительно его вольностей и религіи. Еслибъ не кончина его величества, мы надѣялись бы получить утѣшеніе въ нашихъ несчастіяхъ какъ для себя, такъ и для всего русскаго народа. Теперь, когда наступило время и пришелъ случай каждому подавать голосъ и добиваться своихъ правъ, мы внесли нашу покорнѣйшую просьбу ко всѣмъ чинамъ государства на конвокаціонный сеймъ, и слезно просили вашихъ милостей, чтобъ нашъ русскій народъ и наше духовенство не переносили болѣе несправедливостей

и обидъ отъ новыхъ и прежде неслыханныхъ унитовъ; но вмѣсто исправленія ошибокъ, въ противность правамъ и привилегіямъ, которыя нашъ русскій народъ съ своимъ духовенствомъ представилъ его величеству шведскому королю, панамъ-сенаторамъ и панамъ-посламъ, уличая унитовъ протестаціями и реляціями, мы не были настолько счастливы, чтобъ получить удовлетвореніе нашихъ безпрестанныхъ просьбъ, но еще болѣе почувствовали скорби и страданія оттого, что намъ, обиженнымъ, приказываютъ отказаться отъ своего. Теперь, на нынѣшнемъ элекційномъ сеймѣ, мы поручаемъ нашимъ посламъ слезно просить Рѣчь Посполитую и усильно домогаться, чтобъ нашъ русскій народъ оставался при своихъ правахъ и свободѣ, а наши благовѣрные духовные, находясь при своихъ церквахъ, эпархіяхъ и принадлежащихъ къ нимъ имуществахъ, съ правомъ свободнаго богослуженія, уже болѣе не терпѣли утѣсненій отъ этихъ несносныхъ унитовъ».

Кромѣ этой просьбы о вѣрѣ (сочиненной, очевидно, духовнымъ лицомъ, а не казакомъ), казаки собственно для своего сословія просили исправленій въ дѣлахъ, относящихся до ихъ вольностей, повышенія даваемаго имъ отъ правительства жалованья и опредѣленнаго мѣста для казацкой артиллеріи. Въ заключеніе, они жаловались, что украинные паны, соображаясь съ кураковскою коммиссіею, не хотятъ держать на жительствѣ въ своихъ имѣніяхъ казаковъ, но и не допускаютъ ихъ выходить изъ этихъ имѣній, запрещая своимъ подданнымъ покупать у нихъ домы и имущества, и такимъ образомъ приневоливаютъ ихъ самихъ дѣлаться подданными. Предвидя, что никто другой, а Владиславъ, носившій имя, по смерти отца, титулъ шведскаго короля по праву наслѣдства, избранъ будетъ польскимъ королемъ, казаки прислали къ нему съ своими послами письмо, и заявляя надежду и увѣренность имѣть его своимъ государемъ, заранѣе просили

его быть благосклоннымъ и милостивымъ къ казакамъ, которыхъ услуги онъ уже испыталъ. «Если же — было сказано въ казацкомъ посланіи къ нему—сохрани Богъ, кто нибудь будетъ препятствовать вашему величеству получить престолъ отца вашего, то мы обязываемся жертвовать своимъ достояніемъ и жизнію за ваше величество».

Такія выходки казаковъ опять раздражали шляхетство. Маршалъ посольской избы отвѣчалъ казацкимъ посламъ такъ: «вѣдомы намъ ваши рыцарскія дѣянія и услуги, которыя оказывали Рѣчи Посполитой и ваши предки и вы сами. Надѣемся что и на будущее время вы не утомитесь въ вашей готовности служить отечеству. Но удивительнымъ кажется намъ, что ваши послы, по возвращеніи съ конвокаціи, навлекли на себя такую ненависть и подверглись опасности потерять жизнь». Онъ давалъ казакамъ совѣтъ на будущее время быть осмотрительнѣе и благоразумнѣе, называлъ ихъ послѣднюю инструкцію необычною, а выраженія въ ней неуважительными и оскорбительными для шляхетства. Что касается до просьбъ, съ которыми казаки обратились къ сейму, то маршалъ объявилъ имъ въ общихъ выраженіяхъ, что обо всемъ этомъ на сеймѣ послѣдуетъ разсужденіе въ свое время.

Споръ о религіи между шляхетскими послами сейма возобновился по открытіи элекційнаго сейма. Еще предъ этимъ сеймомъ львовскій архіепископъ Гроховскій, на сеймикѣ въ Брестѣ, подалъ протестацію; нѣкоторыя важныя лица того времени пристали къ нему за одно: Левъ Сапѣга виленскій воевода, троцкій кастелянъ Альбрехъ Владиславъ Радзивиллъ, брестскій кастелянъ Масальскій, Александръ Людовикъ Радзивиллъ, литовскій хорунжій Николай Сапѣга. Протестація ихъ находила постановленія конвокаціоннаго сейма, относительно дизунитовъ и диссидентовъ, несообразными съ честію римско-католической религіи. Самъ составитель протестаціи,

львовскій архіепископъ не явился на сеймъ подъ предлогомъ болѣзни, но пустилъ свою интригу въ сходъ, надѣясь, что другіе, опираясь на его протестацію, помѣшаютъ обратиться въ неизмѣнный законъ временному компромису, устроенному конвокаціоннымъ сеймомъ только на время безкоролевья. Это подало поводъ къ живымъ и долгимъ спорамъ. Дѣло православія защищали тогда главнымъ образомъ Кисель, Древинскій и Вороничъ; за унитовъ подвизался Тризна. Диссидентство тогда отдѣлилось отъ православія. По стараніямъ вліятельнаго пана, литовскаго канцлера Радзивилла, диссиденты согласились на устройство депутаціи, пополамъ изъ диссидентовъ и католиковъ, которая должна была установить правила для свободы диссидентовъ. Диссиденты совѣтовали и православнымъ поступать такъ же, но православные, имѣя въ виду, что, въ такомъ случаѣ, начнутся богословскіе и церковные диспуты, которые ничѣмъ не кончатся, а только пріостановятъ дѣло, не соглашались на депутацію. «Наше дѣло — говорилъ Кисель — не богословское, а политическое; идетъ рѣчь не о вѣрѣ, а о мѣрѣ (т. е. о равноправности)». Паны, подписавшіе протестацію львовскаго архіепископа, прибѣгнули къ извороту иного рода. «Всѣ привилегіи дизунитамъ — говорили они — давались и утверждались королями, слѣдовательно это дѣло короля, а не дворянства, и потому элекційный сеймъ, будучи безъ короля, не можетъ этимъ заниматься и дѣлать какія нибудь постановленія; слѣдуетъ отложить это до коронаційнаго сейма». Православные поняли, что это говорилось для того, чтобъ ослабить силу тѣхъ льготъ, какія могло получить православіе отъ короля; тогда всякъ могъ смотрѣть на благопріятныя мѣры въ отношеніи православія отнюдь не такъ, какъ на законоположеніе вольной Рѣчи Посполитой. Древинскій доказывалъ, что права греческой религіи въ Рѣчи Посполитой основываются на ея древности, а не на какихъ либо королевскихъ привилегіяхъ.

«Дѣйствительно — сказалъ Радзивиллъ — въ дѣлѣ греческой вѣры никакихъ судей быть не можетъ; надобно покончить все братски единодушнымъ признаніемъ свободы. Тат какъ православные объявили, что не хотятъ ни о какихъ дѣлахъ ни говорить, ни слушать, пока не уладится дѣло объ ихъ религіи, то, наконецъ, порѣшили на томъ, что неуниты и униты обратятся къ избранному ими посреднику (medium) или третьему лицу, незаинтересованному въ ихъ дѣлѣ. Такимъ третьимъ былъ шведскій король Владиславъ, кандидатъ въ польскіе короли. Выбранные отъ обѣихъ сторонъ — отъ унитовъ и неунитовъ — отправились просить Владислава. Послѣдній, принявъ на себя достоинство третейскаго судьи въ спорѣ между уніею и православіемъ, выбралъ для разсмотрѣнія дѣла двухъ лицъ изъ сената: познанскаго епископа Новодворскаго и бѣльзскаго воеводу Лещинскаго, а изъ рыцарскаго кола четырехъ — Оссолинскаго, Криштофа Радзивилла, Мартина Рея и Дыдинскаго. Эта депутація сдѣлала докладъ, по которому Владиславъ призналъ окончательно законными тѣ уступки, которыя были означены въ меморіалѣ, состоявшемся на конвокаціонномъ сеймѣ. Рѣшеніе Владислава было утверждено избирательнымъ сеймомъ 1-го ноября, къ большой досадѣ католиковъ и папскаго нунція. Дѣлать было нечего. Согласившись на третейское рѣшеніе, избирательный сеймъ заранѣе связалъ себѣ руки. Такимъ то образомъ православные добились легальнаго признанія своей религіи.

По избраніи Владислава, новый король далъ православнымъ дипломъ, въ которомъ ясно и опредѣленно, и притомъ съ новыми расширеніями, высказана была свобода православнаго исповѣданія. Каждому дозволено было переходить изъ православія въ унію, а изъ уніи въ православіе; православнымъ предоставлялось право избирать митрополита, посвящаемаго константинопольскимъ патріархомъ; луцкая епархія

отдавалась православному епископу немедленно, а перемышльская и львовская по смерти или послѣ перемѣщенія унитскаго епископа; въ Литвѣ учреждалась епархія мстиславская, оршанская и могилевская; всѣ процессы о вѣрѣ прекращались; сверхъ уступленнаго по меморіалу православнымъ, кіевскому православному митрополиту отдавался и Софійскій соборъ [110]).

Избраніе Владислава было чрезвычайно важною эпохою для православія, но преимущественно для казаковъ. Возстановленіе православной іерархіи было ихъ дѣломъ; оно совершено было прежде ими въ противность тогдашняго правительства, въ противность всей шляхетской націи и, однако, эта нація должна была признать ихъ смѣлое дѣло законнымъ. Новый король, нуждавшійся въ нихъ въ то время, потому что уже начиналась война съ Московскимъ Государствомъ, показалъ къ нимъ самое благосклонное вниманіе [111]). Отпуская казацкихъ пословъ, 18-го ноября, онъ имъ далъ такое посланіе къ войску запорожскому: «Объявляемъ нашу королевскую милость старшому, атаманамъ и всѣмъ молодцамъ войска запорожскаго. Еще при жизни блаженной памяти нашего родителя мы видѣли отъ вашихъ милостей расположеніе къ нашей особѣ; въ разныхъ мѣстахъ вы жертвовали за насъ жизнію, и теперь, по смерти родителя нашего, продолжаете быть такими же и оказываете намъ неизмѣнную преданность. Мы принимаемъ это съ благодарностію и обѣщаемъ при всякомъ случаѣ сохранять въ своей памяти ваше мужество и расположеніе къ намъ. Такъ-какъ мы съ согласія чиновъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго избраны, по волѣ Божіей, королемъ, чего желали и вы, то увѣрены, что, радуясь этому, вы будете

---

[110]) Рук. Имп. П Б. польск. №№ 25, 27; 93.; разнаяз. f. № 28.
[111]) Р. И. П. Б. IV № 22.

намъ вѣрны и послушны, будете стараться вашею службою и рыцарскими подвигами, когда послѣдуетъ отъ насъ повелѣніе, заслужить нашу милость, и въ настоящихъ обстоятельствахъ Рѣчи Посполитой, какъ только позоветъ васъ коронный гетманъ противъ нашего непріятеля, не соблюдающаго присяги и мира, не станете медлить, а поспѣшите, по указанію, къ услугамъ намъ и Рѣчи Посполитой. Вы уже испытали нашу королевскую милость въ уравненіи правъ отцовъ вашей греческой вѣры съ отцами унитами, и на будущее время мы будемъ это поддерживать, а васъ за труды ваши обѣщаемъ вознаградить. Что касается до другихъ просьбъ, внесенныхъ вашими послами, предъ коронаціею, то мы оставляемъ ихъ, сообразно посполитому праву, до будущаго времени и разсудимъ о томъ съ панами сенаторами. Сколько позволитъ законъ и справедливость, вы не будете забыты милостію нашею. Послы ваши подробнѣе скажутъ обо всемъ, а мы, увѣряя васъ въ неизмѣнной нашей милости, желаемъ вамъ отъ Бога добраго здоровья».

Видно, что Владиславъ въ это время понялъ, какое важное значеніе могутъ имѣть казаки для королевской власти. Но королевское благоволеніе не могло ихъ защитить отъ вражды къ нимъ всего дворянства, которая усилилась съ этого времени: на казаковъ смотрѣли какъ на стихію опасную для республиканской свободы шляхетства, такую стихію, которою легко могъ воспользоваться монархизмъ, а его очень боялось шляхетство. Несмотря на то, что казачество выиграло въ томъ, что Рѣчь Посполитая признала возстановленную имъ православную іерархію, оно не могло быть довольно и съ этой стороны. Домогательство казаковъ участвовать на сеймахъ было отвергнуто и трудно было возобновлять его. Самая свобода греческой религіи должна была существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Владиславъ предоставлялъ равную свободу какъ унитамъ, такъ и православнымъ: каза-

лось, что могло быть справедливѣе? Но оказывалось, что за унитовъ было безъ малаго все дворянство Рѣчи Посполитой, а за православіе, кромѣ безгласной, порабощенной громады простого народа, небольшая часть дворянства, еще не успѣвшаго утратить вѣры отцовъ своихъ, да казаки, то есть тѣ изъ народа, которые стремились вырваться изъ порабощенія, освященнаго закономъ и, слѣдовательно, стать на борьбу съ закономъ, властію, государствомъ. Пока унія, источникъ раздоровъ, раздвоявшій народъ русскій, не была уничтожена, всѣ льготы и привилегіи православію не могли имѣть большой силы. Такъ какъ сеймъ постановилъ однѣ церкви отдать православнымъ, другія унитамъ, то нужна была еще коммиссія для разбора: какія церкви должны быть православными и какія унитскими. Вмѣстѣ съ церквами, шла рѣчь и о церковныхъ имуществахъ. Это повело къ спорамъ, въ которыхъ та сторона, за какую была сила шляхетскаго большинства, всегда брала верхъ. По челобитью русскихъ — говоритъ украинскій лѣтописецъ — никакого облегченія не получили [112]). Въ февралѣ 1633 года, во время коронаціи, примасъ, возлагая корону на Владислава, напомнилъ ему, что, получая корону и помазаніе отъ римско-католической церкви, король долженъ охранять и распространять римско-католическую вѣру и не считать всенароднымъ правомъ тѣхъ уступокъ, которыя онъ, для всеобщаго спокойствія, обѣщалъ еретикамъ [113]). Это показывало, что непринадлежащимъ къ римско-католическому исповѣданію надобно было ожидать всевозможнѣйшаго противодѣйствія со стороны духовенства, не считавшаго гражданскихъ постановленій обязательными для церкви. Въ послѣдній день коронаційнаго сейма прочитанъ былъ дипломъ, который король давалъ въ пользу православныхъ для успо-

---

112 Лѣт. Самовидца. 4.

113) Pam. do panow. Zygm. III. T. 1. 208

коснія католиковъ: было сказано, что эта свобода имъ дается до будущаго сейма, и притомъ тогда только, если королевскій посолъ упроситъ на то соизволенія папы. Несмотря на такія условія, католики встрѣтили это съ негодованіемъ. Надобно было канцлеру приложить къ диплому печать. Коронный канцлеръ, самъ будучи духовнымъ лицомъ, отказалъ, король обратился къ литовскому Альбрихту Радзивиллу. Этотъ панъ прежде счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ своимъ духовнымъ отцомъ, и будучи приглашенъ королемъ, сказалъ, что не можетъ этого сдѣлать, потому что духовный отецъ не разрѣшаетъ ему. «Вашъ духовный отецъ — сказалъ ему Владиславъ — способенъ только поправлять часы (этимъ точно отличался духовникъ Радзивилла), а не его дѣло мѣшаться въ то, что можетъ волновать Рѣчь Посполитую». — «Я, сказалъ Радзивиллъ, послѣ сильныхъ домогательствъ короля — во всемъ прочемъ повинуюсь вашему величеству, а тамъ, гдѣ идетъ дѣло о святой римско-католической вѣрѣ, не могу поступить противъ совѣсти никоимъ образомъ». — «Я вамъ ничего не дамъ», сказалъ выведенный изъ терпѣнія король. — «Какъ угодно вашему величеству», — сказалъ Радзивиллъ, и сѣлъ на свое кресло. «Когда—сказалъ король— сдѣлается вакантная печать коронная или литовская, отдамъ ее еретику». Это очень поразило ревностныхъ католиковъ.

Но примасъ, хотя духовное лицо, а за нимъ епископы, угождая новому королю, брали на свои души грѣхъ выдачи диплома и упросили литовскаго подканцлера приложить печать къ диплому, а за нимъ согласился и великій литовскій канцлеръ Радзивиллъ, но для охраненія своей католической репутаціи занесъ въ краковскія гродскія книги манифестацію, что онъ поступилъ такъ только въ качествѣ министра, а не по собственному убѣжденію, и притомъ присоединилъ оговорку, что дипломъ этотъ быть можетъ дѣйствителенъ единственно съ папскимъ согласіемъ.

На слѣдующемъ сеймѣ (1634) дозволено схизматикамъ отправлять свободно богослуженіе [114]). Католики-фанатики были очень недовольны. Но болѣе всего лишало силы по отношенію къ православію всѣ сеймовыя и королевскія распоряженія то, что дворянство русское продолжало покидать вѣру отцовъ и русскую народность. Защита православія, оказанная на сеймѣ дворянствомъ, не представляла ничего прочнаго, когда дѣти тѣхъ, которые тогда стояли за православіе и даже тѣ самыя лица, которыя числились православными, перешли въ католичество. Такъ, между прочимъ, православная церковь понесла большую потерю, когда отступилъ отъ нее князь Іеремія Вишневецкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ и неисчислимыхъ поселеній въ южнорусскомъ краѣ. Неудивительно, что эту потерю глубоко почувствовали ревнители православнаго благочестія. Къ намъ дошло письмо, писанное по этому поводу кіевскимъ митрополитомъ Исаіею, полное огорченія: «Милостивый князь! — взывалъ онъ къ отступнику — сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего христіанства исполнились скорбію, когда мы увидѣли, что ваша княжеская милось, вожделѣнная утѣха наша, отрекаетесь отъ древней греческой религіи, религіи вашихъ предковъ и родителей. Плачетъ и сѣтуетъ церковь Божія, мать наша, ибо ваша княжеская милось изволите презирать ее. Мы съ великимъ упованіемъ ожидали желаннаго утѣшенія, а обрѣли, сверхъ чаянія, печаль.... Всѣмъ намъ вѣдомо, милостивый князь, какими страшными клятвами, условіями, обязательствами, связала васъ относительно религіи родительница вашей княжеской милости, отходя отъ міра сего. На чью душу падетъ грѣхъ, Господь то знаетъ. Но мы знаемъ, что отцовская клятва сушитъ, а материнская искореняетъ.

---

114) Pam. Albr. Radziw. 1. 23.

Какое утѣшеніе, какую пользу получаютъ тѣ, которые, для суеты сего ничтожнаго міра, отступаютъ отъ своей древней религіи? Развѣ не видимъ этого очами своими? Что у насъ творится? Спросилъ бы я всѣхъ — зачѣмъ отрекаются отъ древней греческой вѣры, зачѣмъ пренебрегаютъ ею? Если для мудрости міра сего, то мудрость міра есть глупость передъ Богомъ, по слову апостола. Если думаютъ убѣгать заблужденій, то, по милости Божіей, въ церкви христовой еще не найдено заблужденій и не можетъ найтись; скорѣе тамъ оно найдется, гдѣ каждый годъ что нибуть прибавятъ или убаватъ. Если же для славы міра сего,—то это маловажное дѣло!» Припомнивъ отступнику предковъ его, которымъ греческая религія не помѣшала быть славными въ исторіи, митрополитъ коснулся того побужденія, которое, дѣйствуя на легкомысленныхъ, болѣе всего располагало русскимъ дворянъ къ отступничеству. «Недоброжелательные наши противники — выражается митрополитъ — говорятъ, что греческая вѣра есть вѣра холопская. Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то и апостолы и патріархи и всѣ святые отцы восточной церкви, которыхъ мы почитаемъ великими — были холопской вѣры». Въ заключеніе митрополитъ, отъ имени всей церкви, умоляетъ князя обратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ и утѣшить всѣхъ, и пророчитъ ему, въ такомъ случаѣ, подъ сѣнію родительскаго благословенія благополучіе въ земной жизни и вѣчный животъ по кончинѣ [115]). Но то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Іеремія не только не возвратился къ вѣрѣ своихъ предковъ, но и сдѣлался свирѣпымъ гонителемъ ея. И никто изъ отступниковъ русскихъ дворянъ не возвращался назадъ. Православная церковь теряла родъ за родомъ и, по мѣрѣ того, какъ русскіе дворяне дѣлались измѣнниками и гонителями

[115]) Акты Зап. Рос. IV. 526.

восточнаго православія, казаки дѣлались его единственными защитниками и мстителями.

Въ это время выступила въ нѣдрѣ русскаго православія энергическая личность. То былъ Петръ Могила. Митрополитъ Исаія Копинскій (который изъ архимандритовъ устинскаго монастыря принялъ этотъ санъ по смерти Іова Борецкаго въ 1631 году) послалъ этого человѣка, находившагося въ санѣ печерскаго архимандрита, на сеймъ ходатайствовать о свободѣ вѣры. Ученый, горячій, владѣвшій даромъ убѣжденія такъ же хорошо, какъ владѣлъ прежде мечомъ, когда служилъ въ войскѣ, вкрадчивый и хитрый, потомокъ молдавскихъ князей и, слѣдовательно, аристократъ по рожденію, этотъ человѣкъ во время сейма овладѣлъ умами своихъ единовѣрцевъ дворянъ, давалъ имъ совѣты, подвигалъ къ настойчивости, и такъ ихъ очаровалъ, что всѣ видѣли въ немъ залогъ спасенія вѣры. Престарѣлый Исаія всѣмъ показался неспособнымъ болѣе нести пастырское бремя; положили отрѣшить его и избрали Петра митрополитомъ. Король утвердилъ его. Тогда Петръ послалъ ректора кіевскихъ школъ Исаію Трофимовича въ Константинополь за патріаршимъ благословеніемъ, а самъ отправился во Львовъ, и тамъ волошскій митрополитъ, по патріаршему соизволенію, посвятилъ его въ санъ кіевскаго митрополита. Петръ испросилъ у короля привилегію на преобразованіе кіевской школы, находившейся при братскомъ монастырѣ, въ коллегію, и, пріѣхавъ въ Кіевъ, низвергъ Исаію Копинскаго и отправилъ его на смиренное пребываніе въ Печерскомъ монастырѣ [116]). Современный лѣтописецъ Ерличъ [117]) повѣствуетъ, что это сдѣлано было очень грубо и жестоко. «Престарѣлаго и хвораго Исаію—говоритъ этотъ православный, но ополяченный дворянинъ—схватили въ

116) Опис. Кіево-соф. соб. и ист. кіевск. іер. 170.

117) Latop. Jerl. 1. 56.

одной волосяницѣ, положили на лошадь словно какой нибудь мѣшокъ, повезли въ Печерскій монастырь, гдѣ онъ, въ великой нищетѣ и униженіи, печально провелъ остатокъ жизни: это сдѣлано съ нимъ для того, чтобъ онъ не безпокоилъ Петра Могилы духовнымъ и свѣтскимъ судомъ и не искалъ правъ своихъ». По извѣстію того же лѣтописца, Петръ Могила былъ человѣкъ жадный и жестокій и истязалъ бичами монаховъ Николаевскаго монастыря, допрашивая у нихъ, гдѣ спрятаны монастырскія деньги. Нѣкоторые отъ его жестокости переходили въ унію. Но извѣстія Ерлича если могутъ быть справедливы, какъ сообразныя съ духомъ тогдашнихъ польскихъ нравовъ, то въ равной степени могутъ быть ложны или преувеличены, потому что самъ лѣтописецъ вообще мало соблюдалъ критики въ обращеніи съ тѣмъ, что до него доходило въ его время, да кромѣ того еще и потому что Ерличъ, какъ дворянинъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ къ нимъ благосклоненъ и постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Тотъ же Ерличъ разсказываетъ, что митрополитъ отправилъ къ казакамъ печерскаго чернеца Никодима Силича, обвинивъ его въ наклонности къ уніи, а казаки у себя сдѣлали этому монаху казацкое увѣщаніе, продержавъ шестнадцать недѣль подлѣ пушекъ, а потомъ выпустили. По словамъ Грондскаго [118]), незадолго предъ смертію, Петръ Могила ободрялъ казаковъ къ возстанію. Было ли точно такъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ видно, что современное дворянство считало его благопріятелемъ казаковъ; этого было достаточно, чтобъ очернить имя его. Несомнѣнно, Петръ оказалъ важныя услуги православію. Онъ укрѣпилъ древнія стѣны Софійскаго храма, открылъ основаніе Десятинной церкви и возобновилъ ее, доставилъ благочестію предметы поклоненія древней святынѣ, напечаталъ

---

[118]) Hist. belli cos. polon. 51.

нѣсколько нужныхъ для православія книгъ, но самая важная заслуга его была—открытіе коллегіи, перваго высшаго учебнаго заведенія въ русской землѣ, имѣвшаго важное вліяніе на развитіе умственнаго образованія русскаго народа въ грядущія времена [119]).

По восшествіи на престолъ Владислава, началась война съ Московскимъ Государствомъ. Казаки участвовали въ ней.

Въ числѣ рыцарей, заслужившихъ тогда похвалу отъ короля, по извѣстію одной малорусской лѣтописи [120]), былъ Богданъ Хмельницкій, получившій отъ короля саблю за храбрость: черезъ двадцать одинъ годъ послѣ того, онъ замѣтилъ, что сабля сія порочитъ Богдана. Но въ то же время, когда одни казаки воевали противъ москвитянъ, другіе ихъ братья отправились на Черное море. Предводитель этой экспедиціи былъ Сулима. Казаки плавали по Азовскому морю, воротились въ Черное, разграбили при устьѣ Днѣстра Аккерманъ, Килію и Измаилъ на устьѣ Дуная, грабили, раззоряли села и деревни [121]). Неизвѣстно, это ли событіе вооружило снова турокъ противъ Польши, или же оно не предваряло побѣга турокъ и татаръ на польскія владѣнія, но только во всякомъ случаѣ оно дало имъ поводъ оправдываться въ нарушеніи міра. Польское войско было занято войною въ Московіи; на южныхъ границахъ стоялъ Конецпольскій съ небольшимъ отрядомъ войска: обстоятельство это обѣщало туркамъ большія выгоды. Абазъ-паша, правитель Бессарабіи, родомъ русинъ, ренегатъ, вторгнулся съ татарами въ польскія области; это полчище ограбило и разорило окрестности Каменца и ушло въ Молдавію. Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ, стоявшій близъ Бара, погнался за ними: въ вой-

---

[119]) Пам. кіевск. ком. II. 1. 103.

[120]) Сказ. о Гетм. укр. до Богд. Хм.

[121]) Лѣт. пов. о Мал. Росс. 141.

скѣ его были и казаки, вездѣ поспѣвавшіе воевать. Орда была разсѣяна. Конецпольскій сталъ у Каменца. Въ октябрѣ 1633 года Абазъ-паша аттаковалъ его и, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, ушелъ и началъ возбуждать турецкое правительство къ войнѣ съ Польшею. Между тѣмъ Московское правительство искало содѣйствія Турціи противъ Польши [122]). Польскій посолъ Тржебинскій пріѣхалъ для объясненій къ Константинополь и былъ принятъ сухо. Дворъ жаловался на нарушеніе міра, указывая на новые казацкіе разбои по морю. Падишахъ требовалъ дани отъ поляковъ. Ничто (говоритъ турецкій историкъ) не могло удержать падишаха отъ предпріятія вести войну. Невѣрнымъ отказали въ мирѣ, и только по великодушію позволили, польскому послу возвратиться въ отечество [123]). Въ Адріанополѣ падишахъ назначилъ уже шегріара (главнокомандующаго) на предстоящую войну. Но войны на этотъ разъ не было.

Поляки поспѣшили помириться съ Московскимъ Государствомъ. Поляновскій договоръ прекратилъ войну. Польскіе историки говорятъ, что падишахъ тогда склонился къ миру потому, что не надѣялся болѣе на союзъ съ Московскимъ Государствомъ [124]).

Восточные писатели помѣщаютъ это событіе въ 1633 году и говорятъ, что 28 шевала (13 апрѣля) падишахъ получилъ извѣстіе, что ляхи, занятые войною съ москвитянами, желаютъ отдаться съ покорностію на волю падишаха [125]), но это извѣстіе несправедливо, ибо война поляковъ съ москвитянами началась только въ октябрѣ 1633 года. Польскіе историки помѣщаютъ это событіе въ 1634 году. Стоя въ Адріано-

---

[122]) Pam. do pan. Zygm. III. I. 222.

[123]) Collect. 87.

[124]) Pam. do pan. Zygm. III. I. 227.

[125]) Collect. 193.

волѣ, падишахъ, прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія, послалъ Шагинь-агу въ Польшу для объясненій; послѣдній прибылъ въ Варшаву въ іюлѣ 1634 года [126]). По восточнымъ источникамъ [127]) польскій король изъявилъ согласіе быть покорнымъ волѣ падишаха, а польскій историкъ говоритъ, что турецкій посолъ объяснилъ, что нападеніе Абазъ-паши сдѣлано безъ воли падишаха и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на казацкіе разбои [128]). Положили, что падишахъ накажетъ Абазъ-пашу, а поляки усмирятъ казаковъ; на этихъ условіяхъ заключили мирный договоръ. Со стороны Оттоманской Порты дано обѣщаніе удержать татаръ отъ нападеній на Польшу и наказывать ихъ; польское же правительство обязалось совершенно изгнать казаковъ съ днѣпровскихъ островов [129]).

Султанъ, въ знакъ своей справедливости, приказалъ казнить смертью Абазъ-пашу, какъ виновника раздора.

Полякамъ надлежало теперь принять дѣйствительныя мѣры къ прекращенію казацкихъ морскихъ походовъ, для взаимнаго спокойствія, какъ Польши, такъ и Турціи. Собственно забота о прегражденіи пути казакамъ изъ Днѣпра въ Черное море падала не на поляковъ, а на турокъ, потому что устьемъ Днѣпра владѣли послѣдніе. Давно уже была построена крѣпость Очаковъ съ сосѣдними укрѣпленіями для того, чтобъ можно было обстрѣливать устье Днѣпра и не допускать казаковъ выходить въ море. Но въ началѣ XVII вѣка отъ плохой поддержки эти укрѣпленія разсыпались. Въ 1626 году турецкое правительство занялось возобновленіемъ и поправкою устьднѣпровскихъ укрѣпленій: назначили построить двѣ крѣпости на обѣихъ сторонахъ Днѣпра [130]). По извѣстію

126) Pam. do pan. Zygm. III. I. 227.

127) Collect. 193.

128) Pam. do pan. Zygm. III. I. 228.

129) Collect. 124 190.

130) Ibid. 182.

Боплана, видѣвшаго это мѣсто въ 1635 году [131]). Очаковъ вмѣщалъ въ себѣ до двухъ тысячъ жителей, имѣлъ укрѣпленный замокъ съ якорнымъ мѣстомъ для галеръ, которыя стояли тамъ для укрощенія казаковъ. На югъ отъ Очакова былъ другой замокъ, обстрѣливавшій Днѣпръ, а на другомъ берегу башня, гдѣ турецкая стража давала знать галерамъ о тревогѣ. Наконецъ, для большей безопасности, были протянуты поперегъ Днѣпра цѣпи. Казаки, по выраженію Боплана, смѣялись надъ этими средствами. Составивъ флотилію изъ чаекъ и достигнувъ близости устья, казаки скрывались въ камышахъ, верстахъ въ двадцати (въ трехъ или четырехъ миляхъ) отъ турецкихъ галеръ и дожидались темныхъ ночей предъ новолуніемъ, и тогда прокрадывались посреди турецкихъ галеръ. Иногда они рубили толстыя деревья и пускали съ сучьями по водѣ прямо на цѣпи, протянутыя чрезъ рѣку, а сами кричали; турки, не видя ночью ничего, но замѣчая, что цѣпи трогались, полагали, что это казацкія чайки, наткнулись на цѣпи и палили по нимъ усердно, а тѣмъ временемъ казаки проплыли, извиваясь между шхерами [132]). Ихъ грабежи и раззоренія не обходились даромъ; часто турецкія галеры гнались за ними въ погоню, иногда удавалось казакамъ уклониться отъ опасности и потомъ напасть въ расплохъ и одержать верхъ, но часто они терпѣли пораженія. На возвратномъ пути они умѣли безопасно достигнуть Днѣпра — Словуты, какъ они называли эту рѣку на своемъ поэтическомъ языкѣ. На востокъ отъ Очакова былъ заливъ, близъ котораго находилась низкая лощина; казаки входили въ этотъ заливъ, и оттуда по лощинѣ переносили свои суда съ добычею въ Днѣпръ; двѣсти или триста человѣкъ несли каждую чайку [133]). Чтобъ укрощеніе казацкихъ разбоевъ было

[131]) Опис. Укр. Бопл. 9.

[132]) Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. I. 48.

[133]) Опис. Укр. Бопл. 67.

дѣйствительнѣе, надобно было воспрепятствовать стекаться бѣглецамъ изъ Украины въ Запорожье и для того уничтожить народонаселеніе южноднѣпровскаго края. Это падало на поляковъ.

Съ этою цѣлью коронный гетманъ Конецпольскій въ 1635 году заложилъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ; трудъ этотъ возложенъ на французскаго офицера Левассера де-Боплана, автора любопытнаго описанія Украины. Мѣсто выбрано было выше пороговъ, ниже Самары и Князева острова [134]). Въ новопостроенной крѣпости поставленъ гарнизонъ, подъ начальствомъ француза полковника Маріона [135]).

Въ августѣ того же года, изъ морскаго похода возвращался Сулима. Казаки увидѣли небывалый замокъ. Сулима бросился на него въ расплохъ; казаки перебили весь гарнизонъ, не пощадивъ и командира.

Важныя событія готовились въ Украинѣ; имъ предшествовала, по замѣчанію русскаго лѣтописца, больпая радуга на западѣ [136]).

Онъ не пускалъ казаковъ не только воевать, но даже ловить рыбу и держалъ въ крѣпости человѣкъ двадцать схваченныхъ молодцевъ.

Донесли Конецпольскому о поступкѣ Сулимы. Новое возмущеніе поднималось. Сулима стоялъ гдѣ то въ окопахъ, вѣроятно, по обычаю всѣхъ возмущавшихся гетмановъ, скликая къ себѣ толпы. Къ нему пришли реестровые казаки. Ихъ посланецъ явился къ предводителю возстанія. «Ляхи хотятъ насъ всѣхъ истребить. Примите насъ къ себѣ: будемъ защищаться вмѣстѣ», говорилъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поляки начали проводить рѣзкую черту между реестровыми и нере-

---

[134]) Ibid. 19.

[135]) Львовск. лѣт. Жур Мин. Нар. Пр. 1838. апр.

[136]) Сказ. о Гетм. до Богд. Хм.

естровыми, и первыхъ, только въ маломъ числѣ, почитали за законное сословіе, а послѣднихъ за своевольныхъ, между реестровыми и нереестровыми возникло недовѣріе. Послѣдніе были изъ простонародія, и самовольство дѣлало ихъ казаками. Реестровые хотя часто соединялись съ ними, но всегда такое соединеніе навлекало на нихъ неудовольствіе и гоненіе правительства. «Присягните намъ, что у васъ нѣтъ дурнаго умысла», сказали имъ.

Они присягнули. Вооруженная толпа ихъ, многочисленнѣе той, которая была подъ начальствомъ Сулимы, вступила въ окопы [137]). Они были подосланы Конецпольскимъ [138]). Для избѣжанія кровопролитія, хотя бы и безполезнаго для нереестровыхъ, но все-таки не безвреднаго для реестровыхъ, реестровые въ другой разъ поклялись, что старшинамъ не будетъ ничего дурнаго. Но потомъ Сулиму съ пятью старшинами заковали въ цѣпи. Осенью ихъ отправили въ Варшаву на сеймъ. Сеймъ этотъ происходилъ въ ноябрѣ 1635 года. Турецкій и татарскій посланники находились уже въ Варшавѣ и жаловались на казаковъ. «Если хотите мира съ нами (говорили они), скорѣе чините судъ и расправу надъ злодѣями; нынѣшній годъ уже пять разъ ходили на море! Шесть старшинъ были приговорены къ смерти»; львовская лѣтопись говоритъ, что четыремъ отрубили головы [139]). Литовскій канцлеръ Радзивиллъ въ своихъ запискахъ говоритъ [140]), что Сулимѣ отрубили голову, потомъ разрубили его тѣло на четыре части и развѣсили на четырехъ концахъ города. Передъ казнію, онъ просилъ похоронить съ нимъ золотой образъ, который папа Павелъ V когда то прислалъ ему за то, что онъ,

---

[137]) Львовск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. апр.

[138]) Опис. Укр. Бопл. 20.

[139]) Львовск. лѣт. Ж. М. Н. Пр. 1838. апр.

[140]) Pam. Albr. Radz. 20.

разбивши турецкую галеру, послалъ въ даръ папѣ триста плѣнныхъ турокъ. Радзивиллъ говоритъ, что Сулима обратился въ католичество, но это не помогло ему, и онъ долженъ былъ подвергнуться той же участи, какъ и его товарищи, оставшіеся въ православіи.

Реестровые получили похвалу отъ короля за то, что не пристали къ Сулимѣ и выдали непослушныхъ. Въ видѣ милости положили увеличить казацкое сословіе еще одною тысячью, но за то, кромѣ ихъ, никому не дозволяли именоваться казакомъ, и всѣхъ выписанныхъ изъ реестровъ и не попавшихъ туда, несмотря на самовольное принятіе на себя казацкаго званія, обязывали повиноваться панамъ, въ имѣніяхъ которыхъ они жили. Тогда паны жестоко наказывали непокорныхъ. Гетманъ Конецпольскій получилъ предписаніе разставить кварцяное войско въ Украинѣ; жолнеры обращались съ народомъ грубо и своевольно. «Ми-сь-мо людъ рыцерськи—кричали украинцы—тому сь мо не привикли; то намъ не звичай!» Но и реестровые казаки также не удовольствовались похвалами: имъ не платили жалованья и только водили обѣщаніями, притомъ же ихъ хотѣли держать въ рукахъ. Кварцяное войско, по приказанію короннаго гетмана, заняло Корсунъ, который, по старому обычаю былъ мѣстомъ для казацкой арматы (артиллеріи). Одинъ изъ начальниковъ польскихъ отрядовъ, сынъ подольскаго воеводы, вошелъ въ Корсунъ и расположилъ свой отрядъ и свою челядь въ домахъ жителей, считавшихъ себя уже издавна казаками, и сверхъ того насильственно овладѣлъ мѣстечками: Бузыномъ, Вороне, Пивами и Лозами, которыми издавна владѣлъ кіевскій Николаевскій монастырь. Это раздражило реестровыхъ: связь съ выписчиками и вообще съ народомъ не могла быть подавлена сословными интересами до такой степени, чтобъ неудовольствіе народа не находило отголоска въ реестровыхъ казакахъ.

Въ 1636 г. казаки обратились съ жалобами къ королю; посланники ихъ были сотники: черкасскій — Барабашъ, и чигиринскій—Зиновій-Богданъ Хмельницкій.

Тогда посредникомъ между казаками и правительствомъ выступилъ Адамъ Кисель, ораторъ за православіе на сеймахъ. Онъ считалъ себя искуснымъ дипломатомъ. Переговариваясь съ казаками, онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ расположеніи, назначалъ имъ сроки для уплаты жалованья, а когда эти сроки проходили, назначалъ другіе, между тѣмъ завелъ между ними шпіоновъ, ссорилъ между собою старшинъ, подкупалъ подарками, и, такимъ образомъ, тянулъ время. Простые казаки собирались составить чернецкую (т.-е. изъ черни, безъ старшинъ) раду, а за подобными радами слѣдовали у казаковъ возмущенія. Кисель всѣми мѣрами ихъ удерживалъ отъ этого и водилъ обѣщаніями. Старшимъ, какъ титуловали его поляки, или гетманомъ, какъ величали его сами казаки, былъ у нихъ тогда Василь Томиленко, патріотъ, прямодушный простакъ, управляемый лукавымъ писаремъ своимъ Онушкевичемъ, угодникомъ Киселя и пановъ. Дождавшись до праздника св. Иліи срока, указаннаго Киселемъ для уплаты казакамъ жалованья, и не получивши этого жалованья, казаки не рѣшались собирать, какъ грозили, чернецкой рады, въ которой могли участвовать уже и не казаки, а неопредѣленное число посполиства. Они принудили своего старшаго созвать на рѣкѣ Русавѣ вальную (генеральную) раду, въ которой, при старшинахъ, участвовали всѣ простые реестровые казаки. Кисель, узнавши объ этомъ, отправился туда самъ.

То было въ первыхъ числахъ августа 1636 года.

«Намъ обѣщали деньги въ маѣ»—говорили казаки—«а не доставляютъ и въ августѣ; мы много потерпѣли, оставаясь безъ денегъ; на море намъ ходить не позволяютъ, а мы оттуда получали себѣ пропитаніе; мы и братьевъ своихъ

воевали и непокорныхъ выдали подъ мечъ его величества, и за то теперь отъ урядовъ и подстаростъ переносимъ утѣсненія и оскорбленія; и денегъ намъ не даютъ». Старшины безуспѣшно пытались усмирить волненіе. Одни кричали: идемъ на Запорожье, а оттуда на море! Другіе кричали: идемъ на города, на уряды (власти), которые насъ обижаютъ! Вырвали изъ рукъ у Томиленка камышину и хоругвь и кричали: собирать чернецкую раду! Но этотъ шумъ произвели выписчики, которые затесались на раду; реестровые были умѣреннѣе и, послѣ нѣсколькихъ часовъ шума, Киселю удалось уговорить ихъ подождать до праздника Рождества Богородицы.

«Будемъ еще ждать — сказали наконецъ реестровые — да только, если намъ не заплатятъ и тогда нашего жалованя, и не удовлетворятъ за тѣ обиды, которыя намъ дѣлали уряды, такъ мы заберемъ армату и уйдемъ па Запорожье».

Послѣ того прошелъ еще мѣсяцъ. Денегъ не было. «Съ казаками — писалъ тогда Кисель къ коронному гетману — могутъ удаться три способа: они уважаютъ духовныхъ греческой религіи и любятъ богослуженіе, хотя сами больше походятъ на татаръ, чѣмъ на христіанъ; вовторыхъ, на нихъ дѣйствуетъ страхъ королевскаго имени, а втретьихъ, они любятъ взять тамъ, гдѣ можно достать. Сообразно этому, я употребилъ съ ними три способа». Кисель обдаривалъ старшинъ и наобѣщалъ ихъ потомству разныхъ благъ и правъ, потомъ убѣдилъ митрополита послать къ казакамъ двухъ игуменовъ, и тѣ уговаривали рыцарей именемъ православной вѣры не подниматься изъ-за корысти на Рѣчь Посполитую и не навлекать бѣды на церковь, мать свою. Наконецъ, Кисель составилъ фальшивое письмо отъ короля къ себѣ и послалъ его Томиленку, показывая видъ, что дѣлаетъ это не по обязанности, а изъ расположенія къ казацкой старшинѣ. Въ этомъ письмѣ отъ лица короля высказывались

укоры казакамъ за то, что они, не довѣряя королевскому обѣщанію, собирались устроивать чернецкую раду и бѣжать на Запорожье; слѣдовали затѣмъ увѣренія въ непремѣнной присылкѣ денегъ, а потомъ угрозы въ случаѣ непокорства и непослушанія. Посылая копію съ такого письма, Кисель совѣтовалъ казакамъ отправить депутатовъ на предстоящій сеймъ и просить огражденія отъ обидъ, сохраненія своихъ правъ и исправной уплаты жалованья.

Но эти уловки не предупредили волненія. Осенью, не дождавшись жалованья, чигиринскій полкъ взбунтовался и выступилъ къ Крылову; прочіе полки еще колебались. Но изо всѣхъ полковъ собирались охотники идти на Запорожье, съ тѣмъ, чтобы оттуда выплыть на море; выписчики толпами приставали къ реестровымъ и сообщали имъ мятежный духъ. Казаки снова установились въ Корсунѣ, когда имъ было это запрещено, и армата перенесена была въ Черкасы по приказанію короннаго гетмана, потомъ захватили четыре кіевскихъ пушки, взяли свою армату изъ Черкасъ и перевезли въ Крыловъ.

Но морской походъ въ этомъ году не состоялся: ограничились выходомъ нѣсколькихъ чаекъ. Наступила осень; время было неудобное для плаванія по Черному морю. Притомъ же казакамъ предстояла надежда воевать и съ дозволенія правительства. Крымскій ханъ воевалъ съ буджацкими татарами, которые, находясь подъ начальствомъ мурзъ Кентемировъ, не повиновались хану, и въ то же время были врагами Польши, безпрестанно дѣлая нападенія на польскія области. По этому поводу, крымскій ханъ вошелъ съ Польшею въ дружескія сношенія и правительство дозволяло казакамъ подать ему помощь. Посланникъ Рѣчи Посполитой Дзершекъ повезъ хану обычные упоминки и на дорогѣ прибылъ къ казакамъ, которымъ было приказано проводить его. Сначала его приняли не слишкомъ доброжелательно.

«Не годится — говорилъ ему Томиленко — чтобъ ваша милость везъ упоминки хану, когда еще не уплачено жалованье казакамъ: для хана у васъ деньги есть, а для казаковъ ихъ нѣтъ!» Однако, Дзершекъ былъ отпущенъ, когда казакамъ блеснула надежда на войну; толпа удальцовъ отправилась помогать хану: то были все выписчики и запорожцы. Ими предводительствовалъ Карпъ Павловичъ Гудзанъ, носившій у казаковъ прозвище Павлюкъ и подъ этимъ прозвищемъ извѣстный въ исторіи. Одна малорусская лѣтопись говоритъ, что его звали также Павлюкъ Баюнъ, и Полурусъ, потому что онъ былъ крещенный турокъ. По извѣстію современнаго стихотворца - историка, этотъ удалой казакъ служилъ уже прежде у крымскаго хана и помогалъ ему противъ донскихъ казаковъ при взятіи Азова. Онъ былъ участникомъ Сулимы и, по просьбѣ канцлера, избавился отъ казни. Съ этимъ предводителемъ отправились къ хану подобные ему удальцы. Но были и такіе, которые въ то время пошли на войну съ цѣлію не помогать хану, а разорять его подданныхъ, пользуясь тѣмъ, что изъ Крыма вышла съ ханомъ военная сила.

Эти обстоятельства удержали казаковъ и отъ похода на море и отъ возстанія на нѣкоторое время. Старшины уговорили тѣхъ, которые были посмирнѣе и оставались дома, подождать, и отправили на сеймъ просьбу, чрезъ тѣхъ же сотниковъ, какъ и прежде: черкасскаго Ивана Барабаша и чигиринскаго—Зиновія-Богдана Хмельницкаго.

Требованія ихъ въ этой просьбѣ были умѣренны и касались болѣе одного реестроваго сословія. Покоряясь постановленіямъ кураковской коммиссіи, хотя всегда несносной для казаковъ, рыцари просили только, чтобъ имъ отдали задержанное по ихъ разсчету за четыре года жалованье, чтобъ коммиссія, которая пріѣдетъ для пересмотра реестра, вписывала, на мѣсто убылыхъ товарищей, другихъ по желанію казаковъ, чтобъ армата ихъ содержалась на казенный счетъ

и имъ вольно было посылать на селитренные заводы за порохомъ и въ рудокопни за желѣзомъ для починки орудій. О своихъ утѣсненіяхъ отъ пановъ они писали такъ: «не довольно того, что выгоняютъ насъ изъ шляхетскихъ имѣній, не допускаютъ насъ жительствовать и въ имѣніяхъ вашего величества, и Богъ вѣдаетъ, сколько уже казаковъ ушло съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ московской землѣ. Прогоняютъ съ безчестіемъ пословъ нашихъ; не оказываютъ намъ правосудія, не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не позволяютъ продавать и покупать горилки, пива и меда, даже на свадьбы и крестины нельзя намъ приготовлять напитковъ, да притомъ еще паны старосты между собою ссорятся, другъ на друга наѣзжаютъ, а намъ, казакамъ, достается: насъ бьютъ; дворы, оставшіеся послѣ казаковъ, умершихъ на службѣ его величества, хотя и должны были оставаться съ казацкими правами, но свидѣтель панъ подкоморій Черниговскій, что какъ только не станетъ на свѣтѣ какого-нибудь товарища, такъ тотчасъ старосты и подстаросты ограбятъ его имущество, а вдову выгонятъ изъ дома, и стариковъ, которые уже, по дряхлости, негодны къ службѣ, не уважаютъ, грабятъ и обижаютъ».

На такую просьбу казаки получили очень непріятный отвѣтъ. Считая слѣдуемое казакамъ жалованье только за три года, а не за четыре, имъ, отъ имени короля, отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, въ правѣ покупать мѣста въ городахъ для поселенія и, ради сохраненія выгодъ владѣльцевъ, въ правѣ приготовлять себѣ напитки, объявляли, что въ казацкіе реестры на будущее время будутъ записываться только тѣ, которые будутъ угодны старостамъ, по представленію послѣднихъ, а не по желанію самихъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялся казакамъ выговоръ за самовольное вторженіе въ Корсунъ, за неудо-

волствія, распространившіяся въ войскѣ, и строго подтверждалось, чтобъ ни одна чайка не осмѣливалась появляться на морѣ, а всѣ, невошедшіе въ реестръ, должны служить панамъ безпрекословно.

Въ апрѣлѣ 1637 года прибыли къ казакамъ коммиссары: Станиславъ Потоцкій и Адамъ Кисель вмѣстѣ съ скарбовымъ писаремъ, который привезъ жалованье казацкому войску. Когда собрали раду, то сразу увидали, что на нее собралось, вмѣсто того числа, въ какомъ должны были состоять реестровые, болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Замѣтили, сверхъ того, что деньги не успокоятъ казаковъ, что ихъ просьбы о жалованьѣ болѣе предлогъ къ неудовольствіямъ, имѣющимъ другіе источники. Надобно было исключить лишнихъ—сдѣлать *выписъ*, но коммиссары не рѣшились приступить къ этому, боясь, чтобъ тотчасъ не сдѣлалось открытаго бунта. Произвели токько *пописъ*, то есть записку въ реестръ семи тысячъ человѣкъ; это продолжалось нѣсколько дней сряду. Наконецъ третьяго мая снова собрали всѣ полки на вальную раду. Казаки подняли шумъ, требовали возвратить имъ Корсунъ для арматы, не хотѣли отдавать назадъ четырехъ захваченныхъ ими кіевскихъ пушекъ. Коммиссары не въ силахъ были ихъ успокоить, и только дали имъ совѣтъ обратиться снова къ королю съ просьбою объ этомъ, а сами отговаривались тѣмъ, что должны исполнять данную имъ инструкцію. Наконецъ, велѣно было казакамъ присягнуть. «Зачѣмъ насъ заставляютъ присягать—закричали казаки—мы уже прежде присягали и сохраняемъ присягу».

Тутъ Потоцкій обратился къ нимъ съ такою энергическою рѣчью:

«Напрасно волнуетесь, паны молодцы; еслибы пришлось Рѣчи Посполитой извлечь мечъ противъ васъ, она извлечетъ его и изгладитъ самое имя ваше. Пусть на этихъ мѣстахъ обитаютъ дикіе звѣри въ пустыняхъ вмѣсто мятежнаго на-

рода. Вы уйдете на Запорожье. Что же изъ этаго? Женъ и дѣтей своихъ оставитѣ здѣсь; стало быть нужно будетъ воротиться, и тогда придется подклонить головы подъ мечъ Рѣчи Посполитой. Если же вы стращаете насъ, что уйдете куда-нибудь подалаѣ — на Донъ, напримѣръ, такъ это неправда. Днѣпръ—ваше отечество. Другаго Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь — свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра, — чей Днѣпръ, того и казаки! Теперь, прощайте, мы ѣдемъ къ его величеству и скажемъ, что вы бунтуете

Нѣкоторые изъ казаковъ разчувствовались такъ, что прослезились. Томиленко положилъ свою булаву и камышину и сказалъ:

«Челомъ бью всему войску запорожскому. Возвращаю урядъ свой».

Съ этими словáми онъ удалился изъ рады.

Казаки стояли въ недоумѣніи, и не знали что имъ дѣлать: выбирать ли новаго старшаго, или просить прежняго принять снова свое достоинство. Сторона Томиленки одержала верхъ. Казаки позвали своего гетмана и убѣждали его не покидать уряда. «Не хотимъ измѣнить его величеству и Рѣчи Посполитой», сказали они:—«но пусть прежде панъ коронный гетманъ присягнетъ».

«Панъ коронный гетманъ прежде васъ не будетъ присягать», отвѣчали коммиссары.

Смятеніе продолжалось до вечера; наконецъ, казаки присягнули, поднявши пальцы кверху, на основаніи кураковскаго договора. Какого-то Грибовскаго, который кричалъ отважнѣе всѣхъ, Томиленко приказалъ приковать къ пушкѣ. Онъ потомъ убѣжалъ изъ войска и скрылся на Запорожьѣ.

Послѣ этой рады, Кисель писалъ къ коронному гетману,

что для того, чтобы держать казаковъ въ послушаніи—лучшее средство имѣть въ казацкомъ войскѣ шпіоновъ, и зная все, что у нихъ дѣлается, подкупать, при надобности, старшинъ, но постоянно ссорить ихъ между собою, чтобъ не допустить между казаками единства и согласія. Черезъ нѣсколько недѣль оказалось, что мѣры эти не всегда бываютъ дѣйствительными.

Павлюкъ воротился съ войны, въ которой, по его выраженію, казаки съ малыми силами побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля. Услыхавши, что творится на Украинѣ, онъ, съ толпой удалыхъ, налетѣлъ на Черкасы, забралъ тамъ орудія и увезъ на Запорожье. Тутъ имъ слѣдуетъ быть! сказалъ онъ.

Томиленко оставался въ нерѣшимости. Душою онъ былъ приверженъ къ казацкой свободѣ и склоненъ былъ пристать къ Павлюку; но какъ человѣкъ старый, не видѣлъ и не надѣялся успѣха: реестровые казаки смотрѣли на возстаніе двусмысленно; только самые отважные и молодые не скрывали сочувствія къ поступку выписчиковъ. Томиленко извѣстилъ короннаго гетмана о поступкѣ Павлюка и счелъ приличнымъ въ своемъ донесеніи отозваться съ огорченіемъ о панѣ канцлерѣ, по милости котораго Павлюкъ остался въ живыхъ. Томиленко не скрывалъ, что съ реестровымъ войскомъ легко было отбить армату у Павлюка, который налетѣлъ на нее съ двухсотеннымъ отрядомъ, но извинялся тѣмъ, что слушался приказаній короннаго гетмана, запретившаго казакамъ ссориться между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Томиленко отправилъ къ Павлюку двухъ казаковъ съ совѣтомъ покориться и возвратить взятыя орудія.

16-го іюня Павлюкъ отвѣчалъ Томиленку изъ Микулина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сичъ; онъ писалъ, что казаковъ огорчило безчестіе, нанесенное казацкой арматѣ, и казаки, по милости Божіей, не сдѣлавъ никому ос-

корбленія, перенесли ее на приличное для ней мѣсто, въ Запорожье, гдѣ предки ихъ прославились своими подвигами; притомъ же пребываніе арматы въ волостяхъ требуетъ ея содержанія, которое падаетъ на бѣдныхъ жителей, и безъ того уже отягощенныхъ постоемъ кварцянаго войска, вопреки кураковской коммиссіи, потому что жолнерамъ не слѣдуетъ занимать квартиръ далѣе Бѣлой-Церкви. «Сознайтесь, писалъ Павлюкъ, когда армата наша стояла въ волостяхъ, то и выписы были часты, изъ шляхетскихъ имѣній выгоняли или подчиняли панской юрисдикціи нашихъ товарищей и вдовъ казацкихъ, а чуть какой-нибудь казацкій товарищъ провинится, паны уряды клевещутъ на цѣлое войско передъ коронным гетманомъ, а коронный гетманъ передъ его величествомъ». Павлюкъ отказывался возвратить орудія, выражаясь, что мертваго изъ могилы назадъ не носятъ, и приглашалъ, напротивъ, всѣхъ реестровыхъ прибыть къ нимъ съ остальными орудіями. «Но сохрани васъ Боже, прибавлялъ Павлюкъ, если вы захотите быть нашими врагами и, вмѣстѣ съ жолнерами, поднимите руки на женъ и дѣтей нашихъ и на наши имущества: ваши жены, дѣти и имущества достанутся намъ въ руки, прежде, чѣмъ наши вамъ: но мы этого вовсе не хотимъ; у насъ и у васъ одна родная земля, и лучше намъ жить заодно въ братствѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Павлюкъ разослалъ по Украинѣ универсалъ, которымъ призывалъ весь народъ въ казачество. «Всякъ кто пожелаетъ быть казакомъ,—было сказано въ немъ—не долженъ быть принужденъ къ подданству панамъ». Подобныя приглашенія были какъ нельзя болѣе по сердцу русскому народу въ Украинѣ; многіе, услышавъ ихъ, тотчасъ бѣжали въ Запорожье. Томиленко продолжалъ оставаться въ нерѣшимости, не отправлялъ назадъ павлюковыхъ посланцевъ, присланныхъ къ нему съ письмомъ, и сообщилъ коронному гетману объ универсалѣ, которымъ Павлюкъ бунту-

етъ народъ. 9-го іюля Павлюкъ написалъ Томиленку другое письмо, требовалъ возвращенія своихъ посланцевъ, по прежнему убѣждалъ реестровыхъ соединиться съ выписчиками въ одно тѣло, такъ чтобъ столицею казачества была Сичъ: тамъ бы находилась казацкая армата, тамъ бы жили старшины, а казаки могутъ проживать гдѣ кому угодно — въ Сичѣ ли, или въ Украинѣ,—въ селахъ и хуторахъ, съ своими семьями занимаясь хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ — пойдутъ ли къ нему реестровые или нѣтъ, Павлюкъ просилъ дать ему извѣстіе, когда кварцяные жолнеры двинутся на него съ оружіемъ.

Сочувствіе къ Павлюку и его выписчикамъ возрастало между реестровыми. Томиленко все еще не смѣлъ раздѣлять его явно, но и не противодѣйствовалъ ему. Тогда угодники панской власти, вѣроятно, дѣйствуя по наущенію Киселя, старавшагося, по собственному его признанію, производить между казаками раздоры, подобрали кружокъ казаковъ, собрали раду на рѣкѣ Русавѣ и потребовали къ себѣ Томиленка. Тамъ низложили его съ достоинства и дали старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ великоруссу, преданному панскимъ видамъ. Вмѣстѣ съ Томиленкомъ отрѣшили ненадежныхъ старшинъ и замѣстили ихъ другими лицами, настроенными и подкупленными заранѣе. Писарь Онушкевичъ, должно быть заправлявшій этою интригою, остался въ своемъ званіи при новомъ старшомъ. Окончивъ свое дѣло, послали къ коронному гетману утвержденія новоизбраннаго казацкаго начальника.

Конецпольскій утвердилъ его, но утвержденіе не застало въ живыхъ Савву Кононовича.

Вѣсть о переворотѣ передана была въ Сичу скорѣе, чѣмъ коронному гетману.

Павлюкъ, услышавъ, что Томиленка замѣнилъ Кононовичъ, немедленно вышелъ съ своими выписчиками, сталъ кошемъ

у Крылова и отправилъ въ Переяславль отрядъ, по извѣстію одного современнаго польскаго дневника, подъ начальствомъ чигиринскаго полковника Карпа Скидана и Семена Быховца.

Посланный отрядъ переправился черезъ Днѣпръ, ночью ворвался въ Переяславль внезапно, когда тамъ никому не снилось о такомъ посѣщеніи. Схватили Савву Кононовича, писаря Хведора Онушкевича и новопоставленныхъ старшинъ, заковали и повезли за Днѣпръ; все это сдѣлано было съ такою быстротою, что переяславскіе казаки не спохватились отстаивать свое начальство. Въ Крыловѣ, на радѣ, поставили узниковъ посреди майдана, по казацкому обычаю, выговорили имъ преступленія ихъ противъ войска, измѣну казацкому дѣлу и казнили. Кононовича и Онушкевича разстрѣляли; другихъ предали смерти инымъ способомъ.

По всему видно, къ этому событію относится народная пѣсня о Савѣ Чаломъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ украинской поэзіи; это можно предполагать въ особенности по тѣмъ варіантамъ, въ которыхъ измѣнника Саву не убиваютъ, какъ въ другихъ варіантахъ, казаки тотчасъ же въ его собственномъ домѣ, а везутъ въ кандалахъ и предаютъ смерти на казацкой радѣ.

Та же рада, которая, состоя изъ выписчиковъ, судила Савву Кононовича и другихъ старшинъ реестроваго казацкаго войска, провозгласила казацкимъ гетманомъ Карпа Павловича Гудзана или Павлюка. Томпленко, добровольно уступая ему старшинство, остался его товарищемъ и другомъ.

Но въ туже ночь, когда выписчики такъ ловко схватили Савву съ нѣкоторыми единомышленниками, другіе изъ послѣднихъ успѣли убѣжать: главнымъ изъ ускользнувшихъ былъ реестровый товарищъ Ильяшъ Караимовичъ, родомъ армянинъ, какъ говоритъ о немъ украинская лѣтопись, а можетъ быть еврей караимъ, какъ можно судить по его проз-

вищу. Онъ такъ былъ ловокъ и счастливъ, что не только спасся самъ, но еще схватилъ и увезъ съ собою двухъ казаковъ изъ отряда, приходившаго въ Переяславль за Саввою—Самольчугу и Ганжу, и доставилъ ихъ коронному гетману. Тамъ, подъ пыткою, эти два плѣнника сообщили полякамъ подробное извѣстіе о томъ, что затѣвали мятежники. Своевольно составленныя шайки — показывали они — будутъ нападать на домы шляхетскихъ особъ и казаковъ, преданныхъ Рѣчи Посполитой; уже нѣкоторыхъ владѣльцевъ ограбили; уже нѣкоторые бѣжали изъ своихъ имѣній. Будутъ жечь костелы и убивать католическихъ духовныхъ, искоренять унію, думаютъ соединиться противъ поляковъ съ донскими казаками, наконецъ, думаютъ отдаться московскому царю и признать его государемъ надъ всею Украиною. Другіе удальцы бѣгутъ въ Запорожье и тамъ строятъ чайки, чтобъ выходить на море. Такія недобрыя вѣсти принесли Конецпольскому плѣнные казаки Смольчуга и Ганжа.

Стоя тогда въ Барѣ, Конецпольскій задумалъ прежде заманить къ себѣ Павлюка съ товарищами хитростію, и послалъ къ нему двухъ ротмистровъ, Комаровскаго и Сокола: чрезъ нихъ онъ извѣщалъ Павлюка, что Рѣчь Посполитая ожидаетъ войны съ Турціею, приглашалъ, по этому поводу, явиться къ нему въ войско и вмѣстѣ съ тѣмъ отпустить схваченныхъ, какъ онъ узналъ, въ Переяславлѣ старшинъ.

Обращаясь такъ снисходительно съ мятежникаки, Конецпольскій 3-го сентября издалъ универсалъ ко всѣмъ старостамъ, подстаростамъ, державцамъ, намѣстникамъ владѣльцевъ и вообще ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ (урядамъ) въ Украинѣ, и въ этомъ универсалѣ говорилось такъ: «Всѣхъ тѣхъ, которые пристали къ мятежникамъ и не воротятся на свои мѣста жительства, не считая казаками, присылайте ко мнѣ, а если ихъ нельзя будетъ поймать, то карайте ихъ женъ и дѣтей, истребляйте ихъ жилища; пусть лучше кра-

нива растетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, чѣмъ будутъ распложаться измѣнники короля и Рѣчи Посполитой».

Павлюкъ, оставаясь съ своимъ войскомъ подъ Крыловымъ, 21-го сентября послалъ Конецпольскому два отвѣта: одинъ былъ отъ него, другой отъ писаря войсковаго Стефана Домарадскаго.

Павлюкъ представлялъ совершенное имъ дѣло въ такомъ видѣ:

Нѣсколько десятковъ человѣкъ, безъ вѣдома и согласія всего войска, составили раду на рѣкѣ Русавѣ и низложили со старѣйшинства заслуженнаго и почтѣннаго Василія Томиленка, отставили достойныхъ и почтенныхъ старшинъ и полковниковъ, дали начальство человѣку недостойному и неспособному и чужеземцу москвитину Саввѣ, выбрали такихъ же какъ онъ старшинъ. Савва самовольно забралъ пушки, принадлежавшія Трехтемировскому монастырю, и слѣдовательно, посягнулъ на церковное достояніе, называлъ запорожцевъ и выписчиковъ измѣнниками, грозилъ идти на нихъ съ своими единомышленниками и искоренить ихъ, дѣлалъ народу разныя оскорбленія. Это побудило насъ къ тому, что мы послали схватить Савву съ его единомышленниками, судили и казнили по своему обычному войсковому праву.—«Мы бы рады были—писалъ писарь—по требованію вашей милости выпустить Савву, только это трудно: онъ убитъ; невозможно было удержать войска». Павлюкъ увѣрялъ короннаго гетмана, что выписчики взяли пушки и завезли на Запорожье въ тѣхъ видахъ, чтобы, сообразно желанію правительства, не пропускать своевольныхъ людей на Черное море, изъявлялъ свою готовность служить королю и Рѣчи Посполитой, порицалъ прежнихъ гетмановъ, допускавшихъ татаръ причинять въ Украинѣ опустошенія, и въ доказательство своей бдительности и способности охранять край, прислалъ нѣсколько плѣнныхъ татаръ, взятыхъ недавно при по-

громѣ своевольнаго татарскаго загона, появившагося въ украинскихъ предѣлахъ. Что касается до требованія короннаго гетмана явиться къ нему, подъ предлогомъ ожидаемой войны, то Павлюкъ на это отвѣчалъ, что пусть прежде коронный гетманъ пришлетъ ему отъ имени короля знаки — хоругвь, булаву, бунчукъ, бубны, ссылаясь на старинный обычай, по которому польскіе короли всегда такъ поступали съ казаками, когда призывали ихъ на войну. Иными словами— это значило, чтобы польское правительство утвердило Павлюка въ званіи казацкаго гетмана и вмѣстѣ съ тѣмъ признало бы казаками всю толпу бѣглыхъ хлоповъ, стекавшихся къ нему въ неопредѣленномъ числѣ, а слѣдовательно тѣмъ не только уничтожалась кураковская коммиссія, которою поляки такъ дорожили, но совершенно подрывались бы права старостъ и дѣдичныхъ пановъ въ Украинѣ, ибо каждый подданный могъ тогда самовольно назваться казакомъ и панъ терялъ право и надъ его личностію и надъ его имуществомъ и наконецъ надъ своею землею, которая составляла грунтъ, данный непокорному хлопу: по тогдашнему народному понятію тотъ участокъ земли, на которомъ сидитъ и который обрабатываетъ земледѣлецъ, былъ его достояніемъ во всякомъ случаѣ. Вдобавокъ, въ письмѣ писаря требовалось возвращеніе свободы Смольчугѣ и Ганжѣ, какъ невиннымъ людямъ.

Конецпольскій отвѣчалъ казакамъ, что, требуя себѣ знаковъ, подобно тому, какъ нѣкогда получали короли съ казаками, они нарушаютъ обязанность подданныхъ и осмѣливаются предписывать законы своему государю; коронный гетманъ повелѣвалъ собственно казакамъ быть послушными не тому старшему, кого они сами выберутъ, а тому, кого имъ дадутъ, и пребывать въ границахъ повиновенія, указанныхъ кураковскимъ договоромъ. Онъ оправдывалъ Савву Кононовича и его товарищей и выражался такъ: «Невинная кровь вашихъ товарищей и старшинъ вопіетъ объ отмщеніи и по-

вергнетъ васъ въ гибель. Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на ваши воеводства, но болѣе не станетъ ихъ сносить; она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому если вы не останетесь въ послушанiи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно кураковскому договору, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить ваши своевольства, но истребить навсегда имя казацкое».

Послѣ такого отвѣта Павлюку не оставалось ничего, какъ вступить въ открытую вражду съ поляками. Оставаться въ предѣлахъ кураковскаго договора значило оставить народъ, стекавшiйся къ нему, на произволъ панству; по кураковскому договору, казацкое званiе принадлежало однимъ реестровымъ, а реестровые набирались по рекомендацiи старостъ и подстаростъ и недавно были приведены въ опредѣленный комплектъ, слѣдовательно, выписчикамъ, изъ которыхъ состояло павлюково войско, не было уже мѣста. Павлюкъ и его товарищи не только не могли не оставаться при тѣхъ должностяхъ, которыя себѣ они присвоили, но еще должны были ожидать наказанiя отъ польской власти за убiйство Саввы, которое отнюдь не оправдывалось коронымъ гетманомъ, какъ того домогался было Павлюкъ. Въ этихъ видахъ Павлюкъ издалъ универсалъ, призывающiй всю Украину къ вооруженiю.

Универсалъ этотъ во многихъ копiяхъ былъ разосланъ въ города, мѣстечки, села: казакамъ, посланнымъ съ нимъ, велѣно спѣшить день и ночь.

Содержанiе универсала было таково:

«Карпъ Павловичъ Гудзанъ, полковникъ войска его королевскаго величества, старшой на всей Украинѣ и на Заднѣпрiи. Панамъ атаманамъ городовымъ и всему товариществу нашему, жительствующему, какъ въ городахъ его королевскаго величества, такъ и въ княжескихъ, шляхетскихъ и всему вообще посполитому народу рода христiанскаго, житель-

ствующему въ Украинѣ, на Заднѣпріи и во всей Сѣверщинѣ: желаемъ отъ Бога добраго здоровья и во всемъ счастливаго благополучія. Дошло до насъ вѣрное извѣстіе, что непріятели нашего христіанскаго народа русскаго и нашей древней греческой вѣры, ляхи, задумавши зло и забывши страхъ Божій, идутъ въ Украину и за Днѣпръ и хотятъ, какъ войско его королевскаго величества, такъ и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ обратить въ ничто, пролить кровь христіанскую, учинить поруганіе надъ женами и дѣтьми нашими и окончательно насъ поработить; поэтому именемъ моимъ и старшинства моего и именемъ всего войска запорожскаго повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, отъ мала до велика, кто только называетъ себя товарищемъ и хранитъ святую благочестивую истинную вѣру, покинувши всѣ свои занятія, и немедленно собирались ко мнѣ. Поручаю васъ Богу. Изъ Лубы. 11-го октября 1637 года».

Это возстаніе нашло себѣ въ то время особенно воспріимчивую почву. Кромѣ того, что южнорусскій народъ всегда радъ былъ возможности подняться на пановъ, — въ этотъ годъ былъ неурожай и вслѣдствіе его настала дороговизна; бѣдняки голодали; священники, по причинѣ дороговизны хлѣба, разрѣшали въ постъ ѣсть мясо, а голодъ, какъ извѣстно, всегда наилучшій товарищъ народнымъ мятежамъ. На призывъ Павлюка прежде всего и охотнѣе всѣхъ отозвались на лѣвой сторонѣ Днѣпра такъ называемыя новыя слободы, населенныя бѣглецами съ правой стороны; они искали тамъ избавленія отъ панской юрисдикціи и отъ панщины, но не могли найти этого на долгое время нигдѣ, куда только досягалъ строй Рѣчи Посполитой. Эти слободы расположены были вдоль Днѣпра до Кременчуга и ниже; изъ оныхъ поселеній жители первые стали прибѣгать къ Павлюку. Вслѣдъ затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ стали собираться шайки; закри-

чали: на свободу, на свободу!—говоритъ современникъ,—зашумѣла въ кабакахъ горилка, одни спѣшили къ Павлюку и Скидану, другіе стали расправляться съ шляхтою и съ жидами. Нападетъ такая шайка на панскій дворъ, ограбятъ державцевъ или ихъ намѣстниковъ, отнимаютъ у нихъ камышины, знаки власти, даютъ имъ въ руки въ насмѣшку кіи и приказываютъ доставлять себѣ одежду, лошадей, запасы, порохъ. оружіе. Владѣльцы получали отъ полковника Скидана увѣщанія не препятствовать своимъ подданнымъ идти въ казаки. Въ имѣніяхъ Киселя образовалась сильная шайка подъ начальствомъ Мурки и Носка. Кисель убѣжалъ. Сосѣди его бѣжали.

Самъ Павлюкъ, по написаніи универсала, отправился въ Сичъ, а въ Украинѣ остался Скиданъ, избранный въ достоинство чигиринскаго полковника на радѣ, избравшей Павлюка старшимъ.

Съ своей стороны Конецпольскій, услышавъ о смятеніи, приказалъ польному гетману Николаю Потоцкому стянуть войско, разставленное по квартирамъ на правой сторонѣ Днѣпра. Потоцкій приказалъ отрядамъ собираться въ Паволочь, куда прибылъ и самъ. Но пока войско собралось, наступилъ ноябрь. Прошелъ срокъ платежа жалованья. Жолнеры стали требовать уплаты, иначе отказывались отъ службы и грозили составлять конфедераціи. Кромѣ жалованья, ихъ волновала еще и другая причина: многихъ изъ нихъ, за своевольства и безчинства, требовали къ суду; придираясь къ жалованью, они хотѣли, чтобы за то, что они согласятся ждать, имъ дали экземпты, т. е. изъятія отъ суда. Вѣсть о такомъ безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ придала бодрости русскимъ. Скиданъ, называя себя опекуномъ всей Украины, продолжалъ разсылать во всѣ стороны универсалъ за универсаломъ—и къ народу, и къ реестровымъ казакамъ, призывалъ всѣхъ, кто только хочетъ быть товарищемъ, спѣшить какъ возмож-

но скорѣе и на конѣ и пѣшкомъ добывать правъ и свободы противъ *душмановъ* ляховъ, враговъ вѣры. Въ Нѣжинѣ, старосствѣ Потоцкаго, русскіе, составлявшіе городскую стражу, отказали старостѣ въ повиновеніи, покидали свои знамена, привлекли къ себѣ толпу сосѣднихъ хлоповъ и ушли къ Скидану. Возстаніе охватило Вишневеччину—средину тогдашней лѣвобережной Украины, названной такъ отъ находившихся тамъ имѣній, принадлежавшихъ князьямъ Вишневецкимъ. Въ Полтавѣ организовался отрядъ подъ предводительствомъ Остранина, подобный отрядъ шелъ къ Скидану изъ Гадяча. На второй сторонѣ Днѣпра полки чигиринскій, а на лѣвой переяславскій первые изъ реестровыхъ перешли на сторону возстанія. Остальные еще колебались: Скиданъ грозилъ имъ смертію, если они не пристанутъ къ нему. Народное негодованіе уже постигало всякаго, кто не сочувствуетъ общему дѣлу. Но съ другой стороны близость польскаго войска держала въ страхѣ правобережную Украину: 26-го ноября Потоцкій издалъ къ реестровымъ универсалъ, приказывалъ ловить мятежниковъ и самимъ присоединяться къ войску! «Если же будетъ иначе—кончалъ онъ свой универсалъ—то знайте, что ваши жены и дѣти погибнутъ и вы сами падете подъ мечами войска его королевскаго величества». Когда польское войско собралось въ Паволочи, корсунскій полкъ, устрашенный угрозами Потоцкаго, прислалъ изъявленіе покорности и готовности бить мятежниковъ; но потомъ, когда услыхали казаки, что въ польскомъ войскѣ безладица, корсунцы перешли къ Скидану и онъ назначилъ въ Корсунѣ раду на 29-е ноября. Бѣлоцерковскій полкъ сначала покорился, когда Потоцкій прибылъ въ Бѣлую Церковь: казаки вышли къ нему на встрѣчу, кланялись до земли въ знакъ покорности. Потоцкій сначала по начальнически накричалъ на нихъ, а потомъ приказывалъ склонять къ повиновенію казаковъ другихъ полковъ. Но когда онъ уѣхалъ изъ Бѣлой Церкви въ Паволочь,

бѣлоцервовцы, ободренные слухомъ о безпорядкѣ въ польскомъ войскѣ, ушли къ Свидáну. За ними кіевскій полкъ ушелъ къ нему же по Днѣпру. Русскіе, полагая большую надежду на безладицу, возникшую между поляками, стали роптать на Павлюка, зачѣмъ онъ остается долго въ Сичѣ и пропускаетъ удобное время напасть на враговъ. Назначенная Скиданомъ въ Корсунѣ рада была нестройная, шумная и притомъ на нее явилось немного, кричали противъ Скидана и Павлюка. Скиданъ ушелъ изъ Карсуна въ Мошны и оттуда 4-го декабря пустилъ еще универсалъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Карпъ Скиданъ, полковникъ и опекунъ всей Украины. Панамъ молодцамъ, черни войска запорожскаго, товарищамъ и братьямъ моимъ милымъ, даю вамъ знать, что я послалъ васъ звать на корсунскую раду, но увидѣлъ, что васъ мало послушныхъ. Теперь, зная, что ляхи наступаютъ войною и на вѣру нашу, и на вольность нашего войска, приказываю подъ смертною казнію, чтобы всѣ и пѣшіе и конные поскорѣе собирались въ Мошны давать отпоръ бездушнымъ непріятелямъ нашимъ».

Со дня на день ожидали русскіе Павлюка съ нетерпѣніемъ и начинали уже терять надежду, поговаривали даже, что Павлюкъ не придетъ, а останется въ Запорожьѣ; но Павлюкъ наконецъ явился съ запорожцами. Причина его медленности объяснилась. Онъ сносился съ крымскимъ ханомъ, которому

оказалъ недавно услугу, и умолялъ его подать помощь казакамъ, но ханъ отказалъ казакамъ и сообщилъ о томъ польскому правительству, выставляя свое доброжелательство къ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, Павлюкъ, ожидая ханскаго отвѣта, дѣйствительно пропустилъ драгоцѣнное время, когда польское войско страдало неурядицей и легко было напавши внезапно, побить его. Потоцкій, между тѣмъ, утишилъ волненіе между своими жолнерами, убѣдилъ ихъ ждать жалованья три недѣли, и когда они успокоились, выступилъ съ войскомъ въ Корсунъ. Оставшіеся тамъ жители изъявили передъ поляками покорность. По украинскимъ извѣстіямъ, жолнеры опустошали и предавали поруганію церкви, умерщвляли жонъ и дѣтей. «Все это хлопская неправда», говорили послѣ поляки о такихъ извѣстіяхъ. Потоцкій прежде, чѣмъ расправляться оружіемъ съ мятежниками, написалъ къ нимъ универчалъ, гдѣ убѣждалъ ихъ сжалиться надъ собственною кровью, опомниться и просить прощенья и пощады, пока еще остается время и возможность получить милосердіе отъ короля. «Но мои просьбы — писалъ послѣ того Потоцкій — не смягчили ихъ упрямства. Они болѣе вѣрили въ универсалы Скидана, которые летали повсюду одинъ за другимъ». Скиданъ, на универсалъ Потоцкаго, отвѣчалъ ему: «Казаки уже не дозволятъ болѣе выписывать себя, уменьшать свое сословіе да дурачить себя коммиссіями». — «Нечего дѣлать, сказалъ Потоцкій — кто словъ не слушаетъ, того побоями вразумляютъ».

Передъ вечеромъ 5-го (15) декабря польское войско перешло рѣку Рось черезъ Шахновъ мостъ, направляясь къ деревнѣ Кумейкамъ. Передовой отрядъ, подъ начальствомъ Лаща, въ числѣ тысячи пятисотъ человѣкъ, отдѣлился отъ главнаго корпуса войска и пошелъ впередъ для взятія языковъ. Онъ подходилъ къ самымъ Мошнамъ, гдѣ стояло казацкое войско, схватилъ тамъ нѣсколько языковъ, но одинъ

изъ его солдатъ перебѣжалъ къ казакамъ и разсказалъ имъ, что еще нѣсколько польскихъ хоругвей не успѣли примкнуть къ своему войску и идутъ позади. Павлюкъ, по этому извѣстію задумалъ обойдти польское войско, завладѣть переправой на рѣкѣ Роси и перерѣзать путь заднимъ хоругвямъ. Казаки всѣмъ таборомъ пошли вслѣдъ за Лащомъ, который поспѣшно присоединился къ своему войску. Пойманные имъ языки объявили, что у Павлюка и Скидана около двадцати тысячъ и они дожидаются на помощь съ лѣвой стороны Днѣпра ополченія подъ начальствомъ кіевлянина Кизима. Пушекъ у нихъ восемь.

По этимъ вѣстямъ Потоцкій приказалъ немедленно выступать. Польское войско двинулось впередъ таборомъ, состоявшимъ изъ возовъ, поставленныхъ въ десять рядовъ.

6-го (16) декабря поляки увидали казацкое войско, которое заходило имъ въ бокъ. Кисель, русскій по происхожденію, православный по вѣрѣ, не могъ удержаться отъ слезъ и воздыханій, увидя своихъ единовѣрцевъ и земляковъ. «Славные люди — говорилъ онъ — какъ смѣло, какъ бодро идутъ на смертъ! Зачѣмъ идутъ они на своего государя короля и Рѣчь Посполитую, а не на враговъ христова креста!»

«Сегодня день русскаго Николая! говорили нѣкоторые: — св. Николай — патронъ нашего гетмана. Счастливое предзнаменованіе!» — «Не могу долѣе терпѣть хлопскаго нахальства—сказалъ Потоцкій и приказалъ ударить на казаковъ.

Хлопы зажгли деревню Кумейки: они думали, что дымъ будетъ безпокоить поляковъ, и ошиблись: вѣтеръ дулъ на казаковъ.

Стремительно бросилась на казаковъ польская пѣхота, грянули пушки, понеслось пять конныхъ хоругвей одна за другою, и во мгновеніе — доносилъ послѣ того Потоцкій — едва успѣешь прочитать «Ave Maria» (радуйся благодатная Марія), поляки прошибли казацкій таборъ въ двухъ мѣстахъ. Счи-

тая себя уже побѣдителями, поляки кричали: «Сдайтесь! Сдайтесь. Просите милосердія!» Хлопы въ отвѣтъ имъ кричали: «не сдадимся ляхамъ! Одинъ на одномъ свои головы положимъ». Часть казацкой конницы тотчасъ убѣжала; польская конница погналась за нею, но не догнала, только нѣкоторыхъ изрубила въ погони. Пѣшіе русскіе изъ частей разбитаго табора состроили тѣснѣйшій, и защищались отчаянно. Потоцкій приказалъ зажечь сѣно на казацкихъ возахъ; огонь дошелъ скоро до пороха, лежавшаго на другихъ возахъ; лишенные пороха, русскіе отбивались оглоблями, дугами, осколками телегъ, и чуть какому-нибудь поляку приходилось упасть съ лошади, тотчасъ хлопы на него бросались и терзали поляка на части, хотя вслѣдъ затѣмъ налетали на хлоповъ поляки и изрубливали ихъ въ куски. Ожесточенная рѣзня длилась до сумерокъ. Вечеромъ истрѣленные, изрубленные недобитки покинули побѣдителямъ шесть пушекъ и ушли къ заднимъ; тамъ изъ остатковъ табора составили еще тѣснѣйшій таборъ, и поставили свои двѣ оставшіяся у нихъ пушки. Потоцкій намѣревался всю ночь освѣщать ихъ, по собственному его выраженію, а между тѣмъ, послалъ къ нимъ предложеніе, чтобъ они сдались и просили милосердія.

Отвѣта не было. Поляки стали палить, но съ казацкой стороны не послѣдовало ни одного выстрѣла.

Тогда Потоцкій самъ поѣхалъ по разбитому казацкому табору, и среди труповъ, валявшихся въ изобиліи, наткнулся на раненыхъ, которые сказали ему, что казаки, пользуясь темнотою, ушли со всѣмъ таборомъ къ Боровицѣ, оставивши своихъ раненыхъ на произволъ судьбы. Казацкія лошади, пораженныя польскими пулями, метались въ разныя стороны безъ сѣдоковъ.

Вслѣдъ затѣмъ явилось къ польному гетману нѣсколько реестровыхъ; они просили прощенія, увѣряли, что находились въ казацкомъ таборѣ поневолѣ, предлагали свои услуги и

просили, чтобъ имъ позволили, вмѣстѣ съ поляками, преслѣдовать своихъ пораженныхъ единовѣрцевъ. «Вы не прежде можете служить отечеству, какъ очистившись, напередъ, присягою», отвѣчалъ имъ польный гетманъ.

Позволивъ своему войску отходнуть, Потоцкій еще разъ послалъ къ казакамъ универсалъ: именемъ короля обѣщалъ онъ имъ прощеніе если они раскаятся и начнутъ просить милосердія; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ поступить такъ, какъ ему Богъ положитъ на сердце, и какъ укажетъ долгъ рыцарской отваги. Къ этому универсалу приложилъ свое посланіе Кисель: онъ совѣтовалъ казакамъ выдать зачинщиковъ возстанія, и ручался, что король даруетъ имъ прощеніе.

На другой день Потоцкій послалъ своего племянника, Станислава Потоцкаго, впередъ; тотъ дошелъ до Боровицы надъ Днѣпромъ, и узналъ, что изъ-за Днѣпра подходитъ казакамъ новое подкрѣпленіе.

Тогда польный гетманъ двинулъ свой обозъ къ Мошнамъ по грустному полю казацкаго погрома, гдѣ на снѣжной равнинѣ пестрѣли багровыя полосы крови, и куда только можно было окинуть взоромъ, по полю, болоту, по лѣсу, вездѣ виднѣлись человѣческія тѣла, отрубленныя головы, руки, ноги, лошадиные трупы, осколки возовъ, брошенное оружіе, обгорѣлыя бревна деревни Кумеекъ. Когда поляки ушли далѣе, хлопы похоронили тѣла русскихъ воиновъ, и насыпали — говоритъ современникъ — надъ ними высокія могилы на память грядущимъ временамъ, дабы знали потомки, что подъ ними лежатъ казацкія головы, павшія въ несчастный день св. Николая, покровителя земли русской.

Въ казацкомъ таборѣ подъ Боровицей было неладно. По разбитіи казаковъ подъ Кумейками, Скиданъ и другой полковникъ, Чечуга, увидали, что дѣло ихъ пропадаетъ: не желая доставаться панамъ, и, надѣясь сохранить себя для будущаго возстанія, они убѣжали. Павлюкъ оставался на мѣ-

стѣ, и думалъ перенести обозъ на лѣвый берегъ и подкрѣпить себя свѣжими силами. Но тутъ пришли въ казацкій таборъ универсалъ Потоцкаго и посланіе Киселя. Реестровые возмутились, взваливали всю бѣду на Павлюка, кричали, что онъ ихъ подвелъ, взбунтовалъ обѣщаніями, а самъ ушелъ въ Сичу, и тамъ пропустилъ удобное время. Нашлись ораторы, которые доказывали, что слѣдуетъ выдать полякамъ Павлюка; этимъ можно загладить вину свою, а сопротивляться долѣе и безразсудно и безполезно. Ихъ сталъ удерживать одинъ изъ старшинъ, Дмитро Томашевичъ-Гуня, котораго совѣту и распорядительности казаки одолжены были тѣмъ, что ушли изъ-подъ Кумеекъ. Казаки провозгласили его своимъ старшимъ, и взяли подъ стражу Павлюка и Томиленка. Гуня не взялъ на себя старшинства цѣною выдачи полякамъ прежнихъ предводителей. Казаки избрали какого-то Снирскаго.

(10-го) 20-го декабря Потоцкій появился подъ Боровицею. Поляки дали залпъ по казакамъ.

Выписчики стали-было отвѣчать выстрѣлами, но реестровые выкинули мирное знамя, и послали сказать Потоцкому, что они готовы просить милосердія и выдадутъ зачинщиковъ.

Потоцкій обѣщалъ имъ помилованіе, но съ условіемъ, если они приведутъ къ нему Павлюка, Скидана, Томиленка и прочихъ старшинъ.

Выписчики бросились бѣжать: одни по степи, другіе къ Днѣпру, и многіе тутъ же утонули въ Днѣпрѣ, потому что, по причинѣ теплой зимы, Днѣпръ дурно замерзъ. Тогда убѣжали Гуня и полковникъ Хвилоненко. Реестровые привели къ Потоцкому скованными Павлюка, Томиленка и какого-то Ивана Злого. «А гдѣ же Скиданъ?» закричалъ на нихъ Потоцкій. «Нема, дмухнувъ кудись!» отвѣчали реестровые. Вмѣсто нихъ чигиринцы представляли двухъ сотниковъ своего полка: Кузю и Курила, которые недавно отличались

тѣмъ, что сожгли нѣсколько шляхетскихъ усадьбъ и перебили въ нихъ хозяевъ. «Знать нехочу!—кричалъ Потоцкій:—чтобъ мнѣ былъ Скиданъ: даю вамъ три дни срока; доставьте его или живаго, или мертваго!»

(14-го) 24-го декабря польный гетманъ приказалъ собраться казакамъ на раду, и выслалъ къ нимъ коммиссаровъ, своего племянника и Киселя. Когда эти коммиссары прибыли въ назначенное мѣсто надъ Днѣпромъ, казацкіе довбиши взяли бубенъ польскаго гетмана и ударили въ него, созывая раду. Явились ихъ тысячи. Коммиссары говорили имъ рѣчь:

«Вы сдѣлали преступленіе, которому подобнаго не было на свѣтѣ отъ вѣка-вѣковъ; вы не только подняли руки свои на войско вашего государя, но еще хотѣли привлечь на насъ татаръ: мы объ этомъ получили подробное извѣстіе. Все мы знаемъ. Такъ ли?»

Казаки подтвердили, что дѣйствительно Павлюкъ сносился съ ханомъ.

«За такую измѣну — продолжали коммиссары — вы сами себѣ подписали приговоръ собственною вашею кровью; вы въ бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ гольности, право избирать изъ среды себя старшихъ, погубили и самое имя казацкое. Теперь у васъ долженъ быть уже иной порядокъ. Если вамъ даруется жизнь, то это вы должны приписать великодушію его величества короля къ побѣжденнымъ».

Впереди стоялъ избранный казаками старшій.

Коммиссары сказали ему:

«Положи бунчукъ, булаву, печать, всѣ полковники и старшина тоже положите ваши знаки; вамъ дадутся другіе начальники».

Избранные начальники повиновались.

«Слѣдуетъ — продолжали коммиссары — повѣрить реестры, чтобъ узнать: кто изъ васъ погибъ; дѣти измѣнниковъ не

будутъ включены въ казацкіе ряды, но это будетъ на вальной радѣ, которая соберется послѣ того, какъ о васъ сдѣлается постановленіе на сеймѣ, а до того времени вы будете слушать пана Ильяша Караимовича и повиноваться ему во всемъ».

Вмѣстѣ съ Караимовичемъ назначены были въ полки полковниками люди, такъ же, какъ и онъ, преданные правительству, но только временно, до сеймоваго постановленія, а въ заключеніе казакамъ велѣли присягнуть; казаки все исполнили, и дали отъ себя присяжный листъ, достопамятный тѣмъ, что онъ былъ подписанъ Богданомъ Хмельницкимъ, бывшимъ въ это время войсковымъ писаремъ. Въ дневникѣ современника Окольскаго (источника, впрочемъ, не вездѣ безукоризненной вѣрности) присяжный листъ этотъ приведенъ въ такомъ видѣ:

«Мы, наинижайшіе подножки его королевской милости нашего милостиваго пана, свѣтлѣйшаго сената и всей Рѣчи Посполитой, нашихъ милостивцевъ вѣрные подданные: Левко Будновскій и Лютай—войсковые асаулы, полковники: черкасскій Яковъ Гегнивый, каневскій—Андрей Лагода, чигиринскій—Григорій Хомовичъ, корсунскій—Максимъ Нестеренко, переяславскій—Ильяшъ Караимовичъ, бѣлоцерковскій—Ячына, яблоновскій—Терешко, судьи: Богданъ и Каша, и писарь Богданъ Хмельницкій, затѣмъ всѣ сотники, атаманы и братія чернь, молодцы войска его королевской милости запорожскаго, на бубущія времена даемъ сіе свидѣтельство какъ для насъ, такъ и для нашихъ потомковъ, на вѣчную память о карѣ нашихъ преступленій противъ непобѣдимаго величества его королевской милости нашего милостиваго пана и всей Рѣчи Посполитой, и о милосердіи надъ нами. По наущенію старшихъ своихъ, мы, забывъ кураковскій договоръ, написанный нашею кровью порядокъ, установленный въ войскѣ запорожскомъ г. великимъ коронымъ гетманомъ краковскимъ кастеля-

номъ Станиславомъ на Конецполѣ Конецпольскимъ и нашу присягу, сначала недостойно убили старшину нашу, данную намъ на русавской радѣ именемъ его королевской милости гг. королевскими коммиссарами, черниговскимъ подкоморіемъ и носовскимъ старостою Адамомъ изъ Брусилова Киселемъ, и брацлавскимъ воеводичемъ полковникомъ его королевской милости Станиславомъ изъ Потока Потоцкимъ, сдѣлавъ набѣгъ на Черкасы, взяли тамъ запорожскую армату, а потомъ, сверхъ постановленнаго по реестру съ дозволенія его королевской милости и Рѣчи Посполитой, числа семи тысячъ казаковъ, набравши къ себѣ поспольство (простонародіе) дерзнули съ старшимъ своимъ Павлюкомъ вступить въ битву съ короннымъ войскомъ, состоящимъ подъ начальствомъ ясновельможнаго пана брацлавскаго воеводы польнаго короннаго гетмана, присланнымъ для укрощенія нашего несчастнаго бунта. На полѣ битвы, между Мошнами и Кумейками, Господь Богъ совершилъ надъ нами свой справедливый приговоръ: таборъ нашъ былъ отъ короннаго рыцарства разорванъ, артиллерія наша взята, мы утратили знамена, камышины и всѣ отъ давнихъ временъ заслуженныя отличія, полученныя отъ ихъ милостей королей и Рѣчи Посполитой. Большая часть нашего войска пала въ битвѣ, а остатокъ его г. ясновельможный гетманъ догналъ подъ Боровицею, по справедливому суду божію, осадилъ, осыпалъ окопами, и хотѣлъ истребить приступомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибли прежніе старшины; тогда мы всѣ, бывшіе съ нашимъ старшимъ въ боровицкой осадѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ до конца не пролилась христіанская кровь и головы наши могли еще быть полезны Рѣчи Посполитой, просили ясновельможнаго польнаго короннаго гетмана о милосердіи, чрезъ посредство ихъ милостей гг. коммиссаровъ, еще прежде устроившихъ наше войско и давшихъ намъ старшину, выдали Павлюка, Томиленка и нѣкоторыхъ другихъ, а Скидана, за-

чинщика того же возмущенія, убѣжавшаго, всѣ обязуемся отыскать и отдать въ руки г. польнаго короннаго гетмана. За наше преступленіе г. ясновельможный польный коронный гетманъ не захотѣлъ дать и назначить намъ старшаго надъ нашимъ войскомъ изъ среды нашей, какъ прежде было въ обычаѣ, оставляя это до дальнѣйшей воли его величества короля и Рѣчи Посполитой, но только у насъ избраны были полковники, а до времени главное начальство поручено г. Ильяшу, переяславскому полковнику, который никогда не участвовалъ въ бунтахъ, и находился при коронномъ войскѣ. Посему мы, оставаясь въ такомъ порядкѣ на дальнѣйшее время, для испрошенія милосердія и милости его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой, назначили изъ своей среды пословъ, какъ къ его королевской милости, свѣтлѣшему сенату и всей Рѣчи Посполитой, такъ и къ ясновельможному г. великому коронному гетману краковскому каштеляну Станиславу на Конецполѣ Конецпольскому. Что же касается Запорожья, морскихъ челновъ и обычной стражи, то мы обязываемся быть готовыми и идти въ походъ, какъ только послѣдуетъ приказаніе ясновельможныхъ господъ гетмановъ коронныхъ и назначенныхъ коммиссаровъ для сожженія челновъ и изведенія изъ Запорожья черни, какая тамъ окажетсверхъ числа, назначеннаго для тамошней стражи. Касательно нашисъ реестровъ, приведенныхъ въ безпорядокъ настоящимъ нашимъ пораженіемъ, мы отдаемся на волю и милосердіе его величества и всей Рѣчи Поспылитой, а также коронныхъ гетмановъ, оставаясь въ томъ числѣ, въ какомъ оставили насъ гг. коммиссары, въ такомъ порядкѣ, какого потребуетъ милосердіе его величества, и пребывая на вѣчныя времена въ вѣрности, службѣ и подданствѣ Рѣчи Посполитой, въ чемъ, поднявъ руки къ небу, присягаемъ и для вѣчной и нескончаемой памяти о карѣ, постигшей насъ за наши преступленія, дабы на будущія времена подобныхъ бунтовъ не было,

такъ и о милосердіи, надъ нами показанномъ, даемъ настоящее писаніе и кровавое обязательство за войсковою печатью и за подписомъ войсковаго писаря. Это обязательство должно всегда находиться при войсковыхъ реестрахъ, дабы мы всегда помнили и о карѣ надъ нами, и о милосердіи его королевскаго величества и всей Рѣчи Посполитой. Писано въ полной радѣ подъ Боровицею наканунѣ Рождества Христова лѣта Господня 1637 г. Богданъ Хмельницкій именемъ всего войска его королевской милости собственноручно съ приложеніемъ печати».

Это обязательство, написанное и, вѣроятно, сочиненное во свидѣтельство на будущія времена, какъ въ этомъ писаніи говорится, человѣкомъ, который черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, на челѣ казаковъ и русскаго народа нанесъ жесточайшій ударъ шляхетской Рѣчи Посполитой, дѣйствительно можетъ оставаться на грядущія времена свидѣтельствомъ того, какъ лживы, безплодны, и безсильны всякіе договоры, постановленія, законоположенія, когда они составляются въ разрѣзъ со всемогущею логикою событій и ходомъ историческихъ задачъ. По отобраніи присяги отъ казаковъ, польный гетманъ намѣревался провести первые дни праздника на мѣстѣ, но въ тотъ же день вечеромъ дали ему знать, что къ рѣкѣ Ирклею подходитъ шайка мятежниковъ на помощь Павлюку подъ предводительствомъ Кизима; и Потоцкій счелъ нужнымъ предупредить его: въ первый день праздника онъ отправилъ за Днѣпръ отрядъ въ шесть тысячъ съ своимъ племянникомъ. Ему приказано было узнать, какъ велики силы Кизима, и если можно будетъ, то и расправиться съ нимъ. Но Кизимъ успѣлъ узнать о печальной судьбѣ Павлюка и повернулъ къ Лубнамъ.

Молодой Потоцкій выступилъ 25-го числа, съ нимъ отправились и реестровые. Казаки, какъ будто съ ними ничего

не бывало, выступали въ праздничномъ видѣ — играли на свистѣлкахъ, били въ бубны, подлѣ ихъ начальника Ильяша Караимовича несли бунчукъ подъ бѣлымъ знаменемъ съ двумя хвостами на рогатинѣ. За нимъ и за молодымъ Потоцкимъ, 26-го числа, и самъ польный гетманъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Днѣпра. Реестровые, отправившись быстро впередъ, неожиданно для Потоцкаго, поймали Кизима и привезли его, скованнаго, къ гетману. Вѣроятно, онъ былъ схваченъ хитростію или выданъ своими.

Въ послѣднихъ числахъ декабря (н. с.) польный гетманъ съ войскомъ стоялъ у Переяславля. Ильяшъ совѣтовалъ идти на поднѣпровскія слободы и разорить ето гнѣздо мятежа, но Потоцкій отложилъ такое предпріятіе подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде надобно было испросить королевскаго разрѣшенія на разореніе цѣлаго края; притомъ же тогда продолжалось, какъ до него доходили слухи, возмущеніе въ верхнихъ краяхъ лѣвобережной Украины. Онъ отправился въ свое староство Нѣжинъ. «По дорогѣ — писалъ онъ — мои глаза увидали ужасные слѣды грабежей и убійствъ; хлопство недавно лило кровь шляхетскую и священническую; теперь испуганные поселяне, застигнутые приходомъ польскихъ войскъ, выдавали мятежниковъ, и вмѣстѣ съ ними святини ограбленныхъ костеловъ, драгоцѣнности, набранныя въ домахъ убитыхъ шляхтичей». Когда уже Кизимъ попался въ плѣнъ, его сынъ, не зная объ отцовской судьбѣ, съ толпою хлоповъ ворвался въ Лубны, перерѣзалъ шляхетскую челядь князя Вишневецкаго, сжегъ бернардинскій монастырь, изрубилъ монаховъ и разбросалъ собакамъ тѣла ихъ. Но недолго тѣшился молодецъ; черезъ нѣсколько дней послѣ того и онъ попался въ плѣнъ и былъ закованъ вмѣстѣ съ отцомъ. Слѣдуя къ Нѣжину, Потоцкій сажалъ мятежниковъ на колъ, такъ что вся дорога была уставлена казненными, словно вѣхами. «Надобно навести на всѣхъ страхъ—говорилъ поль-

ный гетманъ — десятокъ сотнѣ, сотня тысячѣ пусть показываетъ примѣръ». По собственному его признанію, онъ затѣмъ только и ѣздилъ въ Нѣжинъ, чтобъ доставить себѣ удовольствіе повидать на колахъ русскихъ хлоповъ.

Въ Нѣжинѣ нѣсколько дней происходили казни. «Я изъ васъ восковыхъ сдѣлаю!» кричалъ Потоцкій. «Если ты панъ-гетманъ будешь отыскивать и казнить виновныхъ—говорили ему русскіе,—то разомъ посади на колъ все Поднѣпріе и Заднѣпріе».

Польный гетманъ разставилъ свое войско на лѣвой сторонѣ Днѣпра, поручилъ надъ нимъ начальство племяннику, а самъ уѣхалъ въ Пруссію.

Проѣзжая черезъ Кіевъ, онъ приказалъ посадить на колъ Кизима вмѣстѣ съ сыномъ на горѣ Киселевкѣ, передъ стѣнами замка. Павлюкъ, Томиленко, Иванъ Злый и еще какіе-то два ихъ товарища доставлены были въ оковахъ въ Варшаву.

Въ февралѣ 1638 г. собрался сеймъ. Послы заявляли крайнее ожесточеніе противъ казаковъ и требовали стереть ихъ съ лица земли. Присвоеніе Павлюкомъ старшинства не только надъ казацкимъ сословіемъ, но и надъ всею Украиною, поляки толковали такъ, что этотъ мятежникъ покушался оторвать Украину отъ польской короны и сдѣлаться самому государемъ: поэтому приговорили надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палку въ качествѣ царственнаго жезла или скипетра. Кисель горячо заступался за жизнь преступниковъ. «Они сдались добровольно — говорилъ онъ — я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь; иначе они бы защищались до послѣдней возможности. Если теперь, несмотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, то-есть Рѣчи По-

7*

сполитой». Протестъ Киселя не уважили. Но король отмѣнилъ комическую казнь, приготовленную Павлюку: ему и его сообщникамъ, привезеннымъ въ Варшаву вмѣстѣ съ нимъ, отрубили головы, и потомъ взоткнули ихъ на колы. Сеймъ опредѣлилъ, что казаки, за непослушаніе и частыя возмущенія, должны потерять свои привилегіи дарованныя имъ прежними королями, и, впослѣдствіи, слѣдуетъ уничтожить ихъ совершенно какъ сословіе, но чтобы слишкомъ не раздражить русскій народъ, положили скрыть это намѣреніе до времени и ограничиться на первый разъ тѣмъ, чтобы лишить казаковъ права избирать себѣ начальниковъ, а дать имъ начальствущихъ лицъ изъ преданныхъ Рѣчи Посполитой людей и преимущественно изъ шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено овладѣть Запорожьемъ и устроить тамъ постоянную стрóжу, дабы не допустить сборовъ народа и для морскихъ походовъ и для возмущенія Украины. Реестровыхъ казаковъ вообще хотѣли поставить въ кругъ строго опредѣленныхъ обязанностей — стеречь Низъ Днѣпра отъ чужихъ и своихъ; по очереди два полка на третій годъ должны стоять на Запорожьѣ и наблюдать, чтобъ съ юга татарскіе загоны не переправлялись черезъ Днѣпръ и не вторгались въ земли, принадлежащія Рѣчи Посполисой, а съ сѣвера своевольные хлопы не приходили на Низъ съ намѣреніемъ, составивши въ днѣпровскихъ лугахъ и камышахъ полчища, назадъ идти въ Украину и произвести тамъ возмущеніе. Казаки должны были находиться подъ властію короннаго гетмана и состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ не выбраннаго старшаго, какъ прежде, а назначеннаго правительствомъ коммиссара. Чтобъ остановить разливъ казачества на всю Украину, положено очертить казацкое мѣстопребываніе чрезъ сеймовыхъ коммиссаровъ, и впослѣдствіи отнюдь не допускать приписовъ новыхъ земель къ казацкому вѣдомству. Въ это время къ суровымъ мѣрамъ противъ казаковъ, но въ тоже

время и къ сохраненію ихъ на случай, располагали поляковъ требованія Турціи и Крымскаго хана уничтожить казаковъ до тла. Турецкій императоръ писалъ къ польскому королю: «Если вы теперь не уничтожите казаковъ на днѣпровскихъ островахъ и не истребите ихъ вовсе, то невозможно вамъ будетъ удерживать ихъ набѣговъ на наши счастливыя владѣнія, а потому, знайте: отселѣ, если хоть одинъ чолнъ появится на Чорномъ морѣ, то это будетъ нарушеніемъ мира и тогда всѣ провинціи и волости Рѣчи Посполитой будутъ обращены въ прахъ». Крымскій ханъ поздравлялъ короля съ побѣдами надъ своевольными казаками, но въ тоже время предостерегалъ, что разсѣянные польскими силами, они снова собираются на днѣпровскихъ островахъ и думаютъ нападать на татаръ, а потому побуждалъ кроля, для сохраненія спокойствія и мира между поляками и татарами, истребить казаковъ. «Несправедливо будетъ — выражалъ онъ — если эти мятежники начнутъ опять нарушать между нами дружбу; нашъ татарскій народъ то и дѣло, что колетъ намъ глаза этою дружбою, и жалуется на казаковъ; поэтому, если хотите съ нами жить въ согласіи, то пусть вовсе не будетъ ни одного казака на днѣпровскихъ островахъ и присылайте намъ упоминки; а еслибы у васъ не доставало войска для истребленія казачества, то извольте написать — по мѣрѣ надобности мы пришлемъ свое войско для уничтоженія обоюднаго нашего непріятеля». Изъ этихъ отзывовъ поляки поняли, что мусульманскіе сосѣди Польши боятся казаковъ, а такъ-какъ, при всей досадѣ на казацкое своеволіе, поляки все-таки не могли положиться на прочность дружбы съ мусульманами и казаками, въ случаѣ разрыва съ послѣдними, были для Польши очень полезны, то самыя сильныя требованія мусульманскихъ державъ объ уничтоженіи казаковъ побуждали поляковъ сохранять ихъ существованіе на окраинѣ своего королевства до поры до времени, но поставивъ

ихъ въ такое положеніе, въ которомъ имъ трудно было бы дѣлать своевольные набѣги на Турцію и Крымъ и поднимать къ возстанію русское населеніе Украины.

Казаки отправили на сеймъ пословъ своихъ, Романа Половца, Іосифа Пашкевича и Данила Пуловича съ просьбою, въ которой увѣряли, что пристали къ мятежникамъ поневолѣ, и просили возвратить имъ прежнія права.

Имъ отвѣчали: «казаки своими послѣдними поступками заслужили того, чтобъ ихъ совершенно уничтожить, но король по своему благодушію оставляетъ ихъ существованіе, но чтобъ не возникли впередъ своевольства и бунты, и чтобъ злые люди не находили способовъ вовлекать ихъ въ дурныя предпріятія, необходимымъ оказалось дать войску запорожскому другую ординацію».

Вслѣдъ за послами, возвратившимися съ такимъ зловѣщимъ отвѣтомъ, прибыли въ Украину коммиссары и въ половинѣ февраля 1638 г. собрали вальную раду подъ Трехтемировымъ и приказали казакамъ присягать, но не такъ какъ это дѣлалось прежде, что всѣ разомъ поднимали вверхъ пальцы, а каждый казакъ одинъ за другимъ долженъ былъ выходить и присягать за себя отдѣльно. Присягу давали они въ томъ, что будутъ слушаться правительства, не станутъ ходить на море, не будутъ заводить чернечихъ радъ, не осмѣлятся принимать никого въ свое сословіе и будутъ готовы укрощать своеволіе хлоповъ, когда только потребуется. По произведенному реестру оказалось, что подъ Кумейками пало всего на всего шесть тысячъ русскихъ, и выбыло тысяча-двѣсти реестровыхъ: убылыя мѣста не были пополнены; явно показалось, что поляки желаютъ, чтобъ казаковъ было по-меньше. Объявили казакамъ, что дѣти убитыхъ подъ Кумейками никогда не наслѣдуютъ званія отцовъ своихъ. Два казацкихъ полка, образовавшіеся передъ тѣмъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій и яблоновскій, были

уничтожены. Чигиринскій и бѣлоцерковскій полки должны были отправляться съ полковникомъ Мелецкимъ, оставленнымъ въ званіи коммиссара надъ казаками, на Запорожье, чтобъ выгнать и вывесть оттуда всѣхъ бѣглецовъ и оставаться на Запорожьѣ, въ качествѣ сторожи. Объявлено казакамъ, что о дальнѣйшемъ ихъ устройствѣ на будущія времена будетъ учинено постановленіе на сеймѣ.

Полковникъ Мелецкій отправился съ казаками на Запорожье. Прибывши туда уже во второй половинѣ марта, когда рѣки были въ полномъ разливѣ, онъ послалъ къ запорожцамъ старшихъ казаковъ объявить имъ королевскую милость, и требовалъ выдачи Скидана, Чечуги и другихъ зачинщиковъ бывшаго возстанія, убѣжавшихъ изъ - подъ Боровицы. Но запорожцы заковали присланныхъ отъ Мелецкаго казаковъ и оставили на берегу Днѣпра письменный отвѣтъ Мелецкому очень неутѣшительнаго содержанія, какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи. Мелецкій попытался-было дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ, но тотчасъ убѣдился, что это невозможно: реестровые неохотно шли противъ своихъ иноземцевъ и нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же перешли къ запорожцамъ. «Еслибы — писалъ Мелецкій — я не былъ очень остороженъ, то меня непрѣменно бы убили». Онъ поспѣшилъ убраться изъ Запорожья. Тогда запорожцы выбрали старшимъ полтавца Остранина, который, во время возстанія Павлюка, организовалъ для него шайку въ полтавщинѣ. Немедленно отправили универсалы по Украинѣ, и сами вслѣдъ выступали изъ Запорожья туда же; атаманъ Гуня отправилъ къ крымскому султану Калгѣ просьбу о помощи противъ поляковъ. Между тѣмъ поляки, занявши войскомъ своимъ лѣвый берегъ Днѣпра, считали себя окончательно побѣдителями. «До сихъ поръ, говорили они, обширныя степи и захолустья Украины были извѣстны только казацкимъ старшинамъ да полковникамъ; теперь ихъ узналъ каждый нашъ

цюра (оруженосецъ); теперь, въ случаѣ бунта, войску не придется выступать въ далекій походъ; войско всегда на готовѣ находясь посреди мятежной страны». Жолнеры дѣлали безчинства выше мѣры и предѣловъ; повсюду виднѣлись висѣлицы съ трупами и колья со взоткнутыми на нихъ головами, въ городахъ и селахъ слышались стоны бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ за то единственно, что они русскаго рода; церкви того вѣроисповѣданія, во имя котораго русскіе поднимали оружіе, предавались поруганію. Отъ такихъ утѣсненій народъ толпами бѣжалъ въ Московское Государссво, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія; другіе бѣжали въ Сичь, а третьи кланялись поляку, по выраженію современника, какъ волкъ, упавшій въ яму, явно передъ нимъ проклинали «дружину», а втайнѣ готовили своимъ братьямъ продовольствіе и порохъ.

Весною, когда только стали одѣваться зеленью лѣса, разнесся слухъ, что Остранинъ и Скиданъ съ запорожцами идутъ изъ Сичи въ Украину: часть ихъ ополченія плыла на лодкахъ, часть слѣдовала сухопутьемъ. Украина заволновалась. Въ Нѣжинѣ, гдѣ находилось главное мѣстопребываніе оставленнаго начальникомъ надъ войскомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, Станислава Потоцкаго, русскіе начали съ того, что ночью сняли съ кольевъ взоткнутыя головы своихъ братій и ушли къ Остранину. Потоцкій пошелъ съ коронными войсками и реестровыми казаками, состоявшими подъ начальствомъ Ильяша Караимовича, наперерѣзъ Остранину. Восемьдесять человѣкъ реестровыхъ были поставлены на караулѣ близъ Кременчуга. Остранинъ напалъ на нихъ и истребылъ большую часть; двадцат человѣкъ ушло. Кременчугъ и прилежащія къ нему слободы Пива, Максимовка, Чорная Диброва и др. взбунтовались и пристали къ Остранину. Усиливая свое ополченіе, Остранинъ дошелъ до Голтвы при впаденіи Хорола въ Пселъ, посреди овраговъ,

болотъ и лѣсовъ: мѣстность была удобна для защиты. Самый городъ, окруженный оградой изъ частокола, заключалъ въ срединѣ замокъ, огражденный также кольями; съ трехъ сторонъ его защищала рѣка съ утесистыми берегами; пространство отъ берега до городской стѣны было изрѣзано рытвинами и водомоинами, покрытыми кустарникомъ, и только единственная дорога вела съ моста на Пселѣ въ ворота замка. Эту естественную защиту казаки дополнили искуственными средствами, насыпавъ передъ городскою оградою валъ, пересѣкающій дорогу, ведущую съ моста въ ворота. Съ четвертой стороны, посреди неровнаго лѣсистаго мѣстоположенія, былъ протянутъ также высокій валъ, усаженный постоянно воинами; передъ этимъ валомъ находились старыя укрѣпленія; казаки обратили ихъ въ шанцы и поставили на нихъ пушки. Въ довершеніе всего, на высокихъ крышахъ городскихъ строеній сидѣли чародѣи и чаровницы, которые должны были смотрѣть въ даль и чародѣйственными заклинаніями отводить по вѣтру непріятельскій огонь и выстрѣлы.

Поляки подступили къ Голтвѣ 5-го мая. Пѣхотинцы тотчасъ же выкопали валъ отъ рѣки до рѣки и устроили предъ нимъ шанцы. Осмотрѣвъ мѣстность, предводитель въ тотъ же день, предъ вечеромъ, приказалъ готовить мость на Пселѣ и отрядилъ два полка нѣмецкой пѣхоты и реестровыхъ казаковъ, чтобъ захватить мость на Пселѣ по дорогѣ, ведущей въ ворота замка. Но казаки сожгли мость и отбили реестровыхъ съ большимъ урономъ; самъ предводитель послѣднихъ Ильяшъ воротился раненый.

Сумерки прекратили дѣло. Ночью Потоцкій приказалъ поскорѣе дѣлать мость, замѣтивъ, что Голтва приступнѣе со стороны Псела. Казаки надѣялись на рѣку и не заботились здѣсь объ искуственной защитѣ, такъ-какъ съ той стороны, которая не была ограждена рѣкою, Потоцкій составилъ планъ

окружить Голтву съ двухъ сторонъ: за рѣку послалъ нѣмецкую пѣхоту, а остальныхъ рѣшился повести на штурмъ прямо на валъ. Казаки составили планъ также съ двухъ сторонъ предупредить нападеніе непріятеля. Остранинъ обратилъ одну часть войска въ ту сторону, гдѣ были нѣмцы, а другой велѣлъ зайти въ бокъ польскому войску, завалить пути деревьями, колодами, накопать рытвинъ и, пробравшись ярами, стать въ тылу поляковъ. «Холопье коварство, какъ называетъ эти дѣйствія русскихъ польскій современный дневникъ: «удалось лучше, чѣмъ благородные планы дворянъ». Мостъ еще не былъ конченъ, а уже расвѣтало. Изъ казацкихъ шанцовъ грянули выстрѣлы; поляки отвѣчали имъ также изъ своихъ пушекъ. Перестрѣлка разгоралась, а между тѣмъ на другой сторонѣ сильная толпа казаковъ ринулась на нѣмцевъ. Поляки хотѣли подать нѣмцамъ помощь, но увидѣли вокругъ себя колоды, рытвины, и вдругъ на нихъ сзади бросились казаки. Все польское войско спѣшило обратиться на этихъ казаковъ, но казаки быстро ушли въ яръ, а нѣмцы, оставленные на произволъ судьбы, погибли всѣ до единаго, «лучше рѣшаясь (говоритъ современникъ) пропасть, чѣмъ сдатся». Поляки отступили. Потеря ихъ была очень велика: кромѣ двухъ нѣмецкихъ ротъ, совершенно истребленныхъ, семь хоругвей были разбиты; другія также потеряли много воиновъ. Окольскій, описывая это событіе, удивляется, почему, при полной справедливости поляковъ въ этой войнѣ, Богъ въ самомъ началѣ послалъ на нихъ такую неудачу. «Я думаю (разсуждаетъ онъ), что Богъ устроилъ такъ для того, что многіе изъ нашихъ пановъ, живучи далеко отъ Украины, считали войны съ холопами неважными, называли казаковъ панскими овчарами и мясниками и не признавали славы тѣхъ, которые ихъ побѣждали; за то Богъ насъ и наказалъ; ибо хотя между казаками нѣтъ ни сенаторовъ, ни князей, ни воеводъ, и хотя они холопы, однако такіе холопы, кото-

рые достойны быть Квинтами - Цинцинатами, еслибъ права contra plebejos (противъ простаго народа) не препятствовали имъ».

«Ляхи ушли постыдно — говорилъ своимъ казакамъ Остранинъ — и намъ теперь лучше всего двинуться за ними къ Лубнамъ: тамъ и шляхи есть, и товарищество надойдетъ, и живность будетъ, и сборъ людской и оборона удобнѣе, чѣмъ здѣсь». Казаки вышли изъ-подъ Голтвы и погнались за Потоцкимъ. 14-го мая поляки остановились у Сулы подъ Лубнами. Остранинъ ожидалъ успѣха и оживлялъ своихъ казаковъ надеждою прибытія свѣжихъ силъ. Полковникъ Скиданъ, отправленный къ Чернигову, долженъ былъ явиться съ новонабранными дружинами; изъ степей шелъ къ нему другой отрядъ подъ начальствомъ Путивльца; третій отрядъ велъ къ нему Спкирявый; четвертый, изъ-подъ Кіева, Солома. Толпа русскихъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, сбѣгалась къ нему изъ сосѣднихъ селеній. Между тѣмъ, надѣясь, что если ему удалось разъ справиться съ поляками, то удастся и въ другой, Остранинъ, полагая, что свѣжіе отряды явятся къ нему во время битвы, рѣшился еще разъ отважиться на битву и, двинувшись прямо къ польскому стану, сталъ противъ него, готовый принять новое нападеніе. Казаки распрягли лошадей, прицѣпили колесо къ колесу и заиграли на трубахъ и бубнахъ. Поляки бросились на нихъ. Сраженіе открылось съ обѣихъ сторонъ густою стрѣльбою, потомъ поляки атоковали казацкій таборъ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ день въ польскомъ войскѣ отважнѣе и пламеннѣе дѣйствовали реестровые казаки, еще недавно подъ Кумейками бившіеся за вѣру и родину противъ поляковъ, вмѣстѣ съ тѣми, которые теперь опять ополчились подъ тѣмъ же знаменемъ. Реестровые были закрыты гуляй-городинами— деревяннымъ заборомъ на колесахъ. Битва длилась цѣлый день; русскіе защищались съ неослабнымъ мужествомъ до

темной ночи. Поляки оставили нападеніе съ тѣмъ, чтобъ возобновить его на другой день.

Но солнце не освѣтило для нихъ казацкаго табора. Остранинъ отступилъ передъ разсвѣтомъ черезъ болото.

Поляки послали за нимъ въ погоню отрядъ подъ начальствомъ Гамицкаго, который верстъ за пятнадцать отъ Лубенъ напалъ неожиданно на русскій отрядъ Путивльца, Мурки и Рипки, шедшихъ на помощъ къ Остранину. Русскіе, по обычаю, оцѣпили свои возы, поднявъ оглобли въ видѣ копій, и составили изъ возовъ таборъ. Поляки развернулись передъ ними кругомъ, начали палить на нихъ изъ орудій, а гусарскія хоругви пробивали таборъ своими налетами. Русскіе защищались упорно цѣлый день до ночи, но у нихъ не было воды; они ожидали, что Остранинъ подастъ имъ помощь, а Остранинъ не выручалъ ихъ. Сдѣлалось въ таборѣ волненіе. Рѣшили просить у поляковъ мира и послали къ Потоцкому какого-то Васильевича. «Хотя вы недостойны никакого милосердія», отвѣчали имъ, «но вамъ даруется жизнь; выдайте своихъ старшинъ». И казаки, говорятъ современники, оплакали своего Путивльца и другихъ: «нехай твоя глова за вси наши голови!»—говорили они—«прощай, нашъ господарю!» Они выдали предводителей и положили оружіе. Тогда, несмотря на данное Потоцкимъ обѣщаніе сохранить жизнь положившимъ оружіе, жолнеры бросились на нихъ и перебили всѣхъ до единаго. Злоба противъ русскихъ была такъ велика, что тогда не считали священными никакихъ обязательствъ, данныхъ имъ, и современный дневникъ, описывая это событіе, находитъ поступокъ поляковъ очень умѣстнымъ, потому что иначе мятежники увеличили бы число вооруженнаго народа.

Поляки продолжали стоять обозомъ подъ Лубнами и дожидались свѣжихъ силъ изъ за Днѣпра. Къ нимъ между

прочимъ долженъ былъ придти князь Іеремія Вишневецкій съ своимъ войскомъ.

Тѣмъ временемъ Остранинъ дошелъ до Лохвицы, потомъ до Миргорода, набралъ тамъ пороху, который для него изготовили и воротился къ Лукомлю на Сулѣ ниже Лубенъ верстъ за двадцать-пять, и тамъ сталъ обозомъ, сильно окопавшись. Его силы значительно увеличивались. Изъ слободъ на Хоролѣ, на Пселѣ, прибѣгали къ нему жители; Роменщина доставила ему нѣсколько тысячъ хлопства. Онъ высылалъ изъ своего обоза отряды, чтобы захватить на Днѣпрѣ переправы и не допускать къ полякамъ новыхъ силъ. Скиданъ отправился къ Переяславлю; русскіе истребили паромы и всякія перевозныя снасти, захватили Ржищевъ, Трехтемировъ, Стайки и Триполье. Другой отрядъ подъ начальствомъ Нестора Бардаченка отправился къ Кіеву. Но поляки узнали объ этомъ и послали туда же другимъ путемъ реестровыхъ казаковъ, подъ начальствомъ Захарія и Залѣсскаго. Въ Кіевѣ въ то время было войско Лаща и татары князя Корецкаго. Русскіе стали рубить и жечь байдаки и челны на Днѣпрѣ, но съ одной стороны на нихъ ударили реестровые, съ другой лащовщики; Бардаченко съ своими молодцами засѣлъ-было на островѣ у Чарторьи, но его вытѣснили оттуда и онъ уплылъ внизъ по Днѣпру. 20 (30) мая Іеремія Вишневецкій прибылъ къ Днѣпру и сталъ переправляться.

Остранинъ, услыша объ этомъ, перешелъ на другую сторону Сулы и сталъ на Слѣпородѣ, болотистой рѣчкѣ, между Яблоновымъ и Лубнами. Онъ ожидалъ Скидана, который долженъ былъ придти изъ-за Днѣпра со свѣжими силами и порохомъ, и отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Сикирявого къ польскому лагерю набрать вѣстей, захватить лошадей и, если можно, зажечь Лубны. Но въ это время, 27-го мая (8-го іюня), прибылъ въ обозъ Потоцкаго князь Виш-

невецкій и поляки двинулись на Остранина къ Слѣпороду. Остранинъ не допуская къ себѣ непріятеля, ушелъ опять къ Лукомлю. Между тѣмъ, Сикирявый, поглядѣвши около Лубенъ, воротился назадъ къ Слѣпороду, думая, что Остранинъ еще тамъ, и наткнулся на таборъ реестровыхъ казаковъ; онъ счелъ этотъ таборъ за свой и прямо въ него въѣхалъ; но увидѣвши, что это непріятели, обратился назадъ; реестровые бросились на его отрядъ, разогнали его, а самаго Сикирявого взяли въ плѣнъ. Окольскій говоритъ, что онъ имѣлъ славу чародѣя, умѣвшаго заговаривать оружіе, и его взяли на дубѣ, куда онъ влѣзъ. Подвергнутый допросу, онъ далъ такое свѣдѣніе: «Остранинъ думаетъ бѣжать въ московскую землю; онъ уже отправилъ въ Бѣлгородъ жену и дѣтей; изъ-подъ Лукомля онъ два раза покушался уйти, да чернь его не пускала».

Послѣ взятія Сикирявого поляки напали на русскій отрядъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ у Сикирявого; онъ засѣлъ въ насѣкѣ; русскіе защищались отчаянно, отбили нападенія и въ глазахъ поляковъ пошли къ Остранину; но другой отрядъ, какъ говорятъ поляки, человѣкъ въ тысячу, не такъ легко отдѣлался отъ нихъ: они загнали его въ болото, вытаскивали оттуда по одиночкѣ и рубили головы.

Узнавши о погибели Сикирявого и объ усиленіи польскаго войска, Остранинъ хотѣлъ-было идти на востокъ къ московской границѣ, но чернь требовала, чтобъ оно велъ ее внизъ къ Днѣпру, на тотъ берегъ, гдѣ надѣялись увеличенія силъ своихъ отъ присоединенія къ нимъ тамошнихъ русскихъ жителей. Поляки переправились черезъ Сулу у Лукомля по мосту, оставленному казаками, и погнались за Остранинымъ. 14-го іюня они догнали его подъ Жовнинымъ, слободою князя Вишневецкаго. Послѣ упорной битвы, продолжавшейся цѣлый день, уже въ сумерки поляки прорвали таборъ, отняли у русскихъ четыре пушки и много возовъ съ продовольствіемъ.

Тогда Остранинъ съ частью конницы переправился вплавь черезъ Сулу и бѣжалъ. Полковники Кудра и Романъ Пешта сомкнули таборъ наскоро и заключили въ него три польскія хоругви, которыя туда вскочили, но Вишневецкій ударилъ на таборъ, три раза былъ отбитъ, три раза возобновлялъ нападеніе, и напослѣдокъ прорвалъ таборъ и освободилъ заключенныя въ срединѣ табора хоругви, успѣвшія выскочить оттуда съ значительнымъ, однако, урономъ.

Военное поприще Остранина здѣсь кончилось. Едва-ли неудача въ битвѣ была причиною его бѣгства. Прежніе его подвиги подъ Голтвою и подъ Лубнами не показываютъ въ немъ человѣка трусливаго десятка, да и теперь казаки вообще не падали духомъ. Вѣроятно, внутреннія несогласія были причиною этого. Вслѣдъ за тѣмъ, казаки избрали предводителемъ Дмитра Томашевича-Гуню и, быть можетъ, соперничество съ этимъ другимъ вождемъ удалило Остранина. Гуня, какъ извѣщаетъ дневникъ Окольскаго, еще въ февралѣ изъ Запорожья сносился съ крымскимъ султаномъ Колгою и именовалъ себя гетманомъ. Но потомъ, какъ намъ извѣстно, гетманомъ сталъ называться Остранинъ, послѣ Остранина же опять Гуня. Эти обстоятельства побуждаютъ догадываться, что въ казацкомъ войскѣ господствали партіи и раздоры, и партія Гуни прогнала теперь Остранина, такъ какъ весною партія Остранина, назвавшагося гетманомъ послѣ Гуни, одержала верхъ надъ послѣднимъ.

15-го іюня Вишневецкій принялся штурмовать казацкій таборъ.

Тогда русскіе послали сказать полякамъ, чтобъ имъ прежде всего выдали Ильяша Караимовича и шесть старшинъ, начальниковъ реестровыхъ казаковъ, возвратили пушки и знамена, взятыя подъ Кумейками, и утвердили старшинами тѣхъ, которыхъ они сами захотятъ, а потомъ уже обѣщались

толковать о прочемъ. Поляки послали къ нимъ для переговоровъ хорунжаго Дзика.

— Если вы хотите милости, сказалъ Дзикъ: — то зачѣмъ такъ упорно бьетесь съ короннымъ войскомъ?

— Какъ вашу милость зовутъ? спросили казаки.

— Дзикъ! отвѣчалъ хорунжій.

— Иды жъ, Дзику, сказали казаки:—и щчобъ дзиковиня зъ тебѣ не було!

Едва Дзикъ ушелъ на пушечный выстрѣлъ, какъ двѣ тысячи выстрѣловъ послѣдовали за нимъ на поляковъ. «Такъ-то (замѣчаетъ полякъ-современникъ) ни шляхетскіе титулы, ни высокія достоинства, ни мысль обширности владѣній пановъ не могли обуздать холопьяго упрямства, ополчившагося подъ предлогомъ вольности и сохраненія жизни».

Казаки не думали унывать. Они дожидались съ часу на часъ Скидана изъ-за Днѣпра и вслѣдъ за нимъ другихъ партій. Поляки также получили вѣсть, что польный гетманъ разбилъ партіи мятежниковъ на правой сторонѣ Днѣпра, прибывшія къ Кіеву и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнали о надеждахъ казаковъ. Потоцкій и Вишневецкій, главные распорядители въ войскѣ, отправили нѣсколько хоругвей къ Днѣпру, чтобъ препятствовать приставать къ берегу русскимъ партіямъ. Для этого достаточно было небольшихъ отрядовъ, потому что, стоя на берегу, поляки имѣли выгоды предъ казаками, которые плыли по Днѣпру и должны были принимать выстрѣлы съ берега. Въ то же время предводители рѣшились продолжать стычки съ казаками въ таборѣ, съ надеждою взять его или, по крайней мѣрѣ, обезсиливать до прихода польнаго гетмана. Такъ шли дѣла до 20-го іюня; поляки на днѣпровскихъ берегахъ всякій день уничтожали казацкія партіи. Скиданъ, на котораго казаки полагали надежду, въ сильной схваткѣ съ реестровыми былъ раненъ, отправленъ въ Чигиринъ и на пути попался въ плѣнъ полякамъ; другія

партіи не доходили до табора: ихъ разсѣевали, чолны съ запасами топили.

Наконецъ, казаки, услышавъ, что въ польское войско скоро явится польный гетманъ и приведетъ съ собою свѣжее войско, нашли неудобнымъ мѣсто, гдѣ они стояли; они ожидали еще вспомогательныхъ силъ изъ-за Днѣпра: надобно было стать къ нему поближе; казаки снялись и въ виду враговъ двинулись на югъ. Поляки напирали на нихъ; казаки отбивались отъ нихъ искусно и храбро и шли *оборонною рукою*, какъ говорили тогда, къ чести Гуни, которому отдавали справедливость и непріятели. Такъ, наконецъ, они благополучно дошли до устья Старицы, впадающей въ Днѣпръ. Здѣсь казаки поспѣшно окопались.

22-го іюня вечеромъ прибылъ въ польскій обозъ польный гетманъ съ остальнымъ кварцянымъ войскомъ. Онъ двинулся за казаками и окружилъ ихъ таборъ, поставленный подъ защитою болотъ и лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ много дней не переставали стычки одна за другою. У поляковъ было больше средствъ, тогда какъ казаки были отрѣзаны отъ сухопутья. По сторонамъ польскіе отряды нападали и истребляли вооруженныя толпы хлоповъ, спѣшившихъ на помощь осажденному русскому войску, и не допускали въ русскій таборъ продовольствія. Русскіе терпѣли голодъ. Но полякамъ также скоро стало несносно стоять надъ ними. По причинѣ неурожая, уже нѣсколько лѣтъ поражавшаго лѣвобережную Украину, дороговизна была чрезвычайная; былъ недостатокъ корма для лошадей и оттого много ихъ пало; много жолнеровъ отъ плохой пищи и безпрестанныхъ трудовъ лежало больными, много было раненыхъ. Эти обстоятельства побудили польнаго гетмана написать къ осажденнымъ универсалъ: онъ имъ предлагалъ милосердіе, если они сдадутся.

15-го іюля Гуня благодарилъ польнаго гетмана, и посылая своихъ пословъ, писалъ между прочимъ такъ:

«Слезно и покорно просимъ вашу милость пана нашего милостиваго, оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ, въ которыхъ мы были обвинены, а вмѣстѣ и того, чтобъ насъ оставили пользоваться древними нашими правами и вольностями, дарованными намъ отъ польскихъ королей по силѣ кураковской коммиссіи и переяславкой транзакціи, дабы, также, по совершившемся между нами примиреніи съ нами не поступили такъ, какъ подъ Боровицею, чтобъ не было измѣны и убійствъ, ибо хотя мы сами тамъ не были, но слыхали и видѣли множество членовъ, взоткнутыхъ на колья въ разныхъ украинскихъ городахъ, что намъ на вѣки памятно будетъ. По этой-то причинѣ, подвергая жизнь свою опасности, мы не прибѣгали къ вашей милости; теперь же, когда ваша милость прислали намъ свое обѣщаніе, то мы просимъ покорно сжалиться надъ нами: забудьте наши проступки, примите и введите насъ въ милость его величества въ такомъ же порядкѣ для службы, какъ прежде было, и мы желаемъ оставаться безъ всякаго измѣненія правъ нашихъ и вольностей, а равнымъ образомъ объ успокоеніи нашей греческой религіи просимъ. А какъ намъ сообщаютъ, что ваша милость хотите насъ оставить въ какомъ-то новомъ порядкѣ, то мы просимъ объявить о томъ нашимъ посланцамъ».

Польный гетманъ, между тѣмъ, получилъ надежду на скорое прибытіе свѣжихъ силъ, продовольствія и артиллеріи съ французскимъ инженеромъ Бопланомъ. Онъ объявилъ, что о прежнихъ правахъ рѣчи нѣтъ, а они должны повиноваться конституціи сеймовой. «Мы не нарушаемъ вашихъ правъ — сказалъ Потоцкій—но такова воля его величества и Рѣчи Посполитой».

Нѣсколько назначенныхъ имъ коммиссаровъ пріѣхали въ казацкій таборъ со спискомъ конституціи. Гуня далъ знакъ, чтобъ казаки были готовы на раду. Собралась толпа. Очи-

стился майданъ. Положили бубны и бунчукъ и разостлали копну сѣна. Гуня посадилъ поляковъ подлѣ себя; подали хлѣба, горилки, вареной рыбы. Гуня сперва выпилъ воды: такъ слѣдовало по казацкому обычаю. Потомъ пили горилку, и самъ Гуня испилъ за здравіе польнаго гетмана и всего рыцарства. Когда убрали питье и ѣду, предводитель казаковъ всталъ и сказалъ толпѣ казаковъ: «Паны молодцы! ихъ милости принесли намъ королевскую волю!» Прочитали конституцію, толпа зашумѣла. Гуня, обратившись къ коммиссарамъ, просилъ повременить, пока усмирится волненіе. Будете плакать и жалѣть, -сказали коммиссары, вы раздражаете такого доброжелательнаго пана.

Тогда польный гетманъ (говоритъ дневникъ) началъ дѣйствовать по примѣру Перикла, опустошавшаго лакедемонскія жилища; онъ разослалъ отряды по окрестностямъ и приказалъ истреблять русскія селенія, не щадя ни пола, ни возраста.

Узнавши объ этомъ, Гуня написалъ польному гетману такое письмо:

«Видя вокругъ насъ невыразимыя кровопролитія, мы не можемъ разумѣть прихода вашей милости иначе, какъ только такъ, что ваша милость переправился чрезъ Днѣпръ противъ запорожскаго войска не для мирныхъ сношеній, а для того, чтобъ всѣхъ истреблять до конца, ибо, распустивъ отряды, которые тѣшатся невинною христіанскою кровью и поступаютъ съ нами, какъ съ непріятелями св. креста и злодѣями, показываешь, что у васъ нѣтъ ни правды, ни страха Божія. Вы бы воевали уже съ однимъ запорожскимъ войскомъ, жертвующимъ жизнью, по волѣ Высочайшаго Бога, за наши кровавыя заслуги, но оставили бы въ покоѣ несчастный народъ, котораго вопли и невинная кровь взываютъ о мести къ Богу и насъ къ тому же побуждаютъ! За наши права и вольности, данныя намъ издавна королями поль-

скими, права, добытыя саблею, а не чѣмъ-нибудь другимъ, и теперь нарушаемый измѣнниками, мы готовы лучше умереть и одинъ за другимъ положить головы, чѣмъ довольствоваться такимъ договоромъ, какой былъ подъ Кумейками. Мы не желаемъ кровопролитія; и чтобъ насъ никто не обвинялъ, мы не хотимъ биться съ вашею милостію; но кто будетъ на насъ наступать, противъ того и мы будемъ обороняться. Удостой, ваша милость, обойтись съ нами такъ, чтобъ это было согласно и съ честью вашей милости и безъ стѣсненія, какъ насъ самихъ, такъ и бѣднаго невиннаго народа».

Польный гетманъ отвѣчалъ въ тотъ же день:

«Давнія ваши права вы потеряли чрезъ ваше своеволіе и посягательство на величество короля; но будете имѣть такія права, какія вамъ дастъ Рѣчь Посполитая».

Казаки опять написали:

«Хотимъ тѣхъ правъ, какія имѣли прежде».

Гуня просилъ гетмана не довѣрячь реестровымъ. «Вони хлибъ сіль зъ нами илы, и насъ зрадили, то и вашу милость зрадять!» писалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ съ высокихъ шанцевъ польскія пушки палили въ казацкій лагерь; пѣхота безпрестанно возобновляла приступы; конница стояла наготовѣ. Поляки хотѣли обезсилить казаковъ и истощить ихъ пороховые запасы; казаки, съ своей стороны, не уступали непріятелямъ въ дѣятельности, хотѣли утомить коронное войско; показывая свою непреклонность, они надѣялись, что польскіе жолнеры, по обычному своеволію, соскучивъ неудачами и продолжительностью осады, начнутъ уходить изъ войска, а между тѣмъ сами ожидали сильнаго подкрѣпленія, которое долженъ былъ привести къ нимъ по Днѣпру Филоненко. Гуня ободрялъ ихъ своею смѣлостью и распорядительностью: онъ не прятался сзади, шелъ впереди, и однажды польный гетманъ во время вылазки

приказалъ направить на него выстрѣлы изъ трехъ пушекъ; но вмѣсто казацкаго гетмана былъ убитъ казакъ, который несъ передъ нимъ бунчукъ. Въ отплату, на другой день, Гуня, примѣтивъ польскаго гетмана, выстрѣлилъ въ него, но попалъ въ коня. Съ каждымъ днемъ возрастало воинственное ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ. Поляки построили высокую батарею, съ которой можно было бы доставать до средины обоза; но, по совѣту Гуни, 22-го іюля ночью молодцы выскочили изъ своего обоза, прокрались къ шанцамъ, вмѣшались въ толпу реестровыхъ казаковъ, узнали военный сигналъ, розданный въ тотъ день по войску, и передали его своему предводителю. Тогда толпа казаковъ вышла изъ обоза и подошла къ батареѣ. Отряженные на батарею окликаютъ ихъ. Они произносятъ сигналъ. Думая, что это реестровые казаки посланные за языкомъ, поляки спрашиваютъ: «есть языкъ?»—«И не одинъ!» отвѣчаютъ казаки, и вслѣдъ за тѣмъ они бросаются на батарею, умерщвляютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, овладѣваютъ батареею, принимаются ее портить и заклепывать пушки. Но тревога быстро распространилась по лагерю и со всѣхъ сторонъ съ криками бѣжали воины къ батареѣ; казаки должны были уходить.

Еще послѣ того продолжались нѣсколько времени однообразныя схватки. Но полякамъ, какъ и казакамъ, съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Жолнеры роптали на гетмана. «Чтожь это?» кричали они: «мы будемъ вѣрно здѣсь зимовать и основывать колонію на Днѣпрѣ?». Они стали убѣгать. Казаки также терпѣли голодъ. «Прійде тутъ не співати, а вити, якъ собаці; хліба нема, борошна мало, тілки вода, та трохи шкапини» (лошадинаго мяса), говоритъ польскій дневникъ, изображая ропотъ казаковъ ихъ языкомъ. Они ждали къ себѣ на помощь свѣжихъ войскъ съ полковникомъ Филоненкомъ, но Филоненка не было какъ не было,

а другой отрядъ, шедшій къ нимъ, подъ предводительствомъ кіевлянина Саввы, былъ разбитъ и предводитель взятъ въ плѣнъ. Русскіе еще разъ рѣшились вступить въ переговоры. Въ послѣдній день іюля Гуня написалъ письмо къ польному гетману, изъявлялъ желаніе примириться и снова просилъ не довѣрять реестровымъ казакамъ, которыхъ называлъ недовирками. Гетманъ послалъ къ нимъ офицеровъ для переговоровъ. «Пусть (говорили имъ русскіе) коронное войско не вноситъ намъ новаго порядка, который учрежденъ послѣдней конституціей; пусть казаки останутся при своихъ прежнихъ правахъ, а мы не хотимъ принимать назначеннаго надъ нами коммиссара». «Постановленіе сейма (возражали имъ) — твердыня правъ вашихъ и свободы. Коммиссары будутъ охранять васъ отъ своевольства черни и произвола жолнеровъ. Вы откроете себѣ двери ко всякой милости короля и Рѣчи Посполитой».

«Посланцы (замѣчаетъ дневникъ) говорили пространно и краснорѣчиво и увидѣли, что сказка глухому сказывалась».

Послѣ продолжительныхъ преній, 2-го августа, Гуня написалъ польному гетману новое письмо, въ которомъ изъявлялъ желаніе отдаться на волю короля.

«Сжалься, вельможный милостивый панъ (писалъ онъ), оставь насъ въ цѣлости. Пока послы наши не возвратятся отъ его милости короля, нашего милостиваго господина, въ это время мы не только коммиссару, но хлопцу будемъ повиноваться и уважать его, если узнаемъ, что такова воля его величества, которой не станемъ противиться. А теперь просимъ покорно не мучь насъ, добродѣй!»

Съ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ особѣ короля, вѣнценосца, русскіе вообще соединяли ненависть къ сеймовому правленію и хотѣли, чтобъ воля короля была выше сейма. Такое направленіе, разумѣется, было противно польскому дво-

рянству, которое тогда болѣе, чѣмъ прежде старалось ограничить власть короля.

Въ тотъ же самый день казаки узнали, что давно ожидаемый Филоненко, наконецъ, приближается: но, къ несчастью ихъ, и поляки тогда же узнали о томъ же. Польскій гетманъ тотчасъ отрядилъ на правый берегъ значительныя подкрѣпленія подъ командой Лаща и краковскаго воеводы, а 4-го августа объявилъ генеральный штурмъ.

Казаки отбивались дружно и удачно, и удивляли враговъ своими военными хитростями. Около окоповъ вырыты были круглыя ямы и не одинъ полякь падалъ тогда стремглавъ; лежавшіе на брюхѣ казаки палили въ непріятеля по ногамъ, или хватали его живьемъ; другіе, выскочивъ изъ обоза, смѣшивались съ реестровыми, посылали выстрѣлы по направленію къ табору; потомъ, давши пройти впередъ полякамъ, палили по нимъ въ тылъ. Битва продолжалась день и ночь. Поляки были отбиты и увидѣли, что нѣтъ никакой возможности взять казацкаго табора приступами; только голодомъ можно было побѣдить осажденныхъ.

На другой день казаки готовились встрѣчать Филоненка. Съ радостью побѣдителей, они разставили вездѣ по валамъ стражу, втащили еще на валъ нѣсколько пушекъ, въ надеждѣ отражать нападеніе, когда враги возобновятъ его во время входа въ обозъ вспомогательныхъ силъ, приводимыхъ Филоненкомъ; но Филоненко долженъ былъ выдержать предварительную схватку на правой сторонѣ Днѣпра. Поляки, поставленные тамъ, привѣтствовали его (говоритъ дневникъ) фейерверкомъ изъ пушекъ и мушкетовъ. Правда, Филоненко искусно отклонился отъ битвы, бросился къ Днѣпру, быстро овладѣлъ челнами и веслами и поплылъ прямо къ обозу, но за то, впопыхахъ, потерялъ часть продовольствія и пороха. Онъ приблизился къ казацкому обозу уже ночью. Тогда поляки грянули всѣми силами, стараясь не допустить

его войти въ обозъ. Одни изъ нихъ дрались съ защитниками входа въ обозъ, другіе съ Филоненкомъ, который туда силился пробиться. Дѣло кончилось при солнечномъ восходѣ. Поляки должны были отступить; Филоненко прошелъ въ обозъ, но такъ много потерялъ продовольствія и пороха, что привезеннаго едва хватило казакамъ на два дня. Вмѣсто торжества и одобренія за храбрость, его встрѣтилъ ропотъ. Польскій дневникъ говоритъ, будто казаки, въ наказаніе за растраченное продовольствіе, посадили его на-цѣпь.

Лишившись надежды на продовольствіе, казаки опять вступили въ переговоры съ поляками. Гуня уже не является здѣсь дѣйствующимъ лицомъ. И онъ и Филоненко какъ-будто исчезаютъ. Такъ-какъ оба впослѣдствіи являются въ московской землѣ, то, безъ сомнѣнія, въ это время они убѣжали изъ табора. «Victor dat leges! (побѣдитель даетъ законы), закричалъ польный гетманъ, ударивъ рукою по саблѣ, когда встрѣчалъ казацкихъ пословъ:—высылайте ко мнѣ своихъ знатнѣйшихъ». По этому приглашенію, къ нему явился Романъ Пешта, котораго имя впослѣдствіи является, какъ имя предателя Богдана Хмельницкаго и доносчика на своихъ товарищей. Мы просимъ (сказалъ онъ), чтобъ о казакахъ состоялась новая конституція, а прежняя была отмѣнена. Полковники осажденныхъ подъ Старицею казаковъ, Романъ Пешта, Иванъ Бояринъ и Василь Сакунъ, присягнули отъ имени всего своего войска, до рѣшенія королевскаго, повиноваться коронному гетману и не принимать въ казачество посполитыхъ. Сверхъ того, какъ реестровымъ, бывшимъ при польскомъ войскѣ, такъ и находившимся въ осадѣ, велѣно взаимно присягнуть въ томъ, что они не станутъ дѣлать другъ другу оскорбленій.

По просьбѣ казаковъ, въ Кіевѣ, 9-го сентября, назначена рада въ присутствіи короннаго гетмана. Разумѣется, разсужденія казаковъ не могли быть свободны. На этой радѣ вы-

брали четырехъ пословъ къ королю: Романа Половца, Ивана Боярина, Яца Волченка и Богдана Хмельницкаго. Въ инструкціи, данной имъ, они не смѣли уже, какъ дѣлалось прежде, просить возвращенія стародавныхъ вольностей, умоляли только оставить имъ грунты и имущества и обязывались во всемъ повиноваться волѣ правительства.

Спустя потомъ три мѣсяца, 4-го декабря, польный гетманъ собралъ казаковъ на урочище Масловъ-Ставъ слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Казаки лишались своихъ прежнихъ правъ и не могли выбирать себѣ начальниковъ. Вмѣсто избраннаго изъ ихъ среды гетмана, какъ они сами его называли, или старшого, какъ титуловали его прежде поляки, назначили имъ коммиссара шляхтича: первымъ такимъ коммиссаромъ былъ тогда Петръ Комаровскій. Всѣ полковники на шесть полковъ назначены были также изъ лицъ шляхетскаго званія: въ переяславскій—Станиславъ Сикиржинскій, въ черкасскій—Янъ Гижицкій, въ корсунскій—Кирилло Чижъ, въ бѣлоцерковскій—Станиславъ Ралевскій, въ чигиринскій — Янъ Закржевскій; войсковыми асаулами были лица изъ казаковъ, но особенно отличившіеся вѣрностію Рѣчи Посполитой: Ильяшъ Караимовичъ и Левко Бубновскій. О писарѣ не говорится. Прежній писарь Богданъ Хмельницкій означенъ въ числѣ сотниковъ чигиринскаго полка; онъ былъ, вѣроятно, пониженъ въ достоинствѣ за участіе въ двухъ послѣднихъ возстаніяхъ, такъ же точно, какъ и другіе два, бывшіе полковниками, Романъ Пешта и Иванъ Бояринъ, лишились своихъ полковничьихъ должностей и сдѣланы: первый — чигиринскимъ полковымъ асауломъ, а второй — каневскаго полка сотникомъ. Въ числѣ сотниковъ черкасскаго полка означенъ Богушъ (по другимъ актамъ Бокунъ) Бара-

башъ, вмѣсто Трехтемирова, назначенъ главнымъ мѣстомъ управленія казачества Корсунъ [141]).

Главные предводители возстанія, Остранинъ и за нимъ Гуня, убѣжали въ Московско Государство. Съ ними убѣжало значительное число выписчиковъ. Они открыли путь и другимъ; не хотѣвшіе возвращаться въ хлопское состояніе и видѣть поруганіе отеческой вѣры, толпами переселялись туда и водворялись на привольныхъ и плодоносныхъ поляхъ нынѣшней Курской и Харьковской губерніи. Остранинъ съ своими казаками поселился въ Чугуевѣ, но въ 1641 году новопоселенцы взбунтовались, умертвили его, и убѣжали въ прежнее свое отечество [142]).

А между тѣмъ, въ этомъ ихъ отечествѣ, по укрощеніи казаковъ, безъ удержу изливалась шляхетская злоба надъ русскимъ народомъ за то, что ему не по душѣ было шляхетское владычество. «Церкви и церковные обряды жидамъ запродали — говоритъ украинскаа лѣтопись — дѣтей казацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали» [143]) То же повѣствуетъ другой лѣтописецъ: что мучительство Фараоне противъ ляшскому тиранству? Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ сосцы древіемъ изгнетаху и иная неисповѣдимая творяху бѣды» [144]). Объ этихъ варварствахъ того времена сохранилось извѣстіе и въ великорусскихъ актахъ: «Польскіе и литовскіе люди ихъ (украинцевъ) христіанскую вѣру нарушили, и церкви ихъ и людей сбирая въ хоромы пожигаютъ, и ницальное зеліе насыпавъ имъ въ пазуху, зажигаютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ

---

[141]) Рук. И.П.Б. польск. f. № 194.—Diar. Okolskiego.—Continua diar. Okolsk.

[142]) Ворон. акты. I. 100—102

[143]) Лѣт. сам. 5.

[144]) Ист. о през. бр.

и всякое строенье разорили и пограбили» [145]). Казаки уже не въ силахъ были шевельнуться: они сами стали почти хлопами. «Ни чести имъ, ни славы не было — говоритъ украинскій лѣтописецъ [146]) — бѣда ихъ сталась хуже турецкой неволи; полковники и всѣ старшины шляхтичи обращались съ ними какъ съ рабами, приказывали топить себѣ печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы свои. То же дѣлали съ ними старосты и подстаросты». Польскій лѣтописецъ [147]), согласно съ этими извѣстіями, говоритъ: «коммиссары и полковники присвоивали казацкое жалованье, обращались съ казаками, какъ съ своими хлопами, обогащались на счетъ казаковъ, а между тѣмъ, уменьшеніе казачества дало вольный проходъ татарамъ въ земли Рѣчи Посполитой». Въ 1640 году, въ февралѣ, крымскіе татары ограбили цѣлый край около Переяславля, Корсуня, и обширныя владѣнія Вишневецкихъ. Забирали людей и скотъ, сожигали села, города, замки, дворы и возвращались дамой, не опасаясь погони за собою, и хотя коронный гетманъ, Конецпольскій, узнавъ объ этомъ не въ пору, и явился съ войскомъ, но уже не могъ догнать татаръ, которые увели съ собою до тридцати тысячъ плѣнниковъ и унесли множество добычи. Такую-то пользу Рѣчь Посполитая получила отъ укрощенія казаковъ: одно несчастіе народа. Прежде казаки охраняли край отъ татаръ и стоили малыхъ издержекъ; теперь же приходилось держать наемное войско съ большими издержками. Все это дѣлалось въ угоду украинскимъ старостамъ и дѣдичнымъ владѣльцамъ, которые допустивъ къ себѣ жидовъ, отдавали имъ въ аренду, ради прибытка, все, и въ

---

[145]) Ворон. акты. 100—102.

[146]) Ист. о през. бр.

[147]) Pam. do pan Zygm, III. I. 225,

томъ числѣ церкви; жиды держали у себя ключи отъ церквей и всякій, кто имѣлъ надобность совершать бракъ или крещеніе, долженъ былъ платить жиду-арендатору. Впослѣдствіи это до того стало омерзительно хлопамъ, что они, соединившись съ казаками, взбунтовались и омыли тамошніе края шляхетскою кровью. Тоже говоритъ одинъ римско-католическій священникъ, написавшій въ 1648 году нравоучительную брошюру для своей паствы, испытавшей уже мстящую руку Богдана Хмельницкаго. «Увлекаемые непомѣрною роскошью, распространившеюся во всей Польшѣ, паны утѣсняютъ бѣдныхъ подданныхъ, продаютъ ихъ въ работы жидамъ, отдавая имъ въ аренды имѣнія, а въ Украинѣ не дозволяютъ схизматикамъ вступать въ бракъ и крестить младенцевъ, не заплативъ жиду особаго налога; а это особенно дурно потому, что жиды ищутъ дѣтской крови» [148]).

Коронный гетманъ Конецпольскій вмѣстѣ съ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, отправился въ Кодакъ и оставался тамъ цѣлый мѣсяцъ, пока крѣпость не приведана была въ оборонительное положеніе [149]). Казаки были призваны посмотрѣть на укрепленія. «Каковъ кажется вамъ Кодакъ?» спросилъ ихъ насмѣшливо коронный гетманъ. — «Что человѣческими руками созидается, то человѣческими руками разрушается», отвѣчалъ ему по латини [150]) чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій.

---

[148]) Fawor niebiesky Lublinu okazany.

[149]) Опис. Укр. Бопл.

[150]) Annal. Polon. Clim. I. 21. (Manu facta manu destruo).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитіе шляхетской свободы.—Слабость королевской власти.—Упадокъ воинственнаго духа.—Планы Владислава.—Тьеполо.—Тайное сношеніе съ казаками.—Сеймъ 1646 года.—Свиданіе Оссолинскаго съ Хмельницкимъ.—Похищеніе королевской привилегіи.—Ссора Хмельницкаго съ Чаплинскимъ.—Жалобы Хмельницкаго. — Поѣздка Хмельницкаго къ королю. — Замыселъ возстанія.—Бѣгство Хмельницкаго въ Сѣчь.— Хмельницкій у Крымскаго хана.—Тугай-бей.—Сборы поляковъ.—Походъ на Хмельницкаго.—Переходъ реестровыхъ казаковъ на сторону Хмельницкаго. — Желтоводская битва.—Битва подъ Корсуномъ. Пораженіе польскаго войска.—Плѣнъ гетмановъ.—Сношеніе Хмельницкаго съ Московскимъ Государствомъ.—Смерть Владислава.—Посольство казацкое въ Польшу.—Возстаніе Южной Руси.

Царствованіе Владислава IV было золотымъ вѣкомъ личной шляхетской свободы. Тогда оно дошло до такого предѣла, за которымъ при тогдашнихъ условіяхъ жизни, понятіяхъ и нравахъ наступало для нея самоуничтоженіе. Шляхтичъ достигъ совершенной независимости отъ короля; прежде дворянство платило въ казну поземельную подать, двухъ грошевый налогъ съ лана, и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, выражало признаніе надъ собою власти короля и свое подданство. При Владиславѣ прекратился этотъ взносъ. Шляхтичъ не обязанъ былъ никакою постоянною платою королю и государству, никакими государственными повинностями, кромѣ посполитаго рушенья—ополченія, собираемаго въ исключительныхъ случаяхъ крайней опасности. Въ своемъ имѣніи онъ былъ настоящій государь, полновластный, самостоятельный,

самодержавный, со всѣми принадлежностями верховной власти, могъ на своей землѣ строить замки, города, содержать войско, вести съ кѣмъ угодно сношенія, даже войну, если силъ у него хватало, а надъ своими подданными имѣлъ безъапелляціонное, абсолютнѣйшее (Jus absolutissimum) право жизни и смерти, и могъ управлять ими со всѣмъ произволомъ азіатскаго деспота. Одинакое право имѣли какъ знатный владѣтель многихъ городовъ и волостей, такъ и небогатый владѣлецъ нѣсколькихъ волокъ земли.

Само собою разумѣется, что такая идеальная личная свобода на дѣлѣ не могла быть достояніемъ всѣхъ въ равной степени, потому что не всѣ въ равной степени обладали средствами дѣлать то, на что имѣли право. Этимъ самодержавнымъ правомъ въ широкомъ размѣрѣ могли пользоваться только богатые паны „можновладцы, магнаты“, и дѣйствительно были примѣры, что польскіе паны вели самовольно сношенія съ иностранными владѣтелями, какъ независимые государи, держали большое войско и нападали войною на сосѣднія государства, какъ напр. Мнишки и Вишневецкіе на Московское Государство, или Потоцкіе и Корецкіе на Молдавію. Остальная шляхта, будучи побѣднѣе, должна была примыкать къ богатымъ и сильнымъ и угождать имъ; только по отношенію къ своимъ подданнымъ, всякій шляхтичъ былъ тоже, что магнатъ по отношенію къ своимъ, въ этомъ никто не подрывалъ его могущества. Порабощая себя на самомъ дѣлѣ мелкое шляхетство, магнаты не покушались признавать за ними правъ, уравнивавшихъ его съ ними самими; напротивъ, магнаты становились защитниками и охранителями этихъ правъ; а шляхта своею громадой поддерживала магнатовъ, потому что получала отъ нихъ

выгоды. И у магнатовъ и у шляхты, по отношенію къ королю, было единое желаніе ограничить власть его и быть какъ можно отъ него независимѣе. Шляхта не боялась магнатовъ, не считала ни униженіемъ, ни тягостью служить имъ, потому что такая служба для каждаго имѣла видъ свободы: пановъ было много, слѣдовательно шляхтѣ оставался выборъ, и нерѣдко тотъ, другой, третій панъ заискивалъ расположеніе шляхты и пріобрѣталъ ея услуги цѣною выгодъ; притомъ, шляхтичъ смотрѣлъ на богатаго и знатнаго пана все-таки какъ на своего брата, и чувство этого равенства по правамъ утѣшало его, когда обстоятельство или привычка вынуждали его ползать передъ знатною особою. Напротивъ, король былъ одинъ, и королевская власть имѣла значеніе принудительности; шляхта понимала, что король не свой братъ, и если дать ему силу, то съ нимъ нельзя будетъ торговаться и показывать передъ нимъ достоинство свободнаго человѣка, а придется служить ему и повиноваться, когда нѣтъ на то ни охоты, ни личной пользы. Поэтому какъ ни ограничила въ то время шляхта власть короля, а все еще не переставала бояться, чтобы она не усилилась; страхъ козней деспотизма безпрестанно тревожилъ ее, и она старалась не допустить ничего такого, что увеличивало ея опасенія. Въ этомъ она опиралась на магнатовъ, какъ и магнаты опирались на нее, для поддержанія своей независимости. Король нуженъ былъ шляхетству, какъ представитель единства шляхетской націи, но шляхетство берегло его, такъ сказать, на случай, и хотѣло видѣть въ немъ стража своихъ шляхетскихъ вольностей, или, правильнѣе сказать, своеволія, какимъ и былъ этотъ король, помимо соб-

ственной воли. Кромѣ суда по нѣкоторымъ дѣламъ, относящимся къ королевскимъ имѣніямъ и городамъ, притомъ такого суда, котораго приговоры часто не исполнялись, да еще сверхъ того, кромѣ права созывать посполитое рушенье въ крайнихъ случаяхъ, главная обязанность короля состояла въ раздачѣ королевщинъ (т. е. староствъ, экономій и другихъ имѣній подъ наименованіями:данинъ, ленъ, эмфитеутовъ) особамъ шляхетнаго достоинства за такъ называемыя заслуги и въ назначеніи на должности, съ которыми соединялись доходы. Какъ только дѣлались вакантными доходное мѣсто или королевщина, тотчасъ являлось по нѣскольку соискателей, и тѣ, которые сами не принадлежали къ сильнымъ, богатымъ и вліятельнымъ родамъ, пріобрѣвшимъ историческую знаменитость, обращались къ посредству магнатовъ: послѣдніе хлопотали передъ королемъ за своихъ кліентовъ. Дать или не дать для короля, въ такомъ случаѣ, значило угодить такому то магнату или огорчить такого-то, и не разъ случалось, что король поставленъ былъ въ затруднительное, иногда унизительное для своего достоинства и даже комическое положеніе. Съ Владиславомъ это случалось не одинъ разъ. Такъ, вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ, онъ далъ виленское воеводство Тышкевичу, а потомъ не могъ устоять противъ негодованія сильной фамиліи Радзивилловъ, нарушилъ свое слово, лишилъ Тышкевича того, что ему недавно далъ, и на его мѣсто назначилъ одного изъ Радзивилловъ: это доставило большое удовольствіе членамъ этого рода, которые, при своемъ католическомъ фанатизмѣ, несмотря на то, что получившій воеводство ихъ родичъ былъ диссидентъ, восхищались успѣхомъ своей фа-

миліи, достигшей такого могущества, что король, ей въ угожденіе, нарушалъ монаршее слово. Случалось, что Владиславъ обѣщалъ одно и тоже двумъ соискателямъ, не въ силахъ будучи устоять противъ ихъ покровителей магнатовъ, потомъ увертывался и не зналъ какъ выпутаться, а въ концѣ концовъ наживалъ себѣ великія непріятности. Однажды сдѣлалось вакантнымъ мѣсто писаря новогродскаго. Двое магнатовъ — подканцлеръ литовскій Сапѣга и польный литовскій гетманъ Радзивиллъ, представили ему своихъ кліентовъ. Король обѣщалъ и тому и другому, а потомъ находился долго въ затрудненіи и, наконецъ, разсудивъ что Радзивиллъ сильнѣе Сапѣги, утвердилъ должность за креатурою польнаго гетмана. Тогда литовскій подканцлеръ взволновалъ собравшійся сеймъ и произвелъ большіе безпорядки. Случалось изъ угожденія сильнымъ панамъ, Владиславъ не только нарушалъ данное слово, но признавалъ правымъ дѣломъ явную несправедливость. Князь Іеремія Вишневецкій послалъ свое войско на городъ Роменъ, который королевскою привилегіею былъ отданъ Казановскому. Вишневецкій овладѣлъ этимъ городомъ, и, не имѣя ров; но никакого законнаго права, присоединилъ его къ своимъ обширнымъ владѣніямъ. Владиславъ издалъ декретъ, осуждавшій Вишневецкаго на банницію. Вишневецкій пріѣхалъ въ Луцкъ на сеймикъ, и, посредствомъ попоекъ и подкуповъ, заставилъ шляхту принять составленную имъ инструкцію, въ которой шляхта обязывала своихъ пословъ требовать на сеймѣ удовлетворенія Вишневецкому. Такъ какъ каждый посолъ имѣлъ право прекращать дѣйствія сейма (liberum veto), то легко было сильному пану поставить свое дѣло такъ, что либо должны были

удовлетворить его, либо нарушить законодательную дѣятельность отечества. Вишневецкій, избранный посломъ, прибылъ въ Варшаву, презирая королевскую банницію, и король, предохраняя отъ сорванія сеймъ (который все таки былъ сорванъ) не только снялъ съ могучаго магната банницію, но и присудилъ ему Роменъ, захваченный имъ путемъ насилія [1]).

Раздаватель доходовъ и имѣній, польскій король, отъ щедротъ котораго многіе поживлялись и наживались, не былъ однако очень богатъ. Когда староство дѣлалось вакантнымъ, до передачи его другому лицу, доходы съ него шли королю, но шляхта тотчасъ роптала и кричала, если король медлилъ раздачею. Не только староства, отдаваемыя лицамъ шляхетскаго достоинства съ уплатою четвертой части доходовъ (кварты) на содержаніе войска, но и такъ называемыя экономіи или столовыя имѣнія раздавались шляхетству съ условіемъ уплаты въ королевскую казну положенной части доходовъ; однако, не всегда отважно могъ король требовать своихъ доходовъ, если экономія находилась въ рукахъ магната или такого лица, которое было покровительствуемо магнатомъ. Такъ было у Владислава съ Альбрехтомъ Радзивилломъ великимъ литовскимъ канцлеромъ по поводу тухальскаго староства, принадлежавшаго королевѣ и переданнаго отъ нея Радзивиллу. Радзивиллъ не сошелся съ королемъ въ разсчетѣ на 6,000 злотыхъ, оскорбился, когда ему напомнили о законѣ и погрозили искомъ, уѣхалъ въ свое волынское имѣніе Олыку и началъ волновать противъ короля сеймики, на-

---

[1]) Pam. Albr Radz. т. II стр. 164.

страивая шляхту, чтобы она не соглашалась принимать на счетъ націи королевскаго долга, сдѣланнаго на государственныя потребности. „Я рѣшился“ — говоритъ Радзивиллъ, „показать королю, что онъ безъ меня не въ силахъ достигнуть своихъ цѣлей и разослалъ на нѣсколько сеймиковъ статьи, сочиненныя мною объ этомъ предметѣ, да прибавилъ туда еще кое чего такого, что могло нанести королю огорченіе“. Король долженъ былъ, ради своихъ выгодъ, смириться и искать примиренія съ Радзивилломъ. Радзивиллъ въ глаза Владиславу такъ говорилъ. „Я написалъ и разослалъ по сеймикамъ противныя для васъ статьи, но это не значитъ, чтобы я былъ противникъ королевскому маэстату: я поступилъ такимъ образомъ только для того, чтобы показать, что я нахожусь въ силахъ повредить вамъ; теперь прошу простить меня, я вознагражу все на предстоящемъ сеймѣ“. Такимъ образомъ, своенравный магнатъ хвасталъ передъ королемъ тѣмъ, что онъ можетъ играть и королемъ и шляхетствомъ по своей прихоти, и король, за такого рода обращеніе съ собою, подарилъ ему еще староство ковенское, да кромѣ того 15,000 злотыхъ изъ могилевской экономіи и, въ добавокъ раздавалъ доходныя мѣста въ Литвѣ тѣмъ изъ соискателей, за которыхъ старался Радзивиллъ. И за то Радзивиллъ, на сеймикѣ въ томъ же самомъ Луцкѣ, гдѣ онъ недавно вооружалъ противъ короля шляхту, теперь стоялъ за короля. Настроенная прежде имъ же самимъ враждебно королю шляхта не сразу пошла за противнымъ вѣтромъ; доходило дѣло до сабель; но Радзивиллъ успѣлъ повернуть ее на свой ладъ: въ случаѣ нужды, онъ могъ употребить и оружіе противъ упорныхъ, которыхъ ни въ ка-

комъ случаѣ не могло образоваться большинство: вліяніе этого пана слишкомъ было сильно и для многихъ одного его слова достаточно было. чтобы поступать такъ какъ ему хочется. Тоже самое дѣлалось тогда и на другихъ сеймикахъ: такъ. въ Вильнѣ, шляхта подстроенная королевскими врагами, сильно бурлила противъ короля, но пріѣхалъ знатный панъ, краковскій каштелянъ гетманъ Конецпольскій и своимъ вліяніемъ поворотилъ умы въ пользу короля.

Такъ-то король былъ подъ вліяніемъ магнатовъ и долженъ былъ угождать имъ: отъ нихъ зависѣли его средства. Неудивительно. что дворъ польскаго короля иногда блисталъ роскошью. а иногда терпѣлъ недостатокъ. По извѣстію того же Радзивилла. 8-го декабря 1639 года, дворъ Владислава дошелъ до такого убожества, что едва въ полдень принесли дровъ и мяса и голодные придворные должны были ожидать обѣда до четырехъ часовъ, а самъ король довольствовался тогда нѣсколькими простыми блюдами. [2])

Вообще, во всемъ привилегированномъ классѣ въ Польшѣ не было лица, болѣе ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ польскій король. Не даромъ историкъ Пясецкій назвалъ его медоносным королемъ пчелъ, не имѣющимъ жала. Дѣйствительно, одинъ только онъ, носившій званіе главы государства, не могъ никого ни жалить ни кусать. То, что дозволялось всякому шляхтичу, запрещалось одному королю. Каждый шляхтичъ могъ безъ суда, по своему произволу, пользоваться трудомъ своего раба, распоряжаться его жизнію; одинъ король

[2]) Pam. Albr. Radz. т. II стр. 299.

не имѣлъ рабовъ. Сильный панъ могъ безчинствовать, куралесить и быть свободнымъ отъ преслѣдованія; но вся Рѣчь-Посполитая встала бы на дыбы, еслибъ король позволилъ себѣ десятую часть того, что дозволяли себѣ паны.

Ограждая свою личную свободу противъ короля, шляхта ограждала ее и противъ самой себя, именно, противъ сейма, составленнаго изъ ея представителей, ею же свободно выбранныхъ. Если шляхтичу была нестерпима понудительная власть, исходившая отъ одного лица, то она была ему нестерпима и тогда, когда исходила отъ всего общества. Довѣряя своему брату шляхтичу законодательство и верховное строеніе, польскій шляхтичъ остерегался его и не давалъ ему не только зазнаваться, но даже свободно думать о томъ, съ чѣмъ его посылали. Сеймовые послы, отправляясь съ сеймика на сеймъ получали инструкціи, связывавшія ихъ, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ. Послы польской сеймовой Избы были не то, что члены законодательнаго собранія въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ; это были въ полной мѣрѣ послы по пословицѣ: посолъ—что мѣшокъ, что въ него вложишь, то и несетъ. Посолъ долженъ былъ сообразоваться съ тѣмъ, что ему приказывали, а главное, недопускать того, чего не приказывали: въ тѣ времена въ инструкціяхъ отрицательнаго было больше, чѣмъ положительнаго. Въ случаѣ, когда онъ видѣлъ, что сеймъ клонится къ тому, чего въ данной ему инструкціи не велѣно допускать, онъ срывалъ сеймъ своимъ всемогущимъ: не позволяю (liberum veto). Впрочемъ, сеймъ не всегда прерывался такимъ образомъ; иногда онъ не доходилъ, какъ выражались тогда, самъ собою

разсыпался и развязывался такъ, что трудно было сказать, кто сорвалъ его. Иногда случайная ссора или дурное расположеніе духа пословъ не давали ему окончитьня. Въ 1639 году литовскій подканцлеръ поссорился съ посломъ Барановскимъ и сказалъ съ-горяча, что Барасовскаго слѣдуетъ отколотить кіями. Барановскій началъ кричать, что шляхетской вольности наносится оскорбленіе. Вся Изба заволновалась; белзскій воевода помирилъ ссорившихся такъ, что они даже обнялись, но послѣ того въ Избѣ снова поднялся объ этомъ говоръ, и самъ Барановскій забылъ недавнее примиреніе и началъ кричать противъ подканцлера. Сенаторы пытались было утишить смуту, но все было напрасно; сеймъ прекратилъ свою дѣятельность и разошелся. Въ 1645 году сеймъ былъ недоволенъ по поводу разныхъ вопросовъ; послы были несогласны между собою и сеймъ ничѣмъ не кончился. Когда пришелъ ему срокъ, сенаторы предлагали продолжить его—послы молчали; сколько сенаторы недопрашивались, послы все молчали, и этимъ молчаніемъ прекратилась дѣятельность сейма. Въ 1643 году сеймъ былъ на краю погибели, но сенаторы успѣли спасти его оригинальнымъ образомъ. Послы собрались въ засѣданіе въ день вербнаго воскресенья. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что надобно почтить праздникъ и отложить совѣщаніе, а одинъ епископъ на это сказалъ, что толковать объ этомъ не его дѣло, а духовныхъ. Посолъ оскорбился. За него оскорбились другіе и стали уходить изъ избы. Сенаторы успѣли удержать изъ нихъ до тридцати слишкомъ пословъ и, проработавши съ ними до четырехъ часовъ по полуночи, благополучно завершили сеймовую работу. Прочіе были или на веселѣ,

или совсѣмъ пьяны, и пошли пировать или спать и на другой день сожалѣли, что сеймъ окончился безъ нихъ [3]).

Но и правильное окончаніе сейма не давало твердости его постановленіямъ, и не должно считать исполнявшимся все то, что заносилось въ сеймовыя конституціи. Шляхта присвоила себѣ контроль надъ дѣйствіями и постановленіями сейма. Такъ какъ послы обязаны были сообразоваться съ инструкціями, полученными на сеймикахъ, то естественно было посламъ отдавать на сеймикахъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; отсюда возникли, именно въ это время, сеймики реляційные, отправлявшіеся по возвращеніи пословъ съ сейма. Здѣсь шляхта повѣряла образъ поведенія своихъ пословъ на сеймѣ и разсуждала: сообразно ли съ прежними инструкціями сеймика то, что постановлено на сеймѣ, а также вообще подвергала толкованію сеймовыя постановленія; нерѣдко, такимъ образомъ, реляційные сеймики отвергали постановленное сеймомъ, и отсюда выходило то, что какой нибудь повѣтъ считалъ себя вправѣ не повиноваться тому, что было узаконено цѣлою націею. Реляційные сеймики были для Польши очень зловреднымъ учрежденіемъ—одною изъ причинъ слабости и бездѣйствія законовъ. Сеймики стали дѣйствительнѣе и могущественнѣе сеймовъ. Но сами эти сеймики были всегда въ рукахъ магнатовъ. Вліятельный панъ легко настраивалъ шляхту на свой ладъ: однихъ подкупомъ, другихъ обѣщаніемъ разныхъ выгодъ, и всѣхъ вообще обаятельнымъ вліяніемъ своего богатства, знатности рода и угощеніями. Время сеймиковъ было самое веселое. Паны отправ-

---

[3]) Pam. Albr. Radz. I. 428. II. 101.

ляли тута на сотнѣ возовъ припасы, вино, водку. Паны-братья, какъ титуловалась тогда шляхта, на панскій счетъ ѣли и пили, танцовали подъ панскую музыку и тамъ, по желанію панскому, безпрекословно выбирали въ мѣстныя должности (которыя въ Польшѣ были пожизненны, кромѣ случаевъ повышенія) и въ сеймовые послы тѣхъ, которыхъ хотѣлъ панъ, признавали такія инструкціи, какія составлялъ панъ и, вообще, говорили, дѣлали, постановляли то, что приказывалъ панъ. „Шляхта"—говоритъ Скарга—„въ простотѣ сердца сама не знаетъ, что вокругъ нея дѣлается, и крикомъ на все соизволяетъ. Тѣ, которые сами себя выбираютъ, или бываютъ выбраны по волѣ пановъ, вступаютъ въ свои выборныя должности не съ сердечнымъ желаніемъ добра Рѣчи Посполитой, а съ дурными желаніями: одни руководятся ненавистью къ своимъ противникамъ, другіе ищутъ своихъ выгодъ и повышеній, тѣ угождаютъ панамъ, которымъ служатъ, а тѣ, подкупленные подарками, идутъ въ послы съ тою цѣлію, чтобы надѣлать затрудненій въ сеймовыхъ работахъ, будтобы по приказанію всей братіи; въ самомъ же дѣлѣ корольки наши дѣлаютъ и творятъ отъ имени братіи то, о чемъ братія никогда не думала; братія безсмысленнымъ крикомъ на все соглашается, сама не замѣчая собственнаго своего вреда" [4]).

Пану, заправлявшему сеймикомъ, помогало то, что у него во дворѣ обыкновенно служила небогатая шляхта, и эта шляхта, имѣя право голоса на сеймикѣ, сообразно своему званію, ѣхала съ паномъ своимъ патрономъ и, при случаѣ, готова была обнажить саб-

[4]) Obr. Siarcz. II. 263.

ли. Бывало и такъ, что другой панъ, противникъ перваго, подбиралъ себѣ на томъ же сеймикѣ партію, и тутъ уже неизбѣжны были драки и смертоубійства: сила брала верхъ. Подобную сцену описываетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ Альбрехтъ Радзивиллъ [5]); она происходила въ 1645 году на сеймикѣ въ Островѣ. Споръ возникъ между двумя сторонами: пана Рожанскаго и пана Яблоновскаго, по поводу выбора ихъ въ послы. Едва Яблоновскій вошелъ въ костелъ, какъ его привѣтствовали выстрѣломъ, потомъ выстрѣлы повторялись одинъ за другимъ; трехъ человѣкъ убили у дверей костела, пятдесятъ ранили. Важнымъ доказательствомъ политическаго развращенія Польши въ тѣ времена служитъ то обстоятельство, что паны не скрывались съ своими интригами, не дѣлали тайны изъ своихъ подкуповъ. Сеймовые послы получали отъ пановъ жалованье и подачки, обязываясь говорить и дѣйствовать въ ихъ пользу: этого не ставили имъ въ преступленіе или безчестіе. Современникъ Владислава IV, Лещинскій, переходя съ должности подскарбія на должность короннаго подканцлера, нуждаясь въ квитанціи, увольняющей его отъ прежней должности, подкупилъ подарками и деньгами всю посольскую Избу. Когда представлено было дѣло о его квитанціи, всѣ закричали: згода! (согласенъ) вдругъ одинъ закричалъ: „нѣтъ згоды". Лещинскій, держа въ рукахъ реестръ, въ которомъ было отмѣчено, кому сколько дано, закричалъ: „а какому же такому-сякому сыну я недалъ"? Но тотъ, который произнесъ: нѣтъ згоды, утаил-

---

[5]) Pam. Albr. Radz. II. 179.

ся, потому что и онъ взялъ съ Лещинскаго и былъ записанъ въ реестрѣ [6]).

Всѣ такіе безпорядки существовали въ Польшѣ и прежде, усиливаясь по мѣрѣ общественной порчи. Но прежде у поляковъ былъ духъ удальства, предпріимчивости, воинственности, страсть къ дѣятельности, порывъ къ подвигамъ, увлеченіе славою и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ способность къ движенію впередъ, къ перемѣнамъ. Если въ народѣ есть достаточно энергіи къ военнымъ подвигамъ, то эта энергія, при благопріятномъ поворотѣ, можетъ обратиться и къ внутреннему устроенію. Въ XVII столѣтіи, шляхетская нація какъ будто устала, духовно утомилась и обращалась къ спокойствію и домашней нѣгѣ. Шляхтичъ не хотѣлъ уже подражать знаменитымъ предкамъ, мало думалъ о славѣ польскаго имени; бранные подвиги не прельщали его, но и къ подвигамъ гражданскимъ онъ не чувствовалъ влеченія. Мало было охотниковъ заниматься общественными вопросами; на сеймѣ всегда почти засѣдало пословъ гораздо менѣе, нежели сколько нужно было; въ инструкціяхъ, даваемыхъ посламъ на сеймикахъ, не было требованій объ улучшеніяхъ; шляхта стала бояться всякихъ перемѣнъ и хотѣла только сохранять то, что у нея было, главное—ея безмятежный покой. Польскій дворянинъ хотѣлъ жить въ своемъ имѣніи независимымъ королькомъ, управлять безконтрольно своими хлопами, получать съ своего имѣнія какъ можно болѣе доходовъ, при посредствѣ іудея, котораго симетическій мозгъ оказывался способнѣе шляхетскаго, славянскаго, на всякія ко-

[6]) Dwa lata dz. naszych. 241.

рыстныя измышленія, а главное, проводить жизнь какъ можно веселѣе и беззаботнѣе. „Все мое сокровище", говорилъ онъ словами поэтовъ тогдашняго вѣка,—„благодушіе, танцы, волокитство; съѣдутся ко мнѣ гости—смѣхъ, шутки, принесутъ намъ изъ погреба венгерскаго, сядемъ мы у камина, заиграютъ намъ въ дуды; на столѣ мягкій хлѣбъ, домашняя дичина, свѣжая рыбка—вотъ наше утѣшеніе, вотъ вѣнецъ нашъ и плевать мы готовы на королей". Пиры, веселость, роскошь, щедрость—то были черты всего шляхетскаго общества, отъ знатнѣйшаго пана до небогатаго шляхтича; каждый пировалъ по своимъ средствамъ. Богатые паны, одинъ передъ другимъ, щеголяли пирами и щедростью; вошло въ обычай не только поить и кормить, но еще и дарить гостей. Когда король Владиславъ съ знатными панами пріѣхалъ въ 1644 году къ Сапѣгѣ, хозяинъ обдарилъ гостей на многія тысячи червонцевъ; пиръ шелъ девять дней; панскій погребъ былъ открытъ для каждаго, всѣ могли не только пить, но если бы хотѣли, даже купаться въ винѣ, и всякому изъ гостей дозволено было брать все, что ни понравится. Домъ краковскаго воеводы Любомирскаго былъ день и ночь открытъ для гостей; пиръ шелъ за пиромъ, вся шляхта краковскаго воеводства испытывала тамъ радушное угощеніе и возвращалась оттуда съ дарами. Въ томъ состояла честь и слава польскаго пана, когда онъ умѣлъ устраивать пиры, не жалѣлъ денегъ на угощенія и подарки, когда у него въ домѣ было всѣмъ весело; эта слава замѣнила въ Польшѣ славу бранныхъ подвиговъ, которыми пріобрѣтали поляки уваженіе въ своемъ отечествѣ въ былыя времена. „Польскіе паны, замѣ-

чаетъ современникъ итальянецъ [7]) получаютъ годоваго дохода тысячъ по 200 скуди, но все это проматывается на роскошь дворовъ ихъ, надворное войско, наряды и различныя излишества. Поляки предпочитаютъ выгоды спокойной жизни тѣмъ выгодамъ, которыя могли принести имъ войны".

Это отвращеніе къ военнымъ подвигамъ, это предпочтеніе спокойныхъ занятій, мирныхъ трудовъ браннымъ тревогамъ, это стремленіе къ общежительности, пирамъ и веселію, наконецъ, эта любовь къ свободѣ, можетъ быть представили бы изъ Польши утѣшительное явленіе въ исторіи, если бы въ этой Польшѣ не было порабощенія простаго народа, которое приводило въ ужасъ человѣколюбивыя сердца даже въ такомъ вѣкѣ, когда вообще участь простонародныхъ тружениковъ нигдѣ не была завидною.

Кнесчастію, все это стремленіе шляхетства къ спокойной и веселой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ его свободолюбіе тѣсно были соединены съ рабствомъ народа и даже истекали изъ послѣдняго условія. Потому-то шляхтичъ съ такою горячкою и предавался пирамъ и удовольствіямъ, что у него были рабы, живыя машины, посредствомъ которыхъ ему легко было доставать средства къ жизни, и не нужно было надъ пріобрѣтеніемъ этихъ средствъ ломать головы, особенно когда за шляхтича, какъ мы замѣтили, въ этомъ случаѣ, думалъ іудей. Потому-то шляхтичъ такъ дрожалъ за свои вольности, такъ боялся дать королю и закону власть и силу, что у него было сокровище, которое потерять ему было слиш-

[7]) Relaz. Tiepolo. Zbiór pamiętn. o dawnej Polsce. V. 33.

комъ тяжело; это сокровище—его деспотическій произволъ надъ рабами. Властвовать надъ громадою невольниковъ, безгласныхъ, безправныхъ, осужденныхъ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ отъ рожденія до смерти служить прихотямъ своихъ владыкъ, конечно искусительно и пріятно для эгоистическихъ наклонностей человѣческой природы, а іезуитское воспитаніе, которое получала вся шляхетская Польша, не допускало въ шляхетскомъ обществѣ развиться тѣмъ высшимъ стремленіямъ къ правдѣ, которыя производятъ борьбу съ дурными привычками, предразсудками, отупѣніемъ ума и чувства и своекорыстнымъ лукавствомъ. Возгласы передовыхъ людей, въ родѣ Старовольскаго, становились все рѣже и рѣже, потому что имъ суждено быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

И такъ стремленіе шлящетства къ тихой, спокойной, мирной и веселой жизни не было тѣмъ разумнымъ исканіемъ всеобщаго общественнаго благополучія, нравственнаго преуспѣянія и матеріальнаго благосостоянія, которое должно составлять идеалъ земныхъ цѣлей человѣчества; это была опьяняющая, одуряющая нѣга лѣни и необузданнаго безобразничества ожирѣвшихъ деспотовъ и ихъ развращенныхъ угодниковъ, не имѣвшихъ потребности ни въ трудѣ, ни въ ограниченіи эгоистическихъ побужденій. Отъ этого нравы тогдашняго веселаго времени представляютъ черты, показывающія, что въ то время, когда однимъ было очень весело, другимъ приходилось очень грустно— да и не только рабамъ, лишеннымъ защиты закона и власти, но и тѣмъ, которые тогда гордились свободою и вольностями, да по своему положенію, будучи слабыми, должны были плясать по дудкѣ сильныхъ. Современ-

ные повѣствователи оставили намъ образчики того, что иногда происходило въ глубинѣ панскихъ дворовъ. Вотъ напримѣръ, въ 1645 году, у одного знатнаго пана въ домѣ, дѣвица, принадлежавшая къ прислугѣ жены его, прельстила сердца двухъ молодыхъ людей, служившихъ у пана: одинъ былъ изъ шляхты, и притомъ, какъ говорилось, изъ доброй фамиліи, другой—нешляхтичъ—но владѣлъ бойко перомъ. Дѣвица предпочла нешляхтича и, въ ожиданіи брака, принимала его у себя ночью; шляхтичъ, которому было досадно, забрался къ ней и просилъ удостоить его того вниманія, которое она оказывала его сопернику, и когда она не согласилась, то прибѣгнулъ къ насилію; дѣвица, защищаясь, схватила его за чуприну (за вихоръ), а онъ дѣвицу за косу и началъ съ досады колотить ее кулаками. На крикъ дѣвицы сбѣжались люди и розняли драку. Панъ судилъ это дѣло собственнымъ судомъ и всѣхъ троихъ осудилъ на смерть. Шляхтичъ, какъ самъ вольный господинъ, требовалъ апелляціи къ городскому суду, но его не слушали; а нешляхтичъ, хотя совсѣмъ невинный, даже и не просилъ о судѣ, потому что для него не было никакого суда, кромѣ панскаго. Бѣдной дѣвицѣ не оказали даже чести, подобающей ея шляхетскому достоинству, не постлали ковра, когда подвели ее къ плахѣ, хотя она этого требовала. Казнь совершена была мучительно, потому что неопытный палачъ не умѣлъ сразу отрубить головъ. Послѣ того носился слухъ, будто три мертвеца являлися на кладбищѣ съ свѣчами въ рукахъ, а одинъ изъ нихъ, именно шляхтичъ, приходилъ ночью къ самому пану и обмазалъ его своею кровью; нешляхтичъ, и будучи мертвецомъ, не-

смѣлъ этого сдѣлать.—Возмутительныя черты того времени представляютъ поведеніе пана Тарновскаго, принадлежавшаго къ знатнѣйшей фамиліи Рѣчи-Посполитой. Этотъ панъ умертвилъ болѣе 20 человѣкъ и отправилъ въ царствіе небесное своего роднаго дядю, потомъ вступилъ въ духовное званіе и былъ посвященъ въ санъ священника. Онъ держалъ въ своемъ имѣніи приходскаго ксендза. 1-го апрѣля 1646 года, въ день пасхи, пригласилъ онъ этого ксендза разговляться, и началъ нести такой вздоръ, что ксендзъ сдѣлалъ ему замѣчаніе и, разсердивъ его этимъ, ушелъ отъ него. Тарновскій послалъ ему приказаніе, чтобы онъ дожидался его къ вечерни, вѣроятно, намѣреваясь служить вмѣстѣ съ нимъ самъ. Ксендзъ дожидался его въ костелѣ долго, но не дождался ио тправилъ вечерню безъ него. Тарновскій, послѣ вечерни, пришелъ въ костелъ и приказалъ бить ксендза палками за то, что онъ не подождалъ его. Ксендзъ вырвался, пустился бѣжать, но Тарновскій догналъ его, прокололъ мечемъ и съ злостью вертѣлъ мечь въ его тѣлѣ, пока священникъ не испустилъ дыханія. Тогда панъ Тарновскій, такъ какъ самъ носилъ санъ священника, облачился въ богослужебныя одежды и совершилъ надъ убитымъ погребальный обрядъ [8]). Лѣтопись современника Ерлича, подъ 1647 годомъ, передаетъ такое извѣстіе [9]): нѣкто Александръ Замойскій зазвалъ на пріятельскій разговоръ пана Іеремія Тышу, человѣка почтеннаго и богобоязненнаго, и убилъ его 11-го іюля. Наслѣдникъ Тыши, сынъ его Адамъ, 20-го августа того же года,

[8]) Pam. Albr. Radz. II. 169—172.

[9]) Lat. Jerl. I. 60.

набравши разной пьяной сволочи, напалъ на домъ Ерлича, ограбилъ его и выгналъ хозяйку съ дѣтьми, причемъ маленькій ребенокъ отъ страха заболѣлъ и умеръ. Подобныхъ событій совершалось очень много; не будучи записанными никакими мемуаристами, и это дѣлаетъ понятными слова Старовольскаго, что въ свободной Рѣчи-Посполитой въ одинъ годъ погибнетъ болѣе невинныхъ душъ, чѣмъ сколько погубитъ ихъ любой азіатскій деспотъ въ цѣлую свою жизнь.

Конечно, во всякой странѣ совершаются преступленія и злодѣянія, но нигдѣ онѣ такъ часто не оставались безнаказанными, какъ въ Польшѣ, гдѣ убійца и разбойникъ могъ всегда быть цѣлъ и невредимъ, если только у него были сильные покровители. Въ какой степени пировавшая и веселившаяся Польша была безопасна для иноземцевъ, пріѣзжавшихъ туда съ торговою цѣлію, можетъ служить примѣромъ поступокъ въ 1640 году брацлавскаго воеводы, очень значительнаго лица въ Рѣчи-Посполитой, который остановилъ на дорогѣ греческихъ купцовъ, забралъ себѣ ихъ деньги, а ихъ самихъ засадилъ въ тюрьму.

Монархическое правленіе, при всѣхъ случайныхъ проявленіяхъ рабства, безправія, произвола и невѣжества, имѣетъ то важное достоинство, что если верховная власть попадется въ руки благомыслящихъ лицъ, то появляется возможность полезныхъ измѣненій и преобразованій. Дурной республикѣ нѣтъ никакого спасенія. Республиканское правленіе, безспорно, есть наилучшій, желаннѣйшій строй человѣческаго общества, но оно совмѣстно только съ тѣмъ, что есть наилучшаго въ человѣчествѣ—съ равноправіемъ, общественною энергіею, честностью и

стремленіемъ къ просвѣщенію. Если этого нѣтъ—республиканское правленіе ведетъ государство къ погибели, и рано ли поздно, это государство или перестанетъ быть республикою, или достанется другимъ. Ему нѣтъ другаго исхода, потому что нѣтъ никакой силы, которая могла бы предохранить дурную республику отъ разложенія. Понятно, что тамъ, гдѣ все рѣшается большинствомъ участвующихъ въ правленіи, при господствѣ въ этомъ большинствѣ нелѣпыхъ понятій, лѣни, застоя и развращенія, голосъ тѣхъ, которые взывали бы объ исправленіи господствовавшаго порядка, будетъ голосомъ незначительнаго меньшинства: большинство не станетъ его слушать.

Поляки теряли то, что само по себѣ, хотя не было добромъ, но могло вести къ добру, теряли воинственность, а съ нею и заботливость о самосохраненіи. Предъ каждымъ сеймомъ поляки хлопотали о томъ, чтобы ихъ сеймъ не соглашался на увеличеніе войска, не хотѣли, чтобы имъ пришлось чрезъ то платить что-нибудь, и, такимъ образомъ, умалять средства для своей роскошной жизни, а болѣе всего боялись, чтобы войско не сдѣлалось орудіемъ усиленія королевской власти и стѣсненія шляхетскихъ правъ. Шляхта предпочитала ежегодный платежъ дани крымскому хану за то, чтобы тотъ не позволялъ татарамъ грабить Польши,—отважной рѣшимости сбросить это иго. Между тѣмъ, въ Польшѣ были войска и не умалялись, но то были войска панскія, такъ называемыя надворныя команды; у нѣкоторыхъ, напр. какъ у Вишневецкихъ, было такого войска нѣсколько десятковъ тысячъ; шляхта не боялась этого рода войска; оно неспособно было защищать край въ

случаѣ опасности, но приносило вредъ для страны; съ этимъ войскомъ паны дѣлали другъ на друга наѣзды и вели междоусобныя драки; оно давало средства для поддержанія безпорядковъ въ Рѣчи-Посполитой. Отсюда выходило, что Рѣчь-Посполитая, еще недавно имѣвшая, какъ государство, достаточно воинственной силы, чтобы одерживать верхъ надъ сосѣдями и расширять свои предѣлы, при Владиславѣ IV стала уже державою слабою и сохранялась болѣе обстоятельствами и слабостью сосѣдей, нежели собственными достоинствами. Турція до поры до времени могла ей быть не страшна, когда находилась подъ властію женолюбиваго Ибрагима. Московское Государство должно было поправляться отъ ранъ, нанесенныхъ ему смутною эпохою; Швеція при Густавѣ Адольфѣ отвлекалась тридцати лѣтнею войною, а преемница его королева Христина не любила воинственныхъ затѣй. Казаки были задавлены, а съ ними вмѣстѣ и русскіе хлопы, такъ часто безпокоившіе пановъ своими возстаніями, не смѣли проявлять своей злобы. Но съ перемѣною лицъ и обстоятельствъ у сосѣдей, нападенія на Польшу внѣшнихъ враговъ, возбужденіе украинскихъ волненій—грозили Польшѣ бѣдами, при томъ облѣненіи, въ которое погрузилась шляхетская нація. Если Рѣчь-Посполитая не была еще на краю пропасти, то шла уже прямою и покатою дорогою въ эту пропасть. Предохранить ее отъ паденія и повернуть на другой путь, возвратить къ новой жизни—нельзя было иначе, какъ подорвавъ въ ней республиканскій порядокъ и утвердивъ торжество монархическаго принципа. Это возможно было совершить только при образованіи значительнаго войска, которое было бы подъ верховнымъ начальствомъ

одного короля. Составить и образовать это войско можно было только, затянувши Польшу въ важную войну.

Такая мысль и заняла короля Владислава.

Государь этотъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ всякой другой изъ польскихъ избранныхъ королей. Онъ говорилъ и любилъ говорить по польски, ходилъ въ польской одеждѣ, усвоилъ польскіе пріемы жизни и вообще любилъ Польшу, какъ можно любить отечество. Въ молодости онъ путешествовалъ по Европѣ, многое замѣчалъ, многому учился, былъ человѣкъ, по своему времени, образованный, и не раздѣлялъ того католическаго фанатизма, который обуялъ тогдашнее польское общество. Владиславъ былъ сторонникъ вѣротерпимости и свободы убѣжденій: это показала защита, оказанная имъ при вступленіи на престолъ православію; также гуманно относился онъ къ диссидентамъ, и, желая примирить ихъ съ католиками, устроилъ въ Торуни совѣщаніе между тѣми и другими, съ цѣлью уладить возникшія недоразумѣнія. Само собою разумѣется, что въ анархической Польшѣ такія мѣры не могли быть дѣйствительны. Владиславъ былъ славолюбивъ и потому ему по сердцу была война; жажда къ дѣятельности одолѣвала его; бездѣйствіе томило его, а онъ былъ осужденъ на бездѣйствіе; его самолюбіе должно было постоянно терпѣть униженіе отъ магнатовъ. Уже онъ нажилъ себѣ каменную болѣзнь и подагру, и часто проводилъ цѣлые дни въ постелѣ, а между тѣмъ душа его рвалась къ подвигамъ и тѣлесныя боли были незначительны въ сравненіи съ нравственными, которые вели его къ гробу. Казалось, если бы ему только развязали руки, онъ бы еще ожилъ и пожилъ.

Война съ Турціею стала его любимой идеею, за нею укрывалось другое желаніе. Правда, нѣтъ письменныхъ признаній съ его стороны, которые бы указывали, что Владиславъ думалъ, посредствомъ этой войны, усилить королевскую власть, но таково было убѣжденіе всей польской націи; все шляхетство было увѣрено, что умноженіе войска и военное время подадутъ королю превосходный случай къ водворенію монархическаго принципа; невозможно, чтобы одинъ король не видѣлъ того, что видѣла вся Польша; невозможно, чтобы ему не приходило на сердце такого желанія, когда онъ такъ горячо брался за тѣ мѣры, которыя прямо приводили къ осуществленію этого желанія: и собственный его самолюбивый характеръ и примѣры, которые онъ видѣлъ въ Европѣ, должны были увлекать его къ этому. Такимъ образомъ, нѣтъ причины не довѣрять распространенному тогда во всей Польшѣ, мнѣнію, что главною цѣлію войны у Владислава было усиленіе королевской власти. Ксожалѣнію, степень твердости характера этого государя не соотвѣтствовалъ широтѣ его замысловъ.

Изъ приближенныхъ къ нему лицъ отличался передъ всѣми блескомъ краснорѣчія и репутаціею политическаго человѣка канцлеръ Оссолинскій. Вся Польша указывала на него какъ на соучастника плановъ Владислава Еще въ 1639 году онъ принялъ титулъ князя римской имперіи и хотѣлъ ввести въ Польшѣ орденъ: поляки не допустили до этого; они тутъ увидѣли дурной замыселъ нарушить уровень республиканской свободы и положить начало такому дворянству, которое было бы одолжено почестями и отличіями не древности рода, не свободному признанію свободною націею, а милостямъ госу-

даря. Но Оссолинскій небылъ надежнымъ человѣкомъ для великихъ замысловъ: роскошный аристократъ, изнѣженный, суетный, малодушный, онъ не въ состояніи былъ бороться противъ неудачъ и, заботясь болѣе всего о себѣ, въ виду опасности для себя, всегда готовъ былъ перейти на противную сторону.

Замыселъ войны съ Турціею сталъ обозначаться у Владислава въ 1645 году съ пріѣздомъ въ Польшу венеціанскаго посла Тьеполо; этотъ человѣкъ былъ давній знакомый и пріятель Владислава, еще со времени путешествія Владислава по Европѣ, потомъ пріѣзжалъ въ Польшу посломъ и имѣлъ случай ознакомиться съ этою страною. Тьеполо принадлежалъ къ одной изъ важнѣйшихъ аристократическихъ фамилій въ Венеціи, предокъ его былъ дожемъ. Венеція потерпѣла тогда пораженіе отъ турокъ: у ней взята была Канея на островѣ Кандіи. Сенатъ хотѣлъ заварить европейскую войну съ Турціею и послалъ Тьеполо побуждать Польшу пристать къ военному союзу и, главное, дозволить казакамъ по прежнему безпокоить турокъ.

Тьеполо представилъ королю, что теперь-то настало такое положеніе дѣлъ, когда всѣ христіанскія державы должны соединиться противъ турокъ; планъ его былъ таковъ: Венеція будетъ воевать на Средиземномъ морѣ, папа дастъ съ своей стороны для этого денегъ, помогутъ также итальянскіе князья, а Польша, въ союзѣ съ Московскимъ Государствомъ, нападетъ на Турцію съ сѣвера и пуститъ запорожскихъ казаковъ на море: на это особенно уповалъ венеціанскій посолъ, этого онъ особенно добивался. Слава казацкая уже давно прошла въ далекія страны и представляла подвиги казаковъ да-

же въ преувеличенномъ видѣ. Замѣчали, что съ тѣхъ поръ, какъ казаки перестали плавать по морю, невѣрные стали отважнѣе. Если прежде казаки задавали имъ такого страха, когда ходили на море въ противность польскому правительству и, слѣдовательно, немогли развернуть всѣхъ силъ своихъ, то подвиги ихъ, казалось, будутъ еще блистательнѣе, когда они пойдутъ свободно, да еще получать средства для своего предпріятія. Тьеполо совѣтовалъ дать имъ 30 тысячъ реаловъ на постройку чаекъ. Сверхъ того Тьеполо предлагалъ завербовать въ Польшу нѣмецкихъ воиновъ: по причинѣ долговременной внутренней войны (30-ти лѣтней) въ Нѣмецкой землѣ было много людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, закаленныхъ въ бою, неспособныхъ ни на что, кромѣ войны: ихъ то слѣдовало двинуть на невѣрныхъ. Это предложеніе было, какъ нельзя болѣе, по сердцу Владиславу. Какъ видно, у короля и Оссолинскаго былъ планъ начать войну съ татаръ, и въ этихъ видахъ еще въ 1644 году они прекратили платежъ хану тѣхъ денегъ, которыя поляки называли упоминками, а татары просто данью. Сами татары подали къ этому поводъ, сдѣлавши на польскіе предѣлы нападеніе, отбитое гетманомъ Конецпольскимъ подъ Охматовымъ. Владиславъ обѣщалъ Тьеполо переговорить объ этомъ съ коронымъ гетманомъ. Конецпольскій, державшій казаковъ въ такихъ ежовыхъ рукахъ, ради недопущенія ихъ до морскихъ набѣговъ, теперь пришелъ къ такому заключенію, что гораздо лучше будетъ дать просторъ казацкой удали и обратить ее на невѣрныхъ, чѣмъ стѣснять ее изъ угожденія невѣрнымъ. Къ этому склоняло его подозрѣніе, что казаки, притѣсненные дворянствомъ, уже сно-

сятся съ татарами и у нихъ возникаетъ мысль, съ помощью мусульманъ, возвратить себѣ свободу. Конецпольскому казалось лучше заранѣе разсорить казаковъ съ невѣрными и позволить казакамъ ихъ бить, чѣмъ дожидаться, когда мусульмане придутъ вмѣстѣ съ казаками раззорять Польшу. По извѣстію Освѣцима [10]), коронный гетманъ въ этомъ году написалъ разсужденіе объ уничтоженіи крымской орды, которое, какъ онъ думалъ, можно было совершить Польшѣ въ союзѣ съ Московскимъ Государствомъ, выпустивши на татаръ казацкія силы. Чтобы не раздражать шляхты, видѣвшей во всякомъ военномъ предпріятіи тайный умыселъ на свою свободу, Конецпольскій не напечаталъ этого разсужденія, но послалъ, для извѣданія береговъ Чернаго моря и крымскаго полуострова, своего инженера Себастьяна Адерса, подъ видомъ купца, ѣдущаго выкупать изъ татарской неволи своего брата.

При такомъ настроеніи, понятно, что Конецпольскій отозвался благосклонно на объясненіе короля. Владиславъ объявилъ Тьеполо, что войну начать можно, но слѣдуетъ воевать прежде съ татарами, а не съ турками. Тоже доказывалъ Оссолинскій. Тьеполо, напротивъ, настаивалъ объявить войну прямо Турціи и выслать казаковъ не на черноморское побережье, примыкающее къ владѣніямъ крымскаго хана, а на берега турецкой имперіи и, если можно, на самый Константинополь. Папскій нунцій де-Торре, съ своей стороны, убѣждалъ также пустить казаковъ не на Крымъ, а на Турцію. Въ совѣщаніи 7-го сентября 1645 года канцлеръ Оссолин-

[10]) Dwa lata dziej w nasz. 333. 72.

скій говорилъ такъ: „Король, безъ соизволенія сейма, не можетъ начать наступательной войны, а сеймъ никогда на нее не согласиться. Невозможно дѣлать приготовленій къ войнѣ съ Турціею такъ, чтобы объ этомъ не узнали во всей Польшѣ, а какъ только узнаютъ, тотчасъ поднимутъ шумъ, ропотъ и пріостановятъ дѣло. Съ татарами же намъ вести войну можно; война эта будетъ имѣть видъ оборонительный, чтобы освободить наши края отъ татарскихъ набѣговъ. Но татарская война повлечетъ за собою непремѣнно войну съ Турціею. Турки должны будутъ помогать татарамъ, вышлютъ свои суда въ Черное море и, такимъ образомъ, мы вступимъ въ войну съ Турціею, не навлекая на себя укора въ нарушеніи мира; война съ Турціею будетъ также имѣть видъ оборонительный и нація наша должна будетъ по неволѣ согласиться вести ее. Король приложитъ все стараніе, чтобы употребить въ дѣло казаковъ, только для этого необходимы средства: пусть Венеція и другіе союзники даютъ намъ по 500,000 скуди на годъ въ теченіи двухъ лѣтъ, король пошлетъ нарочное посольство въ Персію для приглашенія этого государства къ союзу противъ Турціи. Король хочетъ быть увѣреннымъ, что онъ не будетъ оставленъ своими союзниками, такъ какъ былъ нѣкогда покинутъ на произволъ судьбы Владиславъ III. Король желаетъ, чтобы, въ случаѣ нужды, союзники помогали ему деньгами и миръ не могъ быть заключенъ одною какою нибудь стороною безъ участія другихъ“. Тьеполо и нунцій обѣщали помощь, но говорили, что объ этомъ надо писать къ ихъ правительствамъ, а между тѣмъ настаивали, чтобы скорѣе дано было казакамъ позволеніе ходить на море. Въ видахъ венеціан-

ской республики, Тьеполо хотѣлъ, чтобы казаки поскорѣе вышли на Черное море и отвлекли турецкія силы отъ Средиземнаго.

Венеціанскій посолъ писалъ къ своему правительству о денежныхъ требованіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчалъ, что необходимо сдѣлать подарки нѣкоторымъ панамъ и тѣмъ пріобрѣсти ихъ расположеніе. Между тѣмъ у польскаго короля началась тайная переписка о турецкой войнѣ съ Московскимъ Государствомъ, съ господарями валашскимъ и молдавскимъ и съ седмиградскимъ княземъ. Не смотря на тайну, съ какою затѣвались эти дѣла, бывшіе въ Польшѣ купцы съ Востока, армяне, тотчасъ передали въ Турцію, что польскій король что-то замышляетъ, и Турція, чтобы не дать полякамъ повода къ войнѣ, приказывала крымскому хану не пускать татаръ на польскія земли.

Въ декабрѣ 1645 года Тьеполо получилъ отъ своего правительства новыя наставленія. Скупой венеціанскій сенатъ приказывалъ ему, какъ можно болѣе, торговаться, и не хотѣлъ давать подарковъ польскимъ панамъ. Тьеполо вступилъ снова въ совѣщаніе съ королемъ и канцлеромъ. Онъ добивался, чтобы казаковъ пустили на море, и только въ такомъ случаѣ, если это сдѣлается, изъявлялъ, отъ имени своей республики, готовность давать пожертвованія: „Если идетъ дѣло объ оборонѣ Польши отъ татаръ“ — говорилъ онъ—„то все, что дастъ Венеція, будетъ не болѣе какъ заемъ; если же вы намѣрены пустить казаковъ на Турцію и тѣмъ разорвать непріятельскія силы, въ такомъ случаѣ, наша республика обязана будетъ давать не заемъ, а помощь.

Мы узнали, что турки строятъ на Черномъ морѣ галеры; надо послать казаковъ сжечь ихъ".

Черезъ нѣсколько времени, венеціанскій посолъ видѣлся съ гетманомъ Конецпольскимъ. Послѣдній соображалъ, что средства для предпріятія должны быть большія и требовалъ, чтобы Венеція и другіе союзники давали Польшѣ по 500,000 скуди въ теченіи трехъ лѣтъ, а не двухъ, и, сверхъ того, еще одинъ милліонъ тотчасъ. Венеціанскій посолъ представлялъ неудобство такого требованія. Конецпольскій уѣхалъ изъ Варшавы, ничѣмъ не порѣшивши съ посломъ.

Дѣло подвинулось безъ него. Король такъ тѣшился мыслею о войнѣ, что мало вникалъ въ вопросъ о ея средствахъ, и потому былъ уступчивѣе. 13-го января 1646 года порѣшили на томъ, что казаки на 40 чайкахъ выйдутъ въ море и будутъ жечь турецкія галеры вездѣ, хотя бы въ самомъ Константинополѣ. Король согласился взять для этой цѣли 20,000 талеровъ, хотя Конецпольскій находилъ нужнымъ 60,000. 3-го февраля порѣшили, что Венеція будетъ давать польскому королю, въ теченіи двухъ лѣтъ, 600,000 скуди и, сверхъ того, 500,000 талеровъ. Надѣялись на соучастіе господарей валашскаго и молдавскаго, седмиградскаго князя и московскаго государя. Дѣлали такія военныя предположенія: молдавскій и валашскій господари будутъ дѣйствовать противъ турокъ на Дунаѣ, каждый съ 20,000 воиновъ, самъ король съ казаками и наемнымъ войскомъ пойдетъ на Очаковъ, а гетманъ Конецпольскій, въ соединеніи съ московскимъ войскомъ, пойдетъ на Крымъ. Другіе казаки на чайкахъ будутъ безпокоить

турецкіе берега, а Венеція будетъ сражаться съ турками на Средиземномъ морѣ [11]).

Надобно было обратиться къ казакамъ, а чтобъ они были способны служить предпріятію короля, нужно было снять съ нихъ наложенное ярмо и возстановить ихъ права. Это сдѣлано было королемъ въ началѣ 1646 года.

Венеціанскій посланникъ сообщаетъ, что въ это время былъ посланъ казакамъ гонецъ съ такою цѣлью. Другой современникъ. Освѣцимъ, [12]) секретарь короннаго гетмана, разсказываетъ, что казацкіе старшины Ильяшъ, Барабашъ, Хмельницкій и Нестеренко, приглашены были въ Варшаву; есть извѣстіе, что Хмельницкій передъ тѣмъ былъ во Франціи и совѣщался съ графомъ Брежи, назначеннымъ посланникомъ въ Польшу, насчетъ доставки казаковъ во французское войско. Вслѣдствіе этихъ совѣщаній, 2400 охочихъ казаковъ отправилось во Францію; они участвовали въ 1646 г. при взятіи Дункерка у испанцевъ герцогомъ энгіенскимъ Кондэ. Это извѣстіе совпадаетъ съ извѣстіемъ Альбрехта Радзивилла о томъ, что, кардиналъ Мазарини, чрезъ посредство варминскаго епископа, бывшаго польскимъ посломъ во Франціи, просилъ прислать ему за французскія деньги 2000 воиновъ изъ Польши. Набором этого войска занимался нѣкто Пржіемскій. Испанскій посолъ и императорскій агентъ жаловались королю Владиславу, что это нарушаетъ миръ съ австрійскимъ домомъ. Король, желая угодить обѣимъ сторонамъ, явно приказывалъ сохранять миръ съ австрійскимъ домомъ

[11]) Zbiór pamięt. o daw. Polsce V. 1—34.

[12]) Dwa lata dz. nasz. 332.

и, въ то же время, не мѣшалъ набирать воиновъ для Франціи, на томъ основаніи, что король не можетъ вольному народу препятствовать воевать тамъ, гдѣ онъ хочетъ. Хмельницкій, какъ видно, недавно передъ тѣмъ возвратился изъ Франціи [13]). Король видѣлся съ нимъ и другими казаками тайно ночью, объявилъ имъ возстановленіе казачества и побуждалъ начать войну съ Турціею. Казаки получили грамоту на возстановленіе своихъ правъ, приказаніе построить чайки и, на первый разъ, на издержки для построенія чаекъ 6,000 талеровъ. Тьеполо сообщаетъ, что имъ тогда было обѣщано 60,000 талеровъ, которые должны выплатиться въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ это время казаки получили красное адамашковое знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Этимъ знаменемъ казаки впослѣдствіи очень дорожили. Тьеполо сообщаетъ, что король увеличивалъ число казаковъ не до 12,000, какъ говорятъ другіе, но до 20,000, кромѣ реестровыхъ. Возбуждая на предстоящую войну православныхъ казаковъ, Владиславъ, издавна покровительствовавшій православію, сдѣлался его воителемъ: Тьеполо представилъ ему двухъ греческихъ монаховъ съ Востока, которые, отъ имени своихъ епископовъ, умоляли польскаго короля объ освобожденіи христіанъ, страдавшихъ подъ мусульманскимъ игомъ, и увѣряли, что весь греческій народъ возстанетъ по призыву Польши.

Все это дѣлалось въ большой тайнѣ; знали объ этомъ немногіе, и въ числѣ ихъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей называютъ королевскаго музыканта, италіанца

---

[13]) Hist. de los p. Chev

Фантони, имѣвшаго на короля большое вліяніе. Но въ это время воинственнымъ замысламъ Владислава нанесенъ большой ударъ: коронный гетманъ Конецпольскій, кромѣ Оссолинскаго, единственный изъ сенаторовъ, искренно раздѣлявшій желаніе короля вести войну съ Турціею, скончался черезъ шесть недѣль послѣ своего брака. Король былъ чрезвычайно огорченъ его смертью. Но въ это время венеціанскій посолъ съумѣлъ расположить къ своимъ замысламъ молодую супругу Владислава Марію-Людовику, черезъ посредство ея секретаря италіанца Ронкали. Королева согласилась дать взаймы 250,000, талеровъ за семь процентовъ на военныя издержки. Тогда начали думать о наборѣ войска. Тутъ Оссолинскій показалъ свою нетвердость и двоедушіе. До сихъ поръ онъ съ энтузіазмомъ относился къ воинственнымъ планамъ короля, но когда пришлось подписывать и скрѣплять канцлерскою печатью, такъ называемые приповѣдные листы, дававшіе право на вербунку солдатъ, Оссолинскій отказался, побоявшись принимать на себя отвѣтственность за такое дѣло, которое, какъ онъ опасался, не получитъ одобренія шляхетской націи. Король рѣшился выдавать приповѣдные листы за собственною печатью. Дѣло пошло хорошо и такимъ порядкомъ. На плату завербованнымъ воинамъ шли деньги, занятые у королевы. Лица, получавшіе приповѣдные листы, вербовали солдатъ и въ Польшѣ и за границею, особенно въ Германіи. Сборное мѣсто для войска было назначено подъ Львовомъ, гдѣ находился польный гетманъ Потоцкій, который также благопріятствовалъ королевскимъ планамъ войны, хотя неискренно.

Король съ увлеченіемъ предался военнымъ приготовленіямъ, подстрекаемый молодою женою, которую очень любилъ; исчезли его болѣзни, которыя такъ часто приковывали его къ постели; Владиславъ, какъ будто, помолодѣлъ, неутомимо занимался въ арсеналѣ, надсматривалъ за работами въ литейномъ заводѣ, и вскорѣ было отлито до 40 новыхъ пушекъ. Развлеченіемъ отъ трудовъ была для него охота, которую онъ любилъ, какъ подобіе войны.

Но среди военныхъ приготовленій, его союзники, папа и италіанскіе князья, рѣшительно не хотѣли давать денегъ и охладѣвали къ союзу противъ Турціи. Венеція расчитывала какъ можно дешевле подстрекнуть Польшу на отважное предпріятіе, выгодное для Венеціи, а о Польшѣ она не заботилась. Тьеполо представлялъ своему сенату, что для успѣха нужно задобрить польскихъ пановъ денежными подарками. Въ глазахъ знавшаго Польшу Тьеполо, это была мѣра первой важности: приходилось удовлетворять не столько алчности, сколько честолюбію пановъ. Подарки или поминки, какъ говорилось въ тѣ времена, были выраженіемъ вниманія и уваженія; кому давали поминки, того, значитъ, признавали важнымъ и вліятельнымъ лицомъ, нуждались въ немъ. Но венеціанскій сенатъ нетолько не дозволилъ своему послу дѣлать этихъ издержекъ, а еще посылалъ ему выговоры за недостатокъ бережливости. Тьеполо никому не давалъ поминковъ и, оттого паны не любили его и расположены были скорѣе вредить ему, чѣмъ помогать. На поляковъ нужно было дѣйствовать такъ, чтобы пріобрѣсть ихъ уваженіе, а у поляковъ первыми добродѣтелями, внушающими уваженіе были: щедрость

и роскошь, и ничто такъ не отталкивало ихъ, какъ скупость. Венеція поставила своего посла, при всякомъ случаѣ, въ необходимость являться съ этимъ порокомъ. Такимъ образомъ, во время пріѣзда молодой королевы, знатные паны привѣтствуя ее, складывали у ногъ ея разные подарки и одни передъ другими щеголяли своею щедростью. Тогда маршалъ Опалинскій представилъ королевѣ венеціанскаго посла и публично сказалъ ему: „ваша очередь засвидѣтельствовать ваше уваженіе ея величеству“. Посолъ сгорѣлъ отъ стыда и проговорилъ только, что его республика нѣсколько позже, безъ щегольства покажетъ свое участіе. На него стали смотрѣть, какъ на политическаго плута, который хочетъ обмануть поляковъ, втянуть ихъ въ опасную войну, ради своихъ выгодъ. Въ этомъ поляки и не обманывались. Самъ Тьеполо въ своихъ донесеніяхъ говоритъ: „Польша, будучи спокойною, не имѣетъ никакой необходимости нарушать миръ, но я внушилъ королю такіе замыслы, которые намъ принесутъ пользу, а Польшѣ чрезвычайныя потери“.

Вербунка войска шла быстро и возбудила волненіе между шляхтою, особенно въ Великой Польшѣ, куда приходили навербованные въ Германіи солдаты, привыкшіе во время тридцатилѣтней войны не сдерживать своего произвола; и въ Польшѣ они начали безчинствовать. Шляхта, всегда зорко смотрѣвшая за неприкосновенностью своей свободы, стала кричать, что король нарушаетъ ея права и преступаетъ свои обязанности.

12 Мая прибылъ въ Варшаву, великій канцлеръ литовскій Альбрехтъ Радзивиллъ, котораго можно было назвать истиннымъ господиномъ всей Литвы; панъ гор-

дый, самолюбивый, онъ хотѣлъ всегда держать короля въ рукахъ и не давать ему зазнаваться. Слухи о военныхъ приготовленіяхъ поразили его неожиданно. Безъ совѣта съ нимъ, король замышляетъ войну, заготовляетъ орудія, собираетъ войска, вступаетъ въ союзы, а онъ ничего объ этомъ не знаетъ: это сильно оскорбило его. „Съ перваго раза"—говорилъ онъ—„я не сообразилъ съ кѣмъ это затѣвается война, и сначала думалъ, не со Швеціею ли? Только уже пріѣхавши въ Варшаву, узналъ я, что хотятъ воевать съ турками по наущенію венеціанскаго посла. Первымъ его дѣломъ было, обратиться за объясненіями къ своему товарищу по должности коронному канцлеру. Здѣсь Оссолинскій опять показалъ свое двоедушіе и ничтожность. Онъ, первый довѣренный короля, не принадлежалъ однако къ числу знатнѣйшихъ родовъ дворянства Рѣчи Посполитой. Въ сравненіи съ такими родовитыми лицами, какъ Радзивиллъ, онъ былъ выскочка. Отецъ его Збигнѣвъ Оссолинскій заслужилъ милости у Сигизмунда III и хотя былъ сенаторомъ, а всетаки заискивалъ благосклонность фамиліи Радзивилловъ. Правда, когда Оссолинскіе поднялись вверхъ, нашлись въ Польшѣ генеалоги, доказывавшіе, что родъ Оссолинскихъ, чуть ли не современенъ самому Леху, но это носило характеръ сомнительности, и всѣ сознавали, что Оссолинскіе далеко не доросли до Радзивилловъ, Любомирскихъ, Вишневецкихъ. Передъ Радзивилломъ, коронный канцлеръ почувствовалъ ту трусость, какую чувствовалъ всегда польскій дворянинъ передъ своимъ собратомъ, который былъ выше и вліятельнѣе его. „Вѣрно король на охотѣ, вмѣсто зайца, поймалъ проэктъ войны" — сказалъ

Оссолинскій, выдавая такимъ образомъ, своего покровителя короля, повѣрявшаго ему свои тайны.—“А кто же“,—спрашивалъ Радзивиллъ—„приложилъ печать къ приповѣднымъ листамъ и раздавалъ патенты военнымъ начальникамъ? Вѣдь у васъ война совсѣмъ на носу.“—„Не я“ — отвѣчалъ канцлеръ — „я отказался подписывать и прикладывать печать.“—„И я,“ сказалъ Радзивиллъ—„лучше позволю себѣ отрубить руку, чѣмъ приложу печать Великаго Княжества Литовскаго къ такимъ дѣламъ.“

Радзивиллъ явился къ королю. Владиславъ поздравлялъ его съ пріѣздомъ и объявилъ, что 14 мая онъ соберетъ у себя сенаторовъ и предложитъ имъ на обсужденіе важное дѣло. Онъ приглашалъ на это совѣщаніе и литовскаго канцлера.

На другой день 13 мая, Радзивиллъ сошелся съ Оссолинскимъ въ саду монастыря реформатовъ. „Намъ“—сказалъ Радзивиллъ, „нельзя соглашаться собирать совѣтъ завтрашній день. Въ Варшавѣ немного сенаторовъ. Въ секретныхъ совѣщаніяхъ рѣшеніе зависитъ отъ короля и королевскія прегрѣшенія припишутся намъ, и мы не такъ-то легко выпутаемся передъ націею. Пусть лучше совѣтъ отложится до будущей коронаціи королевы.“

Радзивиллъ хотѣлъ, чтобы сенаторовъ на совѣтѣ было побольше; онъ зналъ, что большинство воспротивится и положитъ конецъ королевскимъ затѣямъ. Оссолинскій во всемъ потакалъ Радзивиллу. И такъ предполагаемое королемъ совѣщаніе съ сенаторами не состоялось.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 мая, Оссолинскій выдавалъ дочь

свою Урсулу за Самуила Калиновскаго, сына черниговскаго воеводы Мартина. По этому поводу у него въ домѣ нѣсколько дней сряду было большое стеченіе пановъ; былъ здѣсь и король; ему пришлось выслушать жесткія нравоученія. Коронный маршалъ Лука Опалинскій былъ сердитъ на короля за то, что онъ не далъ племяннику его достоинства маршала королевы. Подойдя къ Владиславу, онъ сталъ выговаривать ему, и закончилъ свою рѣчь такими словами: „я уже бѣлъ, какъ лебедь, но не перестану говорить правду королю." Литовскій подканцлеръ Лещинскій, увидя, что съ королемъ сидятъ послы венеціанскій и французскій сказалъ: „это что? въ Польшѣ никогда не живали резиденты. Королевская свадьба кончилась. Зачѣмъ они здѣсь остаются?"

Радзивиллъ имѣлъ аудіенцію съ королемъ. Выслушавъ доводы Владислава о пользѣ войны, онъ сказалъ: „безъ сената и сейма, невозможно двинуть такое бремя войны. Я готовъ служить вашему величеству до послѣдняго издыханія, но не приложу печати къ приповѣднымъ листамъ. Ваше величество оскорбили Рѣчь Посполитую; еслибъ мы, канцлеры, пристали къ этому дѣлу, то утратили бы всякое довѣріе государственныхъ чиновъ; не помогла бы намъ отговорка, что король такъ велѣлъ; намъ бы поставили въ вину, что мы поступали противузаконно, поддаваясь убѣжденіямъ короля, или изъ боязни."—„Моя судьба влечетъ меня,"—сказалъ король.—Его ободряли предсказанія астрологовъ, которые по звѣздамъ видѣли близкое паденіе турецкой имперіи. Радзивиллъ объяснялся съ королемъ всетаки вѣжливо, другіе относились къ нему рѣзче. Мартинъ Калинов-

скій сказалъ канцлеру, прося передать слова его королю: „я готовъ за короля пожертвовать имуществомъ и пролить кровь, но если король преступитъ границы своихъ обязанностей, я лягу ему поперегъ дороги и не дамъ шагать далѣе.“ Яковъ Собѣскій, получившій недавно краковское каштелянство, не очень былъ за это благодаренъ королю, и говорилъ съ нимъ жестко по поводу войны, такъ что король на него разсердился и онъ уѣхалъ изъ Варшавы въ свое имѣніе, гдѣ скоро и умеръ. Слыша отовсюду противные себѣ голоса, король раздражался и, даже поссорился было съ королевою за то, что она не хотѣла вторично давать денегъ венеціанскому послу. Кромѣ тѣхъ пановъ, которые имѣли случай объясняться съ королемъ лично, и отсутствующіе паны также заявляли себя противъ войны. Тесть Альбрехта Радзивилла, краковскій воевода Любомирскій, прислалъ къ зятю запросъ, что такое значатъ приготовленія къ войнѣ безъ вѣдома сенаторовъ и предостерегалъ зятя, что въ краковскомъ воеводствѣ считаютъ Радзивилла главнымъ зачинщикомъ военнаго замысла. „У насъ спрашиваютъ, что это въ Польшѣ дѣлается, а мы не можемъ отвѣчать ничего, потому что ничего не знаемъ. Это оскорбительно для насъ.“

Король отложилъ свое дѣло до половины іюля и пріостановилъ отправку пушекъ ко Львову, а между тѣмъ пытался склонить на свою сторону Іеремію Вишневецкаго и польнаго гетмана Потоцкаго. Оба были заклятые враги русскаго народа, православной вѣры и казаковъ, и уже по одному этому не могли быть расположены къ такимъ замысламъ ради которыхъ нужно было возстановить казачество. Вишневецкій наотрѣзъ противился

королевскимъ затѣямъ, несмотря на то, что недавно получилъ отъ короля русское воеводство. Потоцкій вилялъ и казался преданнымъ королю, потому что надѣялся получить отъ него санъ короннаго гетмана. Между королемъ и Оссолинскимъ не стало прежняго довѣрія. „Онъ предалъ меня, какъ Іуда Христа“ говорилъ Владиславъ.

29 мая, Тьеполо имѣлъ свиданіе съ королемъ. Владиславъ принялъ его сухо, даже не смотрѣлъ ему въ глаза. „Мы,“—сказалъ онъ—„пошлемъ въ Венецію увѣриться въ твердости союза съ нею и съ другими итальянскими князьями въ такомъ важномъ предпріятіи“. Напрасно венеціанецъ хотѣлъ еще разъ пощекотать самолюбіе короля и представлялъ ему блестящую будущность. Король считалъ возможнымъ поправить дѣло въ такомъ только случаѣ еслибы союзники дали денегъ. Самъ Тьеполо ясно видѣлъ, что безъ значительныхъ денежныхъ средствъ королю невозможно ни на что отважиться. Тьеполо думалъ было тогда расположить къ своему предпріятію нѣкоторыхъ пановъ. Не открывая чужеземцу истинной причины, заставлявшей ихъ противудѣйствовать королевскимъ замысламъ—боязни усиленія королевской власти,—паны представляли видъ, будто не допускаютъ короля до войны изъ заботливости къ его особѣ и вспоминали о судьбѣ Владислава III, который довѣрился папѣ и другимъ государямъ, вступилъ въ войну съ Турціей, но былъ оставленъ союзниками и погибъ.

Въ іюлѣ, король съ королевой отправились въ Краковъ. Совершилась коронація королевы. Вслѣдъ затѣмъ собрались сенаторы на совѣщаніе. Король увѣрялъ, что не имѣетъ вовсе намѣренія вести наступательную вой-

ну противъ Турціи, но дѣлаетъ приготовленія для прекращенія татарскихъ набѣговъ. Всѣ сенаторы единогласно были противъ войны, требовали собрать сеймъ и предложить дѣло о войнѣ сужденію государственныхъ чиновъ. Сенаторы хотѣли отвратить короля и отъ поѣздки во Львовъ, гдѣ былъ сборъ затяжнаго, навербованнаго войска. „Я долженъ снестись съ польнымъ гетманомъ,“ говорилъ король.—„Польнаго гетмана можно пригласить сюда“—сказали сенаторы. Король разсердился, вскочилъ съ мѣста, и не кончивши засѣданія уѣхалъ въ Неполомицы.

Панская злоба обратилась на Тьеполо, какъ на главнаго возмутителя королевской головы. Ему приказали уѣхать немедленно изъ Кракова. Онъ обратился къ королю. „Мы все сдѣлали, что было въ нашей силѣ, — сказалъ король. Паны не даютъ намъ помощи, народъ противъ насъ; мы подвергали опасности наше достоинство, достояніе—все ради Бога и религіи. Не покидаемъ нашихъ намѣреній, если намъ дадутъ помощь, дѣло еще поправится; я ѣду во Львовъ, войско уже на границѣ королевства, но если итальянскія державы опоздаютъ прислать намъ помощь—тогда все пропало.“ И король, еще все не теряя окончательно надежды на иноземную помощь, отправился во Львовъ. Тамъ набралось уже, какъ говорятъ, до шестнадцати тысячъ войска, король снова воспламенился и готовъ былъ идти на битву. Полоцкій получилъ достоинство короннаго гетмана. Но изъ тьвова онъ поѣхалъ по имѣніямъ знатныхъ пановъ, отъ которыхъ много зависѣло. Еще до пріѣзда во Львовъ, онъ былъ у Любомирскаго въ Висницѣ, послѣ осмотра войскъ онъ посѣтилъ Вишневецкаго въ Бѣломъ Камнѣ,

Конецпольскаго (сына покойнаго гетмана) въ Бродахъ, Замойскаго въ Ярославлѣ. Вездѣ проѣздъ его сопровождался празднествами, пиршествами, потѣшными огнями короля и всѣхъ бывшихъ съ нимъ щедро дарили. Оссолинскій опять сошелся съ королемъ, и Владиславъ въ угоду ему назначилъ польнымъ гетманомъ отца его зятя, Мартина Калиновскаго. Этимъ однако онъ не расположилъ къ себѣ черниговскаго воеводы, недавно наговорившаго ему непріятностей по поводу предполагаемой войны. Потоцкій, вслѣдъ за гетманскою булавою, получилъ предписаніе идти съ войскомъ къ Каменцу: то былъ уже приступъ къ войнѣ; во Львовѣ новый коронный гетманъ казался болѣе чѣмъ прежде раздѣлявшимъ королевскія желанія. но онъ получилъ, вслѣдъ за тѣмъ отъ сенаторовъ письма, въ которыхъ запрещали ему слушаться короля и убѣждали дождаться сейма и коронный гетманъ пріостановился.

Королю ничего не оставалось, какъ ѣхать въ Варшаву и предать свой воинственный замыселъ волѣ сейма. Онъ вернулся въ сентябрѣ.

Стали собираться сеймики, всегда предшествовавшіе открытію сейма. Вовсюду шляхта оказалась нерасположенною къ войнѣ; такъ настроили ее паны; вездѣ шумѣли, кричали противъ короля. Шляхта не только не хотѣла войны по отвращенію къ ней; она проникала тайныя побужденія къ войнѣ. Король—кричали на сеймикахъ—затѣваетъ войну, чтобъ составить войско; взять его подъ свое начальство и укоротить шляхетскія вольности. Хотятъ обратить хлоповъ въ шляхту, а шляхту въ хлоповъ. Возникли чудовищныя выдумки, болтали, что король хочетъ устроить рѣзню въ родѣ варѳоломѣ-

евской ночи или сицилейскихъ вечерень, что у него собрано десять тысячъ войска и онъ намѣренъ окружить имъ собранныхъ на сеймъ пословъ и заставить силою подчиниться его волѣ. Буйство новонабраннаго войска раздражало обывателей до того, что въ Великой Польшѣ хотѣли составить ополченіе для изгнанія названныхъ гостей. Нигдѣ такъ не кричали противъ короля, какъ въ этомъ краѣ. Тамъ составлены были инструкціи, въ которыхъ требовали ограничить еще болѣе власть короля, и по поводу этого устроить на сеймѣ совѣщаніе пословъ съ сенаторами, не въ присутствіи короля, слѣдовательно противъ него. Шляхта кричала уже не только противъ короля, но и противъ сенаторовъ. Оссолинскій подвергался злѣйшимъ обвиненіямъ и ругательствамъ; его обзывали прямо измѣнникомъ отечества. Распущены были брошюры—одна другой злѣе; вездѣ выбирали на предстоящій сеймъ въ послы, враждебныхъ королевской власти, горячихъ защитниковъ шляхетскаго самоволія.

Сеймъ открылся 29 ноября. Оссолинскій въ длинной пропозиціи представилъ сейму королевскія желанія, изложилъ прежнія отношенія Рѣчи Посполитой къ Турціи и доказывалъ, что война неизбѣжна. Даже противники Оссолинскаго сознавали, что пропозиція написана была краснорѣчиво и убѣдительно, но она, тѣмъ не менѣе, не имѣла успѣха. Между сенаторами первый возсталъ противъ Оссолинскаго коронный подканцлеръ хелминскій епископъ Лещинскій. Онъ началъ съ того, что воздалъ хвалу королю за его намѣренія, припоминалъ оскорбленія, какія переносила Польша отъ мусульманъ выводилъ изъ этого, что война необходима, но война

не наступательная а оборонительная. Мало по малу ораторъ перешелъ въ другой тонъ, который былъ до того непріязненъ Владиславу, что нѣкоторые замѣчали неумѣстность его выходокъ. „Лещинскій"—говорили они—„одинъ изъ министровъ; онъ по своей обязанности долженъ частнымъ образомъ напоминать королю его долгъ и предостерегать, а публично слѣдуетъ ему защищать короля". За нимъ говорилъ гданскій каштелянъ Кобѣржицкій; доказывалъ, что приповѣдныя листы для вербунки войскъ, данныя за приватною печатью короля огорчаютъ Рѣчь-Посполитую; онъ взывалъ, что нужно установить мѣры, дабы на будущее время невозможно было дѣлать этого. Рѣзче всѣхъ говорилъ противъ турецкой войны перемышльскій каштелянъ Тарло. „Предки наши"—выражался онъ—„всегда избѣгали войны съ Турціею, съ другими непріятелями они счастливо мѣрялись, а борьбы съ этою гидрою избѣгали. Общее желаніе сената было не только противъ наступательной, но и противъ оборонительной войны, всѣ находили, что король не долженъ имѣть право самовольно приглашать и собирать войско.

Такой пріемъ королевской пропозиціи въ сенаторской Избѣ огорчилъ короля до того, что онъ слегъ въ постель; послы хотѣли видѣться съ королемъ, но король нѣсколько дней не принималъ ихъ по причинѣ болѣзни; ихъ допустили первый разъ къ постели короля только 5 ноября. Канцлеръ отъ имени короля сказалъ имъ такъ: „Король оставляетъ Рѣчи Посполитой разсудить: слѣдуетъ ли удержать собранное войско или распустить его, но пусть государственные чины обратятъ вниманіе на то, что въ настоящее время непріятельскія козни внушаютъ

опасеніе; если же государственные чины требуютъ непремѣнно распущенія войскъ, то король не стоитъ за него, только желаетъ, чтобы это распущеніе совершилось безъ вреда для подданныхъ, постепенно. Напрасно думаютъ, будто все это войско состоитъ изъ чужеземцевъ, его составляютъ главнымъ образомъ люди польскаго происхожденія, присягавшіе королю и Рѣчи Посполитой".

Возвратившись въ Избу, послы стали разбирать королевскій отвѣтъ и были имъ очень недовольны. „Само лучше средство распустить войско — говорили тогда — свернуть знамена и пусть каждый идетъ куда хочетъ, тѣ же, которые были зачинщиками замысла, пусть теперь постараются о средствахъ распущенія войска".

Нѣкоторые предлагали предать суду тѣхъ обывателей, которые безъ всякаго соизволенія Рѣчи Посполитой набирали военныя силы. Эта мысль о преданіи суду тѣхъ, которые дѣйствовали по волѣ короля, была для него оскорбительна, особенно тогда, когда никто не ставилъ въ вину панамъ права держать войско, и никто не думалъ судить ихъ за это.

Сеймъ на нѣсколько дней отвлекся другими занятіями, но 15 ноября прибыли великопольскіе паны съ своими инструкціями, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ шляхта домогалась немедленнаго распущенія войска, обвиняла короля въ томъ, что онъ входитъ въ тайныя совѣщанія съ иноземцами и требовали разговора пословъ съ сенаторами въ отсутствіи короля. Это послѣднее требованіе было не по сердцу самимъ сенаторамъ; оно имѣло видъ какъ будто послы хотятъ судить не только дѣйствія короля, но и сената, и сенаторы,

до сихъ поръ нападавшіе на короля, увидѣли необходимость стать до нѣкоторой степени защитниками его. Послы, возбуждаемые великопольскими своими товарищами, изъ которыхъ особенно кричалъ Богуславъ Лещинскій, требовали объясненія съ королемъ, но Владиславъ извинялся болезнью и прислалъ къ нимъ нѣсколько сенаторовъ [14]), они стали защищать добросовѣстность и благонамѣренность короля“. Побужденіе, съ которымъ король открылъ вербовку войска,—говорили они, достойно только похвалы; если это предпріятіе находятъ противнымъ закону: пусть изъ всего государства будутъ удалены прибывшіе сюда солдаты, король проситъ только о томъ, чтобы защита Рѣчи Посполитой была обезпечена, чтобы нанятымъ солдатамъ было выплачено жалованье, и чтобы нація обратила вниманіе на королеву, которая роздала на нужды Рѣчи Посполитой принадлежащія ей суммы. „Но представленія сенаторовъ мало умягчили пословъ. Они стали требовать, чтобы немедленно былъ написанъ и доставленъ въ посольскую Избу универсалъ о распущеніи войска. Король въ тотъ же день исполнилъ ихъ желаніе, но посольская Изба нашла, что королевскій универсалъ написанъ въ слишкомъ мягкихъ выраженіяхъ: они требовали, чтобы въ этомъ универсалѣ была угроза для непослушныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы коронному гетману было послано предписаніе, строго карать тѣхъ,

---

[14]) Познанскаго епископа Шолдрскаго, жмудскаго епископа Тышкевича, воеводъ: брестскаго Щавинскаго, мстиславскаго Абрагамовича, поморскаго Денгофа, и каштеляновъ: сѣрадскаго Быковскаго и гданскаго Кобѣржицкаго.

которые окажутся виновными въ совершаемыхъ безчинствахъ.

Король исполнилъ и это требованіе. Но послы не переставали горячиться. Товарищъ Лещинскаго, великопольскій посолъ Твардовскій, кричалъ: „Зачѣмъ король вступаетъ въ союзъ съ иностранными державами, зачѣмъ держитъ у себя постоянно иноземныхъ пословъ, зачѣмъ прекратилъ платежъ татарамъ и раздражилъ крымскаго хана, зачѣмъ выдавалъ приповѣдные листые безъ печати канцлера за своею приватною печатью, зачѣмъ неправильно раздавалъ королевщины и награждалъ ими не тѣхъ, кого слѣдовало по заслугамъ? Немедленно распустить войско, уменьшить королевскую гвардію, которую король увеличилъ безъ согласія Рѣчи Посполитой, возобновить мирный договоръ съ Турціею и Крымомъ". За короля заступался тогда Остророгъ, онъ приводилъ въ примѣръ Катона, совѣтовавшаго забывать прошедшее и размышлять только о будущемъ, оправдывалъ короля въ нарушеніи договора съ татарами тѣмъ, что татары первые сдѣлали набѣгъ на польскія области; „что же касается до сношенія короля съ чужеземными посланниками" — говорилъ онъ — „то объ этомъ мы узнаемъ отъ сенаторовъ на публичномъ съ ними совѣщаніи". Тогда одинъ изъ пословъ Хржонстовскій сказалъ: „Сенаторы съ нами говорятъ одно, а безъ насъ другое. Мы не побоимся говорить съ королемъ объ нашихъ вольностяхъ".

Литовскіе послы, менѣе другихъ заинтересованные въ вопросѣ о войскѣ и войнѣ, обратили занятія сейма къ другимъ дѣламъ, но 28-го ноября великопольскіе послы опять подняли эти вопросы. Остророгъ, недавно

защищавшій короля противъ нихъ, теперь присталъ къ нимъ и требовалъ, чтобы было отправлено посольство въ Турцію для увѣренія падишаха, что Польша не думаетъ нарушать мира и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры для укрощенія казаковъ, которые иначе станутъ безпокоить турецкія владѣнія. Послѣ долгихъ споровъ, порѣшили отправиться къ королю и предложить ему требованія немедленнаго распущенія войска, уменьшенія гвардіи, удержанія въ повиновеніи Рѣчи Посполитой казаковъ и устройства совѣщанія пословъ съ сенаторами въ отсутствіи короля. Всѣ отправились къ королю; маршалъ сейма, Станкевичъ, шелъ впереди съ написанными требованіями. Король, какъ кажется, не принялъ ихъ. Отъ его имени Оссолинскій сухо отвѣчалъ имъ такъ: „Универсалъ о распущеніи войска уже посланъ; число гвардіи не означено закономъ и король будетъ держать столько, сколько понадобится; о казакахъ король снесется съ коронымъ гетманомъ, а разговора пословъ съ сенаторами въ своемъ отсутствіи король не позволитъ".

Это произвело напряженное волненіе между послами по возвращеніи ихъ въ Избу; находили нарушеніе свободы уже въ томъ, что король далъ отвѣтъ посламъ безъ участія сената. Посолъ Коссаковскій произнесъ: „пусть сеймъ не состоится; мы ни къ чему не приступимъ, пока не узнаемъ, что войско распущено". — „Что же? если намъ не позволятъ совѣщаться съ сенаторами въ отсутствіи короля, будемъ совѣщаться въ его присутствіи", сказалъ Хржонстовскій. Но Корыцинскій сдѣлалъ такое предложеніе: „Не получивъ отъ короля дозволенія на разговоръ съ сенатомъ, обратимся

за этимъ дозволеніемъ къ намѣстнику короля, гнѣзненскому архіепископу". Въ Избѣ сдѣлалось разногласіе: ярые противники короля ухватились сразу за предложеніе Корыцинскаго, но сейчасъ же нашлись и королевскіе заступники, которые указывали, что такой поступокъ будетъ оскорбленіемъ для королевскаго достоинства. „Иное дѣло, еслибы мы не ходили къ королю"— говорилъ Яблоновскій—„тогда можно бы было обращаться къ архіепископу, а теперь мы подадимъ поводъ говорить, что бунтуемъ противъ королевской власти" — „Взять съ собою избирательныя условія (pacta conventa) идти къ примасу и жаловаться, что король нарушаетъ ихъ", сказалъ Понэнтовскій. — „А если и примасъ не дозволитъ разговора съ сенатомъ": сказалъ кто-то. — „Тогда"—сказалъ Остророгъ — „будущіе вѣка узнаютъ о такой несправедливости" Но тотъ же Остророгъ, послѣ этой фразы, сказалъ: „Хорошо идти къ примасу, но хорошо и просить короля дозволить совѣщаніе съ сенаторами въ его присутствіи, если онъ не хочетъ допустить въ отсутствіи" Литовскимъ посламъ, которые вообще говорили хладнокровнѣе, удалось убѣдить коронныхъ пословъ идти снова къ королю съ просьбою. „Я увѣряю васъ честью" — сказалъ одинъ изъ нихъ, Пацъ — „мы получимъ отъ короля самый милостивый отвѣтъ"

29-го ноября послы отправились къ королю, и Владиславъ теперь показалъ вполнѣ свой слабый характеръ: онъ на все поддался и даже на совѣщаніе пословъ съ сенаторами, которое, происходя въ его отсутствіи, имѣло видъ недовѣрія къ нему и суда надъ его дѣйствіями. Канцлеръ королевскимъ именемъ про-

говорилъ имъ рѣчь съ такимъ напыщеннымъ приступомъ: „Богъ украсилъ правленіе его величества дивнымъ тріумфомъ. Онъ возложилъ на главу его новый вѣнецъ: послѣ многихъ, одержанныхъ имъ побѣдъ, Владиславъ предаетъ себя во власть и въ руки своихъ подданныхъ“. Объявивъ посламъ, что войско будетъ распущено, а гвардія уменьшена, Оссолинскій на счетъ совѣщанія съ сенаторами сказалъ: „Король хотѣлъ отклонить это совѣщаніе, потому что подобнаго не было прежде, а онъ желалъ сохранить и оставить послѣ себя Рѣчь Посполитую въ томъ порядкѣ, въ какомъ засталъ при вступленіи на престолъ. Если же этого совѣщанія желаютъ чины для разсмотрѣнія королевскихъ дѣлъ, то онъ дозволяетъ. Что касается до казаковъ, то это правда, что они готовили чайки, но это дѣлалось вотъ почему: въ договорѣ съ турками сказано, что они не будутъ стоять заодно съ буджацкими татарами, а турки преступали договоръ; поэтому надобно было постращать ихъ казаками; теперь же, въ угожденіе вашей волѣ, будутъ посланы приказанія коронному гетману, чтобы казаки перестали строить чайки и не подавали повода къ нарушенію мира съ Турціею. Однимъ словомъ, король исполнитъ все, что только вамъ будетъ угодно“.

Такой отвѣтъ естественно удовлетворилъ шляхетское самолюбіе пословъ.

1-го декабря сенаторы извѣстили, что они ожидаютъ пословъ на совѣщаніе. Но тутъ послы стали въ тупикъ. Оказалось, что они домогались того, о чемъ не дали себѣ отчета, на что имъ это нужно. Одни говорили: “о чемъ намъ теперь толковать, когда король во всемъ ус-

тупилъ“. Другіе возражали—„какъ можно отказаться отъ того, чего мы такъ усиленно добивались?“—„Да можетъ быть надъ нами посмѣются“—говорили третьи. И такъ долго они спорили, пока не пришелъ къ нимъ одинъ изъ сенаторовъ, и не сказалъ, что сенатъ долго ихъ ожидая теряетъ терпѣніе и разойдется если послы скоро не придутъ. Тогда чувствуя, что они дѣлаются смѣшными, послы стремительно пошли въ сенатскую Избу. Какъ ни мало они были приготовлены, но приличная обстановка развязала имъ языкъ. Корыцинскій, а за нимъ Лещинскій, отличились краснорѣчіемъ, прочитали сенаторамъ выговоръ за то, что они хоть и сопротивлялись королевскому замыслу, но не очень сильно. Канцлеръ игралъ и теперь двуличную роль; одобрялъ рѣшеніе государственныхъ чиновъ, увѣрялъ, что не зналъ ничего о сношеніяхъ короля съ иностранными державами и выставлялъ свою добродѣтель въ томъ, что отказался приложить печать къ приповѣднымъ листамъ. Дневникъ Освѣцима приводитъ любопытную рѣчь одного изъ противниковъ короля, съ такими оригинальными разсужденіями: „Положимъ, что король, при помощи, чужеземцевъ, завоевалъ бы Константинополь: чья же бы это была собственность: частная ли короля и его союзниковъ, или Рѣчи-Посполитой? Если частная, то были ли бы мы довольны тѣмъ, что нашъ король усилился: а если бы король подѣлился добычею съ народомъ, то какая была бы разница между поляками и народами, присоединенными къ Польшѣ? Новые подданные привыкли къ рабству, они пребывали бы въ повиновеніи у короля и тѣмъ пріобрѣли бы его расположеніе, а намъ бы достался жребій тѣхъ македонянъ, которые, бывши

свободнымъ народомъ, пошли за Александромъ македонскимъ на войну и воротились бы рабами, если бы Александръ не умеръ. Мы не пустыхъ привидѣній боимся, охраняя свою свободу. Одна приватная печать на приповѣдныхъ листахъ показываетъ, что намъ грозило рабство. И отъ такой то опасности не охраняли Рѣчь Посполитую паны сенаторы, или охраняли ее очень хладнокровно. Пусть же, по-крайней мѣрѣ, на будущее время они будутъ внимательнѣе, а теперь помогутъ намъ истребовать отъ короля письменное удостовѣреніе въ томъ, что подобныя опасности не будутъ угрожать намъ на будущее время."

3-го декабря сеймъ постановилъ: не собирать королю чужеземнаго войска, не употреблять частной печати вмѣсто коронной и литовской, сохранить миръ съ Турціею и Крымомъ, не допускать казаковъ ходить на море, удалить отъ королевской особы чужеземцевъ, поручать посольскія дѣла однимъ только обывателямъ польскимъ, уменьшить гвардію до 1,200 человѣкъ, неустановлять безъ воли сейма никакихъ коммиссій о пограничныхъ дѣлахъ, и не входить въ союзы съ иностранными державами безъ воли Рѣчи-Посполитой.

Съ этими пунктами всѣ пошли къ королю. Тутъ брестокуявскій воевода Щавинскій произнесъ такую обличительную рѣчь въ глаза королю: „Было время, когда вездѣ только и слышны были восклицанія: виватъ король Владиславъ! Теперь радость наша измѣнилась въ печаль и горесть. Мы всюду слышимъ жалобы, проклятія и вздохи убогихъ людей. Этому причиною иностранцы, окружающіе ваше величество: они то даютъ вамъ дурные совѣты, поживляясь чужимъ достояніемъ.

Что около васъ дѣлается, о томъ знаютъ прежде въ Гамбургѣ, Любекѣ, Гданскѣ, чѣмъ въ Варшавѣ. Корень же зла, венеціанскій посолъ, который, окончивъ свою миссію, живетъ здѣсь за тѣмъ, что старается свалить тягость войны съ венеціанскихъ плечъ на польскія. Не дурно припомнить ему изрѣченіе одного венеціанскаго сенатора, сказанное чехамъ, когда послѣдніе просили у Венеціи помощи противъ императора: мы не хотимъ зажигать собственнаго дома, чтобы пожарнымъ дымомъ устрашить императора. Покорно просимъ ваше величество удалить отъ себя иноземцевъ. Покорно просимъ, чтобы мы не испытывали безчинства иноземныхъ солдатъ, которые въ насмѣшку хвастаютъ, что скоро укротятъ насъ, шляхту, и посредствомъ удивительной алхиміи, превратятъ хлопа въ шляхтича, а шляхтича въ хлопа."

Король долженъ былъ выслушать и такое нравоученіе и призналъ безпрекословно всѣ постановленія сейма[15]).

Такимъ образомъ, по замѣчанію Тьеполо, власть у польскаго короля была не только ограничена, но совсѣмъ отнята. А между тѣмъ у короля было средство избавиться отъ настойчивыхъ выходокъ сейма: стоило прибѣгнуть къ той мѣрѣ, къ какой прибѣгали польскіе паны: подкупить пословъ и сорвать сеймъ. У Владислава не хватало духа; онъ боялся междоусобія, онъ не рѣшался вступить въ борьбу съ націею, онъ думалъ уступками поддержать любовь къ себѣ поляковъ; у него вдали было желаніе, чтобы, по смерти его, поляки избрали

---

[15]) Pam. Albr. Radz II. 198—245. Relat. Tiep. Zbiór pam. o dawnej Polsce V. 1—34.

королемъ его сына, но главное, у него не было денежныхъ средствъ, а союзники были черезъ чуръ скупы. По замѣчанію Тьеполо, стоило только Венеціи пожертвовать 50.000 талеровъ, чтобы подкупить министровъ, сенаторовъ и секретарей, и все пошло бы по желанію короля.

„Но король"—говоритъ Радзивиллъ—„не выбилъ себѣ изъ головы турецкой войны. Онъ не распустилъ своего войска и положилъ надежду на казаковъ". Историкъ Грондскій говоритъ, что послѣ этого сейма Оссолинскій, вмѣстѣ съ Любовицкимъ (который впослѣдствіи передалъ эти извѣстія Грондскому), поѣхали, подъ предлогомъ осмотра крѣпостей, на Украину и, призвавши къ себѣ Хмельницкаго, поручили ему отъ короля сдѣлать съ казаками нападеніе на Турцію, вручили ему для этой цѣли деньги и назначили казацкимъ предводителемъ. На него одного могъ король положиться, потому что прочіе казацкіе начальники, видя, что паны противятся замысламъ короля, не стали дѣлать военныхъ приготовленій и старались угодить шляхетству. „Приношу безконечную благодарность его величеству за довѣріе"—отвѣчалъ Хмельницкій—„но не скрою, что дѣло это трудное; казаки, стѣсненные своимъ начальствомъ, не готовы къ такому предпріятію. Потребно время, чтобы склонить ихъ; все что возможно будетъ сдѣлано, чтобы угодить его величеству [16])."

У кого была королевская привилегія, данная казакамъ, подлинно неизвѣстно. Одни и въ томъ числѣ народная дума говорятъ, что у Барабаша; Самовидецъ говоритъ,

---

[16]) Hist. belli cos. polon. 40.

что у Ильяша. Намъ кажется вѣроятнѣе послѣднее, потому что Ильяшъ, извѣстный подъ прозвищемъ Караимовича, а у Альбрехта Радзивилла называемый Вадовскимъ, былъ выше Барабаша и издавна заслужилъ довѣріе поляковъ. Какъ бы то ни было, этотъ старшой, увидя, чѣмъ кончилась попытка короля, разсчелъ, что паны сильнѣе короля и угождать надобно имъ, а не королю и потому спряталъ королевскую привилегію и никому ее не показывалъ. Между тѣмъ вѣсти о предпринимаемой войнѣ возбудили толки и волненія между казаками. Старшой старался ихъ удерживать.

„Невѣрьте новизнѣ, а держитесь старины—говорилъ онъ—лучше для васъ будетъ. Не слушайте толковъ, прикажутъ идти въ походъ въ Крымъ или на море—пойдете. а не прикажутъ—должны повиноваться."

Въ тоже время онъ казнилъ казаковъ за малѣйшій ропотъ. а владѣльцы и ихъ управители, во многихъ мѣстахъ жиды, замѣчая безпокойный духъ въ русскихъ хлопахъ, мучили ихъ и убивали по однимъ подозрѣніямъ. Тогда Хмельницкій говорилъ:

„Вотъ что они съ нами дѣлаютъ: когда нужно идти на войну, то ласкаютъ насъ, чтобъ выставить на убой, а когда нѣтъ опасности, то мы у нихъ—собачья кровь, послѣдніе изъ людей."

Новый сеймъ былъ назначенъ къ 1-му мая будущаго года.

Послѣдняя неудача разстроила короля; онъ былъ убитъ духомъ и слабѣлъ тѣломъ; новыя безпокойства терзали его; шляхта, одержавшая верхъ надъ королевскою властью, не переставала разглашать, что войско было собрано съ цѣлью попрать шляхетскую свободу.

Чрезъ годъ умеръ и сынъ короля. Говорятъ, Владиславъ сказалъ тогда:

"Боже мой! зачѣмъ ты не взялъ у меня сына прежде сейма: я бы тогда ни за что не оставилъ своихъ предпріятій!" [17]).

Хмельницкій задумалъ воспользоваться королевскою привилегіею для возвращенія соотечественникамъ свободы, и "штучно", по выраженію лѣтописца [18]), похитилъ ее у Барабаша (а по Самовидцу у Ильяша), когда тотъ не хотѣлъ объявить о ней народу

Хмельницкій созвалъ въ своемъ помѣстьѣ Суботовѣ гостей, по народному преданію и по одной лѣтописи, на крестины, а по другой лѣтописи, просто на званый обѣдъ, въ день Николая Чудотворца, 6-го декабря [19]). Старшой былъ въ числѣ собесѣдниковъ. Гости гуляли въ домѣ; на дворѣ угощали калѣкъ и нищихъ.

Скоро нѣкоторые изъ гостей начали наклонять головы; переяславскій полковникъ Кречовскій растянулся на лавкѣ. Старшой былъ еще на ногахъ; Хмельницкій слѣдилъ пристально за нимъ, разгульно помахивая чаркою, точилъ балы и, какъ-бы невзначай, упомянулъ о привилегіи.

— Что ты, любезный кумъ, держишь листъ королевскій? сказалъ онъ:—дай мнѣ его прочитать теперь.

— На что тебѣ, куманекъ, читать его? отвѣчаетъ старшой откровенно-пьяный:—мы податей не платимъ, въ войскѣ польскомъ не служимъ. Лучше намъ, началь-

---

[17]) Histor. panow. Wlad IV, Kwiatk.

[18]) Истор. о през. бр.

[19]) Лѣт. Велич. I, 28.

никамъ, брать деньги безъ счету, а дорогія сукна безъ мѣры, чѣмъ, потакая черни, таскаться по лѣсамъ, да буеракамъ, да своимъ же тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, кормить.

Хмельницкій одобрилъ мысль кума и началъ ему щедрѣе подливать вина. Скоро у гостя не ворочается языкъ; онъ хочетъ встать—ноги подламываются; онъ упалъ на постель и заснулъ мертвецки. Хмельницкій взялъ у сонняго шапку и платокъ, и позвалъ своего джуру,—такъ назывались молодые казаки, которые служили у старыхъ, подобно какъ у западныхъ рыцарей армигеры.

— Скорѣй садись на лошадь, сказалъ онъ:—ступай къ паньѣ Барабашихѣ и скажи, что ея панъ приказалъ отдать тотъ листъ, который получилъ отъ короля.

Джура ночью прискакалъ въ Черкасы.

Панья спала и, услышавъ стукъ, выскочила.

— *Пани*, сказалъ джура:—*загінуть пани съ твоимъ паномъ, порубають; такъ вінъ прислав, щобъ дали ті права, що одъ короля прислані.*

— *Лихомъ ему занудилось, що зъ Хмельницькимъ гуляти схотілось,* отвѣчала испуганная Барабашиха. — *Оттамъ въ стіні підъ воритьми въ глухімъ кінці у пуздерку въ землі.*

Джура отъискалъ погребецъ и ускакалъ съ привилегіею [20])

---

[20]) Народ. пред. Сборн. украинск. пѣс. Макс. I, 64 —67. Истор. о през. бр. Лѣт. Велич. I, 29. Лѣтоп. Самов. 8. Annal. Polon. Clim. I, 23.

Съ-тѣхъ-поръ, старшой постоянно думалъ о томъ, какъ бы погубить Хмельницкаго. Онъ говорилъ о немъ казацкому коммиссару Шембергу, описывалъ его опаснымъ человѣкомъ коронному гетману, а въ особенности изображалъ его съ дурной стороны старостѣ чигиринскому, Конецпольскому: въ старостѣ этого пана жилъ Хмельницкій.

Въ самомъ дѣлѣ, распространилась вѣсть о привилегіи; пошли толки. Одинъ казацкій сотникъ, Онія, доносилъ на Хмельницкаго [21]). Зиновія не любили паны и шляхтичи, поставленные казацкими чиновниками—не любили его за преданность своенародности, да еще и по зависти. Былъ у Хмельницкаго хуторъ Суботовъ, въ полуторѣ мили отъ Чигирина. Прежній Чигиринскій староста, Даниловичъ, подарилъ отцу Хмельницкаго полосу пустопорожней земли въ награду за услуги. Гетманъ Конецпольскій, стараясь о распространеніи народонаселенія въ Украинѣ, позволилъ Зиновію населить отцовскую землю. Въ тотъ вѣкъ, какъ было сказано, дѣлалось такъ, что, если у владѣльца много земли, а мало работниковъ, то онъ обѣщаетъ поселянамъ, которые согласятся жить на его землѣ, льготы, то-есть: они будутъ меньше исправлять повинностей на помѣщика противъ обыкновенія, или имъ дадутъ больше земли и какія-нибудь угодья. Такъ поступалъ и Хмельницкій. У природнаго казака, и притомъ православнаго, лучше было жить, чѣмъ у польскаго пана-католика, а потому хуторъ скоро заселился, и Хмельницкій жилъ состоя-

---

[21]) Annal. Polon. Clim. I, 24. Pam. do panow. Zygm. III, Wl. IV i Jan. Kaz. I, 271. О томъ, что случ. въ Укр. 7.

тельно. Сосѣднимъ владѣльцамъ не нравилось такое возвышеніе казака, а особенно ненавидѣлъ Хмельницкаго Чаплинскій, подстароста или дозорца Конецпольскаго [22]).

Мало того, что Чаплинскій ненавидѣлъ Хмельницкаго, какъ шляхтичъ казака, онъ былъ съ нимъ и въ личной враждѣ. Они поссорились за какую-то польку, которую Хмельницкій взялъ себѣ второю женою, какъ кажется, не вѣнчанною, послѣ смерти первой своей жены Анны Сомковны. Чаплинскій искалъ случая отомстить сопернику. Уже былъ такой случай. Конецпольскій воротился изъ чужихъ краевъ и хотѣлъ показать свое военное искуство. Услышалъ онъ, что, гдѣ-то въ степи, проявился татарскій загонъ, и приказалъ своей надворной командѣ и казакамъ Чигиринскаго полка идти въ походъ [23]). Хмельницкому велѣно было выступить съ казаками. Чаплинскій научилъ какого-то казака Дачевскаго свести со свѣта Хмельницкаго во время битвы.

Гдѣ-то встрѣтились казаки и поляки съ татарами; началась стычка; Дачевскій въ суматохѣ подскочилъ къ Хмельницкому и ударилъ его въ голову; но ударъ былъ не метокъ. У Хмельницкаго только слетѣла съ головы шапка-мисюрка. "Ахъ, прости меня (сказалъ Дачевскій), я думалъ, что это татаринъ„. Однако, отъ удара заболѣла у Хмельницкаго голова; онъ смѣшался и сдѣлалъ ошибку въ командѣ. Этимъ воспользовался врагъ [24]).

---

[22]) Histor. belli cos. polon. 41. Истор. о през. бр. Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 6.

[23]) Histor. belli cos. polon. 41.

[24]) Pam. o dziejach i pismienn. Slow. I, 320.

Чаплинскій приступилъ къ Конецпольскому, который былъ тогда очень-доволенъ тѣмъ, что отбилъ у татаръ плѣнниковъ и скотъ. Подстароста началъ порицать Хмельницкаго предъ паномъ, называлъ трусомъ, неспособнымъ къ военному дѣлу, а себя выставлялъ храбрецомъ, восхвалялъ свою вѣрность и преданность старостѣ, и просилъ награды за свои подвиги.

—Много лѣтъ служу я вамъ, милостивый панъ—говорилъ онъ:—и не получилъ ничего; между-тѣмъ неблагодарные, измѣнники и трусы пользуются вашими благодѣяніями. Подарите мнѣ Суботовъ, которымъ владѣетъ Хмельницкій. Отъ меня, вѣрнаго дворянина, получите больше пользы, нежели отъ негоднаго казака.

—Я бы почелъ за большое себѣ безчестіе нарушать распоряженія прежняго старосты и покойнаго отца, который утвердилъ за Хмельницкимъ Суботовъ, отвѣчалъ Конецпольскій:—да притомъ владѣлецъ сдѣлалъ въ немъ заведенія, стоившія ему денегъ.

—Хотя Хмельницкій получилъ хуторъ отъ блаженной памяти вашего родителя, возразилъ Чаплинскій:—однако, не по праву, а обманомъ. Онъ казакъ, а природному казаку нельзя держать людей, подобно пану: это противно закону. Притомъ, земля издавна принадлежитъ староству, и у Хмельницкаго нѣтъ письменнаго законнаго документа на владѣніе, а издержки хоть онъ на нее и употребилъ, то давно вернулъ свое съ лихвою [25]). Если же васъ удерживаетъ только память родителя, то самъ великій гетманъ жалѣлъ объ этомъ, узнавъ строптивый духъ казака.

---

[25]) Histor. belli cos. polon. 42. 43.

Въ самомъ-дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить свободомысліе Хмельницкаго, подозрѣвая его въ замыслахъ обратиться къ татарамъ для возстановленія казачества. Подъ конецъ жизни Конецпольскій говорилъ: „Жалко, что я оставилъ въ живыхъ такую безпокойную голову!" [26]). Чаплинскій припоминалъ это старостѣ. Молодой Конецпольскій самъ былъ неблагорасположенъ къ Хмельницкому, помнилъ предостереженіе отца и возбужденъ былъ наговорами Барабаша. Но онъ боялся явно отнять у него хуторъ и не желалъ подвергнуться нареканію за непочтеніе къ отцу. Чаплинскій предложилъ ему иной способъ.

„Окажите мнѣ единственную милость", сказалъ дозорца: „позвольте мнѣ самому расправиться съ казакомъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуторомъ. Если же онъ придетъ къ вамъ съ жалобой, то вы скажите, что ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хочетъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ. А онъ судомъ ничего со мной не сдѣлаетъ, потому-что я польскій дворянинъ" [27]).

Конецпольскій согласился на такую уловку, опасаясь оставить въ рукахъ мятежнаго казака средства къ дурнымъ замысламъ.

Воротившись изъ похода, Хмельницкій пробывалъ въ Суботовѣ и дожидался, что будетъ на сеймѣ, который скоро долженъ былъ открыться. Распространяя исподоволь сухи о привилегіи, онъ не говорилъ объ этомъ

[26]) Korona Polska przez Kaspra Niesieck. t. III, o Koniecpolsk.
[27]) Histor. belli cos. polon. 4. 3.

публично, чтобъ преждевременно не испортить задуманнаго дѣла. Вдругъ слышитъ Хмельницкій, что Чаплинскій собираетъ въ Чигиринѣ команду. Сперва онъ думалъ, что затѣваютъ новый походъ противъ татаръ, но скоро ему донесли, что Чаплинскій идетъ наѣздомъ на его хуторъ. Дѣло было обыкновенное въ польскомъ быту. Онъ покинулъ жену и дѣтей въ Суботовѣ, взялъ съ собою только нужнѣйшее и, въ томъ числѣ, перехваченную привилегію, и побѣжалъ въ Чигиринъ просить защиты у старосты.

Чаплинскій въ тотъ-же день вступилъ въ Суботовъ, зажегъ мельницу, занялъ пасѣку, гумно, гдѣ было 400 копъ хлѣба, и ворвался въ домъ. Меньшой сынъ Зиновія, десятилѣтній мальчикъ, сказалъ ему что-то грубое: зять Чаплинскаго, Комаровскій, приказалъ тотчасъ высѣчь его, и слуги такъ немилосердо исполнили приказаніе, что дитя умерло на другой день [28]). Хмельницкій оставилъ въ Суботовѣ жену и думалъ, что выйдетъ лучше, если въ имѣніи будетъ находиться хозяйка: вышло къ худшему. Чаплинскій, чрезъ нѣсколько дней, обвѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви. Неизвѣстно, силу или обольщеніе употребилъ для этого похититель.

Хмельницкій, явился къ Конецпольскому съ жалобою. Настроенный заранѣе Чаплинскимъ, панъ принялъ казака холодно и отдѣлался отъ него коротко.

„Я ничего не знаю“, сказалъ онъ: „и знать не хочу; нападеніе сдѣлано безъ моего вѣдома, а по собствен-

---

[28]) Pam. o dziejach i pismienn. Slow. I. 320. Annal. Polon. Clim. I. 128.

ной волѣ Чаплинскаго. Можешь судиться съ нимъ законнымъ порядкомъ."

Хмельницкій обратился къ суду и представилъ, въ доказательство правъ своихъ, письменное свидѣтельство, за подписью гетмана Конецпольскаго, данное на владѣніе суботовскимъ помѣстьемъ.

— „По теперешнимъ постановленіямъ", отвѣчали ему въ судѣ: „твое свидѣтельство не имѣетъ силы; слѣдуетъ тебѣ представить форменное, записанное въ земскихъ книгахъ воеводства, а по такимъ простымъ свидѣтельсвамъ мы не станемъ производить процесса".

— „Мой отецъ (возразилъ Хмельницкій) владѣлъ Суботовымъ и я столько лѣтъ имъ пользовался. Самому наияснѣйшему королю извѣстно, что Суботовъ мой".

— „Все это ничего не значитъ, отвѣчали ему судьи. Мы знаемъ только, что Суботовъ принадлежитъ къ староству и отдать его кому угодно зависитъ отъ старосты. Еслижъ королю извѣстны твои права, то совѣтуемъ тебѣ отправиться въ Варшаву, и подать просьбу на сеймъ" [29])

Какъ воинъ, Хмельницкій вызвалъ врага на поединокъ. Но Чаплинскій пригласилъ съ собой трехъ служителей, съ тѣмъ, чтобъ въ четверомъ напасть на одного. Къ счастью, Хмельницкій, заранѣе опасаясь коварства соперника, надѣлъ подъ платье панцырь, выдержалъ безвредно коварные и неожиданные удары, а потомъ такъ храбро напалъ на враговъ, что розогналъ всѣхъ [30]).

---

[29]) Histor. bel. cos. pol. 43—45.

[30]) Histor. ab. exc. VI. IV 7.

„*Маю саблю въ руці: ище козацька не умерла мати!*“ воскликнулъ онъ. [31]).

Посрамленный Чаплинскій обратился къ своему покровителю Конецпольскому, передалъ ему слова Хмельницкаго и старался указать въ нихъ возмутительный умыселъ. Хмельницкаго схватили и посадили въ тюрьму. Въ довершеніе поруганій, старшаго его сына, Тимоша, высѣкли палками посреди Чигирина [32]).

Но сидѣлъ онъ недолго: прежняя жена освободила его, упросивъ своего новаго мужа [33]).

Наступилъ май, Хмельницкій поѣхалъ въ Варшаву искать высшаго правосудія. Чаплинскій, какъ видно изъ отвѣтовъ сенату, приводимыхъ современникомъ, послѣдовалъ за нимъ для оправданія.

Хмельницкій подалъ жалобу приложилъ свидѣтельство Конецпольскаго, данное на имѣніе, приводилъ въ доказательство правъ своихъ давность владѣнія, ссылался на свои услуги Рѣчи Посполитой и просилъ удовлетворенія за насиліе, набѣгъ, похищеніе жены и смерть сына.

Позвали Чаплинскаго.

Шляхтичъ представилъ выписку изъ земскихъ книгъ воеводства, изъ которой видно было, что Суботовъ принадлежитъ къ дачѣ Чигиринской. „Имѣніе, на которое претендуетъ панъ Хмельницкій“, говорилъ Чаплинскій:

[31]) Pam. o woj. koz. za Cmiel. 2. Woyn. dom. Ч. I, 6. Лѣт. самов. 5.

[32]) Лѣт. самов. 6.

[33]) Лѣт. самов. 6.

„было несправедливо отторгнуто отъ староства, и я ничего болѣе не сдѣлалъ. какъ только, на законномъ основаніи, возвратилъ его староству, въ надлежащее вѣдомство. а владѣю имъ потому что пану старостѣ угодно было его мнѣ пожаловать въ награду за мою службу Рѣчи Посполитой. Что же касается того, что панъ Хмельницкій представляетъ давность владѣнія и издержки. то панъ староста опредѣляетъ выдать ему пятьдесятъ флориновъ“

Послѣ короткаго разбора, Хмельницкому отвѣчали отъ имени сейма: „Пусть панъ Хмельницкій самъ себѣ припишетъ потерю своего хутора, потому что онъ не запасся форменнымъ свидѣтельствомъ на владѣніе. Рѣчь Посполитая положила не принимать никакихъ свидѣтельствъ на имѣнія за частными подписями, потому что, въ противномъ случаѣ, произошелъ бы безпорядокъ. Пану Хмельницкому должно быть извѣстно, что у насъ существуютъ земскія книги, присяжные чиновники и формы записей. Пріобрѣтатель долженъ быть остороженъ. А что касается до давности владѣнія, то, по закону, не всякій владѣлецъ вещи есть ея господинъ; а потому пану Хмельницкому остается прибѣгнуть къ старостѣ Чигиринскому и просить, чтобъ онъ, если пожелаетъ утвердить распоряженіе отца, выдалъ ему форменное свидѣтельство“.

Это рѣшеніе совершенно лишило Хмельницкаго надежды владѣть Суботовымъ. Онъ, послѣ прежней попытки. не думалъ болѣе обращаться къ Конецпольскому.

Потомъ рѣшили дѣла объ убійствѣ сына и о похищеніи жены.

„Зять мой, Комаровскій“, возразилъ Чаплинскій, „дѣйствительно, приказалъ высѣчь мальчишку, который говорилъ возмутительныя угрозы, безъ-сомнѣнія, слышанныя отъ отца. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ этого вмѣнять моему зятю въ преступленіе. Но что мальчикъ умеръ отъ побоевъ, то это клевета и безстыдная ложь, которую опровергнутъ нѣсколько свидѣтелей.“

Вѣрно, при этомъ, Чаплинскій представилъ и свидѣтелей, ибо сенатъ почелъ убійцу оправданнымъ.

„Что жъ касается жены“, продолжалъ Чаплинскій, „то эта женщина не была его женою: онъ насильно держалъ ее у себя; оттого она такъ легко его и оставила; теперь же она мнѣ понравилась и я соединился съ нею по обряду римско-католической церкви, и она приняла римско-католическое вѣроисповѣданіе. Поэтому никто не заставитъ меня отпустить ее отъ себя; да еслибъ я и сдѣлалъ это, то она сама не захочетъ ни за что въ свѣтѣ воротиться къ Хмельницкому.“

Такой разсказъ произвелъ смѣхъ. Судъ заключили шутками.

„Охота тебѣ, пане Хмельницкій“, говорили паны „жалѣть о такой женщинѣ! На бѣломъ свѣтѣ много красавицъ получше. Поищи себѣ другой; а эта пусть остается съ тѣмъ, къ кому привязалась.“

Хмельницкому оставалось прибѣгнуть къ королю, своему давнему покровителю. Владиславъ и на этомъ сеймѣ испытывалъ оскорбленія. Просьба казаковъ объ увольненіи Украины отъ постоя была отвергнута; сеймъ умножилъ поборы на Руси въ пользу войска; король не рѣшался заступаться за народъ, въ которомъ паны

видѣли опасное орудіе для возвышенія единовластія. Епископъ куявскій, Гнѣвошъ, съ жаромъ обвинялъ короля въ пристрастіи къ иноземцамъ, въ непріязни къ дворянству, и такъ огорчилъ короля, что тотъ со слезами всталъ и вышелъ изъ собранія. Тутъ, кстати, явился къ нему Хмельницкій. Казакъ изложилъ свое дѣло; защищая себя, онъ не забылъ расзказать о бѣдствіяхъ казаковъ и русскаго народа, не забылъ дать намекъ и о томъ, что довѣренность, оказанная казакамъ, сдѣлалась новымъ поводомъ къ ихъ горестямъ.

„Извѣстно мнѣ твое чистое сердце", отвѣчалъ король, „я помню твою службу; увѣренъ, что твое дѣло право, но твой искъ не подтвержденъ формальнымъ документомъ, и потому ты ничего не выиграешь судебнымъ порядкомъ. Вижу, что и Чаплинскій неправъ: и у него нѣтъ надлежащихъ доказательствъ, и притомъ, какъ самъ говоришь, сдѣлалъ тебѣ насиліе. Силѣ слѣдуетъ противопоставить силу: ты такъ же воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей, и ты можешь найдти. Знаю я и объ утѣсненіяхъ казаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ."

Такой откровенности было достаточно, чтобъ показать Хмельницкому, что онъ можетъ и что долженъ дѣлать. Современникъ говоритъ, что король раскрылъ ему подробнѣе и яснѣе то, что за годъ предъ тѣмъ изложилъ канцлеръ Оссолинскій, когда ѣздилъ въ Украину для подущенія казаковъ противъ татаръ. Хмельницкій выѣхалъ изъ Варшавы безъ удовлетворенія, осмѣянный,

но съ твердою рѣшимостью освободить Украину отъ власти панства и, можетъ-быть, сдѣлать казаковъ орудіемъ преобразованія Рѣчи Посполитой.

Проживая въ Варшавѣ во время сейма. Хмельницкій (говоритъ современникъ) уразумѣлъ болѣе и духъ и порядокъ польскаго государства. Проѣзжая назадъ въ Украину, онъ, со вниманіемъ воина. взглядывался въ состояніе укрѣпленій, въ мѣстоположеніе городовъ. наблюдательно присматривался къ образу жизни. прислушивался къ разговорамъ. вывѣдывалъ общія желанія и жалобы. Медленно ѣхалъ онъ черезъ земли русскія. останавливался почти въ каждомъ селѣ, заводилъ разговоры, вкрадывался, съ свойственною ему способностью. въ знакомства. разсказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ. съ собственными добавленіями, по замѣчанію историка. слушалъ съ жадностью повѣсти о нахальствѣ жидовъ и жестокости пановъ. не разъ, живою пламенною рѣчью. возбуждалъ кружокъ разскащиковъ или угнетенное русское семейство, и обнадеживалъ всѣхъ скорою местью, Божіемъ наказаніемъ надъ утѣснителями. Въ особенности открывалъ онъ свои планы русскимъ духовнымъ. зная, какъ легко имъ предуготовить народъ и какое вліяніе имѣютъ они на толпу.

„Пусть будетъ вамъ извѣстно," говорилъ Хмельницкій: „я рѣшился мстить панамъ-ляхамъ войною, не за свою только обиду, но за попраніе вѣры русской и за поруганіе народа русскаго! Я безсиленъ; но вы, братія, мнѣ помогите. Сберитесь и пошлите мнѣ хоть по два, или по три человѣка съ каждаго села."

Ему обѣщали съ энтузіазмомъ.

„Ежечасно молимъ мы Бога". говорили ему: „чтобъ

онъ послалъ кого-нибудь для отмщенія нашихъ несчастій! Принимай оружіе. станемъ съ тобою: поднимется земля русская, какъ никогда еще не поднималась."

Такимъ-образомъ. въ городахъ и селахъ Хмельницкій пріобрѣталъ себѣ по нѣскольку человѣкъ друзей и соумышленниковъ. которые обѣщались располагать въ его пользу умы. и оттого. во время войны у Хмельницкаго вездѣ по дорогѣ были пособники, которые отворяли ему города. или приходили на помощь съ приготовленными заранѣе отрядами недовольныхъ [34]).

По пріѣздѣ въ Украину. Хмельницкій приказываетъ своимъ товарищамъ привести на условленное мѣсто отборныхъ казаковъ. Это совѣщаніе происходило гдѣ-то въ рощѣ [35]).

Посреди нѣсколькихъ десятковъ знатнѣйшихъ казаковъ стоялъ Хмельницкій, держа въ рукахъ привилегію Владислава; подлѣ него находились свидѣтели, бывшіе при свиданіи съ Оссолинскимъ. Казаки интересовались знать. чѣмъ кончилось дѣло ихъ писаря, хотѣли болѣе знать; что отвѣчали на просьбу объ увольненіи отъ постоя.

„Нѣтъ справедливости въ Польшѣ". отвѣчалъ Хмельницкій: „вмѣсто должнаго разсмотрѣнія дѣла, меня на сеймѣ осмѣяли. а король предоставляетъ намъ расправиться съ нашими врагами силою, какъ они съ нами поступаютъ. Просьбой вашей пренебрегли: васъ ожидаютъ горшія поруганія. Уже-ли долѣе будемъ терпѣть? Уже-ли оставимъ въ бѣдствіи братьевъ нашихъ, рус-

---

[34]) Histor. belli cos. polon. 45—47.

[35]) Лѣтоп. Малорос.

скихъ, православныхъ? Проѣзжая по Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія, тиранства; несчастный народъ вопитъ о помощи; всѣ готовы взять оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами заодно“

Ропотъ распространился по собранію; начали разсказывать, что дѣлается въ Украинѣ; одинъ говорилъ о бѣдствіяхъ общихъ, другой о своихъ, частныхъ [36]).

„Чего не претерпѣли мы! вольности наши уничтожены, грунты наши отняты, большая часть свободныхъ рыцарей обращена въ хлоповъ; они работаютъ панщину, ходятъ за лошадьми, топятъ грубы [37]) панамъ, смотрятъ за собаками, какъ рабы посылаются съ письмами. Съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить казацство, число реестровыхъ уменьшено до шести тысячъ, да и тѣмъ—жизнь не лучше рабовъ. Полковники, сотники—все начальство у насъ не выбранные нами, а изъ шляхты. Они употребляютъ казаковъ для собственныхъ подданныхъ, какъ своихъ домашнихъ работъ. Жалованье, положенное издавна отъ короля и Рѣчи Посполитой, по тридцати золотыхъ на каждаго казака, они берутъ себѣ и даютъ только тѣмъ, кто заодно съ ними. Въ походъ ли пойдутъ, и казакъ завоюетъ татарскаго коня—тотчасъ отнимутъ, языка ли поймаетъ казакъ — полковникъ пошлетъ его къ коронному гетману съ жолнеромъ, и скажетъ будто отличился жолнеръ, а казацкую отвагу нарочно скрываютъ. Нерѣдко, бѣдный казакъ долженъ идти съ рарогомъ, или раструбомъ [38]) чрезъ дикія поля, неся подарокъ какому нибудь пану, подвергаясь опасности

---

[36]) Histor. belli cos. polon. 47.

[37]) Печи.

[38]) Родъ ястребовъ и соколовъ.

быть пойманнымъ татарами, и на это не смотрятъ: пропалъ казакъ—и былъ таковъ! А сколько разъ убивали казаковъ варварскими казнями за малѣйшую вину, умерщвляли даже дѣтей! а сколько разъ чинили ругательства и насилія надъ женами и дочерьми нашими!... А какъ страдаютъ посполитые подъ вымыслами своихъ старостъ, дозорцъ и, особенно, жидовъ!... Ослѣпленные подарками арендаторовъ, владѣльцы отдали бѣдный народъ жидамъ, не видя, что ихъ мажутъ по тѣлу собственнымъ саломъ; не такъ бы еще подданнымъ было жалко, еслибъ ихъ обиралъ одинъ панъ, а то какой-нибудь подлецъ-жидъ обогащается, заводитъ по нѣскольку цуговъ лошадей, выдумываетъ разные поборы, поволовщины [39]), дуды [40]), осыпь [41]), мѣрочки сухія, плату съ жернововъ, отнимаетъ хутора наши. Но всего ужаснѣе преслѣдуютъ вѣру нашу, принуждаютъ насъ къ уніи, разоряютъ наши церкви, продаютъ жидамъ утварь церковную, ругаются надъ святынею и священниками, изгоняютъ архипастырей [42]). Такъ въ то время говорили на Украинѣ и, конечно, въ такомъ смыслѣ говорили въ этомъ собраніи.

„Нѣтъ возможносли терпѣть долѣе! пора взяться за сабли: пора скинуть съ себя ярмо ляшское!" такъ восклицали старые казаки, жившіе по границѣ русской земли, поближе къ степямъ, подалѣе отъ пановъ, и оттого смѣлые.

---

[39]) Подать со скота.

[40]) Пошлины за крещеніе младенцовъ.

[41]) Взиманіе съ измолотаго хлѣба.

[42]) Лѣтоп. самов. 7. — Лѣтоп. повѣствов о Мал. Рос. 104—2.

Но тѣ, которые встрѣчали беспрестанно грозныя лица пановъ, терпѣли оскорбленія отъ старостъ и своихъ начальниковъ-шляхтичей, тѣ, которые привыкли бояться, чтобъ унылою поступью, мрачнымъ взглядомъ не навлечь на себя побоевъ и даже смерти за подозрѣваемое возмущеніе, тѣ не такъ горячо хватились за отчаянное предпріятіе.

„Взяться за оружіе!", возражали они: „а гдѣ оно? Наши пушки побрали коммиссары и начальники; съ одними ружьями ничего не докажемъ польскому войску; оно возитъ съ собою пушки. Ляхи и прежде были вояки добрые, а теперь болѣе наловчились въ военной вправѣ. Мосци (то-есть дворяне) польскіе теперь не дерутся между собою и на нашу сторону нельзя никого затянуть. Татаръ позвать? А сколько разъ мы ихъ били? Теперь они питають къ намъ злобу"..

„Правда ваша", сказалъ Хмельницкій, прежде уже переговорившій съ тѣми, которые знали о дѣлѣ съ Оссолинскимъ. „Явное дѣло, что противъ нашихъ враговъ мы сами-собою ничего не сдѣлаемъ, особенно, когда во всѣхъ замкахъ сидятъ польскіе коммисары и пристально глядятъ за нашими поступками, а къ тому еще жолнерство зимуетъ въ нашемъ краю. Скоро замѣтятъ наши затѣи—сейчасъ и подавятъ насъ: поэтому и нельзя намъ обойтись безъ чужаго пособія. Я думаю, ни у кого намъ нельзя просить помощи, кромѣ москалей и татаръ: всѣ другіе сосѣди слабы, или скорѣе вступятся за поляковъ, чѣмъ за насъ. Наемное же войско держать—у насъ нѣтъ денегъ, да вѣдь и сила ненадежная!— Сказалъ бы я, просить москалей: они православные и, ради одной съ нами вѣры, могли бы за насъ вступить-

ся; но ихъ въ недавнее время побѣдили поляки. Потерявъ нѣсколько городовъ, какъ-то: Смоленскъ и другіе, они еще въ силу не пришли: едва-ли можно будетъ ихъ упросить. Съ татарами труднѣе сойтиться; мы ихъ противъ себя вооружили: то нападенія дѣлали, то отнимали добычу, захваченную ими въ польскихъ земляхъ. Да еслибъ и можно было, какимъ-нибудь образомъ, поладить съ ними, то, все-таки, они поганые, а мы будемъ воевать противъ христіанъ—и объ этомъ надобно подумать!"

„Ты, пане Хмельницкій", сказали казаки: „покажи только средство, какъ поладить съ татарами, а какъ узнаемъ, что это можетъ статься, тогда и разсудимъ, грѣшно или нѣтъ призывать ихъ на помощь".

„Если такъ вы говорите", сказалъ Хмельницкій: „то я не стану скрывать отъ васъ, братья мои, что король нашъ, желая воевать съ туркомъ, собралъ наемное войско; а так-какъ панство не захотѣло, то онъ его снова распустилъ, а теперь насъ подговариваетъ сдѣлать походъ на турецкую землю, чтобъ, когда въ отплату пошлютъ турки на Польшу войско, поляки, рады-не-рады, взялись бы за сабли. А чтобъ вы этому вѣрили, что оно есть такъ, какъ я вамъ говорю, то вотъ вамъ королевская привилегія на постройку чаекъ для войны. Намъ дали и знамя, и булаву, и хотѣли меня поставить гетманомъ при свидѣтеляхъ, которые здѣсь, и могутъ поручиться, что я правду говорю. Я, однако, не принялъ гетманства, потому-что были другіе старше меня, а частно, самъ-собою, я не хотѣлъ ничего начинать. Теперь же, какъ я былъ въ Варшавѣ, то король самъ мнѣ говорилъ тоже, да прибавилъ еще, что дру-

гаго средства для насъ нѣтъ, какъ самимъ защищать оружіемъ права свои. По-моему, братія, пока этотъ листъ у насъ въ рукахъ, то выбрать пословъ къ татарамъ и объявить, что замышляетъ король, да и посовѣтовать имъ: пусть намъ пособляютъ, коли хотятъ покоя; а не согласятся, такъ мы имъ войну объявимъ.— такъ имъ и скажемъ. Мнѣ кажется, тутъ и думать долго не о чемъ. Татары давно ужъ напали бы на поляковъ за то, что имъ не платится дань, еслибъ мы ихъ не удерживали. А теперь пуще они раздражены противъ поляковъ за недавній походъ Конецпольскаго".

Когда Хмельницкій окончилъ рѣчь свою, всѣ, въ одинъ голосъ, закричали:

„Вотъ, когда самъ Богъ подаетъ намъ случай отомстить наши обиды и поруганія надъ вѣрою нашею! Чего жъ тутъ ждать? Чего у насъ нѣтъ еще?... Поляки считаютъ насъ хуже собакъ: пусть же и отъ насъ узнаютъ такую честь. Панъ Хмельницкій совѣтуетъ намъ самое лучшее и самое легкое. Помоги ему, Господи Боже! Ужъ когда онъ не просилъ гетманской чести, а король самъ ему прислалъ, такъ, видно, это сдѣлалось по Божьей волѣ: кто жъ посмѣетъ отнять ее у него? Съ этой минуты всѣ мы охотно признаемъ тебя нашимъ гетманомъ и хотимъ тебѣ служить чѣмъ можемъ: совѣтомъ, покорностью, кровью. Просимъ тебя, чтобъ ты самъ уговаривался съ татарами лично, а не чрезъ пословъ: способнѣе тебя мы никого не знаемъ."

Хмельницкій поблагодарилъ за довѣріе, но не принялъ гетманства, оставляя это до будущаго времени,

когда онъ покажетъ на дѣлѣ, что достоинъ начальствовать казаками [43]).

„Соединимся, братія", сказалъ Хмельницкій: „возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти, возстановимъ золотую свободу и будемъ единодушны. Призывайте казаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ; я буду вашимъ предводителемъ, потому, что вы этого желаете. Надѣюсь, что всѣ казаки, гдѣ бы они ни были, пристанутъ къ намъ. Мы возложимъ упованіе на Всевышняго: онъ поможетъ намъ!"

„Умремъ другъ за друга!" воскликнули одушевленные казаки—„отомстимъ за обиды наши, защитимъ вѣру и церковь нашу, освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ! поможетъ намъ Всевышній!" [44]).

Особенно ободряло казаковъ въ этомъ собраніи то, что замыселъ ихъ не остался безъ благословенія архипастыря, митрополита кіевскаго.

Этотъ митрополитъ былъ знаменитый Петръ Могила. Современникъ увѣряетъ, будто митрополитъ не только благословилъ начинаніе, но прибавилъ, что того постигнетъ клятва, кто въ такомъ дѣлѣ не приметъ участія, будучи въ состояніи помогать разсудкомъ или оружіемъ. Митрополитъ былъ тогда уже въ могилѣ и, конечно, Хмельницкій совѣтовался съ нимъ еще въ 1646 году [45]).

Но, только-что Хмельницкій въ первый разъ объявилъ казакамъ о своемъ замыслѣ, неожиданное приключеніе чуть-было не разрушило всего предпріятія. Ро-

---

[45]) Histor. belli cos. 47—52.

[44]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 104.

[45]) Histor. belli cosac. polon. 54.

манъ Пешта, бывшій на совѣщаніи, позавидовалъ первенству Хмельницкаго и разсказалъ подробно Конецпольскому о томъ, что происходитъ и затѣвается между казаками [46]). Узналъ объ этомъ и казацкій старшой, и немедленно послалъ гонца къ коронному гетману Потоцкому съ угрожающимъ извѣстіемъ о замыслахъ Хмельницкаго. „Надлежитъ угасить огонь, пока онъ не разгорѣлся", писалъ онъ. Потоцкій далъ приказъ немедленно схватить Хмельницкаго, во что бы ни стало, и посадить подъ стражу. Порученіе возложено было на Кречовскаго, переяславскаго полковника: онъ былъ изъ благородной фамиліи, и потому почитался надежнѣйшимъ слугою пановъ [47]).

Хмельницкій, потерявъ пріютъ, собирался на Запорожье, а оттуда въ Крымъ. Ему нужны были деньги, и онъ продавалъ что у него оставалось, въ томъ числѣ коня отличной породы. Узнавъ объ этомъ, Кречовскій, посредствомъ казака, хитро приманилъ его въ село Бужинъ [48]), куда, въ то же время, поспѣшилъ самъ и пригласилъ Конецпольскаго. Хмельницкій явился туда съ своимъ конемъ на ярмарку, былъ пойманъ и представленъ Конецпольскому и казацкому коммиссару Шемберку. На вопросы пановъ онъ отвѣчалъ ловко, и съ изумленіемъ отвергалъ всякое показаніе, ссылаясь на предстоявшихъ казаковъ. Эти казаки были его соучастники и увѣряли Конецпольскаго и Шемберка, что до-

---

[46]) Annal. Polon. clim. I. 24.—Памятн. кіевс. комм. I. 3, 5.

[47]) Annal. Polon. clim. I. 24. — Лѣтоп. Велич. 28. — Woyna domowa. Ч. I. 61.

[48]) Бузынъ или Бужинъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Днѣпра.

нось ложенъ, что они готовы, всѣмъ на свѣтѣ, поклясться за Хмельницкаго. Самъ Кречовскій защищалъ Хмельницкаго ради кумовства, какъ говоритъ польскій историкъ. Шемберкъ отдалъ Хмельницкаго подъ надзоръ Кречовскому, пока дадутъ знать коронному гетману [49]).

Вмѣсто строгаго надзора и суроваго обращенія, Кречовскій началъ обходиться съ своимъ плѣнникомъ дружески, и чрезъ нѣсколько дней Хмельницкій былъ свободенъ навсегда. Одинъ польскій историкъ говоритъ, что Кречовскій напился пьянъ, и Хмельницкій воспользовался этимъ къ побѣгу [50]); другой говоритъ, что Кречовскій былъ тронутъ чувствомъ кумовства, прежней пріязни и краснорѣчіемъ Хмельницкаго, и самъ его отпустилъ [51]); третій,—что Кречовскій и прежде былъ съ нимъ въ соумышленіи [52]). Послѣднее вѣроятнѣе: Кречовскій, хоть и шляхтичъ, но русской вѣры, впослѣдствіи былъ не послѣднимъ лицомъ въ ряду поборниковъ возстанія.

Какъ бы то ни было, коронный гетманъ Потоцкій, получивъ донесеніе Шемберка, прислалъ предписаніе казнить смертью Хмельницкаго; но казнить было некого [53]): Хмельницкій, съ сыномъ своимъ, Тимоѳеемъ, убѣжалъ уже въ Запорожскую Сичь. По однимъ сказаніямъ бѣжавшихъ соучастниковъ съ нимъ было не болѣе тридцати; московскій гонецъ слышалъ въ Поль-

---

49) Annal. Polon. clim. I. 24.—Lat. Ierl. 100.

50) Annal. Polon. clim. I. 25.

51) Bell. scyth. cosac.

52) Woyna dom. Ч. I. 6.

53) Latop. Jerl. 100.

шѣ, будто съ нимъ изъ Украины бѣжало до трехъ сотъ [54]). Запорожская Сичь была тогда на Микитиномъ Рогѣ; Хмельницкій прибылъ туда 11 декабря 1647 года [55]).

На Запорожьѣ было пристанище тѣхъ, кому судьба не давала ужиться въ земляхъ Рѣчи Посполитой. Тамъ трудно было найдти бѣглеца. Но паны присматривали надъ Запорожьемъ, и уже начали проникать въ невѣдомые закоулки этой пустынной страны, называемой вообще Низомъ. Гетманъ Конецпольскій построилъ надъ порогами Кодакъ. Въ самой Сичѣ поставлена была залога (гарнизонъ), состоявшая не только изъ казаковъ, но изъ ляховъ, находившихся подъ начальствомъ своихъ офицеровъ. Это поддерживало обыкновеніе запорожцевъ жить по сторонамъ. Большая часть ихъ жила въ уютныхъ хуторахъ, другіе бродили Богъ вѣсть гдѣ; много ихъ было и на Дону, и на Волгѣ, и на Черномъ морѣ, несмотря на запрещеніе строить чайки.

Потоцкій, послѣ бѣгства Хмельницкаго въ Сичь, далъ туда приказаніе поймать его. Хмельницкому нельзя было оставаться въ Сичѣ. Онъ бѣжалъ на низъ далѣе къ лиману; залога погналась за нимъ. По извѣстію современнаго московскаго гонца, въ этой залогѣ было пятьсотъ человѣкъ казаковъ и триста ляховъ. Онъ выслалъ къ своимъ землякамъ, находившимся въ залогѣ, двухъ своихъ соучастниковъ, которые говорили такъ: „Для чего вы на своихъ идете? У насъ идетъ дѣло не о себѣ, а о благочестивой вѣрѣ христіанской. Знайте это. Богданъ

[54]) Акты Юж. и Зап. Рос. III. 280.

[55]) Лѣт. Вел. I. 29.

и мы не станемъ поднимать сабли на единовѣрныхъ и единокровныхъ товарищей. Когда вы идете за-одно съ ляхами на благочестивую вѣру, такъ вы за это отдадите Богу отвѣтъ". Казаки возмутились. Ляхи бѣжали, изъ нихъ нѣкоторыхъ догнали и убили. Запорожье стало свободно [56]).

Около Хмельницкаго собралась сирома—отчаянные сорви-головы. „Нетрудно было взволновать ихъ, говоритъ польскій историкъ [57]): какъ соловью пѣніе, такъ имъ мятежи были свойственны.

Хмельницкій изложилъ имъ бѣды свои и цѣлаго отечества.

„Поругана вѣра святая," восклицалъ онъ: „у честныхъ епископовъ и иноковъ отнятъ хлѣбъ насущный; надъ священниками ругаются; уніаты стоятъ съ ножемъ надъ шеею; іезуиты съ безчестіемъ преслѣдуютъ нашу вѣру отеческую. Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется, отвѣчая намъ поноснымъ презрѣньемъ къ имени схизматиковъ. Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ. А что дѣлаетъ войско? Мало того, что заѣдаютъ наши безвинныя головы: подъ предлогомъ укрощенія непокорности, ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ-будто замыслили истребить весь родъ нашъ!.. Въ довершеніе всѣхъ мучительствъ, отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому! Смотрите на меня, писаря войска запорожскаго, стараго казака: я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гонятъ, преслѣдуютъ, только

---

[56]) А. Юж. и Зап. Рос. III. 280.

[57]) Bell. scyth. cosac.

потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли; лишили даже походнаго коня, и, напослѣдокъ, осудили на смерть. Нѣтъ для меня иной награды за кровь, пролитую для ихъ же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ то же угрожаетъ [58])!"

„*Пріймаемо тебе, Хмельницькій пане, хлібомъ-солью и щиримъ сердцемъ!*" кричали казаки [59]).

Кошевой послалъ немедленно скликать запорожцевъ въ Сичь для важнего дѣла.

Разнеслась молва по хуторамъ: изъ лѣсовъ и ущелій прибѣгали въ Сичь бѣглые хлопы, которые жили подъ названіемъ лугарей, степовиковъ и гайдамакъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки, въ землянкахъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною тетерею [60]), но за-то вольные, какъ вѣтеръ, по выраженію ихъ пѣсенъ. Изъ Украины также прибѣжали охотники.

— Что новаго? спрашивалъ Хмельницкій.

— Старшой собираетъ казаковъ на тебя, извѣщали его. Потоцкій идетъ съ войскомъ къ Черкасамъ; голова твоя оцѣнена [61]).

Хмельницкій остерегался, чтобъ поляки, какимъ нибудь образомъ, не проникнули его намѣреній и стра-

---

[58]) Annal. Polon. clim. I: 25

[59]) Pam. o dziejach i pismienn, Slow. I. 308.

[60]) О казак. запорожс. 24.

[61]) Ист. о през. бр.

шился польскихъ шпіоновъ; поэтому онъ распустилъ между запорожцами вѣсти, будто старшины намѣрены ограничить свои дѣйствія только отправкой депутаціи къ королю. Только кошевой и старшины запорожскаго коша, да пришедшіе съ Хмельницкимъ казаки, знали его истинные планы [62]).

Тогда онъ началъ посылать панамъ письма и показывать въ нихъ свое миролюбивое расположеніе. Онъ писалъ къ казацкому коммиссару Шемберку, какъ къ своему прямому начальнику по службѣ, что убѣжалъ единственно потому, что Чаплинскій злоумышлялъ на жизнь его, и что казаки съ Запорожья намѣрены послать въ Варшаву депутацію для испрошенія законнымъ образомъ королевской привилегіи, которая могла бы ихъ защищать отъ самоуправства. Отклоняя всякую тѣнь подозрѣнія, Хмельницкій просилъ коммиссара взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и какой-то домикъ его въ Украинѣ, до возвращенія изъ Сичи [63]).

Подобное обманчивое письмо отправлено было къ коронному гетману.

„Я надѣялся (писалъ Хмельницкій по увѣренію Велички) доживать вѣкъ спокойно и счастливо, осыпанный благодѣяніями короля и Рѣчи Посполитой, какъ вдругъ явился врагъ моему счастью, Чаплинскій, литовскій подкидышъ, польскій пьяница, украинскій разбойникъ, который, находясь восемь лѣтъ на дозорствѣ у пана Конецпольскаго, многихъ изъ братій нашихъ погубилъ ложными доносами, который, если встрѣтитъ гдѣ-нибудь

[62]) Лѣт. Велич. I 34—44.

[63]) Лѣтоп. Велич. I 34.

священника, не оставитъ его безъ того, чтобъ не вырвать волосъ или бороды и добрымъ порядкомъ не посчитать ребръ кіемъ, или обухомъ...“ Въ заключеніе, Хмельницкій также увѣрялъ, что ничего не хочетъ дѣлать, только намѣренъ послать депутацію въ Варшаву [64]).

Такое же письмо, если вѣрить Величку, послано и къ Конецпольскому: въ немъ Хмельницкій коснулся и собственныхъ выгодъ пана.

„Еслибъ (писалъ Хмельницкій) произведено было слѣдствіе, тогда открылось бы, сколько Чаплинскій покралъ вашего панскаго достоянія, и ваша вельможность не захотѣли бы имѣть его не только дозорцею, но даже истопникомъ или кучеромъ [65]).

Онъ писалъ, какъ говоритъ тотъ-же лѣтописецъ и къ Барабашу, и гораздо смѣлѣе:

„Такъ какъ ваша милость (выражался онъ) хранили королевскую привилегію между плахтами жены своей, то за это войско запорожское считаетъ васъ достойнымъ начальствовать не надъ людьми, а надъ свиньями или надъ овцами“. [66]).

Памятники, помѣщенные въ лѣтописи Велички, иногда подложны, но эти письма Хмельницкаго имѣютъ за собою болѣе достовѣрности, потому что изъ польскихъ источниковъ мы знаемъ, что Хмельницкій находясь въ Сичи, велъ переписку.

Коронный гетманъ сначала было не хотѣлъ отвѣчать ему, надѣясь увидѣть скоро хлопа на колѣ; однако, по

---

[64]) Лѣтоп. Велич. I. 36—41.
[65]) Лѣтоп. Велич. I. 41—43.
[66]) Лѣтоп. Велич. I. 32—33.

совѣту нѣкоторыхъ пановъ, онъ послалъ въ Сичь ротмистра Ивана Хмелецкаго, знавшаго, какъ выражался Потоцкій о немъ, всѣ казацкіе гуморы [67]).

Хмелецкій, прибывъ въ Сичь, убѣждалъ Хмельницкаго оставить мятежные замыслы. „Увѣряю честнымъ словомъ", говорилъ онъ: „что волосъ не спадетъ съ вашей головы".

„Я не мятежникъ", отвѣчалъ Хмельницкій; „и замысловъ никакихъ не имѣю, а бью челомъ его милости, краковскому пану: во первыхъ, чтобъ онъ не выступилъ съ войскомъ изъ Украины, во вторыхъ, чтобъ онъ смѣнилъ съ начальства надъ казаками ляховъ, которые теперь находятся на урядахъ, ибо ляху не слѣдуетъ старшинствовать надъ казаками; а въ третьихъ, чтобъ уничтожилъ постановленія, обидныя для казаковъ, чтобъ они могли свободно пользоваться всѣми правами, дарованными отъ короля и его предшественниковъ. А безъ того, я тоже на волосъ не выйду отсюда". [68]).

Потоцкій не думалъ мириться съ Хмельницкимъ; онъ хотѣлъ только выманить его изъ Сичи, чтобъ потомъ казнить. Точно также Хмельницкій, переговариваясь съ панами, старался единственно о томъ, чтобъ выиграть время. Потоцкій извѣщалъ о своихъ сношеніяхъ и короля и замѣчалъ, что Хмельницкій хочетъ такой вольности для казаковъ, чтобъ имъ можно было ссорить Рѣчь Посполитую съ посторонними государствами, и, при случаѣ, поднимать нечестивыя руки на короля. Зная, что королю было бы желательно, если бы казаки

[67]) Памятн. кіевск. комм. I. 3 11.

[68]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 11—19.

вышли въ море на турокъ, Потоцкій показывалъ видъ, что и самъ бы этого желалъ, но, по его мнѣнію, это было несвоевременно: во первыхъ, еще нѣтъ достаточнаго количества челновъ, во вторыхъ, нужно было прежде успокоить и подчинить казаковъ; иначе, если они теперь пойдутъ на море—писалъ коронный гетманъ,— то, ничего не сдѣлавши, воротятся и поднимутъ бунтъ, а турки, раздраженные за ихъ набѣгъ, пойдутъ войною на Польшу.

Свиданіе Хмельницкаго съ Хмелецкимъ было не въ Сичи, а на островѣ, называемомъ Томаковскій или Буцкій. Хмельницкій разгласилъ между казаками, что онъ уѣдетъ туда, какъ-будто для корма лошадей. Только сичевые старшины знали истинное его намѣреніе. Обманъ былъ веденъ такъ искусно, что поляки, по извѣстію возвратившагося Хмелецкаго, думали будто бѣглый писарь сидитъ съ пятьюстами человѣкъ на островѣ, оградясь палисадомъ, и отлагали на дальнѣйшее время добываніе его оттуда [69]). Между-тѣмъ Хмельницкій, тотчасъ послѣ свиданія съ польскимъ депутатомъ, убѣжалъ въ Крымъ [70]).

На крымскомъ престолѣ царствовалъ тогда воинственный Исламъ-Гирей. Нѣкогда онъ былъ въ плѣну у поляковъ и отпущенъ Владиславомъ. „Мы тогда еще не знали, что изъ него выйдетъ современемъ“, замѣчаетъ польскій историкъ [71]). Въ мартѣ 1648 года, прибылъ Хмельницкій въ Бахчисарай съ сыномъ и знатнѣйшими

[69]) Памятн. кіевск. комм. I. 3, 19.

[70]) Лѣтоп. Велич. I. 44.

[71]) Belli. scyth. cos.

казаками, ушедшими съ нимъ изъ Украины, и доложилъ о себѣ хану.

Исламъ-Гирей не былъ доступенъ съ перваго раза, хотя Хмельницкій былъ уже ему извѣстенъ прежде. Надобно было нѣсколько церемоній, чтобъ видѣть его свѣтлыя очи. Хмельницкаго поставили на квартирѣ у одного армянина. Ханъ приказалъ честить и угощать гостей. Такъ жилъ Хмельницкій недѣлю, наконецъ, чрезъ мурзъ ханскихъ, которыхъ ему слѣдовало задобрить, онъ получилъ позволеніе пріѣхать во дворецъ [72]).

Хмельницкій, знавшій по турецки, явился предъ крымскимъ повелителемъ.

„До сихъ поръ (говоритъ онъ) мы были врагами вашими, но, единственно, оттого, что находились подъ ярмомъ ляховъ. Знай же, свѣтлѣйшій ханъ, что казаки воевали съ тобою поневолѣ, а всегда были и будутъ друзьями подвластнаго тебѣ народа. Мы теперь рѣшились низвергнуть постыдное польское иго, прервать съ Ляхистаномъ всякое соединеніе, предложить вамъ дружбу, вѣчный союзъ и готовность сражаться за мусульманскую вѣру. Враги наши поляки — враги ваши; они презираютъ силу твою, свѣтлѣйшій ханъ, отказываются платить тебѣ должную дань и еще подущаютъ насъ нападать на мусульманъ; но да вѣдаешь, что мы поступаемъ искренно: мы извѣщаемъ тебя о ихъ замыслахъ и предлагаемъ тебѣ помогать намъ противъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ“ [73]).

Ханъ ясно видѣлъ изъ открытой ему привилегіи,

---

[72]) Лѣтоп. Велич. I. 44.

[73]) Wojny z Ottomanami. Collectanea t. I. 200.

что король, дѣйствительно замышляетъ войну, но отвѣчалъ на первый разъ Хмельницкому двусмысленными комплиментами.

Исламъ-Гирей послѣ того собралъ совѣтъ изъ своихъ мурзъ.

„Казаки просятъ меня содѣйствовать имъ противъ поляковъ (говорилъ онъ); но я боюсь, не подосланъ ли Хмельницкій нарочно отъ короля къ намъ, чтобъ обмануть татаръ, выманить орду въ поле и навести на готовое польское войско, которое могло бы выгубить татаръ? Испытайте его“.

Мурзы, испытывая Хмельницкаго, передали ему опасенія хана.

„Я готовъ присягнуть передъ ханомъ (сказалъ Хмельницкій), что прошу помощи безъ обмана и безъ хитрости. Если этого мало, я готовъ оставить его ханскому величеству сына своего въ залогъ“.

Ханъ, услышавъ это, приказалъ явиться Хмельницкому къ себѣ. Казакъ увидѣлъ себя посреди многочисленнаго общества мурзъ и начальниковъ крымскихъ.

— Хмельницкій! сказалъ ханъ: — если твое намѣреніе искренно, поклянись на саблѣ моей предъ всѣми нами.

Подали ханскую саблю. Хмельницкій поцаловалъ ее въ сталь и, стоя въ кругу мурзъ, произнесъ такую клятву.

„Боже, всей видимой и невидимой твари Содѣтель! Вѣдатель помышленій человѣческихъ! клянусь тебѣ, чего ни потребую, чего ни попрошу у его ханской милости— все буду дѣлать безъ коварства и измѣны; и еслибъ, съ моей стороны, вышло что-нибудь ко вреду его хан-

ской милости, то допусти, Боже! чтобъ этою саблею отдѣлилась моя голова отъ тѣла"!

„Мы теперь вѣримъ тебѣ", сказалъ ханъ, и подалъ Хмельницкому руку. Прочіе мурзы также давали казаку руки, въ знакъ союза [74]).

Однако отвѣтъ ханскій, относительно войны, все еще не былъ рѣшителенъ.

„Поляки не платятъ мнѣ дани—это правда (говорилъ Исламъ Гирей), однако я еще не могу начать войны, потому-что дѣло не рѣшено въ Диванѣ. Впрочемъ, кажется, въ Диванѣ будетъ объявлена война. Начинайте вы, потомъ и я пойду и разорю всю Польшу. Теперь же вы можете пригласить моего перекопскаго мурзу Тугай-Бея; пусть онъ пойдетъ съ вами на поляковъ [75]). Позволивъ, такимъ образомъ, своему мурзѣ идти на Польшу; ханъ отправилъ гонца къ коронному гетману и къ князю Іереміи Вишневецкому, важнѣйшему изъ пограничныхъ пановъ Рѣчи Посполитой, съ увѣреніями въ союзѣ [76]).

Хмельницкій прожилъ нѣсколько времени въ Бакчисараѣ и ханъ оказывалъ расположеніе ему и казакамъ. Разсказываютъ, когда наступилъ праздникъ свѣтлаго воскресенья, то казаки начали, въ знакъ торжества, по своему обычаю, палить изъ ружей. Ханъ приказалъ узнать, что это значитъ; мурзы донесли ему, что казаки празднуютъ свой байрамъ великій; тогда ханъ приказалъ имъ выкатить три бочки вина, въ знакъ милости, и послалъ пять быковъ и пятнадцать барановъ на обѣдъ. Послѣ

---

[74]) Лѣтоп. Велич. I. 45.

[75]) Ист. о през. бр.

[76]) Ар. Южн. и Зап. Росс. III. 196—171.

праздника пасхи, Хмельницкій выѣхалъ изъ Бахчисарая. Ханъ, на прощаньи, подарилъ ему черкесскій панцырь, колчанъ, лукъ и стрѣлы, розовый кафтанъ изъ златоглава, кунтушъ темнозеленаго французскаго сукна, позолоченую саблю, и всѣмъ казакамъ выдалъ на дорогу мяса, хлѣба и вина. Сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, остался заложникомъ. Отецъ приказывалъ ему приглядываться къ восточнымъ обычаямъ и знакомиться съ мурзами. Тимоѳей Хмельницкій жилъ въ прежней квартирѣ у армянина. Ханъ приглашалъ его и ласкалъ [77]); однако татары не пропускали случая намекать ему и о тѣхъ разореніяхъ, какія отъ украинскихъ казаковъ терпѣли подданные хана, которыхъ казацкій предводитель называлъ своими братьями [78]).

Тугай-Бей, мурза перекопскій, принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ вассаламъ крымскихъ властелиновъ, которые, несмотря на произволъ хана, считали себя вправѣ часто поступать какъ имъ хочется [79]). Этимъ непослушаніемъ они нерѣдко приносили пользу самому хану. Случалось часто, что такіе мурзы, безъ воли хана, пускались на разбои, а ханы передъ правительствами сосѣднихъ странъ отговаривались тѣмъ, что нападеніе сдѣлано безъ ихъ согласія. Иногда ханы сами посылали ихъ на грабежи, а потомъ употребляли такія отговорки. Ханъ приказывалъ Тугай-Бею идти съ Хмельницкимъ, но не объявлялъ формально войны Польшѣ отъ своего имени, надѣясь остаться въ сторонѣ, если будетъ нужно. Ту-

---

77) Лѣтоп. Велич. I. 48.

78) Истор. о през. бр.

79) Кратк. опис. о казац. малор. нар. 22.

гай-Бей былъ наѣздникъ дикій, свирѣпый, привыкшій къ грабежу и войнѣ. Тогда, съ четырьмя тысячами орды, онъ кочевалъ въ степи, готовясь, какъ видно, съ весною пуститься въ сосѣднія польскія области [80]). Повидимому, трудно было расположить его въ пользу казаковъ: казаки недавно бились съ этою ордою. Но въ предъидущемъ году въ Крыму былъ неурожай и падежъ скота; въ такихъ обстоятельствахъ у татаръ война была единственнымъ исходомъ и потому, приглашеніе казаковъ было для нихъ, какъ нельзя болѣе, кстати [81]).

— Вотъ какъ! сказалъ мурза, когда прибылъ къ нему Хмельницкій: —недавно вы не давали намъ покоя, а теперь просите помощи! [82]). Вы наши враги, да мы же должны проливать за васъ кровь!

Хмельницкій увѣрялъ его, что казаки поступали такъ оттого, что были подданные поляковъ, а сами, они друзья татарамъ. Онъ обѣщалъ имъ большую добычу и довелъ до того, что наѣздникъ рѣшился положиться на счастье и, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, переправился черезъ Днѣпръ въ Кизикирменѣ [83]).

Приблизившись къ Сичи, Хмельницкій поѣхалъ въ кошъ, а татары остались на рѣкѣ Бузулукѣ.

Кошевой, въ отсутствіе Хмельницкаго, собралъ огромное число запорожцевъ, скрывавшихся по хуторамъ. Не зная, въ чемъ дѣло, они только что то предчувствовали и съ нетерпѣніемъ ожидали, что объявитъ коше-

---

[80]) Bell. scyth. cosac. 10.—Кратк. опис. о казац. мал. пар. 22.

[81]) А. Южн. и Зап. Рос. III. 180.

[82]) Истор. о през. бр.

[83]) Истор. о през. бр.

вой. Пѣхота была въ Сичи, а конница стояла по лугамъ около Днѣпра. 18-го апрѣля, на закатѣ солнца, Хмельницкій прибылъ въ Сичь; съ нимъ было четыре татарина, которыхъ представлялъ онъ войсковымъ старшинамъ, какъ свидѣтелей ханской помощи.

Въ этотъ же вечеръ три раза ударили изъ пушекъ; на разсвѣтѣ выстрѣлы повторились: то былъ старый обычай на Запорожьѣ давать знать, что въ предстоящій день соберется рада. По сигналу начали собираться въ Сичь казаки, сидя на коняхъ. Въ полдень ударили добиши въ котлы—такъ начиналось запорожское вѣче.

Рада, точно какъ вѣче встарину, отправлялась въ сичевой крѣпости (то-есть, *градѣ*, по общеславянскому выраженію), на майданѣ или площади. Стеченіе народа было столь велико, что кошевой и атаманы увидѣли неудобство помѣщенія и перевели собраніе на пространнѣйшее мѣсто, за крѣпость: тамъ также былъ майданъ, гдѣ собиралась рада въ случаяхъ болѣе важныхъ. Кошевой былъ за Хмельницкаго, изложилъ народу обиды, терпимыя украинцами отъ поляковъ, и объявилъ, что Хмельницкій ѣздилъ въ Крымъ, что ханъ обѣщалъ помогать казакамъ, что орда Тугай-Бея стоитъ на-готовѣ близъ Сичи.

„Слава и честь Хмельницкому!“ восклицало собраніе. „Мы, какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть, всѣ готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдняго дыханія“.

Тогда кошевой послалъ писаря въ скарбницу; принесли въ собраніе, такъ-называемые, клейноты: королевскую хоругвь, данную Владиславомъ, бунчукъ съ по-

золоченымъ шаромъ. позолоченую булаву съ каменьями и серебряную войсковую печать.

Старшины, въ присутствіи всего запорожскаго товарищества, вручили Хмельницкому эти знаки и признали его гетманомъ войска запорожскаго.

Хмельницкій принялъ, и, такимъ-образомъ, сталъ законнымъ начальникомъ запорожскаго товарищества; однако, онъ назывался еще не гетманомъ, а только старшимъ; онъ говорилъ, что, для полнаго освященія его достоинства, нужно было признаніе городовыми казаками.

Послѣ рады, старшины коша пошли въ церковь. Тамъ отправлена была литургія и благодарственный молебенъ; потомъ пошли къ кошевому на обѣдъ. „Они тогда не очень гуляли (говоритъ лѣтописецъ), какъ обыкновенно у запорожцевъ водилось... У каждаго на умѣ было свое“.

Вечеромъ добиши снова ударили въ котлы на раду.

„Паны-молодцы!“ говорилъ собранію кошевой, „усовѣтовали мы съ паномъ Хмельницкимъ, что всѣмъ вамъ идти не длячего на войну, потому-что будутъ у насъ татары, и городовые казаки къ намъ пристанутъ; а положили мы, чтобъ шло съ Хмельницкимъ только весемь тысячъ; прочіе же могутъ разойтиться до господы, только должны быть всегда на-готовѣ, чтобъ выступить въ походъ, когда послѣдуетъ приказаніе“.

Казаки поблагодарили за такое рѣшеніе, и Хмельницкій началъ устраивать свое войско. Чрезъ нѣсколько времени, татары, которые стояли на дорогѣ изъ Переволочны въ Сичь, привели къ Хмельницкому девять человѣкъ, которые всѣмъ показались подозрительными. На

допросѣ они сказали, что гетманъ послалъ въ Сичь противъ Хмельницкаго два отряда: одинъ водою, другой сухопутьемъ. Хмельницкій выступилъ, повелъ за собою и плѣнниковъ, прикованныхъ къ пушкѣ, потому-что считалъ ихъ польскими шпіонами [84]).

Теперь взглянемъ что дѣлалось въ Украинѣ.

Нѣсколько времени было все тихо. Русскіе съ радостью слыша о возстаніи, вели себя осторожно, и только шопотомъ говорили о своихъ надеждахъ. Но когда начали ходить между народомъ разныя возмутительныя воззванія, то кой-какіе хмѣльные молодцы стали отпускать угрозы на поляковъ. Жиды доносили объ этомъ панамъ [85]). Барабашъ извѣстилъ короннаго гетмана, что Хмельницкій на Запорожьѣ собираетъ мятежническую шайку, и, поэтому, въ Украинѣ надобно опасаться возстанія. Потоцкій уже наученъ былъ прежними казацкими возстаніями. Въ началѣ новаго года, онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, какія стояли на зимнихъ квартирахъ, немедленно собираться къ Днѣпру, извѣщалъ русскихъ магнатовъ объ опасности, приглашалъ ихъ собирать надворныя команды и поспѣшать къ нему для соединенія [86]). Потомъ онъ самъ поѣхалъ въ Украину, собралъ кварцяныхъ жолнеровъ и сталъ въ Черкасахъ. Присутствіе поляковъ угасило малѣйшіе признаки возстанія; поселяне показывали видъ смиренія; казаки говорили, что тѣ, которые бѣжали къ Хмельницкому, измѣнники и что ихъ слѣдуетъ казнить [87]). Предводители,

---

[84]) Лѣтоп. Велич. I 52—54.

[85]) Histor. belli cos. polon. 52.

[86]) Annal. Polon. clim. I. 30.

[87]) Histor. belli cos. polon. 52.

стоя въ Черкасахъ, не знали, что имъ начинать. Идти въ степь казалось невозможнымъ; зима была непостоянна: то мерзло, то таяло; дорога испортилась. Потоцкій рѣшился дождаться весны, тѣмъ болѣе, что еще не собралось войско и притомъ не увѣдомили короля [88]). Въ это-то время Хмельницкій прислалъ свои письма панамъ, и въ томъ числѣ Потоцкому. Потоцкій, какъ мы видѣли сначала, не хотѣлъ отвѣчать, но многіе паны начали ему совѣтовать повести дѣло такъ, чтобъ обошлось безъ боя. Такъ думалъ Адамъ Кисель, брацлавскій воевода, вельможа греческой вѣры [89]); такъ совѣтовалъ краковскій воевода Любомирскій, человѣкъ съ большою репутаціею въ военномъ дѣлѣ и въ политикѣ. Прислалъ къ Потоцкому письмо и Оссолинскій, какъ-только услышалъ, что паны боятся удаленія Хмельницкаго въ Запорожье. „Я вполнѣ увѣренъ (писалъ онъ), что вы пугаетесь призрака; ополченіе казацкое на днѣпровскихъ островахъ предпринимается съ цѣлью сдѣлать набѣгъ на татаръ.“ Послѣ этихъ-то совѣтовъ, Потоцкій послалъ въ Сичь Хмелецкаго, и когда тотъ возвратился съ отвѣтомъ отъ бѣглеца, неблагопріятнымъ для пановъ, тогда Потоцкій положилъ себѣ правиломъ дѣйствовать безъ милосердія. Старшой реестровыхъ казаковъ совѣтовалъ ему употреблять самыя суровыя мѣры, хоть бы всѣхъ казаковъ пришлось истребить до послѣдняго.

Хотя въ Украинѣ все еще долго не показывались рѣшительныя мятежническія вспышки, однако множество

---

[88]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 2.

[89]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 33.

народа бѣжало въ степи къ Хмельницкому. Коронный гетманъ выдалъ всеобщій универсалъ къ народу русскому. „Оповѣщаемъ всѣмъ и приказываемъ (было сказано въ этомъ универсалѣ), чтобъ тѣ, которые бѣжали съ Хмельницкимъ, равно и тѣ, которые ушли къ нему послѣ, воротились въ свои жилища, въ надеждѣ прощенія своихъ проступковъ; а если кто осмѣлится бѣжать въ Запорожье, тотъ за свою вину отвѣчаетъ имѣніемъ и жизнью жены и дѣтей" [90]). Паны начали исполнять такое постановленіе, а преимущественно владѣльцы лѣвой стороны Днѣпра. Такіе поступки, вмѣсто желаемой пользы, принесли вредъ ихъ сословію; только на правой сторонѣ побѣги уменьшились; — съ лѣвой, попрежнему, толпы валили въ степь; суровыя мѣры раздражали уже и безъ того ожесточенный народъ до такой крайности, что всѣ только и ждали Хмельницкаго, чтобъ безпощадно начать истреблять все панское. Напрасно паны запрещали простонародью ходить толпами по улицамъ и собираться въ домахъ даже для семейныхъ дѣлъ [91]), напрасно забирали у мужиковъ и увозили изъ всѣхъ замковъ ружья и всякое какое-нибыло оружіе [92]): сподвижники Хмельницкаго, переодѣтые то нищими, то странниками-богомольцами, ходили изъ села въ село и уговаривали жителей то отворить казакамъ Хмельницкаго ворота крѣпости, то насыпать песку въ польскія пушки [93]). Паны сознавались, что,

---

[90]) Hist. panow. Wlad. IV. przez Kajet. Kwiatk.

[91]) Лѣтоп. Велич. I. 30.

[92]) Памятн. кіевск. комм. I. 3—9.

[93]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 63—64.

несмотря ни на какія съ ихъ стороны мѣры, не было деревни въ Украинѣ, гдѣ бы не таился огонь возстанія, готовый вспыхнуть пламенемъ при появленіи казаковъ.

Два мѣсяца (февраль и мартъ) стояло войско въ бездѣйствіи: Потоцкій въ Черкасахъ; его товарищъ, польный гетманъ Калиновскій, въ Корсунѣ [94]) Лѣниво собирались паны съ своими надворными командами. По обычаю польскихъ пановъ, сборъ ихъ подалъ поводъ къ пирушкамъ и угощеніямъ. Такъ проводили они время, сами не зная, что имъ начать, хотя пренебрегали замыслами мятежниковъ и надѣялись разомъ ихъ уничтожить. Король прислалъ въ войско коммиссаровъ и изъявлялъ неудовольствіе, что войско показываетъ непріязненныя дѣйствія противъ украинцевъ [95]). Слыша, что Хмельницкій на Запорожьѣ, онъ полагалъ, что побѣгъ туда сдѣланъ съ цѣлію учинить нападеніе на турокъ, и увѣрялъ гетмановъ, что самое лучшее средство утишить казаковъ—оставить ихъ въ покоѣ плавать по морю; а если есть какія нибудь вспышки, то надлежитъ нарядить слѣдствіе и отдать подъ судъ казацкихъ начальниковъ, коммиссаровъ и тѣхъ пановъ, которые раздражили украинскій народъ. На Конецпольскаго, который тогда лежалъ больной въ Бродахъ и оттого не былъ въ войскѣ, указывали какъ на главнаго зачинщика [96]).

Эти королевскіе коммиссары не расположили пановъ къ кротости, напротивъ, болѣе раздражили ихъ противъ хлоповъ, изъ-за которыхъ они получали неудовольствія,

---

[94]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 19.

[95]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 19.

[96]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 13—19.

а тѣмъ самымъ и хлопы ожесточались болѣе противъ владѣльцевъ. Коммиссары только привели полководцевъ въ нерѣшительность: тогда, когда они разсуждали на пирушкахъ, Хмельницкій собралъ уже значительное войско и привлекъ на свою сторону татаръ.

2-го апрѣля наступила пасха. Днѣпръ совершенно разлился; какой-то переметчикъ принесъ извѣстіе, что Хмельницкій уже двинулся и думаетъ стать въ клинѣ, образуемомъ устьемъ рѣки Тясмина и Днѣпромъ.

Начался военный совѣтъ между предводителями войска.

Тѣ, которые были попредпріимчивѣе, совѣтовали цѣлое войско двинуть на непріятеля и запереть въ клинѣ, или же вытѣснить его оттуда и разбить въ открытомъ полѣ. Такого мнѣнія былъ Калиновскій, отважный, вѣчно спорившій съ Потоцкимъ. Но оно не понравилось воинамъ опытнымъ.

Войско наше мало (говорили опытные), а непріятельскаго мы не видѣли, каково оно. Неблагоразумно выводить всѣ силы въ пустыню, въ отдаленіе отъ крѣпостей, безъ надежды на скорое пособіе. Вѣрность здѣшняго народа сомнительна, потому-что онъ русскаго вѣроисповѣданія; Марсъ непостояненъ; въ случаѣ неудачи, всѣ жители, сколько ихъ тутъ ни есть, станутъ нашими непріятелями; да если мы ихъ не приласкаемъ, то хотя бы и не сражались, такъ пришлось бы намъ опустить руки и потерять силы. Всего лучше стоять намъ гдѣ нибудь въ Украинѣ, а между тѣмъ, увѣдомить короля и пановъ, что хотя мятежниковъ никакихъ еще не нашли, но молва носится—и есть вѣрное доказательство, что скопище собрано; а вмѣстѣ просить, чтобъ

король формально приказалъ выступить въ походъ войску, назначенному оборонять Украину. А чтобъ народъ здѣшній, пристально поглядывая на насъ, не забралъ себѣ въ голову, что у насъ недостаетъ присутствія духа, то мы пошлемъ въ степь сильный отрядъ, хорошо-устроенный, подъ надежною командою, и прикажемъ ему не возвращаться до-тѣхъ-поръ, пока не отъищутъ непріятеля и не захватятъ плѣнниковъ, отъ которыхъ панъ гетманъ вывѣдаетъ, какова у мятежника сила и что онъ замышляетъ [97]).

Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Потоцкій.

„Стыдно“, говорилъ онъ, „посылать большое войско противъ какой нибудь презрѣнной шайки отверженныхъ, подлыхъ хлоповъ; чѣмъ меньше будетъ отрядъ, который истребитъ эту сволочь, тѣмъ больше славы“.

Такъ говорилъ Потоцкій. Положили на совѣтѣ послать часть войска, не только для отъисканія непріятеля, но съ надеждою истребить его совершенно [98]).

Число всего польскаго войска опредѣлить трудно, потому что, кромѣ кварцянаго (наемнаго, получавшаго жалованье по четвертямъ года, на содержаніе котораго опредѣлялась кварта т. е. четвертая часть доходовъ, платимая въ казну старостами и державцами королевскихъ имѣній), съ Потоцкимъ было шесть тысячъ, съ Калиновскимъ двѣ; сверхъ того еще было нѣсколько панскихъ отрядовъ: такимъ образомъ, современные памятники указываютъ, что у Сѣнявскаго и Корыцкаго было по полуторы тысячи [99]). Вообще количество лю-

[97]) Hist. belli cos. polon. 53.

[98]) Ibid.—Anal. Polon. Clim I. 30.—Ист. о през. бр.—Лѣт. Велич. I. 57.

[99]) Акт. Южн. и Зап. Рос. III. 142. 5

дей въ панскихъ командахъ было неопредѣленно и измѣнялось по произволу пановъ. Реестровыхъ казаковъ отправленныхъ въ походъ было шесть тысячъ. Въ оное время Польша могла. поставить до 60,000 вооруженной силы. Украинскій лѣтописецъ [100]) полагаетъ число находившагося въ Украинѣ войска до 50,000, но это число очень преувеличено. притомъ же, какъ извѣстно, отряды многихъ пановъ и въ томъ числѣ Вишневецкаго, имѣвшаго наиболѣе войска, не участвовали въ этомъ походѣ.

Изъ этого войска выбрано было два отряда: первый состоялъ изъ реестровыхъ казаковъ и находился подъ начальствомъ Ильяша и Барабаша: онъ долженъ былъ плыть по Днѣпру внизъ, на байдакахъ (такъ назывались большія обитыя суда). Вмѣстѣ съ казаками, на байдаки посадили часть нѣмецкой пѣхоты: то, впрочемъ, были не настоящіе нѣмцы, а такіе же русскіе, какъ и казаки, только одѣтые въ нѣмецкое платье, по тогдашней привязанности пановъ къ иноземщинѣ [101]). Такъ какъ поляки недовѣряли русскимъ, то казакамъ и пѣхотинцамъ велѣно было присягнуть въ вѣрности [102]). Число всѣхъ, которые должны были плыть на судахъ, простиралось, по сказанію русскихъ лѣтописцевъ, до 6000 [103]), по другимъ—до 5000 [104]), а по инымъ—до 4000 [105]). Основательно неизвѣстно, какъ великъ былъ и другой от-

[100]) Лѣт. Вел. I. 57.

[101]) Рук. Имп. Публ. Библ. разнояз. Hist. f. № 5. «natione Roxolani, religione graeci, habitu Gemani».

[102]) Лѣтоп. Велич. I. 58.—Лѣт. самов. 8.

[103]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. самов. 9.—Latop. Joach. Jerlicza 63.

[104]) Woyna dom. Ч. I. 7.

[105]) Annal. Polon. Clim. I. 30.

рядъ. Историки разногласятъ въ показаніяхъ: одни простираютъ его до 6000 [106]), другіе—до 5500 [107]), третьи—до 2000 [108]) и до 1200 [109]), а иные—до 20,300 [110]). Онъ состоялъ изъ коронныхъ жолнеровъ и драгунъ; драгуны были также русскіе, одѣтые по нѣмецки [111]). Отъ недовѣрчивости, велѣно было присягнуть и драгунамъ.

Съ этимъ отрядомъ отправили двѣнадцать пушекъ и множество телѣгъ со съѣстными припасами [112]). Телѣги, при случаѣ, могли служить укрѣпленіемъ, по тогдашнимъ обычаямъ. Отрядъ долженъ былъ идти по сухопутью, параллельно съ плывшими по Днѣпру казаками. Начальство надъ нимъ выпросилъ для себя сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій, двадцати-шестилѣтній юноша, желавшій, какъ говорилось тогда, украсить чело свое марсовымъ вѣнкомъ. Старый гетманъ былъ доволенъ такимъ порывомъ: „Иди", сказалъ онъ: „и пусть исторія напишетъ тебѣ славу" [113]). Недовѣряя, однако, малой опытности сына, старикъ отправилъ съ нимъ Шемберга, казацкаго коммиссара, которому препоручилъ главный надзоръ надъ всею экспедиціею [114]). Много особъ изъ знатныхъ фамилій отправилось въ этомъ отрядѣ:

---

[106]) Лѣтоп. самов. 9.

[107]) Кратк. опис. о казац. малор. нар. 22.

[108]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 3.—Woyna dom. Ч. I. 7.

[109]) Latop. Jerl. 63.

[110]) Лѣтоп. Велич. 59. Это число преувеличено до крайности.

[111]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. разнояз. № 5.

[112]) Hist. belli cos. polon. 54.

[113]) Истор. о през. бр.

[114]) Истор. о през. бр.—Belli scyth. cosac. 10.—Relat. o bitwie p. Zolt Wod.—Annal. Polon. Clim. I. 31.—Latop. Jerl. 63.

тамъ былъ одинъ изъ Сапѣгъ, былъ и Стефанъ Чарнецкій, человѣкъ столь знаменитый впослѣдствіи.

Гордо и самонадѣянно отправлялъ ихъ коронный гетманъ.

„Пройдите степи и лѣса", говорилъ онъ: „разорите Сичь, уничтожьте до тла презрѣнное скопище и приведите зачинщиковъ на праведную казнь" [115]).

Хмельницкій, съ восьмитысячнымъ войскомъ [116]), выступилъ изъ Запорожья, въ субботу, 22-го апрѣля. Онъ намѣревался было прежде всего отправиться въ Чигиринъ, чтобъ повидаться, какъ говоритъ лѣтописецъ, съ главнымъ своимъ врагомъ Чаплинскимъ [117]); но какъ услышалъ, что гетманъ послалъ на него войско, то не хотѣлъ допустить непріятеля къ Кодаку, гдѣ сидѣлъ запершись польскій гарнизонъ, чтобъ посланные отряды не соединились съ тѣмъ гарнизономъ; а потому онъ обошелъ Кодакъ, пошелъ по направленію къ устью Тясмина и остановился при потокѣ Жовты-Воды, такъ названномъ отъ глинистой почвы [118]). За Хмельницкимъ слѣдовалъ Тугай-Бей, но шелъ медленно, какъ-бы уклоняясь отъ слишкомъ ранняго соединенія съ казаками. Татаринъ не хотѣлъ попасть въ просакъ и предположилъ себѣ только тогда вступить въ дѣло, когда казаки вполовину совершатъ его удачно, безъ пособія татаръ [119]). Казаки стали при Жовтыхъ-Водахъ таборомъ

[115]) Истор. о през. бр.

[116]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Лѣтоп. Велич. I. 52.—Hist. belli cos. polon. 55.

[117]) Лѣтоп. Велич. I. 52.

[118]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Annal. Polon. Cl. I. 31.—Pam. o Koniecp. 422.—Histor. belli cos. polon. 55.

[119]) Hist. belli cos. polon. 55.

и укрѣпились четвероугольникомъ изъ возовъ. Въ устройствѣ такого подвижнаго укрѣпленія они были мастера.

На восьмой день пути своего, прибылъ польскій отрядъ къ Жовтымъ-Водамъ [120]). Когда солнце поворачивалось на западъ, поляки, перешли Жовты-Воды [121]). и тутъ нѣкто Чечель первый замѣтилъ непріятельское войско [122]). Потоцкій приказалъ остановиться, нѣсколько приблизившись, такъ-что враждебныя войска могли видѣть одно другое. Ожидали, что казаки сейчасъ же бросятся въ битву; но не бросились они съ дикимъ крикомъ на враговъ, стройно и тихо стояли они въ четвероугольникѣ, готовые торжественно принять недобрыхъ гостей; никто не выскакивалъ изъ рядовъ, никто не вызывалъ поляковъ на бой ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, какъ дѣлали, обыкновенно, запорожцы. Это спокойствіе, эта видимая не охота къ битвѣ внушали полякамъ боязнь. „Вѣрно Хмельницкаго нѣтъ въ лагерѣ; можетъ-быть, онъ готовитъ гдѣ-нибудь засаду, или собираетъ сильнѣйшее войско!" говорили поляки и, съ нетерпѣніемъ ожидали барабашевцевъ [123]).

Хмельницкаго точно тогда не было въ обозѣ; онъ не наступалъ на пановъ, потому что дѣйствовалъ противъ нихъ иначе Еще до прибытія своего къ Жовтымъ-Водамъ, онъ разставилъ по надъ Днѣпромъ, на-сторожѣ, казаковъ и татаръ, и приказывалъ имъ войти въ сношеніе съ тѣми казаками, которые будутъ плыть съ Барабашемъ. Случилось, что одинъ байдакъ опередилъ про-

---

120) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Histor. belli cos. polon. 55.

121) Лѣтоп. Велич. I. 62.

122) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.

123) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Annal. Polon. Clim. I. 31—32.

чіе: въ этомъ байдакѣ сидѣлъ Кречовскій. Онъ обрадовался, когда узналъ, что Хмельницкій недалеко. Казаки, съ нимъ бывшіе, показывали охоту пристать къ запорожцамъ, однако требовали повидаться съ самимъ Хмельницкимъ. Хмельницкій, какъ скоро ему донесли объ этомъ, оставилъ свой лагерь и поспѣшилъ къ днѣпровскому берегу. Кречовскій и казаки его отряда привѣтствовали Хмельницкаго радостными восклицаніями.

„Даемъ тебѣ обѣщаніе (говорили они): мы склонимъ всѣхъ плывущихъ за нами казаковъ соединиться съ тобою; всѣ пойдемъ войною на поляковъ, а присяга намъ— не присяга; ее насильно произнести заставилъ насъ коронный гетманъ. И Барабаша съ единомышленниками принудимъ, хоть онъ *теплѣйшій* пріятель ляхамъ“ [124]).

Хмельницкій тотчасъ же отправился назадъ, ибо не могъ подвергать себя долѣе опасности, да притомъ нужно было его присутствіе въ лагерѣ, на который могли броситься поляки. Дѣйствовать вмѣсто себя на барабашевцевъ онъ препоручилъ Ганжѣ, человѣку расторопному и ловкому [125]).

Вечеромъ, 3-го мая, барабашевцы приплыли всѣ къ Каменному Затону [126]) неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ польскій лагерь [127]) и, предполагая высадиться утромъ, причалили къ берегу; другіе остались въ лодкахъ. Ночью, съ 3-го на 4-е мая, Ганжа затесался въ кругъ тѣхъ, которые стояли на сухопутьи; составилась

[124]) Лѣт. Велич. I. 61.

[125]) Annal. Polon. Clim. I. 32.—Истор. о през. бр.

[126]) Памятн. кіевс. комм. I. 3. 22.

[127]) Истор. о през. бр.

такъ называемая черная рада, то-есть, рада безъ начальниковъ.

„Мы идемъ за вѣру и казачество, и за весь народъ русскій“, кричалъ Ганжа, держа въ рукѣ знамя. „Силы наши не малы; позади насъ идетъ Тугай-Бей, мурза татарскій, всему свѣту извѣстный богатырь, съ своею ордою. Что это значитъ? вы будете проливать кровь своей братьи! Развѣ не одна мать Украина породила васъ? За чѣмъ лучше вамъ стоять: за костелами, или за церквами Божіими? Коронѣ ли польской пособлять станете, которая заплатитъ вамъ неволею, или матери своей Украинѣ?“

Кречовскій подтвердилъ увѣщанія Ганжи [128]).

„О, до какаго стыда мы дожили (восклицали казаки), что стали помогать недругамъ противъ своей братіи!“

Въ короткое время распространилась вѣсть на судахъ; на всѣхъ байдакахъ „*вспыхнулъ огонь ярости и гнѣва, и у всѣхъ шести тысячъ сталъ одинъ умъ, одно сердце*“ [129]). Одѣтый по нѣмецки русскій первый бросилъ въ Днѣпръ знамя своей пѣхотной роты; вслѣдъ затѣмъ казаки рвали, топтали свои значки, какъ знаки рабства и малодушія. „Бить измѣнниковъ! бить отступниковъ“! заревѣла восторженная толпа и бросилась на старшинъ; тогда уже не было мѣста убѣжденіямъ: шляхтичей изрубили, или побросали въ воду [130]); такую же участь получили и казаки, замѣченные прежде въ вѣрности панству: Гурскій, Вадовскій, Олеско, Ка-

---

[128]) Лѣтоп. Велич. I. 61.

[129]) Истор. о през. бр.

[130]) Ист. о през. бр.

леняка, Нестеренко, Гайдученко [131]). Старшой въ то время спалъ подъ камышомъ въ лодкѣ; неистовые крики пробудили его: онъ увидѣлъ около себя грозныя лица и сабли, и схватился за ружье. „Вотъ онъ, предатель! вотъ онъ, врагъ церкви святой!" кричали казаки. Ружье выпало изъ рукъ его. Онъ началъ просить пощады. Разъяренные казаки не слушали его моленій, напоминали ему объ измѣнѣ, о жестокихъ казняхъ, совершенныхъ въ угодность панамъ надъ ихъ собратіями, и, наконецъ, одинъ казакъ, крещеный татаринъ, Филонъ Джеджалыкъ, прокололъ его копьемъ и бросилъ въ воду [132]). Былъ ли тотъ старшой Барабашъ или Ильяшъ Караиловичъ иначе Вадовскій—все равно: тогда они погибли оба.

Казаки выбрали себѣ асауломъ какого-то Кривулю [133]), и утромъ послали къ Хмельницкому извѣстіе о своемъ освобожденіи. Казацкій предводитель далъ тотчасъ знать Тугай-Бею о своемъ усиленіи и просилъ, чтобъ татары, у которыхъ всегда были въ походѣ лишніе кони, перевезли новыхъ союзниковъ [134]).

Въ тотъ же день Хмельницкій встрѣчалъ ихъ сидя на бѣломъ аргамакѣ, съ бѣлымъ знаменемъ — знакомъ мира; на знамени было написано: „покой христіанству!"

„Кланяемся тебѣ (говорили барабашевцы) и приходимъ служить вѣрою и правдою церкви святой и матери нашей Украинѣ!"

---

[131]) Pam, Albr, Radz. II.

[132]) Истор. о през. бр.—Памятн. кіевс. комм. I. 3. 24.—Лѣт. самов. 6.—Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[133]) Пам. кіев. комм. I. 3. 23.

[134]) Лѣт. самов. 9.

„Братія, рыцари — молодцы! (сказалъ Хмельницкій) пусть будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы и добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу; звѣри и птицы то же дѣлаютъ: на то Богъ далъ имъ зубы и когти. Или намъ оставаться невольниками въ собственной землѣ своей? Поляки отняли у насъ честь, вольность, вѣру—все это въ благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя польское королевство! Не васъ ли они называютъ хлопами? Не они ли замучили гетмановъ вашихъ и старшину? Бѣдные мученики, погибшіе отъ злодѣевъ, просятъ васъ отмстить за нихъ и за всю Украину!"

Съ торжественными восклицаніями пошли они въ лагерь запорожцевъ, которые радушно привѣтствовали своихъ русскихъ братьевъ, одѣтыхъ въ нѣмецкій уборъ [135]).

4-го мая, барабашевцы проѣзжали въ лагерь казацкій въ виду поляковъ, которые, завидя пыль и догадываясь, что это люди ѣдутъ на коняхъ, подумали сначала, что къ нимъ присоединяются барабашевцы, и заранѣе восхищались своею побѣдою. „Теперь "говорили паны: „ничего не стоитъ намъ побѣда; враги будутъ разбиты, и мы приведемъ къ пану гетману самого предводителя."

Въ минуту все измѣнилось; одни едва вѣрили глазамъ своимъ, другіе сыпали проклятія, третьи упали духомъ; а драгуны бросали другъ на друга тревожные взгляды и шопотомъ поговаривали, что и они русскіе. Паны собрались на совѣтъ и не знали, что имъ дѣлать.

---

[135]) Лѣтоп. малор.—Pam. o dziejachi pismien. Slow. I 309.

Тогда Чарнецкій такъ успокоивалъ ихъ: „Измѣна лишила насъ надежды побѣдить—это правда; но сражаться мы еще можемъ; намъ нельзя, съ малыми силами, выбить казаковъ изъ лагеря, но можно ихъ удерживать; мѣсто, гдѣ они стали, несовсѣмъ удобно: будемъ вести съ ними перестрѣлку, не допускать, чтобъ пришли къ нимъ подобные бездѣльники изъ Украины; а тѣмъ временемъ, пошлемъ къ гетману извѣстить, что непріятеля нашли, но казаки намъ измѣнили; поэтому надобно больше войска, а особенно пѣхоты для штурму казацкаго лагеря. Пока мы будемъ здѣсь сражаться противъ нихъ, подойдетъ коронное войско [136])“.

Такой совѣтъ былъ принятъ. Послали какого то Яцка Райскаго съ письмомъ къ гетману [137]), перенесли лагерь назадъ за Жовты-Воды [138]), сбили возы въ четвероугольникъ; впереди, кругомъ на версту, вывели валъ, поставили пушки [139]). Казаки, со своей стороны, подвинулись къ Жовтымъ-Водамъ; началась перестрѣлка черезъ протокъ [140]) казаки отвѣчали слабо, и поляки снова оживали духомъ: имъ казалось, что казаки боятся ихъ; опять возродились надежды на побѣду и уничтоженіе мятежниковъ.

Но за ними, въ то время, уже стояли татары, перешедшіе черезъ Жовты-Воды выше; „объ этомъ никому тогда не приснилось въ польскомъ лагерѣ“, какъ выра-

---

[136]) Hist. belli cos. polon. 56.

[137]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 32.

[138]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Лѣт. Велич. I. 62.

[139]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.

[140]) Лѣт. Велич. 1. 62.

жается современникъ [141]). Хмельницкій въ этотъ день не пускалъ казаковъ на бой, оттого, что замышлялъ однимъ ударомъ сокрушить враговъ. Еще утромъ, онъ послалъ черезъ болото гонца къ Тугай-Бею просить, чтобъ татары поспѣшили; извѣщалъ, что казаки, почти не имѣя пушекъ, могутъ потерпѣть пораженіе, если допустятъ пройти къ полякамъ свѣжимъ силамъ, что, однимъ словомъ успѣхъ зависитъ отъ скорости. Тугай-Бей, получивъ извѣстіе, все еще не хотѣлъ приступить къ сраженію, отговаривался и требовалъ, чтобъ казаки начали битву. Кто знаетъ, быть-можетъ, располагалъ онъ ударить на того, кто окажется слабѣе. Но вскорѣ онъ услышалъ гулъ оружія и понялъ, что казаки начали битву, и въ тоже время татары случайно поймали какого то жолнера, фуражира: отъ него мурза узналъ, что польское войско не въ выгодномъ положеніи. Тогда, увѣрясь въ возможности побѣдить поляковъ, онъ отрядилъ изъ своей орды немногочисленный отрядъ въ тылъ польскому лагерю. Татары воспользовались темнотою ночи и неровнымъ мѣстоположеніемъ, и стали такъ, что поляки ихъ не примѣтили. Хмельницкому тотчасъ дано было знать объ этомъ [142]).

На слѣдующій день, 5-го мая, въ пятницу, поляки бодро и смѣло затѣвали нападеніе на непріятельскій лагерь. Потоцкій приказалъ выходить короннымъ хоругвямъ и драгунамъ въ поле изъ четвероугольника; готовили пушки [143]). Но въ казацкомъ лагерѣ уже не си-

---

[141]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.

[142]) Hist. belli cos. polon. 56—57.

[143]) Annal. Polon. Clim. I. 32.

дѣли тихо, какъ вчера; играли на трубахъ, били въ котлы [144]); воины строились, и Хмельницкій, выѣхавъ передъ войско, говорилъ имъ такъ:

„Рыцари-молодцы, славные казаки-запорожцы! Пришелъ теперь часъ за вѣру христіанскую постоять грудью. Самъ Господь вамъ поможетъ! Стойте смѣло противъ гордостной ляшской силы. Что-жъ, развѣ вы устрашитесь этихъ пугалъ въ леопардовыхъ кожахъ? Чѣмъ они васъ запугаютъ?—перьями на шапкахъ, что-ли? Развѣ отцы наши не били ихъ? Вспомните славу дѣдовъ нашихъ, что разнеслась по всему свѣту! И вы одного съ ними дерева вѣтви! Покажите жъ свое завзятье; добудьте славы и рыцарства вѣчнаго. Кто за Бога, за того Богъ [145]).

Казаки стремительно вырвались изъ лагеря, перешли воду [146]), и бросились на польскій обозъ съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій двинулъ на нихъ и коронныя хоругви и драгуновъ; пушки загремѣли... но вдругъ раздается сзади крикъ „алла!“,—появляются татары.

Не успѣли поляки придти въ себя послѣ изумленія, новая неожиданность: драгуны, выведенные противъ своихъ братьевъ, нейдутъ; казаки ударили на коронныхъ жолнеровъ—драгуны подаются назадъ; казаки сильнѣе напираютъ на хоругви: драгуны поворачиваютъ направо, стремительно вырываются въ поле и летятъ къ русскимъ,

---

[144]) Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.

[145]) Истор. о през. бр.

[146]) Лѣтоп. Велич. I. 32.

своимъ братьямъ. Хоругви растроиваются; пушки поворотили назадъ; все готово бѣжать сломя-голову [147]).

Потоцкій началъ удерживать шляхтичей. „Неужели„, восклицалъ онъ: „вы хотите быть похожими на овецъ, разогнанныхъ волками? Лучше умереть въ битвѣ, чѣмъ обратиться въ гнусное бѣгство и все-таки достаться въ пищу звѣрямъ?“ Пушки снова ввезли на четвероугольникъ, замкнулись въ немъ и стали отстрѣливаться [148]).

На другой день, въ субботу, часовъ въ одинадцать утра, казаки съ разныхъ сторонъ бросились на обозъ; поляки защищались храбро, битва продолжалась до пятаго часа по пополудни [149]), но полилъ дождь: порохъ отсырѣлъ; усталые, отъ безпрестанной работы, жолнеры едва могли дѣйствовать руками; кони ихъ пропадали безъ травы. Казаки, обступивъ лагерь, лишили осажденныхъ воды [150]) Была надежда на прибытіе гетмана, но и та изчезла; казаки съ насмѣшками показывали въ виду польскаго лагеря письмо, перехваченное у Райскаго [151]). Потѣшаясь надъ врагами, они бѣгали, дразнили ихъ въ неистовой радости и приглашали отдаться на милость хлопамъ. Такія выходки придавали полякамъ болѣе отчаянія; никто не могъ повѣрить искренности враговъ; имъ представлялась неминуемая голодная смерть въ пустынѣ; но, къ удивленію всѣхъ, выѣз-

---

[147]) Bell. scyth, cosac. 11.—Annal. Polon Clim. I. 32.—Кратк. опис. о казац. малор. нар. 22.

[148]) Истор. о през. бр.

[149]) Stor. delle. guer. civ. 12.

[150]) Relat o bitwie pod. Zolt. Wod.

[151]) Истор. о през. бр.—Annal Polon Clim I. 33.—Histor. belli cos. polon. 56.

жаетъ къ польскимъ окопамъ самъ Хмельницкій, безстрашно приближается и кричитъ голосомъ, котораго рѣзкости всякій изумился:

„Не губите себя понапрасну, панове; побѣда въ моихъ рукахъ, но я не хочу возбуждать въ себѣ ея жажду, которая утушится только въ братней крови. Дѣло сладится, если вы тотчасъ къ намъ пришлете кого нибудь на переговоры; но поспѣшайте, пока не пришли татары.“

Паны разсудили, что ихъ мало, и что, поэтому, они не въ состояніи будутъ держаться противъ большой орды. Страхъ появленія татаръ, и, особенно, перекопскаго мурзы, котораго считали знаменитымъ наѣздникомъ, склонилъ къ миролюбивому расположенію духа самыхъ отважныхъ, даже Потоцкаго. Паны выслали къ казакамъ Чарнецкаго.

Хмельницкій принялъ Чарнецкаго, сверхъ ожиданія, съ большими почестями, привѣтствовалъ не какъ врага, а какъ соотечественника и пріятеля. Началось угощеніе; казаки осушали чарки за здравіе гостя, восхваляли его военныя дарованія; обо всѣхъ панахъ отзывались съ уваженіемъ, но ни слова не говорили о переговорахъ, какъ-будто Чарнецкій пріѣхалъ къ нимъ въ гости. Такъ прошелъ день. Это дѣлалось, говорили послѣ поляки,, съ намѣреніемъ проволочить время, пока подойдетъ Тугай-Бей. Хмельницкій снова послалъ гонца къ нему.

На другой день, 7-го мая, Чарнецкій самъ заговорилъ о дѣлѣ. „Чего угодно потребовать отъ нашего войска?“ сказалъ онъ.

„Правду сказать“, отвѣчалъ Хмельницкій: „я ничего не

требую отъ вашего войска и нѣтъ мнѣ никакой необходимости дѣлать вамъ какія бы то ни было уступки; толковать же о нашихъ дѣлахъ мы съ вами не можемъ, потому, что у васъ въ лагерѣ нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. А предложилъ я войти съ нама въ сношеніе только потому, что мнѣ васъ жаль: отдайте намъ ваши пушки и идите себѣ спокойно домой!"

Хмельницкій оставилъ Чарнецкаго въ казацкомъ лагерѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ панскомъ войскѣ казацкіе заложники, и отправилъ къ панамъ съ этимъ предложеніемъ казаковъ.

Паны за сутки еще яснѣе увидѣли положеніе, въ какомъ находились; каждую минуту выглядывали они съ трепетомъ нейдутъ ли татары, а потому недолго разсуждали.

„Не только для насъ, но для цѣлаго отечества будетъ полезнѣе"; говорили въ совѣтѣ: „если мы откупимся отъ несомнѣнной гибели какими-нибудь маловажными орудіями; за-то мы выиграемъ время, присоединимся къ войску и дадимъ ему способъ, узнавъ въ-пору о мятежѣ, не допустить его до большаго разгара.—Если вы клятвою подтвердите обѣщаніе выпустить насъ", сказали они казакамъ, „то мы согласимся".

Казаки присягнули, и пушки были отвезены въ лагерь Хмельницкому [152]), вмѣстѣ съ заложниками изъ старыхъ товарищей. Это было кстати казакамъ: у нихъ

---

[152]) Histor. belli cos. polon. 58.—Relat. o bitwie p. Zolt. Wod.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 71.—Annal. Polon. Clim. I. 32. 14.—Stor. delle guer. civ. 12. Рук. И. П. Б. разнояз. f. № 5.

было всего пять орудій, да изъ тѣхъ одно лопнуло при началѣ стычки.

„Тогда мы еще не знали этого обманщика“, говоритъ современный дневникъ [153]). Хмельницкій не отпустилъ Чарнецкаго, вопреки договору, и паны, страшась прибытія Тугай-Бея, не стали долго требовать его возвращенія, а старались поскорѣе сами освободиться отъ гибели [154]). Они двинулись поспѣшно въ обратный путь, въ Украину. Казаки пошли за ними по пятамъ, какъбудто только наблюдая за ними, и, повидимому, не думали дѣлать имъ зла.

Такъ прошли они три мили, и, 8-го мая передъ обѣдомъ, дошли до яра, покрытаго лѣсомъ. Урочище это называлось Княжьими Байраками [155]). Вдругъ, на горизонтѣ поднялась пыль, потомъ зачернѣла толпа людей, и, чрезъ нѣсколько времени, воздухъ наполнился дикимъ крикомъ: то былъ Тугай-Бей съ татарами. Не уважая договора съ казаками, ногаи бросились на панскій обозъ [156]); стрѣлы тучами полетѣли въ лицо шляхтѣ, пробивали насквозь и калѣчили людей и лошадей; поляки ускорили походъ, но вошли въ яръ и не могли сдѣлать шагу; путь лежалъ черезъ буераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ; казаки, забѣжавъ впередъ, порыли землю, набросали дерёва и каменьевъ, сдѣлали дорогу совсѣмъ непроходимою; свернуть въ сторону было невозможно; кони падали; возы погрузились въ илистой землѣ [157]).

---

[153]) Relat. o bitwie p. Zolt Wod.

[154]) Histor. belli cos. polon. 58 —Pastorii Hist. plen. 74

[155]) Истор: о през. бр.—Лѣтоп. самов. 9.

[156]) Histor belli cos. polon. 59

[157]) Истор. о през. бр

Тугай-Бей побралъ у казаковъ пушки, и начали татары палитъ на поляковъ изъ собственныхъ ихъ же орудій [158]).

Упали духомъ шляхтичи. Но Потоцкій, самъ тяжелораненный, удержалъ ихъ еще разъ. „Ужъ такова судьба наша, говорилъ онъ: мы пропали, но не отъ собственной вины. Гнусная измѣна лишила насъ побѣды; осталась намъ честная смерть. Я рѣшаюсь лучше пасть подъ оружіемъ, чѣмъ подлою сдачею показать ничтожность души передъ гордымъ врагомъ, или раздраженнымъ отцомъ" [159]).

Поляки принялись съ жаромъ копать валъ, побросали ружья, начали отбиваться саблями, деревьями, каменьями; но не помогла имъ отчаянная храбрость: татары ударили на нихъ, разомъ съ четырехъ сторонъ, перевернули четвероугольникъ и сошлись въ срединѣ обоза съ противоположныхъ концовъ. Потоцкій, полумертвый, издыхающій, взятъ въ плѣнъ; за нимъ, кто остался живъ,—всѣ положили оружіе [160]). „*Бідній, бідній пане Степане!*" говорили казаки, стоя около Потоцкаго: „*не попавъ, небоже, на Запорожье, не найшовъ гараздъ, шляху*" [161]). Молодой храбрецъ скончался на другой день среди степи [162]).

Шемберга, Сапѣгу, Чарнецкаго и другихъ плѣнниковъ Хмельницкій отправилъ въ Чигиринъ, который тогда же

---

[158]) Histor belli cos. polon. 43.

[159]) Annal. Polon. Clim. I. 33.

[160]) Истор. о през. бр.

[161]) Народная пѣсня.

[162]) Annal. Polon. Clim. I. 34.—Истор. о през бр.—Histor. belli cos. polon. 59—60.—Stor. delle guer. civ. 14.

сдался и былъ занятъ казаками. Предводитель приказывалъ содержать этихъ плѣнниковъ подъ присмотромъ, до дальнѣйшаго рѣшенія рады, впрочемъ, обращаться съ ними человѣколюбиво и лечить раненныхъ [163]). *Отсе вамъ, панове* (говорили казаки, подтрунивая надъ безсильными панами), *за тее, що не схотіли съ козаками-молодцями у мирі жити: лучше вамъ були жиди-збойці, ніжъ Запорожци-молодці*; *а теперь за те покуштуйте татарськой юшки* [164]). „Отъ Жовтыхъ-Водъ до Княжихъ-Байраковъ, зеленое поле зарябилось не цвѣтами весенними, а тѣлами панскими: лежали паны, *выщеривши* зубы, и ѣли ихъ собаки и сѣрые волки; не по одному ляху осталась вдова, не по одномъ заплакали дѣти сироты. Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ; напились они желтой водицы, да, видно, хмѣлю много было положено: не устояли паны на ногахъ, когда бѣжать пустились“ [165]). Такъ торжествовали русскіе побѣду надъ поляками.

Войско казацкое простояло два дня на мѣстѣ пораженія поляковъ. Предводитель устроивалъ свою артиллерію, которая тогда содержала до двадцати-шести орудій, на маленькихъ возахъ, о двухъ колесахъ, приставилъ къ пушкамъ пятьсотъ конныхъ и пятьсотъ пѣшихъ, и двинулся отъ Жовтыхъ-Водъ скорымъ маршемъ, чтобъ настичь Потоцкаго. Въ это время прибѣжало къ нему болѣе двухъ тысячъ охотниковъ изъ Чигирина, Крылова

[163]) Лѣтоп. Велич. I. 64.—Ерличъ говоритъ, что Шембергу отрубили голову и облупили ее. (стр. 63)

[164]) Народн. дума. (въ старой рукописи)

[165]) Народн. пѣсня.

и другихъ окрестностей. Казацкое войско простиралось до пятнадцати тысячъ, кромѣ татаръ [166]).

Въ это время, когда подъ Жовтыми-Водами казаки одержали свою вѣроломную побѣду, собранное польское войско стояло близъ Черкасъ; о числѣ его разногласятъ историки: украинскій лѣтописецъ увеличиваетъ его до двадцати-шести тысячъ [167]), поляки уменьшаютъ до пяти тысячъ [168]). Изъ нихъ три тысячи было кварцяныхъ, а двѣ волонтеровъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ московскимъ гонцемъ, бывшимъ въ то время въ Польшѣ, кварцяныхъ было четыре тысячи, панскихъ двѣ, да черкасъ (малоруссовъ) и драгунъ двѣ тысячи [169]). Паны пировали; каждый магнатъ, прибывъ въ лагерь, долженъ былъ дѣлать угощенія; такъ проходило время, и никто не заботился о томъ, что о высланномъ отрядѣ столько дней ни слуху, ни духу. Эту неизвѣстность перетолковали въ хорошую сторону. „Вѣрно (говорили въ лагерѣ) они хорошо загостились у казаковъ, когда не спѣшатъ къ войску; они къ намъ не воротятся до-тѣхъ-поръ, пока не привезутъ съ собою нагруженныхъ возовъ и не приведутъ сколько-нибудь плѣнниковъ и штукъ скота“ [170]). Занятые пирушками, паны слышать не хотѣли совѣтовъ тѣхъ, которые думали, что уже пора двинуть войско далѣе. „Куда жъ намъ идти?“ спрашивали они: „казаковъ нигдѣ не видать; за Днѣпромъ хотя и есть мятежъ, но

[166]) Лѣтоп. Велич. I. 65.—Stor. delle guer. civ. 14.

[167]) Лѣтоп. Велич. I. 66.

[168]) Jakuba Michalowskiego. Ks. pam. 90.

[169]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 28.

[170]) Histor. belli cos. polon. 56.

туда не зачѣмъ тащить такое войско!“ Отправляли только небольшія партіи по сторонамъ узнавать, все ли спокойно въ русской землѣ и не собираются ли крестьяне на мятежъ [171]). Къ этому бездѣйствію располагало ихъ новое повелѣніе королевское, присланное чрезъ канцлера: оставить военныя дѣйствія внутри Украины и выйти оттуда. „Король (писалъ канцлеръ) заботится о безопасности войска и боится неудачи, на которую отваживаются гетманы въ странѣ, имъ мало знакомой, а казакамъ слишкомъ извѣстной. Король самъ пріѣдетъ въ Русь, гдѣ надѣется, безъ кровопролитія, усмирить волненіе между казаками, которыхъ предводитель, Хмельницкій, покорится предъ своимъ монархомъ и благодѣтелемъ“. Паны не думали тогда мирится съ казаками и, тѣмъ менѣе, съ своими взбунтовавшимися хлопами; но повелѣніе нейдти въ степь было для нихъ пріятно, когда они надѣялись на высланные отряды, а сами, тѣмъ временемъ, могли спокойно ѣсть и пить; ихъ безпокоило только то, что они ни какъ не могли добыть языка. Русскіе всѣ какъ будто сговорились молчать.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ желтоводскаго сраженія, прибѣжалъ въ лагерь простой солдатъ, который какъ-то прорвался изъ атакованнаго лагеря; онъ оповѣстилъ измѣну реестровыхъ и драгуновъ, и опасность, въ какой находится сухопутный отрядъ. Такое извѣстіе показалось до того дивнымъ для пановъ, что они ему не повѣрили и посадили драгуна въ тюрьму. Онъ былъ русскаго исповѣданія.

„Не можетъ этого быть (говорили паны); какъ бы могъ

---

[171]) Histor. belli cos. polon. 60.

уйти только одинъ изъ всѣхъ? Очевидная нелѣпость; тамъ есть такіе, которые скорѣе, чѣмъ онъ, могли бы спастись съ хорошими лошадьми. Это больше ничего, какъ хитрость враговъ: драгунъ, видно, къ нимъ передался, и они его послали, чтобъ внушить намъ страхъ и заставить насъ выйти отсюда.

Однако, въ то же время, собрались въ лагерь партіи, которыя отправлялъ Потоцкій по сторонамъ для узнанія, что дѣлается въ народѣ. Они доносили, что прошли нѣсколько миль, что повсюду Украина пустѣетъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заготовлены припасы и стоятъ вооруженные люди, что, однимъ словомъ, на Руси настоящій бунтъ.

Эти вѣсти заставили пановъ задуматься; собрали совѣтъ и рѣшили на немъ, что надобно дѣйствительно двинуться впередъ для того, чтобъ, въ случаѣ необходимости, подать помощь молодому Потоцкому. Пановъ начало безпокоить то, что въ посланномъ отрядѣ большая часть русскихъ.

Они прошли два дня, никого не встрѣчали, посылали подъѣзды, а эти подъѣзды попадались въ плѣнъ непріятелю. Потоцкій надменно говорилъ, что не хочетъ срамить себя такимъ походомъ противъ хлоповъ [172]). Но вдругъ идетъ имъ на встрѣчу бѣглецъ—недобитокъ, какъ говорилось тогда,—съ Жовтыхъ-Водъ, польскій шляхтичъ; онъ раненный, тащился съ вѣрною вѣстью [173]).

Жолнеры привели его къ коронному гетману.

---

[172]) Histor. belli cos. polon. 60—61.

[173]) Annal. Polon. Clim. I. 34.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Велич. I. 66. Woyna dom. Ч. I. 8.

„Пане!“ сказалъ онъ: „все погибло; казаки и драгуны, не сражаясь, измѣнили намъ; обозъ взятъ; Сапѣга, Шембергъ, Чарнецкій въ неволѣ; сынъ твой такжевзятъ чуть-живой и теперь, вѣрно, разстался съ свѣтомъ“.

Ужаснулся гетманъ и всѣ военачальники [174]. „все войско (говоритъ лѣтописецъ) стало такъ блѣдно, какъ блѣдна бываетъ трава, прибитая морозомъ, когда, послѣ холодной ночи, возсіяетъ солнце“.—„О сынъ мой!“ восклицаетъ гетманъ: „на то ли я далъ тебѣ начальство, чтобъ ты за булаву вымѣнялъ могильный заступъ!“ Воины плакали о безвременной кончинѣ юноши, но приписывали его погибель самому родителю, который дурнымъ распоряженіемъ навлекъ бѣду на отечество [175]).

Вѣсть о пораженіи произвела всеобщій страхъ между панами, особенно когда недобитокъ увѣрялъ, что Хмельницкій уже недалеко съ безчисленнымъ войскомъ [176]). Собрали паны совѣтъ.

Калиновскій, отважный какъ всегда, говорилъ, что слѣдуетъ идти далѣе противъ враговъ. Потоцкій, несмотря на горесть о сынѣ, напился горѣлки и также не падалъ духомъ, но, по обыкновенію дѣйствовать наперекоръ польному гетману, не хотѣлъ идти впердъ, а рѣшался оставаться на мѣстѣ [177]).

„Душа моя скорбитъ“, говорилъ онъ:—„заснуть не могу и не успокоюсь, пока не накажу презрѣнныхъ холоповъ; не утѣшу себя местію за ихъ вѣроломство, не

---

[174]) Истор. о през. бр.
[175]) Истор. о през. бр.—Woyna domowa. Ч. I. 8.—Annal pol. Clim. I. 34
[176]) Woyna dom. Ч. I. 8.—Annal. pol. Clim. I. 34.
[177]) Relat. o bitwie p Korsun.

искуплю обильнымъ пролитіемъ крови ихъ—смерть моего сына. Не потерплю, чтобъ они тѣшились и надѣялись избѣгнуть кары за то, что осмѣлились подняться на господъ своихъ. Пусть хоть какая сила казацкая идетъ на меня: войско у меня хорошо, а воевать съ казаками не въ первый разъ!“ [178]) говорилъ Потоцкій. Большая часть пановъ на совѣтѣ не раздѣляла ни мысли Калиновскаго, ни Потоцкаго. „Войско наше, по всему видно, убѣжитъ, когда явится непріятель (говорили они); а если и удастся намъ остановить бѣглецовъ, то они не устоятъ противъ многочисленной непріятельской силы. Все равно прійдется намъ, въ виду враговъ, отступить; не лучше ли заранѣе приблизиться къ городамъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, можно было найти себѣ пищу, а здѣсь мы пропадемъ съ голоду“?

Потоцкій согласился на эти представленія, когда прошла у него охота къ брани. Калиновскій долженъ былъ уступить, но съ большею досадою: оба гетмана обмѣнялись обидными выраженіями, одинъ на счетъ другаго, и каждый положилъ себѣ за правило давать приказанія, которыя раздражали бы соперника [179]).

10-го мая, послали на подъѣздъ Гдешинскаго, а войско двинулось назадъ и, на третій день, достигло Корсуна, на рѣкѣ Роси [180]). Потоцкій думалъ идти еще далѣе, но 14-го мая возвратился къ войску Гдешинскій съ вѣстью, что Хмельницкій и Тугай-Бей уже въ мѣстечкѣ Смиломъ [181]), (верстъ за 40 съ небольшимъ отъ

---

[178]) Истор. о през. бр.—Histor. belli cos. pol. 62.—Stor delle guer. civ.

[179]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. F. № 5.

[180]) Бывшій полковой городъ; нынче мѣстечко въ каневскомъ уѣздѣ.

[181]) Звенигородскаго уѣзда.

Корсуна) и преслѣдуютъ поляковъ по пятамъ. Самъ Гдешинскій видѣлъ, какъ непріятельское войско переправлялось черезъ Тясминъ. „Если не сегодня вечеромъ, то завтра утромъ", говорилъ онъ, „оно будетъ здѣсь" [182]). Тогда приказали остановиться. Рѣшили дать сраженіе. Выбрали поле между Корсуномъ и Стебловымъ, поставили войско въ какихъ-то старыхъ окопахъ: впереди вывели пять батарей и укрѣпили пушками [183]). Потоцкій приказалъ сжечь мѣстечко Корсунъ [184]), для того, чтобъ непріятель не могъ имѣть пристанища и не воспользовался городомъ для своихъ стратегическихъ соображеній. Та же участь, по приказанію Потоцкаго, постигла окрестные хутора, мѣстечко Стебловъ и Черкасы, должно быть, истребленныя при выходѣ изъ нихъ поляковъ. Во время этихъ пожаровъ, поляки мучили и умерщвляли старыхъ и малыхъ, женщинъ и младенцовъ [185]).

Такимъ мѣрамъ противился Калиновскій, представляя, что поляки сами себя лишаютъ вспоможенія и припасовъ. Но чѣмъ настойчивѣе доказывалъ польный гетманъ, тѣмъ рѣшительнѣе поступалъ коронный наперекоръ сопернику. Онъ и слушать не хотѣлъ, когда представляли ему, что онъ оставилъ позади себя яры, а впереди возвышеніе [186]), „Негдѣ правды дѣть (говорятъ современные дневники) [187]). У насъ тогда была страш-

---

[182]) Jakuba Micha. ks. pam. 21.

[183]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. Hist. F. № 5.

[184]) ibidem

[185]) Latopis. Jerlicza. 64.

[186]) Relat. o bitwie p. Korsun.

[187]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 73.—Relat. o bitw. p. Korsun.—Рукоп. И. П. Библ. разнояз. F. № 5.

ная безалаберщина, не смотря на то, что непріятель стоялъ надъ шеею, собиралась къ Хмельницкому со всѣхъ сторонъ казацкая саранча, а русскіе хлопы, мимо панскаго лагеря, провозили съѣстные припасы въ лагерь Хмельницкаго и гласно величали его спасителемъ своего народа и защитникомъ своей релегіи.“

Хмельницкій приближался. Тугай-Бей шелъ впереди съ четырьмя тысячами нагаевъ.

Тревога распространилась въ польскомъ обозѣ, когда послышали, что грозный врагъ недалеко. Украинцы, одѣтые драгунами, въ числѣ трехъ тысячъ, были посланы на передовую стражу и передались Хмельницкому [188]). Слути и оруженосцы, даже поляки, въ страхѣ говорили: „Хмельницкій насъ побьетъ, когда будемъ стоять за пановъ!“ Шляхтичей, въ добавокъ, пугали слухи о кончинѣ короля [189]). Видали разныя предзнаменованія и примѣты будущаго несчастія; толковали о затмѣніи солнца, случившемся въ день страстнаго пятка, о необычайной кометѣ, которая, впродолженіе двѣнадцати дней, устрашала народъ своею метлообразною формою; а между тѣмъ, примѣръ предводителей дѣйствовалъ на подчиненныхъ: второстепенные начальники также, подобно гетманамъ, соперничали и ссорились между собою [190]).

Въ такомъ положеніи было польское войско, когда явился Хмельницкій, 15-го мая, въ понедѣльникъ [191]). Пыль отъ идущаго войска была такъ велика, что по-

---

[188]) Истр. о през. бр.—Лѣтоп. Велич I. 66.

[189]) Annal. Polon. Clim. I. 35.

[190]) Relat. o bitwie p. Korsun.—Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[191]) Истор. о през. бр.

ляки думали, что непріятеля тысячъ сто, а въ самомъ-дѣлѣ казаковъ было пятнадцать тысячъ [192]). Тогда то говоритъ народная дума—вскрикнулъ Хмельницкій батько казацкій: эй, друзья—молодцы, братья—казаки запорожцы, принимайтесь—да хорошенько, начнемте съ ляхами варить пиво; лядскій солодъ, казацкая вода; лядскія дрова, казацкіе труды!

Татары первые бросились на лѣвое крыло поляковъ, которымъ командовалъ Одрживольскій. Нѣсколько разъ отступали шляхтичи и снова напирали на татаръ. Въ полдень самъ Тугай-Бей извѣстный полякамъ своимъ богатырствомъ, проѣхалъ мимо польскаго обоза, пренебрегая выстрѣлами съ польскихъ шанцевъ. Потоцкій не приказывалъ вступать въ жаркое дѣло. Передъ солнечнымъ закатомъ враги разошлись.

Поляки взяли въ плѣнъ девять татаръ и одного казака, который, какъ оказалось, былъ бутъ (переводчикъ, или толмачъ); онъ подъ пыткою сказалъ, что татаръ у нихъ 47,000, а казаковъ болѣе 15,000, но скоро придетъ самъ ханъ съ огромною ордою. Потоцкій приказалъ отрубить голову ему и плѣннымъ татарамъ [193]).

Тогда Хмельницкій отошелъ, расположилъ свое войско на возвышенности въ видѣ полумѣсяца и показывалъ видъ, будто хочетъ атаковать польскій обозъ всѣми силами [194]), а между-тѣмъ, задумалъ инымъ средствомъ уничтожить враговъ. Онъ выбралъ расторопнаго и умнаго казака Микиту Галагана, научилъ, что ему дѣлать и

[192]) Лѣтоп. Велич. I. 67.

[193]) Рук И. П. Б. Hist. pol. f. 33

[194]) Woyna dom. Ч. I. 8.

говорить, и послалъ прокрадываться къ польскому лагерю такъ, чтобъ его замѣтили [195]). Предвидя, что задуманный планъ удастся, казацкій предводитель тогда же послалъ казаковъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Кривоноса, съ татарами, чрезъ близлежавшую гору, и приказалъ, чтобъ они зашли въ березовый лѣсъ, находившійся неподалеку отъ селенія Гроховцы, въ неровномъ мѣстѣ. Это урочище называли поселяне Крутою-Балкою. [196]). Хмельницкій приказалъ нарубить въ лѣсу деревьевъ на пути полякамъ и перекопать дорогу глубокимъ рвомъ вдоль узкой долины, засѣсть въ чащахъ и поставить орудія [197]).

Микита сталъ пробираться мимо польскихъ окоповъ; его поймали и привели къ предводителю [198]), послѣ пытки огнемъ, обыкновеннаго тогда обряда, казакъ началъ такъ говорить на вопросы о числѣ войска своего:

„Нашимъ счета я не знаю, да и знать трудно, потому что съ каждымъ часомъ ихъ становится болѣе, а татаръ съ Тугай-Беемъ тысячъ пятьдесятъ, да еще ханъ стоитъ неподалеку, съ ордою и скоро будетъ здѣсь“ [199]).

„Когда услышали паны эту вѣсть (говоритъ русскій лѣтописецъ), то такой страхъ напалъ на нихъ, что и сами они уныли, и руки у нихъ опустились и весь разумъ отъ нихъ отступилъ“ [200]). Распространился слухъ,

---

195) Истор. о през. бр.

196) Лѣтоп. самов. 10.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon Clim. I.—37. Памятн. кіевск. комм. I. 3. 75.—Сборн. укр. пѣсенъ Максим.—Народ. дума. 70

197) Rel. Maszk. Zbiór. pam. o dawn. Polsce. V. 66.

198) Истор. о през. бр.

199) Истор. о през. бр.

200) Истор. о през. бр.

что казаки отводятъ воду изъ подъ Стеблова за милю отъ Корсуна [201]).

Совѣтъ пановъ былъ до крайности несогласенъ. Многіе держались той мысли, что слѣдуетъ бѣжать какъ можно скорѣе. Самъ Потоцкій, столь гордый, столь самонадѣянный, теперь былъ въ пугливомъ расположеніи духа [202]).

„Съ малымъ числомъ нашего войска (говорилъ онъ) нельзя думать о продолжительной битвѣ. Если прійдутъ свѣжія татарскія силы и обложатъ насъ, то гдѣ мы возьмемъ пищу? Да еслибъ мы и успѣли побѣдить Хмельницкаго, то что изъ этого? Гнѣздо мятежа плодовито въ Украинѣ. Еслибъ мы были сторукіе гиганты, то и тогда бы не совладѣли съ Русью, этою гидрою, у которой, вмѣсто одной срубленной головы, выростутъ десять. Полезнѣе будетъ для Рѣчи Посполитой, если мы сохранимъ войско до того времени, когда можно будетъ успѣть; а если мы погубимъ войско наше, то великая бѣда станется для Рѣчи Посполитой".

Калиновскій не измѣнялъ своей обыкновенной отвагѣ, тѣмъ болѣе, что могъ противорѣчить Потоцкому.

„Правда (говорилъ онъ), мы можемъ быть лишены съѣстнаго, но это потому, что приказано сжечь мѣстечко Корсунъ безъ нужды; теперь самое лучшее, на что можемъ рѣшиться—выйти въ открытое поле, бросится всѣми силами на непріятеля и однимъ ударомъ сломить его. Но важнѣе всего не медлить на совѣтахъ, пока не отня-

---

[201]) Рук. И. П. Б. Hist. Pol. F. 33

[202]) Relat. o bitwie p. Korsun.

ли у лошадей пастбищъ, а иначе, безъ конницы, заберутъ насъ какъ птицъ."

Потоцкій говорилъ:

„Войско наше пало духомъ, да еще, къ тому, изнемогаетъ отъ недавняго сраженія; чѣмъ жарче будетъ оно биться, тѣмъ болѣе ослабѣетъ, а сила непріятельская увеличивается; отъ этого я нахожу лучше всего отступить укрѣпленнымъ четвероугольникомъ: такимъ образомъ мы спасемъ войско и сохранимъ его для отечества."

Калиновскій продолжалъ представлять свои доказательства и замѣтилъ, что его не хотятъ слушать изъ личности.

Потоцкій вспыхнулъ.

„Что это такое? (закричалъ онъ). Я здѣсь главный. Когда пробощъ въ приходѣ, викарій не имѣетъ тогда власти. Дѣло польнаго гетмана исполнять, а не судить. Теперь сраженія нельзя начинать: сегодня понедѣльникъ, феральный день; никогда не бываетъ онъ счастливъ въ войнѣ".

Потомъ онъ обратился къ командирамъ:

„А вы, господа, развѣ забыли, что я вашъ начальникъ? Ваше дѣло служить и исполнять то, что сказано. Когда услышите голосъ военной трубы, слѣдуетъ становиться въ ряды, а здѣсь не ваше дѣло разглогольствовать" [203]).

Коронный гетманъ приказалъ немедленно собираться въ походъ и поручилъ устройство отступленія Николаю

---

[203]) Annal. Polon. Clim I. 36.

Бѣгановскому. Таборъ, на другой день до свѣта, двинулся въ путь: возы съ запасами и панскіе рыдваны, нагруженные туго всякимъ добромъ, потянулись двойнымъ четвероугольникомъ въ восемь рядовъ: въ срединѣ была артиллерія и лошади; по сторонамъ четвероугольника пѣхота;—на лѣвой сторонѣ велъ войско Калиновскій, на правой—Потоцкій [204]). Потоцкій, говоритъ современникъ, сидѣлъ въ своей каретѣ пьянъ, а Калиновскій былъ до того близорукъ, что на выстрѣлъ изъ лука не могъ разсмотрѣть человѣка [205]). Предположили идти на Богуславъ проселочнымъ путемъ для того, чтобъ избѣгнуть нападенія казаковъ [206]). Галаганъ предложилъ себя въ проводники, и паны, съ удивительнымъ легковѣріемъ, положились на казака. Онъ говорилъ, что знаетъ безошибочно мѣстность [207]).

Казаки дали имъ пройти верстъ десять спокойно, потомъ стали за ними идти вслѣдъ, а наконецъ, стремительно бросились на обозъ и дали сильный залпъ. Татары пустили стрѣлы, поляки отвѣчали ружейными выстрѣлами; многія ружья у нихъ заряжены были дробью. Казаки и татары то отступали и шли позади за польскимъ обозомъ издали, то стремительно налетали на него, пускали пули и стрѣлы и потомъ быстро отбѣгали назадъ.

Паны должны были двигаться въ лѣтній жаръ въ тяжелыхъ панцыряхъ [208]). Такъ, обороняясь, прошли они

---

[204]) Relat. o bitwie p. Korsun.

[205]) Dyar. Bogus. Maszk. въ Zbiorze pam. o dawn. Polsce F. V. 67.

[206]) Annal. Polon. Clim. I. 37.—Stor. del. guer. civ. 19.

[207]) Истор. о през. бр.

[208]) Лѣт. Велич. I. 68.

около пяти верстъ; но когда приблизились къ деревнѣ Гроховцамъ, тогда тысяча-восемьсотъ драгуновъ пристали къ нимъ, и вмѣстѣ съ ними кинулись на обозъ. Это болѣе разстроило войско [209]).

Далѣе новое бѣдствіе: поляки вошли въ лѣсъ, и Галаганъ завелъ ихъ въ трущобу; на пути лежали срубленныя деревья, и въ то время, когда Хмельницкій напиралъ на польскій обозъ сзади, шесть тысячъ казаковъ, посланныхъ съ Кривоносомъ заблаговремено, бросились на враговъ спереди [210]).

Пока проходилъ обозъ черезъ рощу, уже значительная часть возовъ была отбита. Роковое мѣсто для поляковъ было въ концѣ рощи. Дорога спускалась съ крутой горы въ долину и подымалась на гору. Вдоль долины на нѣсколько верстъ шелъ выкопанный глубокій ровъ. Польскія пушки и возы съѣзжая съ горы летѣли въ этотъ ровъ. Напрасно передніе кричали заднимъ: стой! стой! лошади, успѣвшіе достигнуть спуска, не въ силахъ были удержаться, падали съ возами одни за другими въ ровъ; другіе возы въ безпорядкѣ бросались въ сторону, но по бокамъ были овраги и они туда попадали. Прямо на поляковъ съ противоположной горы палили казацкія пушки, а сзади пріударили на нихъ со всѣхъ силъ казаки и татары [211]).

Предводители едва не дрались между собою. Калиновскій всю бѣду слагалъ на Потоцкаго, Потоцкій на

---

[209]) Belli scyth. cosac. 15.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. 53.

[210]) Истор. о през. бр.

[211]) Рукоп. И. П. Б. № 33.—Dyariusz Maszkiewicza, въ Zbiorze pam. o dawn. Polsce t. V 67.—Jak. Michl. Ks. Pam. 24. — Рукоп. И. П. Б. разнояз. № 5.

Калиновскаго; и тотъ и другой давали противорѣчащія приказанія; командиры не знали, кого слушаться и, въ суматохѣ, также всѣ ссорились между собою [212]).

Тогда одинъ изъ полковниковъ, князь Корецкій, владѣлецъ Корца и богатыхъ имѣній на Волынѣ, собралъ своихъ двѣ тысячи жолнеровъ, такъ называемый полѣсскій полкъ, которому назначено было стоять въ четвероугольникѣ, и закричалъ:

„Полно уже бѣгать за телѣгами: не время теперь и думать о спасеніи обоза. Сядемъ лучше на коней, да пробьемъ себѣ дорогу сквозь непріятеля! Гей! кто за мною? Теперь я буду вашимъ гетманомъ".

Паны начали было удерживать его, напоминая, что надобно слушаться команды.

„Поздно давать приказанія!" кричалъ Корецкій: „на коней!" Вслѣдъ за нимъ повторили: „на коней!" и двѣ тысячи жолнеровъ покинули обозъ [213]). Казаки воспользовались оставленнымъ мѣстомъ, кинулись въ прогалину, ворвались въ средину четвероугольника и начали повсемѣстное кровопролитіе [214]) *«нещадно прикладывая свои козацкіе самопалы на шляхетскія головы* [215]). Безъ команды, безъ цѣли, все войско разметалось въ стороны: Калиновскій налѣво, Потоцкій направо: кто въ лѣсъ, кто въ болото; изъ за каждой кучи срубленныхъ деревъ выскакивали казаки; тѣ гнали враговъ съ бо-

---

[212]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Величк. I. 69.—Annal. Polon. Clim. I. 37.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 27, 75.—Stor. del. guer. civ. 19.—Pam. Jak. Micha. 17—20. 21—24. 36—40.

[213]) Histor. belli cos. polon. 63.

[214]) Памят. Кіевск. Комм. I. 3, 75.

[215]) Истор. о през. бр.

ковъ, тѣ сзади... и отовсюду стрѣляли, рубили, кололи поляковъ... „и какъ будто снопы на полѣ жатвы (говоритъ лѣтопись) подбирали усталыхъ и вытаскивали ихъ изъ рвовъ и трясинъ". Калиновскій метался, горячился и, наконецъ, получивъ двѣ раны въ шею и въ локоть смирился; казаки повели его [216]). Что касается Потоцкаго, то онъ видя, что нѣтъ спасенія, предался на волю и сидѣлъ въ своей каретѣ; его примѣру послѣдовали и другіе паны, и всѣхъ ихъ съ экипажами привезли въ казацкій лагерь. Мужики изъ сосѣднихъ деревень помогали ловить бѣглецовъ. Спасся только Корецкій, но и тотъ, пока прорвался, потерялъ девятьсотъ человѣкъ, а съ остальными прибѣжалъ въ Кіевъ, „и тамъ", говоритъ лѣтописецъ [217]) „сокрылъ стыдъ пораженія, котораго окончательнымъ виновникомъ не безъ основанія называли его самого". Пораженіе поляковъ окончилось въ четвертомъ часу утра $^{16}/_{26}$ мая [218]).

Казаки столпились около плѣнниковъ и, по обыкновенію, отпускали надъ ними насмѣшки.

„Что?" говорили они: „не будете, панове, ходить Запорожья добывать? Бѣдные паны! они всѣ озябли! Дай имъ, пане Хмельницкій, кожуховъ".

— „Видишь, Потоцкій, сказалъ Хмельницкій, какъ Богъ сдѣлалъ: тѣ, которые пошли брать меня въ неволю, сами въ нее попались".

— Хлопъ! сказалъ Потоцкій: чѣмъ заплатишь слав-

---

[216]) Истор. о през. бр.

[217]) Истор. о през. бр.

[218]) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

ному рыцарству татарскому? оно побѣдило меня, а не ты съ своею разбойничьею сволочью!“

— Тобою, отвѣчалъ Хмельницкій: тобою, который называетъ меня хлопомъ, и тебѣ подобными!

Украинскія лѣтописи говорятъ, будто Потоцкаго одѣли въ сермягу и Хмельницкій, для потѣхи казацству, посадилъ его верхомъ на пушку. Это вѣроятно, вымыселъ. „*О Потоцькій! Потоцькій!*“ кричали казаки: „*у тебе розумъ жиноцькій! не годишься ти гетмановати, за се треба було тебе пану Хмельницькому отдати! Поідешъ ти въ Крымъ сирои кобилини жовати*“ [219]).

„Гетманъ Потоцкій (говоритъ современникъ шляхтичъ) болѣе думалъ о стаканахъ и стклянпцахъ, чѣмъ о благѣ и цѣлости Рѣчи Посполитой, и хотя былъ въ преклонныхъ лѣтахъ, однако, заботился о смазливыхъ жонкахъ, не совѣтовался съ своимъ товарищемъ Калиновскимъ, съ полковниками и ротмистрами и, преданный постоянно пьянству и распутству, погубилъ войско, нанесъ безславіе и посрамленіе Польшѣ, потерялъ сыновъ отечества, старыхъ воиновъ и множество слугъ, нѣмцевъ и другихъ иноземцевъ, не слушалъ представленій короля, воеводы краковскаго Любомирскаго, воеводы брацлавскаго и другихъ пановъ, которые къ нему писали и совѣтовали не раздражать казаковъ и хлоповъ„ [220]).

Хмельницкій отправилъ благодарственный молебенъ за побѣду, какъ говорилъ онъ, *надъ апостатами*-поляками. Три раза казаки стрѣляли изъ ружей и пушекъ

---

[219]) Сборн. укр. пѣс. Максим. 71.

[220]) Lat. Jerl. 64.

въ знакъ торжества. Потомъ отправленъ былъ пиръ. Хмельницкій пировалъ съ старшинами и мурзами; къ обѣду приглашены были и знатнѣйшіе плѣнные паны. Двадцать пять бочекъ горѣлки было выкачено простымъ казакамъ; предводитель, изъ особенной милости, приказалъ своимъ хлопамъ дать по чаркѣ и родовитымъ шляхтичамъ [221]).

Послѣ того, нѣсколько дней простоялъ Хмельницкій на мѣстѣ сраженія, не опасаясь сопротивленія: у поляковъ войска не было [222]). Отдыхая, послѣ военныхъ трудовъ, въ богатыхъ панскихъ шатрахъ, онъ созвалъ раду изъ знатнѣйшихъ татаръ и казаковъ.

„Что мнѣ дѣлать теперь съ такимъ большимъ числомъ невольниковъ, панове?" спрашивалъ Хмельницкій.

Рада проговорила такъ: „Гетмановъ и другихъ самыхъ знатнѣйшихъ пановъ отдать непремѣнно татарамъ за то, что они были главными непріятелями и гонителями казаковъ, а прочимъ, *шереговымъ* жолнерамъ, предложить: если хотятъ избавиться отъ путешествія въ Крымъ, то пусть заплатятъ за себя окупъ, а если не заплатятъ, то всѣ пойдутъ въ неволю."

Послали въ Чигиринъ предложить тоже тѣмъ плѣнникамъ, которые взяты на Жовтыхъ-Водахъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца, Тугай-Бею досталось 8060 человѣкъ; 520 рядовыхъ и 60 начальниковъ дали окупъ и оставлены Хмельницкимъ [223]).

Орда отступила и 21 мая стала подъ Рокитною.

---

[221]) Лѣтоп. Велич. I. 70.

[222]) Лѣтоп. Велич. I. 73.

[223]) Лѣтоп. Велич. I. 73—74.

Оттуда татарскіе загоны отправлялись по Украинѣ. Не смотря на то, что Хмельницкій удерживалъ татаръ отъ разоренія русскаго края, въ началѣ іюня тысячь восемь татаръ около Махновки, Бердичева, Бѣлополья, Глинска и Прилукъ забирали скотъ, захватывали въ плѣнъ людей и ушли ни съ кѣмъ не сражавшись, къ своему кошу.

Плѣнныхъ пановъ Тугай-Бей держалъ нѣсколько дней при себѣ.—Можетъ ли устроиться миръ между ляхами и казаками?—спрашивалъ онъ Потоцкаго.

„Изъ уваженія къ христіанской религіи—отвѣчалъ коронный гетманъ, Рѣчь Посполитая даруетъ имъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, лишь бы мы знать могли чего пожелаютъ казаки?“

„Во первыхъ“—сказалъ Тугай-Бей—„надобно, чтобъ вы имъ дали удѣльное государство по Бѣлую Церьковь, чтобъ возвратили имъ прежнюю свободу, чтобы въ городахъ, замкахъ и селеніяхъ ваши старосты и воеводы не имѣли власти“.

“Эти условія тяжелы для Рѣчи Посполитой„—сказалъ Потоцкій—„не думаю, чтобъ ихъ приняли.“

„А если Рѣчь Посполитая этого для нихъ не сдѣлаетъ, то вамъ будетъ много хлопотъ“—сказалъ Тугай-Бей; „мы на сто лѣтъ присягнули на побратымство съ казаками и обѣщались взаимно стоять противъ всѣхъ непріятелей, не только противъ польскаго короля, а хотьбы и самаго турецкаго царя. Ничего не побоимся въ вѣчномъ союзѣ съ казаками“.

Когда Потоцкій и Калиновскій спрашивали его, сколько онъ взялъ бы съ нихъ окупу, Тугай-Бей потребовалъ съ нихъ по двадцати тысячъ червонцевъ, да сверхъ то-

го, чтобы выпущены были всѣ плѣнные татары; да чтобъ всѣ маетности этихъ пановъ въ Украинѣ были отданы Хмельницкому для обращенія въ казачество. Хмельницкій старался, чтобъ эти паны отправились въ Крымъ. Съ Сѣнявскимъ татары обошлись снисходительнѣе. Тугай-Бей отпустилъ его на честное слово; панъ обѣщалъ ему прислать за себя двадцать тысячъ червонцевъ. Дали ему татары провожатыхъ; казаки также были къ нему благосклоннѣе и онъ благополучно прибылъ во Львовъ. Гетманы отправлены въ Крымъ [224]). „Поѣхали (говоритъ насмѣшливо старинная пѣсня) рыдваны въ Крымъ; то были два гетмана съ ихъ совѣтниками, а скарбовые возы остались казакамъ *полатать* (починить) *свою худорбу* (отрепья)" [225]). „Прошу ваше ханское величество—писалъ Хмельницкій хану (по извѣстію украинской лѣтописи)— почтить этихъ плѣнниковъ своею милостію; они люди вѣжливые и съумѣютъ въ свое время отблагодарить [226]).

Предводитель послалъ въ Запорожье извѣстіе о своей побѣдѣ и подарки для Сичи. Онъ возвратилъ всѣ клейноты, взятые на Сичи, такъ что за одинъ бунчукъ послалъ два, за одну булаву—двѣ, побравши ихъ у поляковъ; тысяча талеровъ отослана была запорожскому товариществу въ гостинецъ на пиво, а триста на сичевую церковь [227]). Много—говоритъ современникъ—казакамъ досталось добычи и притомъ неожиданно; паны

---

[224]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. F. № 5.

[225]) Истор. о през. бр.

[226]) Лѣтоп. Величка. I. 76.

[227]) Лѣтоп. Велич. I. 74—75

желая показать свое величіе выѣхали на войну съ предметами роскоши; особенно отличился тогда панъ Сѣнявскій: кромѣ богатыхъ конскихъ збруй, съ нимъ было много столоваго серебра и разныхъ принадлежностей стола; онъ хотѣлъ угощать храброе польское рыцарство послѣ побѣды, и все это теперь было расхвачено побѣдителями [228]).

Самъ предводитель отослалъ домой тринадцать возовъ, наполненныхъ панскими сокровищами; всякій послѣдній казакъ такъ обогатился тогда; что войско, прежде бѣдное, когда двинулось далѣе въ Украину, было убрано такъ красиво, что, „глядя на него съ высоты (говоритъ лѣтописецъ), можно было почесть его за ниву, усѣянную краснымъ макомъ" [229]).

Послѣ корсунскаго пораженія, Хмельницкій заложилъ обозъ подъ Бѣлою Церковью. Уже вся Украина пылала; мятежъ обнялъ русскую землю отъ Ворсклы до Днѣстра; толпы мужиковъ приходили въ Бѣлую Церковь и просили принять ихъ въ казаки; носились слухи о повсемѣстномъ возстаніи: тамъ перетопили жидовъ, тамъ растерзали пана [230]). Хмельницкій разбудилъ разомъ и ожесточеніе народа, и негодованіе православныхъ за попраніе своей религіи. Хмельницкій, можетъ быть, началъ войну съ тѣмъ только, чтобъ отомстить за самаго себя, возвратить права своему казацкому сословію, охранить церковь и облегчить участь народа; но кроткими

---

[228]) Dyar. Bogus. Maszkiewicza. въ Zbiorze pam. o dawn. Polsce. t. V. 68.

[229]) Лѣтоп. Велич. I. 72.

[230]) Памятн. кіевс. комм. I. 3. 26

полумѣрами народъ не могъ довольствоваться. Уже поздно было удерживать внезапно разнузданную массу, хотя бы этого захотѣлъ и самъ Хмельницкій!

Среди всеобщаго броженія, среди совѣтовъ, что дѣлать дальше, разнеслась вѣсть, что короля нѣтъ въ живыхъ. Скоро казаки принесли извѣстіе вѣрное: схватили посланнаго отъ брацлавскаго воеводы Киселя къ сѣвскому воеводѣ Московскаго Государства съ письмомъ, изъ котораго казацкій предводитель узналъ, что Владислава нѣтъ на свѣтѣ [231]). Онъ скончался въ Меречѣ отъ каменной болѣзни, какъ говорили поляки. На Руси составилось мнѣніе, что его отравили. Это развязало руки Хмельницкому; совѣсть его успокоивалась тѣмъ, что онъ теперь не будетъ сражаться противъ короля, своего благодѣтеля, въ случаѣ, еслибъ послѣдній принялъ сторону пановъ въ этой борьбѣ русскаго простаго народа съ польскою аристократіею. Временное правительство должно было находиться въ рукахъ дворянства; неизвѣстно было, кто будетъ королемъ и въ какія отношенія поставитъ себя новый государь къ казакамъ. Хмельницкому представилось удобное время заставить польскую аристократію глубоко почувствовать тяжесть мщенія русскаго народа и силу его. Поэтому онъ, съ шестидесятью казаками, разослалъ списки зазывнаго универсала ко всѣмъ южноруссамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, извѣщалъ, что война поднята не противъ короля и приглашалъ всѣхъ, умѣющихъ владѣть оружіемъ, прибывать, во всемъ вооруженіи, на

---

[231]) Истор. о през. бр.

добрыхъ коняхъ, подъ Бѣлую Церковь. Этотъ универсалъ неизвѣстенъ въ подлинномъ видѣ: тотъ, который обыкновенно выдается за сочиненный Хмельницкимъ, очевидно поддѣлка или искаженіе подлинника [232]).Народъ, былъ слишкомъ подготовленъ къ возстанію ненавистью къ римскому католичеству и лядскому панству; а нѣкоторые ради одной надежды на грабежъ спѣшили въ Бѣлую Церковь.

Но самъ Хмельницкій не прочь былъ отъ дипломатическаго примиренія съ поляками на выгодныхъ условіяхъ. Въ половинѣ іюня, онъ отправилъ въ Варшаву депутацію изъ четырехъ старшинъ: Вешняка, Мозыри, Богдарбута и писаря Петрашенка, съ извинительнымъ письмомъ къ королю, какъ-бы не зная еще о его смерти.

„Смиренно повергаемъ къ стопамъ вашего величества, нашу вѣрность, подданство и казацкую нашу службу (писалъ Хмельницкій); хоть мы ужъ и наскучили своими безпрестанными жалобами вашей королевской милости о нестерпимыхъ обидахъ, какія намъ дѣлаютъ господа старосты и помѣщики украинскіе; но негдѣ намъ искать обороны: только на Господа Бога, да на милосердіе вашего величества полагаемъ надежду. Вотъ ужъ сколько лѣтъ, они дѣлаютъ намъ, по своему произволу, нестерпимыя обиды и поруганія: хутора, луга, сѣножати наши, пашни, ставы, мельницы—отнимаютъ, берутъ съ пчелъ десятины, хоть бы и въ маетностяхъ вашей королевской милости, и которому что ни понравится у насъ, у казаковъ, тотчасъ берутъ силою, и насъ самихъ без-

---

[232]) Лѣт. Велич. I. 80—89.—Ист. о през. бр.—Лѣт. пов. о Мал. Рос. 109—115.—Кратк. опис. о казац. малор. нар. 14—19.

винно обдираютъ, бьютъ, тиранятъ, въ тюрьмы сажаютъ, до смерти забиваютъ за наши имущества, и много у насъ теперь въ товариществѣ раненныхъ и искалѣченныхъ: все они это надѣлали; а паны полковники наши, ихъ *рукодайные* слуги, вмѣсто того, чтобъ насъ оборонять отъ такихъ бѣдъ и напастей, еще сами имъ противъ насъ помогаютъ; даже и жиды, надѣясь на господъ старостъ, дѣлаютъ намъ тягости, такъ что и въ турецкой неволѣ христіанство не переноситъ такихъ бѣдъ, какія причиняются намъ, подножкамъ вашей королевской милости. Мы сами знаемъ, что такія обиды дѣлаются въ противность вашей милости, но они намъ кричатъ: „Мы вамъ дадимъ короля! А что, сякіе-такіе сыны! помогаетъ вамъ король?“ Наконецъ, послѣ этого, мы уже не могли болѣе терпѣть такого незаслуженнаго мученія; не стало силъ жить въ домахъ своихъ, и, побросавши женъ и дѣтей, принуждена была часть войска бѣжать куда нибудь, унося голову съ душами. И ушли мы въ Запорожье, гдѣ предки наши издавна привыкли служить вѣрноподданически коронѣ польской и вашей королевской милости. Но паны считаютъ насъ не слугами королевскими, а собственными невольниками. Самъ Богъ свидѣтель, что мы, будучи вѣрными подданными, не сдѣлали никакого своеволія. Но панъ каштелянъ краковскій, о которомъ мы не думаемъ, чтобъ онъ добра желалъ вашей королевской милости, по совѣту другихъ пановъ, мучившихъ насъ, преслѣдовалъ насъ и въ Запорожьѣ, началъ опустошать Украину, чтобъ насъ выкоренить всѣхъ и даже имя казацкое съ земли согнать. Поневолѣ, когда паны пошли на насъ съ большими войсками, должны мы были просить помощи у хана крымскаго, а тотъ намъ

пособилъ, вспоминая, что и мы ему пособляли противъ непріятелей. По Божьей волѣ, случилось такъ, что при сухихъ дровахъ досталось и сырымъ. Кто этому причиною?—Господь Богъ разсудитъ, а мы, какъ прежде были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь готовы жертвовать жизнію за честь вашего величества" [233]).

Вмѣстѣ съ этою просьбою посланцы Хмельницкаго получили инструкцію сообщить королю изложеніе оскорбленій, которыя казацкое сословіе тѣрпитъ въ Украинѣ.

1) „Паны державцы и украинскіе урядники обходятся съ нами не такъ, какъ съ рыцарями, а какъ съ рабами и еще хуже. 2) Отнимаютъ у насъ хутора, сѣножати, луга, нивы, пруды и мельницы; что пану понравится, то панъ у казака и отниметъ, сажаютъ насъ въ тюрьмы, мучатъ, убиваютъ и много нашего товарищества отъ нихъ раненныхъ и искалѣченныхъ. 3) Собираютъ съ насъ, живущихъ въ имѣніяхъ его королевскаго величества, десятины съ пчелъ и поволовщины, наравнѣ съ мѣщанами. 4) Не дозволяютъ казацкимъ сыновьямъ содержать у себя старыхъ отцовъ и матерей. 5) Не оставляютъ на мѣстахъ казацкихъ вдовъ, не только на три года, но даже на одинъ годъ, хотя бы у нихъ были сыновья на службѣ, берутъ съ нихъ подати какъ съ мѣщанокъ, и грабятъ ихъ безъ милосердія. 6) Наши полковники не только не защищаютъ насъ, но помогаютъ насъ утѣснять. Кому изъ нихъ понравится у казака—либо конь, либо оружіе, либо что нибудь дру-

[233]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 125—132.—Истор. о през. бр.

гое, тотъ себѣ и беретъ подъ видомъ покупки, платя что хочетъ, а то и даромъ; если же казакъ не отдастъ— промышляй тогда бѣднякъ о себѣ самомъ! 7) Забираютъ у насъ воловъ, коровъ, сѣно и хлѣбъ. 8) Не пускаютъ на Днѣпръ и на Запорожье ловить звѣрей и рыбъ, накладываютъ на каждаго казака повинность ловить лисицъ, а кто лисицы не поймаетъ, у того самопалъ отнимутъ; посылаютъ ловить рыбу и возить ее полковнику на своихъ подводахъ; а у кого лошади нѣтъ, тотъ вези какъ знаешь. 9) Случится, Богъ дастъ казаку поймать яссыръ,—старыхъ или малыхъ татарчатъ, съ чего бы казакъ могъ одѣваться,—все у него отымаютъ и трудиться ему не зачѣмъ! Что ни попадется казаку: заяцъ, стадо, лошади, скотъ, изо-всего, что есть лучшаго, полковники, вмѣстѣ съ жолнерами, берутъ себѣ, а намъ, бѣднымъ казакамъ, бракъ остается. 10) Если взведутъ на казака вину, сейчасъ его въ тюрьму — выкупай бѣдняга душу свою, а что, кромѣ того, гоняютъ насъ на работу и къ подводамъ, такъ и описать трудно! 11) Была воля его величества короля нашего, чтобы мы шли на море, и на постройки судовъ дали намъ деньги и назначили прибавить намъ къ нашему войску еще 6000 человѣкъ, а мы, имѣя изъ своей среды старшихъ, обѣщали не принимать сверхъ того числа никого: съ шестью тысячами нельзя намъ служить его величеству королю и Рѣчи Посполитой. 12) Просимъ выплатить намъ черезъ коммиссію жалованье. котораго мы уже не получаемъ пять лѣтъ. 13) Просимъ усерднѣйше за духовенство древней греческой религіи, просимъ, чтобъ она ни въ чемъ не была нарушаема, чтобы всѣ тѣ святыя церкви, которыя были насильно обращены къ уніи—въ Люблинѣ, Кра-

сноставѣ, Санокѣ, Владимірѣ, во всей Литвѣ и вездѣ оставались въ своей древней свободѣ. 14) Повергаясь къ стопамъ вашего величества послы наши нижайше и покорнѣйше должны, отъ имени всѣхъ насъ, просить, чтобъ мы могли оставаться при всѣхъ нашихъ войсковыхъ льготахъ, дарованныхъ и утвержденныхъ привилегіями блаженной памяти, нашихъ прежнихъ королей и нынѣ благополучно царствующаго его величества короля", [234]).

Такимъ образомъ, Хмельницкій, въ одно и то же время и подвигалъ народъ противъ поляковъ, и искалъ оправданія у польскаго правительства. Такая обоюдность стала съ тѣхъ поръ отличительною чертою его дѣйствій политическихъ и была причиною многихъ дѣйствій, успѣховъ, и многихъ неудачъ. Русскіе лѣтописцы называютъ ее благоразуміемъ, поляки — коварствомъ. Но такіе поступки Хмельницкаго вытекали изъ того, что въ Рѣчи Посполитой сбились между собою понятія о правительствѣ и аристократіи. Хмельницкій хотѣлъ быть врагомъ панства, но отнюдь не польской націи и не польскаго правительства, а, вся польская нація управлялась панами!

Между тѣмъ, Хмельницкій, тогда же, при самомъ началѣ своего поприща, вошелъ въ сношенія съ московскимъ государемъ. Положеніе Украины было таково, что Московское Государство не могло быть для нея ни то, ни се, ни дружелюбно ни враждебно. Въ началѣ, дѣла клонились къ тому, что оно могло быть для нея

---

[234]) Рук. И. П. Б. Hist. Poloniae № 31.

скорѣе враждебно. Затѣвая вражду съ невѣрными, Владиславъ хотѣлъ обеспечить свои покушенія союзомъ съ Московскимъ Государствомъ. Съ этой цѣлью, брацлавскій воевода Адамъ Кисель, православный панъ, заключилъ договоръ, по которому обѣ державы обязывались помогать одна другой оружіемъ, въ случаѣ, когда невѣрные нападутъ на Польшу, или на Московское Государство. Хмельницкій, вступивъ въ побратымство съ татарами, тѣмъ самымъ накликалъ этотъ союзъ противъ себя. Еще 3-го апрѣля, Кисель извѣщалъ московскихъ бояръ [235]), что коронное войско, вмѣстѣ съ запорожскимъ, идетъ добывать своевольнаго черкашенина и, ссылаясь на заключенный договоръ, просилъ поймать и доставить въ Польшу Хмельницкаго, если этотъ мятежный казакъ убѣжитъ на Донъ во владѣнія московскаго государя. Бояре, съ своей стороны сообщали Киселю полученныя ими вѣсти, что черкасы хотятъ поступить въ холопство крымскому царю и давали совѣтъ польскимъ панамъ и сенаторамъ не допускать ихъ до этого [236]). Кисель благодарилъ бояръ очень чувствительно, изъявлялъ полную надежду на успѣхъ польскаго войска противъ мятежниковъ и, заранѣе, просилъ царской рати для содѣйствія противъ Хмельницкаго, если татары подадутъ ему помощь [237]). Вслѣдъ за тѣмъ, когда до Киселя дошла вѣсть, что татары подали помощь Хмельницкому, Кисель обратился къ воеводѣ сѣвскому, а черезъ посредство его къ воеводѣ хот-

---

[235]) Акты южн. и Зап. Рос. Ш. 179.

[236]) Тамъ же 180.

[237]) Тамъ же 185

мышскому и просилъ московской помощи [238]). Хотмышскій воевода отвѣчалъ ему, что онъ готовъ идти съ ратными людьми ради братской любви ихъ государей [239]). Но Хмельницкій успѣлъ уничтожить польское войско прежде чѣмъ оно могло получить московскую помощь. И вотъ казацкому вождю досталось въ руки дружелюбное письмо сѣвскихъ воеводъ къ Киселю, гдѣ они соболѣзновали о кончинѣ Владислава, о которой они узнали отъ новгородъ-сѣверскаго полковника Понятовскаго [240]). Казаки привели посланнаго съ этимъ письмомъ стародубца Григорія Климова къ Хмельницкому въ Мошны, гдѣ гетманъ находился послѣ корсунской битвы. „Не зачѣмъ тебѣ ѣхать къ Адаму, я тебѣ дамъ листъ къ царскому величеству отъ себя" — сказалъ Хмельницкій. Онъ взялъ отъ московскаго человѣка письмо, распечаталъ, прочиталъ и никому не показалъ, но видно содержаніе этого письма заставило Хмельницкаго показать передъ московскимъ человѣкомъ видъ, что казаки не упорно держатся союза съ татарами. „Ко мнѣ"—сказалъ онъ— „присылали листы Іеремія Вишневецкій и Адамъ Кисель, просятъ не пускать татаръ и сами у меня мира ищутъ. Такъ я, по ихъ прошенію, велѣлъ крымскому мурзѣ отступить къ Жовтымъ Водамъ, а самъ съ немногими людьми ухожу къ Черкасамъ." Климовъ долженъ былъ послѣдовать за нимъ въ Черкасы. Тамъ Хмельницкій далъ ему грамоту къ московскому царю: въ ней онъ выражался, что казаки умираютъ за древ-

---

238) Акты юж. и зап. Рос. III. 190.

239) Тамъ же 204

240) Тамъ же.

нюю греческую вѣру, не зная покоя отъ безбожныхъ аріанъ, что Іисусъ Христосъ наконецъ умилился надъ обидами людей и кровавыми слезами сиротъ; Хмельницкій извѣщалъ царя о своихъ побѣдахъ и замѣчалъ, что король вѣроятно получилъ смерть отъ безбожныхъ враговъ земли русской. „Желали бы мы"—писалъ онъ „самодержца, государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская велеможность, православный христіанскій царю; тогда бы, чаю, исполнилось предвѣчное пророчество Христа Бога нашего, что всѣ въ рукахъ его святой милости будемъ; увѣряемъ ваше царское величество: еслибъ на то была воля Божія и твой царскій поспѣхъ тотчасъ наступить на эти государства, немедля, мы, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, готовы услужить вашей царской велеможности. Отдаемся вамъ съ нижайшими услугами; если ваше царское величество услышишь, что ляхи съ-изнова на насъ хотятъ наступить, поспѣшайся съ своей стороны на нихъ наступить, а мы ихъ съ Божьею помощью возьмемъ отселѣ, и да управитъ Богъ изъ давнихъ лѣтъ глаголемое пророчество." 8 іюня, вручая эту грамоту Климову, Хмельницкій сказалъ ему: „Пусть сѣвскіе воеводы отпишутъ его царскому величеству, чтобъ государь насъ пожаловалъ денежнымъ жалованьемъ, а ему бы, государю, пора наступить на Польшу и Литву; его войско пошло бы къ Смоленску, а я бы съ своимъ войскомъ сталъ служить государю съ другой стороны. Тебя же когда станутъ распрашивать государевы приказные люди... ты тайнымъ дѣломъ скажи: королю смерть учинилась отъ ляховъ; свѣдали ляхи, что у короля съ казаками ссылка, и король послалъ грамоту прежнему гетману запорожскому, чтобъ казаки

сами стояли за вѣру христьянскую греческаго закона, а онъ, король, будетъ имъ на ляховъ помощникъ. Этотъ королевскій листъ достался мнѣ, и я, на него надѣясь, войско собралъ и стою на ляховъ“ [241]).

Вслѣдъ затѣмъ къ Хмельницкому привели другаго московскаго посланца съ письмомъ отъ хотмышскаго воеводы князя Болховскаго къ Адаму Киселю. Въ этомъ письмѣ, Болховской извѣщалъ Киселя, что порубежные московскіе воеводы готовы оказать помощь полякамъ противъ непріятелей Рѣчи Посполитой. Прочитавъ это, Хмельницкій написалъ Болховскому такое письмо: „Не надѣялся я отъ его царскаго величества и отъ васъ, православныхъ христіанъ, чтобъ вы наступали на вѣру нашу христіанскую, одинакую съ вашею, и помогали ляхамъ, а изъ письма вашего вижу, что вы, скопясь будто противъ татаръ, хотѣли на насъ помогать ляхамъ. Но Богъ нашъ Творецъ могущъ, не восхочетъ того учинить. Ваша рать къ тому времени не поспѣла, а нынѣ господь Богъ помогъ намъ своего непріятеля извоевать, поэтому мы вамъ даемъ знать: хотите воевать съ нами или хотите быть нашими пріятелями? Если послѣднее, такъ прибывайте къ намъ на помощь, а мы, вакъ случится обязаны будемъ отслуживать вамъ во всякое время.“ На это письмо Хмельницкій получилъ утѣшительный отвѣтъ. Болховской извѣстилъ его, что вѣрно непріятель христіанской вѣры наклеветалъ казакамъ будто московское государство хочетъ воевать съ казаками. „Не имѣйте отъ насъ никакого опасенія“—писалъ Болховской—„мы съ вами

---

[241]) Акты Юж. и Зап. Рос. III. 207. 215—216

одной православной христіанской вѣры“ [242]). Черезъ нѣсколько времени, казаки поймали еще однаго московскаго посланца отправленнаго отъ сѣвскихъ воеводъ къ Вишневецкому, съ письмомъ, гдѣ также были увѣренія въ готовности помогать полякамъ противъ татаръ. На это казацкій предводитель написалъ сѣвскимъ воеводамъ: „Хотя вы и о татарахъ говорите, а подлинно вѣдаете, что не съ татарами, ажно съ нами казаками, ляхи завоевались, дай же Боже, чтобы и всякій непріятель нашего войска запорожскаго, такъ себѣ шею уломалъ, какъ нынѣ Богъ помогъ намъ ляховъ надломить! Мы не желаемъ того царскому величеству, чтобъ онъ съ ними воевалъ: далъ бы Богъ, чтобъ онъ и ляхамъ и намъ былъ одинъ православный государь: чтобъ ляхи не помышляли больше наступать на вѣру нашу и биться съ нами“! [243]).

Въ то время, когда казацкіе депутаты уѣхали въ Варшаву, явился къ Хмельницкому монахъ хустскаго монастыря, Петроній Ляшко, съ письмомъ отъ Киселя [244]). Велерѣчиво и дружелюбно панъ извѣщалъ казацкаго предводителя, что онъ вполнѣ увѣренъ, что Хмельницкій не врагъ Рѣчи Посполитой, удивлялся, какъ произошло кровопролитіе, выхвалялъ свою преданность православной вѣрѣ, просилъ положиться во всемъ на него, обѣщалъ ходатайствовать за казаковъ, убѣждалъ отослать татаръ и послать скорѣе депутацію къ Рѣчи Пос-

---

[242]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 222.—223.

[243]) Тамъ же 228.

[244]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 18. 143.—Pam. Jakub a Mich. 47.

политой на сеймъ для примиренія, и увѣрялъ, что во всемъ свѣтѣ одна Рѣчь Посполитая наслаждается свободою [245]).

Хмельницкій созвалъ раду на которую стеклось, какъ писали современники, до 70,000 человѣкъ. Прочитано было письмо Киселя. Разъяренная толпа не расположена была слушать о переговорахъ, но Хмельницкій былъ въ пользу Киселя, описывалъ его русскимъ человѣкомъ, искреннимъ и преданнымъ вѣрѣ; съ нимъ согласились старшины, также полагавшіеся, если не на возможность примиренія, то, по крайней мѣрѣ, на добросовѣстность Киселя. Положили звать самого Киселя для переговоровъ въ Украину.

„Послушали мы совѣта вашей милости, нашего стараго пріятеля (писалъ Хмельницкій), а сами поудержались и ордѣ приказали воротиться, чтобъ не проливалась больше кровь христіанская; но такъ какъ мы осиротѣли по смерти его королевскаго величества, то просимъ вашу милость самимъ къ намъ навѣдаться, чтобъ мы узнали, кого Рѣчь Посполитая захочетъ имѣть королемъ, и посовѣтовались бы съ вашею милостью, о томъ, что намъ дѣлать“ [246]).

Но, соглашаясь, повидимому, мириться, Хмельницкій вовсе не удерживалъ народа, какъ писалъ; напротивъ, тогда же, ведя переговоры, онъ позволилъ всѣмъ новоприбывающимъ хлопамъ записываться въ казаки, раздѣлилъ ихъ на полки и на сотни, назначилъ начальниковъ и разослалъ по разнымъ сторонамъ. Хмельницкій

---

[245]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 142.
[246]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 142.

далъ волю оставаться мужикомъ или дѣлаться казакомъ, кому угодно. Естественно, всѣ хотѣли быть казаками. Мужики запирали свои хаты, перековали орала и серпы на мечи и копья и спѣшили въ войско. Хмельницкій далѣе не выступалъ а дожидался, что скажутъ ему изъ Варшавы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Неистовства хлоповъ.—Гайдамаки.—Истребленіе пановъ.—Поруганія римско-католической святыни.—Злодѣянія надъ жидами.—Вовгуревцы.—Взятіе Нестервара.—Избіеніе жидовъ и шляхты.—Бракъ Остапа.—Свирѣпства гайдамаковъ въ Подоліи.—Кривоносъ.—Іеремія Вишневецкій.—Казни въ Погребищѣ и Немировѣ.—Битва Вишневецкаго съ Кривоносомъ.—Взятіе Бара.—Гайдамаки въ Волыніи.—Походъ къ Кодаку и взятіе его.—Возстаніе въ Литвѣ.

Все лѣто 1648 года было ужасное время. Когда Хмельницкій велъ лѣниво переговоры съ временнымъ польскимъ правительствомъ, по южно-русской землѣ кружили вооруженные отряды, которые назывались загонами. Встарину это имя давалось татарскимъ полчищамъ, но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались, въ случаѣ недостатка оружія, косами и дубьемъ, и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную и расторопную голову. Потомъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не сносились съ своимъ батькомъ, а просто составлялась шайка,

выбирала атамана и пускалась на грабежи и убійства. Они назывались гайдамаками [1]); число ихъ увеличивалось чрезвычайно-быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, какъ скоро гайдамацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на палацъ, или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни груднымъ младенцамъ [2]): истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или униты, и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами [3]), вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины. Сосѣдніе дворяне, едва услышали о корсунскомъ пораженіи, складывали поспѣшно на возы свое имущество и бѣжали *съ однѣми душами*, по выраженію современнаго дневника, изъ Руси въ Польшу, покинувъ свои замки и укрѣпленные дворы. Но не часто удавалось такое бѣгство: „каждый холопъ—намъ непріятель, каждое русское мѣстечко и селеніе—гнѣздо враговъ", говоритъ дворянинъ-современникъ [4]); на каждой тропинкѣ готовы были встрѣтить бѣглецовъ недобрые гости съ булатными, обоюдоострыми саблями, или съ дубинами. Нерѣдко толпы дворянъ, не находя исхода и спасенія, укрывались въ укрѣпленномъ замкѣ

---

[1]) О томъ, что случилось въ Укр. 8.—Пѣсни народныя.

[2]) Histor. ab excess. Wlad. IV. 22.—Woyna dom. Ч. I. 14.

[3]) Памятн. кіевск.ком. I. 3. 192. 4.—Latop. Jerl. 65.

[4]) Памятн. кіевс. комм. I. 3. 174.

знатнаго пана [5]), имѣвшаго надворное войско, и поглядывая на зарево горѣвшихъ кругомъ ихъ жилищъ, готовились, въ виду женъ и дочерей, стоять за нихъ до послѣдней капли крови. Но все было напрасно [6]). Еслибъ гайдамаки сами не провѣдали добычи, панскіе слуги, обыкновенно русскіе, заранѣе подведутъ ихъ, бросятъ въ ровъ или въ воду висячія гаковницы и широкія смиговницы и, прежде чѣмъ паны обнажатъ свои кривыя сабли, въ надеждѣ показать старопольское мужество, повяжутъ ихъ и отдадутъ мстителямъ земли русской на самыя варварскія истязанія. Они рѣзали, вѣшали, топили, распиливали пополамъ, вырывали кусками мясо, буравили глаза, или обматывали голову по переносицѣ тетивою лука, воротили голову и потомъ спускали лукъ, такъ что у жертвы выскакивали прочь глаза, сдирали съ живыхъ кожи, разбивали о стѣны младенцевъ, насиловали женщинъ; нерѣдко, въ виду мужьевъ, отцовъ и братьевъ, по нѣскольку гайдамакъ удовлетворяли похоть надъ несчастною панею и потомъ убивали ее [7]). Послѣ кровавыхъ сценъ, обыкновенно, слѣдовала гулянка: выкачивали, изъ панскихъ погребовъ, бочки съ винами, пили, плясали, пѣли пѣсни среди пепелищъ и труповъ [8]). Случалось и такъ, что въ то время, когда гайдамаки лежали мертвецки пьяны, въ разоренный замокъ или мѣстечко вбѣгали дворяне съ вооруженными толпами и, въ свою очередь, терзали ихъ [9]). Но удальцы

---

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Woyna dom. Ч. I. 15.

[7]) Hist. ab. exc Wlad. IV. 22.—Latop. Jerl. 68.—Stor. delle guer. civ. 26.35.

[8]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 192.

[9]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 208.

мало заботились объ опасности: для такого народа жизнь была копѣйка „*Чи умрешь, чи повиснешь—усе одинъ разъ мати родила*"[10])! говорили они. До сихъ поръ память объ этихъ истребителяхъ осталась въ южно-русскихъ пѣсняхъ.

Такому же безчеловѣчному приговору подвергались и жители городовъ и мѣстечекъ, католики, или униты, или даже православные, но чѣмъ нибудь навлекшіе на себя негодованіе простолюдина. Въ то время работники убивали своихъ хозяевъ за то, если когда нибудь, какъ случается часто по хозяйству, по замѣчанію русскаго лѣтописца, хозяинъ ударилъ или побранилъ наемщика. Ненависть ко всему польскому простиралась до того, что гибли православные ремесленники и торговцы за то единственно, что, слѣдуя тогдашнему обычаю, носили польское платье, или закидывали на польскій ладъ въ рѣчахъ. „Не одинъ молодой франтикъ (говоритъ лѣтописецъ), который подбривалъ голову и отпускалъ наверху головы чуприну, заплатилъ жизнью за свое щегольство"[11]).

Духовенство повсюду призывало на брань и стараго и малаго. „Приспѣлъ часъ, желанный часъ!" вопіяли священники: „время возвратить свободу и честь нашей вѣры! Вѣка проходили и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Намъ не давали даже убѣжища для молитвы. Всѣ наши приходы, церкви, обители, епархіи—въ рукахъ латинъ и унитовъ.... Латинамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные православные восточнаго

---

[10]) Народ. пѣсня.

[11]) Лѣтоп. самов. 16.

благочестія страдаютъ въ нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды управляютъ ихъ имѣніями и попираютъ бѣдныхъ христіанъ. Пора, пора! Ополчитесь за свою жизнь! Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ" [12]). По показаніямъ, произнесеннымъ подъ пыткой плѣнными казаками, львовскій владыка Арсеній Желиборскій тайно посылалъ казакамъ порохъ и пули и свинецъ; тоже дѣлалъ Луцкій владыка Аѳанасій и, между прочимъ, прислалъ Кривоносу пушекъ, называемыхъ гаковницами; священники списывались между собою, сообщали другъ другу вѣсти и посредствомъ ихъ во всей Южной Руси знали, что происходитъ въ томъ, или другомъ мѣстѣ, гдѣ находятся казацкія и польскія военныя силы и сообразно тому поступали [13]).

Римско-католическая святыня предавалась поруганію: костелы грабили и сожигали; образа католическихъ святыхъ прострѣливали, рубили, уродовали [14]); ксендзы и монахи были обречены на муки безъ милосердія и безъ исключенія. Ихъ топили, вѣшали, сдирали съ нихъ кожи; нерѣдко нападали на нихъ среди богослуженія, и засѣкали до смерти передъ алтаремъ, насиловали монахинь въ храмахъ, топтали ногами святыню и кормили лошадей, привязавши къ алтарямъ [15]). Памятникомъ этой эпохи осталось преданіе, что одинъ ґайдамакъ повѣсилъ надъ главнымъ алтаремъ ксендза, жида и собаку и написалъ: „ксендзъ, жидъ та собака—усе віра однака".

---

[12]) Stor. delle guer. civ. 25.

[13]) Jakub a Michał Ks. Pam. 93.

[14]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 276.

[15]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 270.—Hist. ab. exc. Wlad. IV. 22.

Народная месть преслѣдовала и мертвыхъ: ожесточенные гайдамаки врывались въ усыпальницы, извлекали тѣла и кости и разбрасывали; остервенѣніе ихъ было дотого велико, что, по словамъ очевидца, многіе снимали съ мертвыхъ одежды, надѣвали на себя и ходили въ нихъ безъ страха [16]).

Но всего неумолимѣе поступали гайдамаки съ іудеями. Одинъ, ускользнувшій отъ гибели, раввинъ, извѣщая своихъ единовѣрцевъ за границею о горѣ, постигшемъ ихъ братію, сравниваетъ эту эпоху съ временами знаменитыхъ гоненій, какимъ подвергался въ древности народъ Божій. „Свитки закона (говоритъ онъ) были извлечены изъ синагогъ; казаки плясали на нихъ и пили водку, а потомъ клали на нихъ іудеевъ и рѣзали безъ милосердія; тысячи младенцевъ были бросаемы въ колодцы и засыпаемы землею".

Въ Ладыжинѣ, по извѣстію этого современника, казаки собрали нѣсколько тысячъ іудеевъ, связали ихъ, положили на лугу, и стали говорить имъ:

„Зачѣмъ упорствуете въ вашихъ заблужденіяхъ? Вѣруйте въ нашего Бога, почитайте св. крестъ такъ, чтобъ мы были единъ съ вами народъ, и вы были бы живы и невредимы; и мы отдали бы вамъ все ваше добро, и вы были бы такъ богаты, какъ дворяне".

„Но вѣрный народъ Божій (говоритъ раввинъ) возгнушался жизнью въ этомъ мірѣ; всѣ іудеи возвысили голосъ къ верховному, сѣдящему въ вышнихъ на небесахъ, Богу и молились: О, Іегова, Богъ нашъ единый! Тебѣ всякъ часъ приносимъ мы себя въ жертву! По-

---

[16]) Лѣтоп: самов. 11.

моги, Боже Израилевъ, пребыть намъ въ твоей вѣрѣ!"

Они пѣли псалмы; казаки еще разъ хотѣли преклонить ихъ и говорили имъ угрожающимъ голосомъ:

„Вы сами проливаете кровь свою, сами виновны, если мы перебьемъ васъ: зачѣмъ ругаетесь надъ святою вѣрою нашею?"

Іудеи отвѣчали:

„Не медлите и дѣлайте сейчасъ, что хотите дѣлать. Нашъ Богъ есть единый царь неба и земли: сей Богъ да будетъ намъ милостивъ! вы же только слуги Бога, посланные для истребленія нашего: ибо только подобныхъ злодѣевъ, смерти повинныхъ, избираетъ Господь для совершенія своего страшнаго приговора; благочестивый же не совершитъ дѣла проклятія. Вы враги наши и ненавидящіе насъ, а потому достойные исполнители суровой кары, и если вы не исполните ея, то Богъ найдетъ другихъ себѣ слугъ—дикихъ лѣсныхъ медвѣдей!"

Послѣ такой рѣчи, казаки начали ихъ рѣзать и истребили всѣхъ, не щадя ни пола, ни старости, ни молодости.

„Подобныя сцены совершались (говоритъ современникъ) въ каждомъ городѣ, и мѣстечкѣ; не осталось въ русской землѣ ни одного жида: число зарѣзанныхъ, раввинъ простираетъ до 100,000, но, кромѣ (говоритъ онъ) погибшихъ отъ голода и жажды, и потонувшихъ въ рѣкахъ во время безполезнаго бѣгства; вездѣ, по полямъ, по горамъ, лежали тѣла нашихъ братьевъ, ибо гонители ихъ были быстрѣе орловъ небесныхъ" [17]). „Смекнули

[17]) Окруж: посл. раввина, напечатанное въ одномъ изъ нумеровъ журнала «Slavische Jahqrücher».

жиды—говоритъ народная дума—и пустились бѣжать. Кто до Случи, тѣ потеряли сапоги и онучи; кто до Прута, тѣмъ отъ казаковъ на дорогѣ было круто. Бѣжитъ Лейба-жидъ и животъ у него дрожитъ, какъ поглянетъ на свою школу (синагогу), такъ и заноетъ у него жидовское сердце; школа—говоритъ—школа каменная! не забрать тебя въ пазуху, не спрятать въ карманъ, придется отдать тебя казакамъ Хмельницкаго на негожее мѣсто". По извѣстію украинскаго лѣтописца, многіе изъ жидовъ, отъ страха, приняли христіанство и были пощажены съ своими имуществами; но эти новокрещенцы снова обращались къ жидовству, когда миновала опасность, или если успѣвали они уйти изъ Украины. Такое звѣрство надъ іудеами не было слѣдствіемъ одного фанатизма: предъ возстаніемъ русскаго народа, іудеи, будучи арендаторами и управителями панскихъ имѣній, довели народъ до такого ожесточенія своими злоупотребленіями, тиранствами и болѣе всего, поруганіемъ надъ православными церквами, находившимися въ ихъ распоряженіи [18]).

Такихъ гайдамацкихъ загоновъ было *безъ-личь*, по выраженію лѣтописи. Гайдамаки держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе [19]). Загоны носили названія, по большей части, по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые, по своей многолюдности, или по образу дѣйствія, остались въ исторіи и въ народной памяти.

---

[18]) Памятн. кіевск. комм. 1. 2, 99, 79, 89.—Лѣтоп. самов.

[19]) Лѣтоп. самов. II.

Такъ, вокругъ Кіева, взбунтовавшіеся хлопы избрали себѣ предводителемъ Харченка Гайчуру, и всѣ, по имени предводителя назывались гайчурнвцами; между ними были жители береговъ Роси и Соби [20]). Другой загонъ въ Украинѣ, отличавшійся свирѣпостью, былъ подъ предводительствомъ Лисенка Вовгури (вѣроятно, прозваннаго такъ за свой жестокій характеръ) и назывался вовгуревцами. Ихъ было сначала сто-пятьдесятъ человѣкъ и потомъ въ ряды ихъ принимались только испытанные по силѣ и отвагѣ гайдамаки. „Не было случая (говоритъ лѣтописецъ [21]), чтобъ кто нибудь изъ нихъ живьемъ отдался въ плѣнъ, а врагамъ отъ нихъ *тяжко было, кольми паче жидамъ*". Поляки такъ ихъ боялись, что если, бывало, скажутъ: „вовгуревцы идутъ", то это было ужаснѣе цѣлаго войска казацкаго. Сначала они выказали себя въ Сѣверской Землѣ, потомъ, соединившись съ кіевскимъ загономъ Харченка, взяли Каневъ: со всѣхъ іудеевъ посдирали съ живыхъ кожи. „Таковъ ихъ былъ казацкій обычай", говоритъ лѣтописецъ [22]).

На Подолѣ свирѣпствовали загоны Ганжи, Остапа, Павлюка, Половьяна и Морозенка.

Ганжа, тотъ самый, который преклонилъ на сторону Хмельницкаго реестровыхъ. былъ назначенъ полковникомъ уманскимъ и отправленъ противъ шляхетскаго ополченія, которое собиралось на помощь гетману Потоцкому предъ корсунскимъ пораженіемъ. Ганжа разсѣялъ шляхтичей и ворвался въ подольскую землю, гдѣ

---

[20]) Народ. пѣсня.—О томъ, что случилось въ Укр. 8.

[21]) О томъ, что случ. въ Укр. 9.

[22]) О томъ, что случ. въ Укр. 9.

началъ истреблять все, что было въ непріязни съ казацкимъ и крестьянскимъ сословіями, и русскою вѣрою [23]). Хлопы присоединялись къ казакамъ толпами. Казаки напали на Немировъ, гдѣ заперлась шляхта съ іудеами, и завоевали городъ хитростью: пятьдесятъ русскихъ, одѣтыхъ попольски, подъѣхали къ воротамъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, какъ дѣлали обыкновенно польскіе всадники. Поляки думали, что это прибываютъ къ нимъ на помощь соотечественники, и отворили ворота. „Тогда удалось сатанинское дѣло (говоритъ іудей-современникъ): впущенные въ соединеніи съ православными мѣщанами, разбили ворота и впустили весь загонъ, притаившійся недалеко отъ города. Цѣлыми сотнями водили топить поляковъ и жидовъ, перебили маленькихъ дѣтей; однихъ жидовъ, если вѣрить разсказчику погибло тогда до шести тысячъ“ [24]).

Между тѣмъ, испуганная подольская шляхта столпилась въ укрѣпленномъ замкѣ Нестеровѣ, или Нестерварѣ, иначе Тульчинъ, пранадлежавшемъ князю Янушу Четвертинскому, еще православному. Вслѣдъ за шляхтичами столпились тамъ и іудеи со всего околотка. Ганжа, услышавъ объ этомъ, пошелъ туда и бросился на замокъ. Шляхтичи оборонялись храбро, но до тѣхъ-поръ, пока казаки не стали палить изъ пушекъ: картечи, летѣвшія въ городъ, не давали осажденнымъ покоя ни на улицѣ, ни въ домахъ. Шляхтичи рѣшились просить мира и предлагали окупъ за свои души.

Казаки дали отвѣтъ имъ:

---

[23]) Ист. о през. бр.

[24]) Окр. посл. раввина.

„Васъ пощадимъ; если вы заплатите за себя окупъ, мы отойдемъ, а жидовъ ни за какія деньги не помилуемъ: они наши заклятые враги, они оскорбили нашу вѣру, и мы поклялись истребить все племя ихъ. Выгоните ихъ изъ города и не будьте съ ними въ согласіи.“

Поляки рѣшились пожертвовать іудеями. Со слезами, поднимая къ небу руки (говоритъ лѣтопись) стояли іудеи толпою на улицѣ передъ дворянами; жидовки, съ дѣтьми на рукахъ, обнимали ихъ колѣни, думая возбудить сострданіе. „Богъ накажетъ васъ за насъ, невинныхъ (говорили іудеи); если вы насъ погубите, то сами пропадете. Казаки не такой народъ... Вспомните наше слово, да поздно: они и васъ перебьютъ!“ Шляхтичи не слушали пророчествъ, не трогались мольбами: собственная опасность была слишкомъ очевидна. Когда жиды не шли добровольно на явную смерть, они принялись ихъ гнать силою. Съ воплями и проклятіями, подгоняемые нагайками, выбѣжали дѣти Израиля и стали на валу. „Боже! отецъ нашихъ!“ восклицали они: „отмсти за смерть нашу!“ И только что увидѣли ихъ казаки, бросились на нихъ съ неистовствомъ. „Іудеи, видя послѣдній часъ свой (какъ выражается современникъ), защищались отчаянно чѣмъ попало; даже женщины отбивались отъ казаковъ, обороняя дѣтей. Эта бойня продолжалась три дня, пока гайдамаки неистребили ихъ отъ малаго до большаго“ [25]). „Три тысячи погибло тогда іудеевъ (говоритъ современникъ) подъ ужаснѣйшими муками, какія только можетъ выдумать варварство: казаки кололи ихъ гвоздями, жгли, рубили, били дубьемъ“. Раввинъ, описывая

---

[25]) Pam. o wojn. kozac. za Chmiel. 9. — Истор. о през бр. — Woyna. dom. Ч. I. 14.

это событіе, прибавляетъ, что оно случилось въ пятницу—день несчастный издавна для іудеевъ, день, въ который Моисей разбилъ скрижали Завѣта [26]).

Послѣ избіенія іудеевъ, Ганжа послалъ сказать шляхтичамъ, что теперь казачество довольно: пусть дадутъ окупъ и тогда будутъ пить мировую. Шляхтичи отсчитали имъ значительную сумму, и началась взаимная попойка; казалось, враги, столь неистовые, забыли вражду свою. Казаки обѣщали не безпокоить шляхтичей и разговаривали съ ними о мирѣ, который, какъ они увѣряли, долженъ послѣдовать скоро [27]). Шляхтичи обрадовались и не взяли у нихъ заложниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ганжа отступилъ отъ Нестервара, но на дорогѣ встрѣтился съ предводителемъ другаго загона, Остапомъ Павлюкомъ. Узнавъ о выкупѣ, полученномъ Ганжею, Остапъ требовалъ съ него части добычи; Ганжа отказалъ [28]). Тогда Остапъ, съ своимъ загономъ, бросился самъ на замокъ, когда шляхтичи ни думали, ни гадали о такомъ посѣщеніи, и поджегъ одну башню, наполненную порохомъ. Оглушенные нежданнымъ взрывомъ, шляхтичи оцѣпенѣли, и казаки ворвавшись въ замокъ, начали рубить кого попало; шляхтичи не защищались, только просили пощады [29]). Казаки прекратили рѣзню, объявили имъ, что они останутся цѣлы, и приглашали ихъ пить мировую [30]).

---

[26]) Окружн. послан. раввина, въ «Slaw: Jahrb». 107.

[27]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 10.

[28]) Лѣтоп. Велич. I. 93.

[29]) Истор. о през. бр.

[30]) Pam. o wojn: kozac. za Chmieln. 10.

На этотъ разъ пирушка была въ домѣ Четвертинскаго. Бѣдные, дрожащіе дворяне должны были сидѣть за столомъ съ гайдамаками и притворяться веселыми. Сначала все шло хорошо, но спустя немного, разговоръ сталъ живѣе; потомъ съ обѣихъ сторонъ пьяные отпускали двусмысленности; потомъ поднялся шумъ; наконецъ началась ссора и драка. Тогда другіе гайдамаки, на видъ спокойнѣе и трезвѣе, стали какъ будто разнимать неполадившихъ и подъ этимъ предлогомъ выводили шляхтичей на дворъ и тамъ рубили имъ головы [31]). Такимъ образомъ дошло дѣло до самого владѣльца, Четвертинскаго. Какъ только его вывели, толпа его подданныхъ бросилась на него, и одинъ изъ нихъ, ремесломъ мельникъ, привелъ связаннаго князя ко пню, и топоромъ отрубилъ ему голову [32]). По сказанію современника, гайдамаки убили дѣтей его, а жена его досталась, какъ лучшая добыча, самому полковнику Остапу. Польская лѣтопись говоритъ, что она согласилась быть женою его для того, чтобъ спасти жизнь свою. Обстоятельно неизвѣстно, какъ это случилось, но Остапъ не взялъ ея наложницею, а обвѣнчался съ нею. „О, несчастный бракъ! (восклицаетъ польскій лѣтописецъ) подлый хлопъ поклялся княгинѣ въ супружеской вѣрности! знатная пани должна угождать грубіяну“ [33]). По другому извѣстію, переданному однимъ современникомъ изъ Львова, въ дѣлѣ подъ Тульчиномъ участвовалъ Максимъ Кривоносъ, самый жестокій изъ предводителей загоновъ. Народное

---

[31]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln.

[32]) Истор. о през. бр.

[33]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 10.

преданіе считаетъ его характерникомъ т. е. чародѣемъ, котораго небрала пуля. Сперва онъ выказалъ себя въ Переяславлѣ, перебилъ тамъ іудеевъ и поляковъ, перешелъ на правый берегъ Днѣпра, прошелъ за Бугъ, взялъ Ладыжинъ, Бершадъ, Верховку, Александровку, вездѣ истребилъ католиковъ и іудеевъ; двадцатаго іюня подходилъ къ Тульчину и отошелъ отъ него, а 21-го іюня казаки явились туда въ большемъ числѣ: военные люди, находившіеся въ замкѣ, вступили въ бой и были обращены въ бѣгство. 22-го іюня казаки взяли Тульчинскій замокъ приступомъ и перерѣзали въ немъ всѣхъ, неразбирая ни пола ни возраста: тогда погибъ и Четвертинскій, а вдова его сдѣлалась женой казака. О пирушкѣ не говоритъ это извѣстіе. Русскіе изливали свою месть и надъ отшедшими изъ міра сего врагами: вытаскивали изъ гробовъ трупы и кости и разбрасывали [34]).

Ганжа съ своимъ загономъ сошелся съ начальникомъ другой толпы, Кривошапкою. Гайдамаки пошли по Подоли. Къ нимъ приставало такое множество мужиковъ, что поляки считали ихъ тысячъ до восьмидесяти. „Вся эта сволочь (говоритъ современный поэтъ польскій) состояла изъ презрѣннаго мужичья, стекавшагося на погибель пановъ и народа польскаго". Были взяты города: Красный, Брацлавъ. 7-го іюля Кривоносъ взялъ Винницу [35]). Нигдѣ не было отпора. Вездѣ избивали шляхту и жидовъ; по всей Подоли, до самой Горыни, панскіе замки, города, мѣстечки лежали въ развалинахъ; кучи гнившихъ тѣлъ валялись

---

[34]) Рук. И: П. Б. разнояз. № 5. Misc. F: № 63:

[35]) Wojna dom. Ч. I: 15.—Рукоп: И. П. Б. разнояз. F. № 5.

безъ погребенія, пожираемыя собаками и хищными птицами; воздухъ заразился до того, что появились смертоносныя болѣзни [36]). Дворяне бѣжали толпами за Вислу, и ни одной шляхетской души не осталось на Подоли [37]).

Разомъ съ Ганжою свирѣпствовали другіе загоны, между которыми особенно выказывались загоны Половьяна и Морозенка. О первомъ осталось преданіе, что когда ему случалось поймать панну или жидовку, то онъ сдиралъ у ней съ шеи полосу кожи и говорилъ, что это ей казаки подарили алую ленту *(чорвону стричку)*. Морозенко былъ такъ страшенъ, что о немъ говорили, будто ляхи боятся его болѣе мороза.

Но вотъ, среди паническаго страха, овладѣвшаго поляками, пошелъ на воставшій русскій народъ—Вишневецкій.

Это былъ князь Іеремія. Родъ его происходилъ отъ Ольгерда: оттого къ фамиліи Вишневецкихъ прибавлялось прозваніе Корыбутъ, по имени ольгердова сына, родоначальника этого дома. До эпохи перерожденія южнорусскаго дворянства, Вишневецкіе были защитниками православія. Одинъ изъ его предковъ былъ гетманомъ казаковъ и впослѣдствіи потерпѣлъ мученическую смерть въ Царьградѣ за вѣру. Отецъ Іереміи, Михаилъ. до конца жизни исповѣдывалъ православіе; гробъ его до сихъ поръ видѣнъ въ деревянной православной церкви въ Вишневцѣ. Молодой Іеремія былъ сначала также православнымъ, но отданъ для воспитанія дядею въ львовскую іезуитскую академію. Монахи воспользовались юностью магната, вну-

---

36) Изъ современ. рукоп. стихотвор. неизвѣст. соч.

37) Pam: o wojn. kozac. za Chmieln.

шили ему расположеніе къ католичеству, а православіе выставляли съ дурной стороны. Іеремія перемѣнилъ религію и сдѣлался ревнителемъ римскаго католичества. Въ молодости онъ путешествовалъ по Европѣ, а въ 1634 году воротился въ отечество. Владѣя огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней полтавской губерніи, онъ принялся съ жаромъ вводить католичество, построилъ въ Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, поощрялъ единоземцевъ, переходившихъ въ католичество, и гналъ схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ. Такой фанатизмъ нравился полякамъ. Іеремія поддерживалъ къ себѣ уваженіе и другими качествами. Онъ (говорятъ поляки) смолоду не зналъ ни Бахуса, ни Венеры, съ твердостью переносилъ лишенія, велъ простой образъ жизни; честолюбивый, гордый съ равными, ласковый съ низшими, содержалъ бѣдныхъ шляхтичей на своемъ иждивеніи и не скупился на свое надворное войско, которое оттого было къ нему привязано. Гордый и своенравный, онъ мало уважалъ и чужую собственность и законъ. Недовольствуясь неизмѣримымъ пространствомъ своихъ владѣній онъ, какъ было уже сказано, отнялъ у Казановскаго Роменъ, и принудилъ Владислава нарушить данную послѣднему привилегію. Тоже сдѣлалъ онъ съ Конецпольскимъ. Покойный коронный гетманъ владѣлъ Гадячемъ въ качествѣ королевщины. Предъ смертію Конецпольскій выпросилъ у короля привилегію на Гадячъ своему сыну Александру. Вишневецкій сдѣлалъ наѣздъ на Гадячъ и присвоилъ его себѣ. Его служебникъ Машкевичъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что и

Вишневецкій выпросилъ у короля привилегію на Гадячъ, и король, давши прежде Конецпольскому, далъ въ другой разъ тоже самое Вишневецкому: это извѣстіе можетъ быть и справедливо, потому что Владиславъ дѣйствительно дѣлалъ подобное, но также можетъ быть и вымышлено въ оправданіе своего патрона, тѣмъ болѣе, что въ другихъ современныхъ источникахъ овладѣніе Гадячемъ называется просто наѣздомъ. Это возбудило вражду Вишневецкаго съ Конецпольскимъ, которые находились между собою въ свойствѣ, будучи женаты на родныхъ сестрахъ. Конецпольскій искалъ судомъ на Вишневецкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обвинялъ его въ самовольномъ обращеніи хорольскаго староства въ свое дѣдичное имѣніе. Въ 1646 году, Вишневецкаго позвали къ отвѣту на сеймъ, но онъ не явился, отговариваясь болѣзнію. На слѣдующій годъ на сеймѣ же, Конецпольскій требовалъ, чтобъ онъ присягнулъ, что дѣйствительно былъ боленъ. Вишневецкій такъ разозлился, что, собравъ свою дружину изъ четырехъ тысячъ, съ которою прибылъ на сеймъ, грозилъ изрубить Конецпольскаго и всѣхъ, кто будетъ за него, хотя бы и самаго короля. Король и сенаторы упросили Конецпольскаго не требовать присяги; дѣло ихъ было разобрано и отослано въ ассессорскій судъ, который нашелъ, что Гадячъ, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Конецпольскому, а хорольское староство неправильно обращено въ дѣдичное владѣніе [38]). Онъ былъ неумолимъ къ врагамъ. Во время войны съ великоруссами, онъ

---

[38]) Bog. Maszk. Zb. Pam. o dawn. Polsce V.59.—Pam. Albr. Rad. II. 264.

такъ разорялъ великорусскіе украинные города и села, что великоруссы прозвали его Палѣемъ. Еще большую жестокость оказывалъ онъ надъ казаками, послѣ укрощенія ихъ мятежей. Самыя ужасныя казни выдумывалъ онъ и чрезъ то пришелъ въ крайнее омерзѣніе у русскихъ; особенно ненавидѣли его духовные, возстановляли противъ него народъ, указывали какъ на отщепенца и измѣнника. Не разъ жизнь его была въ опасности, и всегда, какъ только удавалось ему освободиться отъ бѣды, онъ не думалъ, подобно другимъ магнатамъ, усмирять недовольныхъ ласкою. Онъ не терпѣлъ обоюдной политики: открытый во враждѣ и дружбѣ, онъ держался правила истреблять безъ милосердія враговъ [39]).

Когда Хмельницкій поднялъ войну, Іеремія жилъ въ Лубнахъ, любимомъ своемъ имѣніи. Услышавъ о мятежѣ, хлопы составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. Вишневецкій собралъ до восьми тысячъ шляхтичей, жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ были надежны [40]); онъ разсѣевалъ загоны и всѣхъ попадавшихся въ руки казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ висѣлицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы [41]). Разгоняя такимъ образомъ шайки, Вишневецкій дошелъ почти до Переяславля и намѣревался перейти на другую сторону Днѣпра, чтобъ поспѣшить на помощь Потоцкому [42]), но услыша, что Переяславль возмутился

[39]) Korona Polska, przez Kaspra Niesieckiego. t. IV. o Wiszniewieckich.
[40]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 26.—Latop. Jerl. 66.
[41]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 157.
[42]) Лѣт. Вел. I. 30.

и Кривонос съ десятью тысячами готовится поразить князя [43]), возвратился назадъ, и тутъ, на обратномъ пути, недалеко отъ Березани, явились къ нему шесть казаковъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ предводитель казаковъ извѣщалъ князя о пораженіи польскихъ гетмановъ подъ Корсуномъ, просилъ не оскорбляться этимъ и не начинать непріятельскихъ дѣйствій противъ русскихъ. Вишневецкій, вмѣсто отвѣта, приказалъ посадить на колъ посланниковъ Хмельницкаго. На дорогѣ, между селами Войтовымъ и Филипповымъ, былъ исполненъ этотъ приговоръ [44]). Воинственный князь негодовалъ на тѣхъ дворянъ, которые отъ страха готовы были мириться съ казаками. Побрякивая саблею, онъ восклицалъ: „Вотъ чѣмъ слѣдуетъ удалить казаковъ“ [45]); но услыша, что подъ Лубнами собираются мятежники, князь поспѣшилъ назадъ; въ Лубнахъ оставалась супруга его, Гризельда, дочь Ѳомы Замойскаго, которую онъ нѣжно любилъ. Съ часу на часъ разгорался мятежъ въ окрестностяхъ; положеніе Вишневецкаго было небезопасно; изъ собственной дружины его осталось только уже три тысячи [46]). Собравшись наскоро, Вишневецкій съ семействомъ и съ пятнадцатью слугами [47]) выѣхалъ изъ Лубенъ, навѣки попрощавшись съ ними и заплакавъ о потерянныхъ маетностяхъ, по замѣчанію лѣтописца [48]). Въ Кіевѣ пере-

---

[43]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 29.

[44]) Лѣтоп. Велич. I. 79.

[45]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 22.

[46]) Лѣтоп. Велич. I. 49.

[47]) Рук. Имп. П. Б. разнояз. ист. F. № 5.

[48]) Ист. о през. бр.

правиться уже было невозможно: Вишневецкій переправился чрезъ Днѣпръ въ Любечѣ и отправилъ княгиню съ сыномъ въ Вишневецъ чрезъ Полѣсье, при вооруженной стражѣ, со множествомъ католиковъ обоего пола, спасавшихся отъ возстанія [49]). Самъ Іеремія нѣсколько дней пробылъ въ Житомирѣ, куда стеклись оставшіеся въ русской землѣ шляхтичи на сеймикъ. Вишневецкій своимъ примѣромъ и убѣжденіями поддержалъ въ нихъ падающій духъ, увеличилъ свой отрядъ новыми охотниками, далъ ему правильное раздѣленіе и, при содѣйствіи кіевскаго воеводы Тышкевича, сдѣлалъ постановленіе о сборахъ съ повѣта для содержанія войска; а пока нужныя для того деньги могли быть собраны съ поселянъ, далъ заимообразно собственныхъ нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ [50]). Отсюда онъ, какъ русскій воевода, послалъ универсалы во Львовъ, главный городъ своего воеводства и убѣждалъ тамошнюю шляхту вооружиться и спѣшить на выручку Рѣчи Посполитой; извѣщалъ, что скоро на Польшу нападетъ огромная орда съ султанами Нуреддиномъ и Калгою и съ самимъ ханомъ [51]). Потомъ, услыша, что Кривоносъ отправленъ противъ его имѣній, Іеремія бросился въ глубину Украины праваго берега; на дорогѣ ему предстояло мѣстечко Погребище.

Жители составляли гайдамацкій загонъ; изъ сосѣднихъ селъ стекались хлопы; священники ободряли ихъ;

---

[49]) Лѣтоп. Велич. I. 25.—Истор. о през. бр.—De reb. gest. contra. cos 57.—Poch. wojenn. Slaw.

[50]) Latop. Jerl. 67.

[51]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. ист. f. № 5.

никто неожидалъ нападенія, и вдругъ налетѣлъ Вишневецкій. Всѣ попались въ его руки; князь сажалъ на колъ, тиранилъ мучительно и виновныхъ и невиновныхъ [52]), особенно мучилъ священниковъ, „ничтоже согрѣсшихъ", по замѣчанію русскаго лѣтописца [53]): имъ просверливали буравомъ глаза [54]).

Вышедши изъ Погребища, князь очутился среди разгара возстанія. Все кругомъ волновалось. Вишневецкій послалъ шляхтича Барановскаго въ Немировъ, свою маетность, требовать провіанта для войска, а самъ между тѣмъ сталъ въ Ободномъ [55]).

Барановскій, подошедъ къ городу, увидѣлъ, что ворота заперты. Немировскіе пьяницы и повѣсы, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, вышли на валъ и закричали ему: „Идите прочь! ужъ тутъ нѣтъ лядскаго духа: не знаемъ мы твоего пана! Есть у насъ другой панъ — Хмельницкій" [56]). Съ такимъ отвѣтомъ воротился Барановскій.

Вишневецкій разъярился, услыша, что рабы его болѣе не повинуются ему, и тотчасъ съ дружиною отправился подъ Немировъ. Вишневцы выбили деревянныя стѣны, вырвали колья и ворвались въ мѣстечко. Священники били сами въ набатъ; мѣщане и казаки защищались отчаянно, но не устояли противъ княже-

---

[52]) Лѣтоп. Величка I. 95.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 12.—Woyna dom. 1. 17.

[53]) Истор. о през. бр.

[54]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 157.

[55]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 12.—Woyna dom. Ч. I. 17.

[56]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 12.—Лѣтоп. Величка I. 95.

ской дружины: храбрѣйшіе легли въ сѣчѣ, а тѣ, которые были потрусоватѣе, побросали оружіе и попрятались въ погребахъ, по чердакамъ домовъ. Князь въѣхалъ въ Немировъ.

Мѣщане думали какъ нибудь умилостивить разгнѣваннаго владѣльца, выползли изъ своихъ закоулковъ, какъ выражается лѣтописецъ, и, дрожа отъ страха, пришли къ владѣльцу. „Мы невинны“, говорили они: „были здѣсь злодѣи и казаки; они—измѣнники, они такъ отвѣчали Барановскому, а мы ничего не знаемъ, не вѣдаемъ. Помилуй насъ! Готовы дать, что прикажешь!“

„Подайте мнѣ виновныхъ!“ кричалъ Вишневецкій, и на другой день приказалъ собираться всему городу. Испуганные мѣщане, пытаясь какъ нибудь спастись, указали на тѣхъ, которые ихъ ободряли.

Вишневецкій приказалъ мучить, кого только подозрѣвалъ. Немировцамъ вырывали глаза, распинали, растесывали ихъ пополамъ, сажали на колъ, обливали кипяткомъ и, кромѣ того, употребляли такія муки, говоритъ лѣтописецъ, какихъ и поганые не могли выдумать. Вишневецкій присутствовалъ при казняхъ и находилъ какое то удовольствіе. „Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ!“ кричалъ онъ въ изступленіи [57]).

Утромъ приказалъ князь собрать всѣхъ оставшихся мѣщанъ. „Виновные наказаны“, сказалъ онъ: „я васъ прощаю; служите вѣрно и узнаете мою милость“.

Забравъ провіантъ, князь уѣхалъ изъ Немирова и

[57]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 12.—Истор. о през. бр.—Hist. ab. exc. Wlad. IV 22.

оставилъ въ мѣстечкѣ двѣсти драгуновъ. Едва только немировцы успѣли сосчитать и оплакать замученныхъ родныхъ и друзей, какъ снова стали сноситься съ казаками и тайно послали къ вышедшимъ изъ Брацлава казакамъ, умоляя поспѣшить къ нимъ на помощь. Казаки пришли. Мѣщане отворили имъ ворота и бросились вмѣстѣ съ ними на драгуновъ, которые, не желая отдаться на муки русскимъ, ожесточеннымъ за погибель своихъ братьевъ, защищались отчаянно и всѣ пали въ сѣчѣ; только одинъ спасся. Немировъ въ другой разъ призналъ господиномъ Хмельницкаго [58]). Вишневецкій въ то время уже готовился идти на Кривоноса, какъ вдругъ узналъ о новомъ отпаденіи Немирова. „Теперь", говорилъ онъ: „я накажу ихъ такъ, что и свѣтъ еще не слыхалъ такой кары", и готовился идти къ Немирову.

Но на этотъ разъ спаслись мѣщане. На дорогѣ прибѣжалъ къ Іереміи кіевскій воевода Тышкевичъ [59]) изъ числа магнатовъ въ Украинѣ, производившій подобно многимъ, родъ свой отъ православныхъ предковъ. Отецъ его перемѣнилъ вѣру, а сынъ сталъ горячимъ католикомъ. Получивъ воеводство кіевское въ управленіе, онъ старался распространить въ немъ католичество и унію, заводилъ іезуитскія училища, бернардинскіе и доминиканскіе монастыри, обращалъ насильно православныя церкви въ унитскія, принуждалъ людей къ уніи [60]). Мя-

---

[58]) Лѣтоп. Велич. I. 96.—Истор. о през. бр.—Woyna dom. Ч. I. 18.

[59]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 12.—Bell. scyth. cos. 25.—Poch. wojen. Slaw.

[60]) Korona polska, t. III. o Tyszkiewiczach.— Лѣтоп. самов. 10.

тежники, мстя вообще всѣмъ дворянамъ за притѣсненія, особенно преслѣдовали тѣхъ, которые оскорбляли русскую вѣру. Кривоносъ, разграбивъ нѣсколько имѣній Вишневецкаго, ворвался въ маетность Тышкевича, Махновку. Казаки разорили тамъ кармелитскій монастырь; выманили хитро коменданта замка, Льва, и нагнали на засаду. Жолнеры едва пробились назадъ въ замокъ и дали кой какъ знать Тышкевичу въ Бердичевѣ; старый воевода обратился къ Іереміи и умолялъ его поспѣшить для обороны Махновки. „Чернь ругается надъ святынею (извѣщалъ онъ), едва-едва защищается замокъ; парканы ненадежны; можетъ-быть уже его взяли!“

Іеремія немедленно обратился къ Махновкѣ и пришелъ къ ней тогда, когда казаки уже разрушили деревянныя укрѣпленія; разломаны были ворота: надворная команда выбилась изъ силъ. Вдругъ Вишневецкій ударилъ на пѣхотинцевъ сзади. Увидя помощь, сильнѣе стали напирать бывшіе въ замкѣ жолнеры... какъ вдругъ, во мгновеніе ока, бросается на Вишневецкаго сзади Кривоносъ съ конницею; онъ стоялъ неподалеку и поспѣшилъ выручить пѣхоту. Пѣхота, ободренная тѣмъ, пустила сильный залпъ, и въ сумеркахъ чуть было самъ Вишневецкій не погибъ: Кривоносъ лично гонялся за нимъ и едва было не прокололъ его копьемъ. Князь принужденъ былъ приказать спѣшиться драгунамъ и сражаться, отступая. Битва шла до самой ночи. Вишневецкій надѣялся поправить дѣло на другой день, но Тышкевичъ убѣждалъ воротиться назадъ, представляя, что войско изнурено и что сражаться опасно. „Въ самомъ же дѣлѣ“, говоритъ лѣтописецъ, „онъ боялся, чтобъ въ сраженіи не сожгли его гуменъ, куда отрядъ пробился,

отступая: да притомъ онъ не хотѣлъ раздражать слишкомъ казаковъ, чтобъ не навлечь на себя горшей бѣды". Казаки обратились тогда снова на Махновку, взяли замокъ и сожгли его, а жолнеровъ истребили вмѣстѣ съ комендантомъ. Іеремія отступилъ на другой день и сталъ отдыхать въ Грыцовѣ [61]).

Здѣсь прибѣжала къ нему толпа шляхтичей изъ Волыни. Разогнанные изъ домовъ, они собрались было въ мѣстечкѣ Полонномъ, но, слыша объ ужасной силѣ казаковъ, не надѣялись устоять и прибѣжали къ Іереміи просить у него войска, чтобъ спокойнѣе сидѣть, какъ они говорили. „У меня нѣтъ войска", отвѣчалъ онъ, „мои люди изнурены до крайности, по цѣлымъ днямъ ходятъ не отдыхаючи" Между тѣмъ онъ послалъ къ двумъ панамъ, Корецкому и Осинскому, приглашать биться вмѣстѣ съ нимъ противъ непріятеля: паны вышли съ своими отрядами, но не знали, что имъ дѣлать, ибо должны были повиноваться князю Доминику Заславскому, котораго тогда назначили начальникомъ: онъ требовалъ ихъ въ Заславль, а потому они и отвѣчали Вишневецкому, что не имѣютъ гетманскихъ приказаній. Князь оскорбился. „Они ждутъ гетманскихъ приказаній", говорилъ онъ: „а кто жъ имъ дастъ? Развѣ они не знаютъ, что гетманы въ плѣну? Послѣ этого слѣдуетъ и мнѣ оставить войну, да отыскать себѣ спокойный уголокъ, а то еще скажутъ: зачѣмъ я началъ войну безъ гетман-

---

[61]) Лѣтоп. Велич. I. 96.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 13.—Истор. о през. бр.—Woyna dom. Ч. I. 18.—Latop. Jerl. 68.—De rebus. gestis contra cos. 59—61.—Poch. wojen. Slaw.—Рук. И. П. Б. разнояз. F № 5.

скихъ приказаній?“ Іеремія разсудилъ, что если онъ долго будетъ драться, то прійдетъ въ безсиліе, потому что ему никто не помогаетъ. Онъ отправился въ Константиновъ, откуда хотѣлъ ѣхать въ Збаражъ и тамъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ дождаться, чѣмъ кончаться переговоры съ казаками; но вдругъ догоняютъ его тѣ самые паны, которые отказали въ помощи. „Прости насъ“, говорили они: „что не послушали тебя. Прими насъ подъ свое начальство. Ужасная сила идетъ на тебя“. Причина такой скорой готовности къ битвѣ была та, что Кривоносъ, соединясь съ загономъ Половьяна, бросился прямо на Корецкаго и Осинскаго. Іеремія сначала не хотѣлъ было опять начинать войны, но послѣ разсудилъ, что все равно прійдется встрѣтиться съ казаками, если они идутъ на него, и, уважая просьбы знатныхъ пановъ, принялъ ихъ съ отрядами и воротился [62]).

Кривоносъ, тѣмъ временемъ, напалъ на Полонное, взялъ это мѣстечко, при помощи тамошнихъ православныхъ жителей, и произвелъ въ немъ ужасное кровопролитіе [63]); перерезали всѣхъ шляхтичей которые тамъ искали обороны [64]), а іудеевъ, по преувеличенному извѣстію современника, погибло тамъ до десяти тысячъ [65]). Оттуда казаки бросились на Звягель (Новгородъ-Волынскій) [66]). Самъ Кривоносъ пошелъ на Старый-Константиновъ на встрѣчу Вишневецкому [67]).

[62]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 13.— Annal. Polon. Cl. I. 50.

[63]) Histor. ab exc. Wlad. 22.—De rebus gest. contra cos. 60.

[64]) Рук. И. П. Б. разноязч. № 5.

[65]) Окруж. посл. раввина.—De rebus. gest. contra cos. 61.

[66]) Annal. Polon. Cl. I. 50.

[67]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 13.—Poch. wojen. Slaw.

Вишневецкій сошелся съ нимъ недалеко отъ города, 25-го іюля, при какомъ то прудѣ, черезъ который шла плотина. Онъ отрядилъ заранѣе Осинскаго въ засаду, а въ часъ пополудни выслалъ на плотину отрядъ драгуновъ и отрядъ пѣшихъ, и поставилъ пѣхоту такъ, что она была закрыта конницею. Кривоносъ думалъ, что у Вишневецкаго только и воиновъ, что стояли впереди, противъ него.—„Ну-те, молодцы-атаманы, кричалъ онъ, ободряя своихъ: — ну, Половьяне, Остапе, Демко, отъ теперь маемо въ рукахъ Яремку. Уже мы сихъ ляхівъ всіхъ собакъ возьмемо, таки потопкомъ черезъ ихъ підемо!“ Казаки съ крикомъ, гамомъ, летятъ прямо на драгуновъ; тѣ не двигаются съ мѣста; казаки бросаются на нихъ, драгуны только слегка отстрѣливаются; казаки разгорячились, силятся сломить непріятельскіе ряды, хотятъ какъ будто съѣсть живьемъ непріятелей, по выраженію очевидца [68]), а сами потеряли порядокъ: это замѣтилъ Іеремія, тотчасъ крикнулъ,—драгуны дали залпъ и разступились, а пѣхота неожиданно выскочила на непріятелей. Они бѣжали словно обваренные, говоритъ польская лѣтопись [69]); а между тѣмъ Осинскій бросился на нихъ сзади [70]); казаковъ преслѣдовали до самаго табора; но когда достигли они табора, то дали отпоръ и, въ свою очередь, довольно съ большимъ урономъ заставили Вишневецкаго отступить [71]). Однако Барановскій привелъ въ лагерь плѣннаго Половьяна.

---

[68]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 181.

[69]) Pam. o wojn. kozac. za Cmieln. 13.

[70]) Annal. Polon. Clim. I. 50.—Histor. panow. Jan. Kazim. I.

[71]) Лѣтоп. Велич. I. 97.

Князь приказалъ его пытать, и Половьянъ сказалъ: „Я присланъ отъ Хмельницкаго съ приказомъ Кривоносу не начинать безъ гетмана ничего. Четыре дня назадъ, мы получили отъ Хмельницкаго изъ Паволочи письмо, въ которомъ онъ велѣлъ намъ забавлять васъ до тѣхъ-поръ, пока подойдетъ съ огромными силами."

Паны тогда разсуждали такъ: „Съ Кривоносомъ то мы сладимъ, но если прійдетъ Хмельницкій, а у него тысячъ пятьдесятъ, то насъ побьютъ; свѣжихъ силъ нѣтъ у насъ, хлѣба мало, и лошадямъ не достаетъ корма. Лучше отступимъ" [72]).

Итакъ паны отступали къ Кольчину; но когда достигли Россоловецъ на Случи, Кривоносъ, на другой день, догналъ ихъ во время переправы [73]). Вишневецкій снова обманулъ его: поставленный спереди плотины небольшой отрядъ побѣжалъ, какъ будто испугавшись непріятеля; казаки преслѣдуютъ ихъ, вступаютъ на плотину: къ большой ихъ радости, отступаютъ и тѣ, что стояли за плотиною. Тогда русскіе бросились всѣ толпою за ними, думая, что теперь перебьютъ поляковъ безъ сопротивленія; но когда одна часть перешла озеро, а другая толпилась на плотинѣ, бѣгущіе оборачиваются, и князь приказываетъ „попотчивать ихъ оловянными пилюлями." Изъ всѣхъ ружій грянули казакамъ въ лицо; они остановились. Князь приказываетъ „пустить имъ крови саблями," и поляки начали ихъ рубить [74]). „И такъ тогда поразили хлопство (говоритъ очевидецъ), что все поле покрылось трупами, какъ бѣ-

[72]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 185.

[73]) Annal. Polon. Clim. I. 51.—Histor. Jan. Kaz. I.

[74]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 13.

лымъ сукномъ." Они забрали у Кривоноса четыре пушки [75]), полонили нѣсколькихъ старшинъ и взяли двадцать семь значковъ; но въ двухъ сраженіяхъ потеряли и своихъ до четырехъ тысячъ [76]). Князь приказалъ снова пытать Половьяна, чтобъ добиться у него правды о Хмельницкомъ. Казакъ увѣрялъ, что Хмельницкій недалеко и орду за собою ведетъ, а войску казацкому числа нѣтъ. „Мы хотимъ (говорилъ онъ) пробраться за Билу Рику."—такъ называли Вислу казаки [77]). Поляки въ самомъ дѣлѣ думали, что они заставили угольями высказать казака правду [78]); но Половьянъ лгалъ для того, чтобъ заставить Вишневецкаго удалиться и открыть свободное поле для своихъ братій на Волыни. Его, измученнаго, обозженнаго, посадили на колъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: Вишневецкій отправилъ артиллерію въ Тучинъ, а самъ обратился съ легкимъ войскомъ къ Константинову; но услышавъ, что его Гризельда ушла изъ Вишневца въ Збаражъ, самъ туда отправился и оставилъ гайдамаковъ продолжать разоренія [79]). Гайдамаки взяли Корецъ и Мижиричъ и истребили тамъ, по обыкновенію, все жидовское и шляхетское. Межибожье, принадлежавшее Сѣнявскому, взято было послѣ сопротивленія, и пощажено, изъ уваженія къ Сѣнявскому, который почему то прежде заслужилъ особое

---

[75]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 197.

[76]) Лѣтоп. Велич. I. 27.

[77]) Annal. Polon. Cl. I. 51.—Pam. do panow. Zygm. III. Wl. IV. i Jan. Kaz: II: 10.

[78]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 189.

[79]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon Clim.

снисхожденіе къ себѣ русскихъ [80]). Кривоносъ, по приказанію Хмельницкаго, пошелъ на Баръ (нынѣ мѣстечко могилевскаго уѣзда). Жители этого мѣстечка просили казаковъ избавить ихъ отъ ненавистнаго гарнизона, помѣщеннаго въ городѣ Вишневецкимъ. Этотъ гарнизонъ состоялъ подъ начальствомъ шляхтича Броневскаго, который своимъ обращеніемъ довелъ ихъ до того, что они, даже не дождавшись казаковъ, взбунтовались и принудили его уйти. На мѣсто Броневскаго явился Андрей Потоцкій, сынъ гетмана, и расположилъ своихъ двѣсти драгуновъ частью въ замкѣ, частью въ городѣ около замка. Кривоносъ явился къ Бару, сухопутьемъ и водою, въ первыхъ числахъ августа, едва только Потоцкій успѣлъ войти туда. Православные мѣщане тотчасъ отворили казакамъ ворота; драгуны поспѣшили укрыться въ замокъ. Гайдамаки перерѣзали, перетопили, перемучили неслыханнымъ образомъ шляхтичей, католиковъ, духовныхъ, особенно іезуитовъ и іудеевъ; послѣднихъ нигдѣ столько не пропало, какъ въ Барѣ: единогласное сказаніе историковъ простираетъ число погибшихъ тамъ іудеевъ до пятнадцати тысячъ. Ожесточенные русскіе сдирали съ нихъ кожи съ живыхъ. Послѣ того они осадили замокъ. Напрасно нѣмцы палили въ нихъ изъ пушекъ: огражденные такъ называемыми гуляй-городынами, русскіе лѣзли подъ дымъ, приставили къ стѣнѣ лѣстницы и ворвались въ замокъ. Драгуны погибли: большая часть пала въ сѣчѣ, остальные сдались и были замучены неистовою толпою. Только Потоцкій и знатнѣйшіе паны были пощажены и отосланы къ Хмель-

[80]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Истор. F. № 5.

ницкому, за что Кривоносъ получилъ отъ него въ подарокъ саблю и вошелъ въ большую милость. Изъ Бара онъ отправился въ Каменецъ, но не взялъ его. Спустя нѣсколько времени, на Каменецъ напалъ другой отрядъ, подъ предводительствомъ двухъ атамановъ. Гири и Волка. Но они не только не взяли крѣпости, а еще потерпѣли отъ вылазки, которую сдѣлалъ комендантъ. За то, съ досады, они по гайдамацки опустошили окрестности [81]; нѣсколько ихъ было взято въ плѣнъ и подъ пыткою оказалось, что они были карпатскіе опришки, не имѣли никакихъ сношеній съ казаками, но услыхавши объ украинскомъ возстаніи, по ненависти къ рабству, собрались и пошли бить ляховъ [82]).

И на Волыни были другіе загоны, свирѣпствовавшіе съ равнымъ ожесточеніемъ надъ врагами православія и Руси. Около Луцка ходилъ Колодка, разорилъ нѣсколько замковъ, перебилъ іудеевъ [83]), и, наконецъ, древній Луцкъ призналъ власть Хмельницкаго. Гарнизонъ, находившійся въ этомъ городѣ, разбѣжался, какъ только разнеслась вѣсть о приближеніи казаковъ. Гайдамаки умертвили всѣхъ, кого считали врагами и поругались вдоволь надъ римско-католическою святынею [84]). Кременецъ также былъ взятъ казаками; шесть недѣль они осаждали тамошній замокъ

---

[81]) Истор. о през. бр.—Пам. кіевск. комм. I. 199—201.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 14.—О томъ, что случилось въ Укр. 8,—Лѣтоп. Велич. I. 99. — Woyna dom Ч. I. 24. — Stor. delle guer. civ. 27: Pochod. wojen. sl.—Рук. И. П. Библ. разнояз. Истор. F. № 5.

[82]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[83]) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[84]) Лѣт. сам. 12.—Stor. delle guer. civil. 36.

лежащій на высокой, почти неприступной скалѣ и, принудивъ его къ сдачѣ, разорили [85]). Города и мѣстечки Олыка, Ровно, Клевань, Тайкуры, Острогъ, Владиміръ, Кобринъ, Заславль [86]) взяты разными шайками. Но замки въ Бродахъ и Дубнѣ остались невзятыми [87]). Не спаслась Гуща, резиденція Киселя [88]), который тщетно восклицалъ, что онъ православный.

„Мы спимъ,—писалъ одинъ современникъ, жившій на Волыни—съ женами и дѣтьми подъ страхомъ нападенія день и ночь каждую минуту. Взрослые обоего пола и дѣти толпятся въ костелахъ, ксендзы возсылаютъ молитвы объ отвращеніи гнѣва Божія. Говорятъ, семдесятъ казаковъ пущено по Волыни возмущать хлоповъ и мѣщанъ. Всѣ мы боимся греческой релегіи; можно навѣрно сказать: кто только принадлежитъ къ этой релегіи, тотъ ожидаетъ Хмельницкаго съ любовію, какъ искупителя“ [89]).

Загоны буйнаго казачества свирѣпствовали до самаго Бреста; взяли и Брестъ [90]), умерщвляли вездѣ римско-католическихъ духовныхъ, шляхту, іудеевъ, унитовъ; оскверняли алтари. „Христіане надъ христіанами (писалъ Кисель) [91]) совершали на Волыни такія жестокости, какихъ не дѣлаютъ даже турки и татары.“ Злодѣянія во-

[85]) Извл. изъ грод. книгъ Крем.

[86]) Лѣт. самов. 12.—Памят. кіевск. комм. I. 253.—Рукоп. И. П. Б. разнояз. Истор. F. № 5.

[87]) Latopis Jerl. 91.

[98]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 241.

[98]) Рук. Им. П. Б. разнояз. F. № 5.

[90]) О малорос. нар. и запорожц.—De rebus gestis. contra cos. 12.

[91]) Памятн. кіевск. комм. I. 244.

лынскихъ гайдамаковъ остались въ народной памяти и теперь въ дико фантастическомъ образѣ Шолудиваго Буняка: это имя древняго хана половецкаго помѣстило преданіе въ эпохѣ Хмельницкаго. Говорятъ, что такъ назывался начальникъ одного загона; онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лицо, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями, и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяцъ ходилъ въ баню и бралъ съ собою казака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не разсказалъ, кто онъ такой... Пришла очередь идти одному казаку, котораго мать была колдунья: она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ и тотъ догадался, когда съѣлъ его. „Ты ушелъ отъ смерти: я теперь братъ твой, потому что мы питались отъ груди одной матери, но я погибъ". Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что слышалъ, и Шолудивый Бунякъ погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волынскихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто бы погребенъ Бунякъ. Злые духи гнѣздятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни. Въ такихъ то фантастическихъ образахъ перешла къ потомству страшная эпоха возстанія казаковъ.

Въ Червоной Руси возстаніе народа не могло разыграться такъ какъ въ сосѣднемъ краѣ: тамъ было средоточіе польской военной силы; однако не смотря на то, и тамъ немогли удержаться русскіе люди отъ участія въ борьбѣ съ ляхами. За тридцать верстъ отъ самаго Львова въ Камени-

Стромиловой взбунтовавшіеся хлопы перебили поляковъ, замучили ксендзовъ, ругались надъ римско-католическою святынею. Но войска скоро усмирили мятежъ: зачинщики были схвачены и во Львовѣ посажены на колъ. „Вездѣ около Львова“—писалъ въ августѣ одинъ львовянинъ „поляку и жиду опасно проѣхать по дорогѣ: стерегутъ, нападаютъ, убиваютъ, мучатъ. Вся Русь дышетъ злобою ко всему католическому и шляхетскому!“ Въ самомъ Львовѣ поляки и іудеи трусили, особенно замѣтивъ, что православные дѣлаютъ сходки по церквамъ и укромнымъ мѣстамъ, на предмѣстьяхъ. Оглашено было, чтобъ мѣщане не выѣзжали изъ Львова изъ опасенія, чтобъ ихъ не били хлопы [92]).

Когда Подоль, Волынь и западная Украина подвергались смутамъ и ярости народной, съ лѣвой стороны Днѣпра, и въ Сѣверской Землѣ поднялся народъ. Изъ ополченій лѣвобережной Украины, надѣлало больше всего шуму нѣжинское ополченіе подъ начальствомъ Шумейка. Проходя вооруженно восточныя страны нынѣшней полтавской губерніи, еще въ маѣ, они встрѣтили въ Рашевкѣ подъ Гадячемъ другое ополченіе, подобное нѣжинскому, собравшееся подавать помощь Хмельницкому, который въ то время еще только шелъ на Потоцкаго. Рашевцы подумали, что это литовское войско идетъ на Хмельницкаго, бросились на переднія сотни нѣжинскаго полка и разсѣяли ихъ, а сами, соединясь съ другими отрядами своего ополченія, спѣшили за Днѣпръ. Нѣжинцы подумали, что въ этой сторонѣ русскіе держали сторону поляковъ и начали дѣлать кривды людямъ, по

---

[92]) Рукоп. И. П. Б. разпояз. F. № 5.

выраженію лѣтописца, разоряя села, они шли до самаго Днѣпра. Въ селѣ Максимовкѣ нагнали они рашевское ополченіе и такъ разбили, что рѣдкій изъ него успѣлъ уйти на Днѣпръ. Они узнали уже свою ошибку подъ Кодакомъ, который принялись тотчасъ осаждать [93]).

Кодацкій комендантъ Гродзицкій напрасно писалъ къ гетману, моля о спасеніи: прежде чѣмъ письмо могло дойти до Потоцкаго, онъ былъ уже въ плѣну. Кодакъ былъ держанъ въ осадѣ нѣсколько недѣль: наконецъ, когда казаки подѣлали мины, Гродзицкій, лишенный всякой надежды, сдался [94]); казаки, вопреки обыкновенному своему звѣрству, проводили въ цѣлости коменданта со всѣми его пожитками, и жолнеровъ, связанныхъ веревками, въ Чигиринъ, и тамъ уже ограбили; а потомъ Хмельницкій отпустилъ Гродзицкаго въ Польшу [95]).

Въ Кіевѣ возстали жители, когда только Хмельницкій одержалъ корсунскую побѣду; мѣщане выгоняли шляхту, преслѣдовали католическихъ священниковъ и ожидали Хмельницкаго, который долженъ былъ ѣхать въ столицу, какъ освободитель. Шляхта въ Кіевѣ однако, оставалась долго, скрываясь въ стѣнахъ печерскаго и другихъ русскихъ монастырей; повременамъ ободренные тишиною въ городѣ, дворяне осмѣливались свободно ходить по городу, избѣгая только пьяныхъ скопищъ; вмѣстѣ съ ними выглядывали католическіе духовные и

---

[93]) Лѣтоп. самов. 13.

[94]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 22.—Histor ab exc. Wlad. IV. 32.

[95]) Лѣтоп. самов. 13.

іудеи, и, наконецъ, всѣ заплатили дорого за свою смѣлость. Въ декабрѣ, ночью съ 11-го по 14-е число, православные мѣщане, подстрекаемые нѣкоторыми духовными, врывались въ домы, гдѣ подозрѣвали укрытыхъ дворянъ, многихъ вытаскивали и топили; между ними погибло и нѣсколько десятковъ особъ женскаго пола. Послѣ этого шляхтичи опять прятались по монастырямъ [96]).

Возстаніе народное отозвалось и въ Бѣлой Руси. Первый, принесшій въ Бѣлую Русь призывъ къ освобожденію, былъ шляхтичъ Головацкій, составившій ополченіе около Стародуба. Онъ тотчасъ же ушелъ; но посѣщеніе его оставило слѣды: крестьяне, поджигаемые воззваніями Хмельницкаго, которыя разосланы были возбудителями, предавали огню и мечу владѣльческія усадьбы и римско-католическую святыню. Возстаніе распространилось тамъ съ быстротою. Крестьяне соединились въ загонъ, подъ начальствомъ Небабы, родомъ изъ Корыстышева, и пустились истреблять неправославныхъ. Разомъ съ нимъ бушевали другіе загоны Напалича, Хвеська, Михаенка, Кривошапки, Горкуши. Города Гомель, Лоевъ, Брахинъ сами отворяли имъ ворота. Литовскій гетманъ лежалъ при смерти; помощникъ его былъ въ отлучкѣ. Гайдамаки долго не встрѣчали никакого сопротивленія; только оршанская шляхта, подъ начальствомъ Друцкаго-Горскаго, вела съ ними партизанскую войну; наконецъ, польный гетманъ Янушъ Радзивиллъ послалъ противъ нихъ Мирскаго и польнаго писаря литовскаго, Воловича, въ разныя стороны съ дружинами нѣкоторыхъ пановъ. Мир-

---

[96]) Latop. Jerlicza 70.

скій былъ разбитъ на-голову при деревнѣ Горволѣ на Березинѣ. Воловичъ пошелъ противъ Небабы. Гайдамаки переправились черезъ Припеть; въ то время ударилъ нечаянно на нихъ Воловичъ и загналъ въ городъ Пинскъ. Жители приняли ихъ съ радостью, какъ единовѣрцевъ и единоземцевъ, перерѣзали и перетопили всѣхъ католиковъ обоего пола, не исключая и дѣтей, разорили и ограбили костелы и сами взялись сражаться съ казаками противъ пановъ. Напрасно Воловичъ требовалъ, чтобъ мѣщане выдали бунтовщиковъ, и угрожалъ карою не только имъ, но женамъ ихъ и дѣтямъ. „Они (говоритъ польскій лѣтописецъ) были схизматики, и потому такъ отвѣчали: лучше погибнемъ, чѣмъ выдадимъ тѣхъ, которые ратуютъ за вѣру нашу“. Мѣщане исполнили свое слово. Литвины исполнили свое. Чрезъ нѣсколько времени литвины взяли Пинскъ штурмомъ и перетопили почти все народонаселеніе столь же варварски, какъ поступили гайдамаки. Небаба бѣжалъ изъ пылающаго города, но былъ застигнутъ поляками; отчаянно дрался и погибъ въ сѣчѣ.

Кривошапка свирѣпствовалъ противъ враговъ русской народности на Сожѣ. Онъ взялъ мѣстечко Чириковъ; вслѣдъ за тѣмъ казаки напали на Могилевъ, перебили всѣхъ іудеевъ и католиковъ, ограбили всѣ лавки и разсѣялись по околицѣ, увеличивъ свои полчища поселянами. Въ мстиславскомъ краѣ внезапно, въ разныхъ сторонахъ, вспыхнуло возстаніе, крестьяне начали сожигать усадьбы, но были укрощены Друцкимъ-Горскимъ [97]).

---

[97]) De rebus contra cosac gestis.—Epitome de rebus 1648.— Rerum in Magno Duc. Lith. comment. 1—33.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чрезвычайный сеймъ.—Обвиненія противъ Оссолинскаго.— Коммиссія.— Безполезные переговоры. — Ополченіе польскихъ войскъ. — Предводители.— Походъ Хмельницкаго на Волынь.—Богатство польскаго лагеря.—Самонадѣянность поляковъ.—Совѣтъ въ польскомъ лагерѣ.—Переговоры съ казаками.

Всѣ неистовства народа были извѣстны Хмельницкому. Пользуясь безкоролевьемъ, онъ видѣлъ въ народномъ возстаніи удобный случай проучить пановъ надолго и исполнить планъ свой: ослабить польскую олигархію. Онъ, зналъ, что переговоры, начатыя съ сеймомъ, не приведутъ къ миру, и потому держалъ войско на готовѣ и переписывался съ ханомъ, ища въ немъ союзника для дальнѣйшихъ походовъ въ Польшу. Среди приготовленій къ войнѣ, казацкій предводитель справлялъ свою свадьбу; по извѣстію одного современника изъ Львова (отъ 22 іюля) [1], онъ женился на Чаплинской, шляхтянкѣ, вдовѣ шляхтича, убитаго во время смятенія. Другіе считаютъ ее женою того Чаплинскаго, который нанесъ Хмельницкому обиду и былъ еще живъ.

Въ іюлѣ прибыли казацкіе посланники въ Варшаву. Примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій Матѳій Лубенскій, лицо важнѣйшее послѣ вѣнчанной особы въ

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. Ист. F. № 5.

Польшѣ, занялъ, по смерти короля, его право до избранія новаго государя, оповѣстилъ въ королевствѣ о смерти Владислава и объ опасности отечества, приглашая пословъ Рѣчи Посполитой явиться къ 9-му іюня на конвокаціонный сеймъ.

Первое дѣло собранныхъ представителей націи касалось мятежа казацкаго. Положено, по предложенію примаса, выставить противъ казаковъ 36,000 войска, которое должно быть набрано по повѣтамъ и воеводствамъ, насчетъ провинцій, въ видѣ земскаго ополченія. Собранные представители, въ своемъ универсалѣ о собраніи свѣжаго войска, сочли нужнымъ требовать, чтобъ воеводства, даже и населенныя чистыми поляками, при формированіи войскъ, отнюдь не довѣряли хлопству, а полагали надежду единственно на людей благороднаго происхожденія и на чужеземцевъ [2]). Такъ какъ не было гетмановъ, то положили избрать предводителями этого ополченія трехъ знаменитѣйшихъ пановъ [3]): первый былъ Доминикъ, князь заславскій, сендомирскій воевода, изъ славнаго русскаго и православнаго дома Острожскихъ, владѣвшій огромными помѣстьями на Волыни и, по примѣру предковъ, любившій пышность и забавы, роскошный, изнѣженный и потому мало знакомый съ военнымъ дѣломъ, да и мало къ нему способный [4]). Второй былъ Конецпольскій, хотя пылкій и страстный къ подвигамъ и приключеніямъ до того, что никогда не

---

²) Supplem. ad. Histor. Russ. monum. 177.

³) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

⁴) Histor. belli cosac. polon. 71.

сидѣлъ на мѣстѣ, какъ говорили о немъ современники [5]), но еще неопытный на столько, чтобъ быть начальникомъ. Третій былъ Николай Остророгъ, староста дрогичинскій и рогатинскій; онъ славился дипломатическимъ искусствомъ и ученостью, а особенно знаніемъ латинскаго языка [6]). Фамилія его издавна была знаменита по любви къ наукамъ: говорили, что когда въ Польшѣ было мало грамотныхъ людей, то во всемъ королевствѣ только было три экземпляра библіи: у короля, у примаса и у Остророговъ [7]). Но ученость, говорятъ современники, не сдѣлала его полководцемъ. „Странно у насъ дѣлалось"—замѣчаетъ одинъ современникъ—„у древнихъ римлянъ въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ, выбирали диктатора съ единою властію, и венеціяне такъ поступали въ войнѣ съ турками, назначивъ одного славнаго полководца, и всѣ также дѣлали. У насъ—на оборотъ" [8]). Примасъ и сенаторы не упоминали о Вишневецкомъ, который только и ждалъ, чтобъ ему вручили булаву. Этого желало и войско и многіе шляхтичи [9]). Но, какъ Іеремія ни славился военными заслугами, какъ много ни обѣщали его дарованія, его вообще не любили магнаты: по своему характеру, онъ не терпѣлъ равнаго себѣ, показывалъ въ обхожденіи высокомѣріе, раздражался за малѣйшій признакъ небольшаго къ себѣ уваженія, и вообще былъ хорошъ

5) Korona Polska, Niesiec. III.—O Koniecpolsk. 583.
6) Histor. belli cosac. polon. 72.
7) Korona Polska Niesiec. III. 227.
8) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.
9) Histor. belli cosac. polon. 72.

только съ тѣми, которые въ немъ нуждались; самъ онъ ни въ комъ не хотѣлъ нуждаться. и если показывалъ иногда примѣръ уступчивости, то не иначе, какъ съ явнымъ презрѣніемъ къ тѣмъ, кому уступалъ. Всѣ современные польскіе историки единогласно называютъ ошибкою невниманіе къ воинственному князю, который одинъ выступилъ противъ казаковъ, когда все отъ нихъ бѣжало.

Распоряженіе къ войнѣ противъ казаковъ окончилось на сеймѣ прежде, чѣмъ казацкіе депутаты допущены къ сейму съ жалобою отъ цѣлаго войска на самоуправство пановъ [10]) и поднесли сенаторамъ оправдательное письмо Хмельницкаго.

Оно произвело различныя мнѣнія. Жестокіе противники казачества совѣтовали не принимать прошенія и объявить рѣшительную войну; миролюбивые магнаты думали иначе. Надворный коронный маршалъ Казановскій говорилъ: „Не надобно бранить казаковъ за то, что они порякшались съ татарами, можно обратиться за пособіями къ самому аду, лишь бы избавиться отъ такого рабства и утѣсненія, какое они терпѣли" [11]). Кисель, говорилъ: „Волка за уши не удержишь, выражается пословица; но толпу народа можно укротить и повести куда угодно. если воспользоваться временемъ и обстоятельствами".

Кисель совѣтовалъ мирно и кротко раздѣлаться съ казаками. Получивъ отъ Хмельницкаго отвѣтъ на письмо и предложеніе пріѣхать въ Украину, онъ вызвался быть коммисаромъ. если сеймъ согласится на перемиріе, и войдетъ съ казаками въ переговоры.

---

[10]) Histor. ab. excessu Wlad. IV. 16.

[11]) Jak. Micha. ks. Pam. 119.

Начали разсуждать: посылать ли коммисаровъ или нѣтъ, а между тѣмъ примасъ и нѣкоторые сенаторы спрашивали частно казаковъ.

— Объясните намъ, что побудило васъ взять оружіе противъ собственнаго отечества?

Казацкіе депутаты отвѣчали:

— Казаки взяли оружіе по приказанію короля; намъ дали деньги для построенія чаекъ, приказали готовиться къ войнѣ. обѣщали возстановить наши права, а послѣ того тотчасъ же паны стали насъ жестоко угнѣтать— такъ, мы, получивши силу, и стали защищаться.

Такое откровенное признаніе стало извѣстнымъ между послами; тутъ пріѣхалъ панъ Собѣскій, бывшій пять дней въ плѣну у Хмельницкаго и отпущенный имъ. Онъ передавалъ то. что слышалъ отъ самаго Хмельницкаго. „Мы", говорилъ Хмельницкій—„получили деньги отъ самаго короля на постройку чаекъ, а вслѣдъ за тѣмъ я съ товариществомъ началъ терпѣть обиды и оскорбленія, а правосудія нѣгдѣ было получить. Набрался бы цѣлый сундукъ просьбъ нашихъ къ королю. Король и радъ былъ оказать намъ правосудіе, да у васъ никто короля не слушаетъ. самъ король, поэтому. велѣлъ намъ добывать вольность саблею". Отъ казаковъ Собѣскій слышалъ такого рода разсужденія: пусть паны станутъ простою шляхтою, а король будетъ одинъ голова надъ всѣми: и вы и мы будемъ слушать одного короля [12]). Вскипѣло всеобщее негодованіе; начали называть Оссолинскаго измѣнникомъ; доказывали, что война казацкая возбуждена имъ. вмѣстѣ съ покойнымъ королемъ, съ ко-

---

[12]) Jak. Mich. ks. Pam. 181.

варною цѣлью причинить зло республикѣ, унизить пановъ, содѣлать казаковъ орудіемъ къ возвышенію королевской власти и къ совершенію властолюбивыхъ видовъ Владислава. Приверженцы Вишневецкаго наиболѣе вооружились противъ канцлера: Оссолинскій былъ въ давней враждѣ съ Іереміею, и, когда зашла рѣчь о назначеніи надъ войскомъ начальства, онъ сильно старался устранить отъ команды князя, говоря, что слѣдуетъ дать начальство мужу хладнокровному и разсудительному, а не такой горячей головѣ, каковъ былъ Іеремія. Теперь благопріятели Вишневецкаго доказывали, что ненависть къ князю проистекла оттого, что канцлеръ тайно желаетъ успѣха казакамъ, а потому и старается удалить полководца, на котораго могло бы положиться отечество.

— Должно (кричали они) прежде всего изслѣдовать судебнымъ порядкомъ, что за причина междоусобной войны.

Оссолинскому не въ первый разъ переносить подобныя нападенія и не въ первый разъ даромъ слова и содѣйствіемъ множества кліентовъ отдѣлываться отъ грозы.

— Эта буря пустыхъ криковъ (говорилъ онъ) не заставитъ меня даже обратить на нее вниманія. Но враги мои, возводя на меня ложное преступленіе хотя не потревожатъ моей совѣсти, однако безпокоятъ отечество—и это мнѣ больно. Всѣ эти клеветы я приписываю хитрымъ ковамъ непріятеля, который хочетъ посѣять между нами несогласіе. Намъ слѣдуетъ позаботиться сначала о цѣлости и спасеніи отечества; а когда избранъ будетъ король, тогда онъ и разсудитъ это

дѣло, потому что его особѣ принадлежитъ судить преступленіе противъ отечества.

Оссолинскій старался выгородить себя и обратить подозрѣніе на одного покойнаго короля. „Надобно подвергнуть испытанію казацкихъ пословъ не получили ли они какого нибудь тайнаго приказанія отъ короля. Моя канцелярія ничего объ этомъ не знаетъ, но вѣдь покойный король самаго Хмельницкаго допускалъ секретно въ свои покои [13]).

Чтобъ разрѣшить недоумѣніе, по требованію пословъ примасъ призвалъ казаковъ, для объясненія, на сеймъ. Они сказали, что Хмельницкій ничего имъ не говорилъ о сношеніи съ Оссолинскимъ и не давалъ объ этомъ имъ никакихъ приказаній, отправляя ихъ на сеймъ; но что въ народѣ ходятъ какіе то неясные толки, и, въ заключеніе, увѣряли, что все казацкое сословіе не думаетъ нарушать вѣрности правительству и Рѣчи Посполитой.

Это объясненіе нѣсколько успокоило недовольныхъ, и если не изгнало совершенно подозрѣнія, то, по крайней мѣрѣ, лишало обвинителей доказательствъ [14]).

Тогда торжествующіе Оссолинскій и Кисель стали снова убѣждать помириться съ казаками, не доводя до большаго кровопролитія Рѣчь Посполитую, тѣмъ болѣе, что она теперь безъ короля, сосѣди смотрятъ на нее враждебными глазами, а казаки день-ото дня, становятся неистовѣе. Доказательства подтверждались примѣрами. Тыша, казацкій полковникъ, съ сильнымъ загономъ проникъ въ Польшу и, недалеко отъ Варшавы, разо-

---

[13]) Pam. do pan. Albr. Radz. II. 299.

[14]) Clim. I. 45.

рялъ дворы и костелы [15]). Паны желали, по крайней мѣрѣ, усыпить враговъ своихъ на малое время, пока сами соберутся съ силою.

Не перемѣняя рѣшенія о сборѣ войска противъ Хмельницкаго, сеймъ постановилъ послать къ казакамъ коммиссаровъ для ихъ успокоенія. Призвали казацкихъ пословъ и вручили имъ, отъ имени всего собранія представителей Рѣчи Посполитой, на письмѣ отвѣтъ такого содержанія:

„Нѣтъ надобности объяснять вамъ вашего поступка: вы сами знаете, что поступили противъ присяги Богу, противъ всѣхъ христіанскихъ обязанностей, когда осмѣлились поднять саблю на христіанъ, соединившись съ невѣрными и пользуясь малочисленностью и неустройствомъ войска Рѣчи Посполитой. Хотя, съ милостью Божіею, Рѣчь Посполитая могла бы отомстить вамъ, и вѣрно Богъ самъ благословилъ бы насъ на то, но, не желая болѣе проливать крови христіанской, Рѣчь Посполитая склоняется на ваши униженныя просьбы: вамъ назначаютъ коммиссаровъ изъ людей знатныхъ и не отказываютъ вамъ въ прощеніи, однако требуютъ, чтобъ вы прежде отпустили всѣхъ плѣнниковъ, обратили бы вниманіе на предводителей своевольныхъ шаекъ, которыя нападаютъ на шляхетскіе домы, и представили ихъ предъ панами-коммиссарами, и разорвали бы заключенный съ татарами союзъ, и впередъ не имѣли бы никакого сношенія съ погаными. Тогда ожидайте коммиссаровъ“ [16]).

---

[15]) Истор. о през. бр.

[16]) Памятн. кіевск. комм. I. стр. 134—136.

Посланіе это было отправлено съ дворяниномъ Вольскимъ; вмѣстѣ съ нимъ послалъ письмо къ казакамъ и Оссолинскій.

„Я всегда (писалъ онъ) при жизни блаженной памяти короля, сохранялъ доброжелательство и расположеніе къ запорожскому войску, и столько разъ похвалялъ ваши доблести, добродѣтели, мужество и славу вашего имени, которую вы пріобрѣли, столько лѣтъ служа королю и Рѣчи Посполитой; поэтому мнѣ теперь очень прискорбно слышать, что, для вознагражденія своихъ обидъ и исковъ, вы прибѣгнули къ такимъ средствамъ, которыя для цѣлаго христіанства не только прискорбны, но и омерзительны; ибо вы соединились съ невѣрными, да еще съ такими, которые всегда были главными непріятелями вашими и Рѣчи Посполитой. Ближайшій путь вашъ былъ обратиться къ защитѣ вашего государя и короля, который былъ къ вамъ столько милостивъ и расположенъ, а не въ Крымъ, не къ невѣрнымъ! Тогда бы и я, какъ прежде дѣлалъ, такъ и теперь, согласно съ моимъ саномъ, помогъ бы вамъ, чтобъ вы во всемъ получили удовлетвореніе и чтобъ тѣ были примѣрно наказаны, которые не только васъ обижали, но и вольность вашу нарушали. Я, безъ того, въ началѣ текущаго года, нарядилъ изъ собственной канцеляріи коммиссію для изслѣдованія обидъ, нанесенныхъ вамъ и для вашего удовлетворенія. Впрочемъ, какъ вы сами сознаетесь въ своемъ грѣхѣ, хотя и называете его невольнымъ, то я буду стараться за васъ на будущемъ сеймѣ“ [17]).

---

[17]) Памятн. кіевск. комм. I. стр 137—140.

Одинъ изъ современныхъ писателей говоритъ, что въ то время на сеймѣ читано было письмо Крымскаго Хана отъ 30-го іюня, присланное при письмѣ плѣнныхъ гетмановъ къ покойному королю: „По діявольскому наущенію—было сказано въ этомъ письмѣ—забывши наше прежнее дружество и побратымство, вы отослали съ неуважительнымъ отвѣтомъ нашихъ пословъ, которыхъ я присылалъ за обычною данью къ вашему двору и поступили такъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто нашъ блистательнѣйшій и могущественнѣйшій повелитель приказалъ намъ напасть на ваши земли. Послѣ того казаки, живущіе за рѣкою Уши (Днѣпръ) нижайше просили насъ оказать имъ помощь. Снисходя къ ихъ моленіямъ, мы сначала поразили сына вашего военачальника, а потомъ и самаго военачальника со всѣмъ его войскомъ взяли въ плѣнъ. Казаки увидали драгоцѣнный для себя случай и очень просятъ насъ, чтобъ мы дошли войною до самаго трона вашего, но мы, помня священный нашъ союзъ съ вами и уважая честь нашего падишаха, не согласились на это, задержали войска наши и воротились въ свои предѣлы. Если хотите прежней дружбы и братства, отдайте за четыре года дань, а казакамъ возвратите ихъ прежнія права и привилегіи. Это будетъ хорошо и для васъ и для отечества. Будемъ ожидать вашего отвѣта сорокъ дней и если въ теченіи этихъ сорока дней ваши послы не пріѣдутъ съ данью, то готовьтесь: Богъ дастъ, мы пойдемъ противъ васъ съ войскомъ. Это вѣрно. Мы готовы и осенью и зимою, какъ вы и не воображаете. Прощайте“ [18]).

[18]) Рук. И. П. Б. Польск. истор. f. № 33

Ему отвѣчали, что поляки не состоятъ въ долгу у татаръ, что прежде платили татарамъ нѣкоторыя суммы въ награду за услуги оказываемыя Рѣчи Посполитой, но въ послѣднее время не было случаевъ, когда бы татары служили полякамъ, напротивъ: они дѣлали разныя варварства вмѣсто того, чтобы охранять польское государство. Польша не страшится угрозъ, и если татары станутъ нарушать спокойствіе подданныхъ Рѣчи Посполитой, то найдутъ такой отпоръ, который заставитъ ихъ раскаяться [19]).

Вслѣдъ за Вольскимъ и казацкими депутатами, назначенные коммиссарами для переговоровъ съ казаками, Кисель, Сельскій, Дубравскій, Обуховичъ, отправились на Волынь; они намѣревались ѣхать въ Кіевъ и тамъ предполагали начать переговоры. Но, въѣхавъ въ русскую волынскую землю, они встрѣтили повсемѣстное возстаніе: гайдамаки бродили около нихъ вооруженными толпами; резиденція Киселя, Гуща, почти въ глазахъ владѣльца была разграблена. Коммиссары увидѣли, что они не могутъ ѣхать спокойно, а должны пробиваться сквозь огонь войны, какъ въ непріятельской странѣ. Поэтому Кисель отправилъ пословъ къ Хмельницкому, чтобъ прежде заключить перемиріе и остановить грабителей. Это было въ началѣ августа.

Хмельницкій и казаки въ Бѣлой Церкви не получали долгое время извѣстія о казацкихъ депутатахъ, отправленныхъ на сеймъ въ Варшаву. Вдругъ разнесся слухъ, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ; потомъ пришло извѣстіе, что поляки собрали уже войско; наконецъ,

---

[19]) Stor. delle guer civ. 24.

Кривоносъ извѣщаетъ Хмельницкаго, будто бы поляки посадили на колъ казацкихъ пословъ [20]).

Хмельницкій снялъ обозъ, поднялъ свое ополченіе, котораго, по извѣстію современника было у него будто бы восемьдесять тысячъ [21]) одной конницы, и двинулся на Гончариху [22]) а между тѣмъ, послалъ къ хану просить немедленной помощи. Но, при Гончарихѣ, явились въ войскѣ послы казацкіе, совершенно невредимые и Вольскій принесъ посланіе отъ сейма. Слухи были ложные. Хмельницкій остановился.

Вслѣдъ затѣмъ, прибыли и посланцы Киселя съ коммиссарскимъ листомъ, въ которомъ были предложены требованія сейма [23]).

Эти требованія казались слишкомъ невыгодными для русскихъ. Рѣчь Посполитая прежде всего требовала отдачи взятаго у поляковъ на сраженіи оружія и удаленія татаръ; ничего не говорили о правахъ казаковъ. Очевидно было, что поляки желали только лишить казаковъ союзниковъ и средствъ къ дальнѣйшей войнѣ. Сверхъ того, они требовали казни предводителей загоновъ [24]) для того, чтобъ отнять у Хмельницкаго довѣренность къ нему народа, а, между тѣмъ, сами готовились къ войнѣ, и тѣмъ ясно показывали, что дѣйствуютъ не искренно.

Казацкая рада была раздражена этими требованіями;

---

[20]) Пам. кіев. комм. I. 3. 158.—191

[21]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 161.

[22]) Истор. о през. бр.—Памят. кіевск. комм. I. 3. 207.

[23]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 208—209.

[24]) Histor. ab exces. Wlad. IV. 17. — Supplem. ad Histor. Russ. monum. 180.

возникъ ропотъ на самаго Хмельницкаго за его медленность. Стали толковать, что паны обманываютъ казаковъ, а Хмельницкій поддается имъ [25]).

Вскорѣ предводитель согласился съ мнѣніемъ подчиненныхъ и убѣдился, что поляки единственно хитрятъ и желаютъ обмануть его. Увѣряя Хмельницкаго въ своемъ благорасположеніи къ казакамъ, Кисель, въ то же время, по препорученію сената, писалъ къ московскому двору, что Хмельницкій, поднявъ бунтъ противъ правительства, навелъ басурмановъ для пролитія христіанской крови; что казаки ведутъ войну изъ страсти къ грабежамъ и безпорядкамъ; что этотъ мятежъ будетъ опасенъ и для Московскаго Государства; что, словомъ, надлежитъ Московскому Государству, какъ и Польшѣ, для собственнаго спокойствія, подумать о томъ, какимъ образомъ не допустить буйному народу усилиться для бѣдствія обѣихъ державъ. Это письмо написано было преимущественно оттого, что въ Польшѣ носились слухи, будто казацкій предводитель ищетъ помощи у московитянъ. Поляки боялись, чтобъ московскій дворъ, лишившись не очень давно Смоленска, не воспользовался разстройствомъ въ Рѣчи Посполитой для выгодъ своего государства. Дипломатическая тонкость Киселя не удалась: письмо было перехвачено и представлено Хмельницкому, и онъ съ укоромъ показывалъ его отцу Ляшку, посланцу Киселя, какъ доказательство двоедушія брацлавскаго воеводы [26]).

— „Вижу (говорилъ Хмельницкій), что паны насъ ко-

---

[25]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 55.—Истор. о през. бр.

[26]) Памят. кіевск. комм. 1. 3. 217.

варно хотятъ обмануть, чтобъ потомъ мы, попавшись въ ихъ сѣти, подверглись судьбѣ Павлюка".

Но онъ не показывалъ предъ панами вида, что совершенно считаетъ невозможнымъ примиреніе, а началъ хитрить съ ними такъ же, какъ они хитрили съ нимъ. Онъ продержалъ нѣсколько времени посланцевъ коммиссаровъ и написалъ Киселю ласковое письмо, не упоминая вовсе о перехваченной грамотѣ къ московскому правительству. онъ въ письмѣ своемъ увѣрялъ въ чистотѣ своихъ намѣреній, говорилъ, что казаки желаютъ быть вѣрными слугами Рѣчи Посполитой, и причиною всеобщаго народнаго волненія признавалъ Вишневецкаго.

Дѣйствительно, Кисель, отправляясь на переговоры съ Хмельницкимъ, писалъ къ Вишневецкому, просилъ не задирать болѣе казаковъ и прислалъ ему копіи писемъ примаса и канцлера, показывавшія, что правительство разсудило войти съ казаками въ объясненія. Вишневецкій отвѣчалъ: „эти переговоры могутъ только возбудить въ рабскихъ сердцахъ охоту къ дальнѣйшему своеволію. Если, послѣ уничтоженія кварцянаго войска и плѣна гетмановъ, Хмельницкій со своею сволочью останется при старинныхъ льготахъ, то я не хочу жить въ отечествѣ: лучше намъ умереть, чѣмъ дозволить властвовать надъ собою невѣрнымъ и негодяямъ" [27]).

„Мы (писалъ на сеймъ Хмельницкій) отступили и татаръ отпустили, а панъ Вишневецкій безразсудно бросился на насъ совсѣмъ не по христіански и не по рыцар-

---

[27]) Jak. Michałowski, ks. pam. 56.

ски. варварски тиранилъ и мучилъ христіанъ, и даже нашихъ священниковъ приказалъ сажать на колъ. Оно не диво, еслибъ подобное дѣлалъ какой нибудь простакъ, какъ, напримѣръ, Кривоносъ, которому мы не позволяли никакихъ грабежей и разоренія городовъ; но эти двѣ особы разнятся между собою". Въ заключеніе, онъ просилъ коммиссаровъ прибыть для коммиссіи въ Константиновъ [28]).

Такое предложеніе было сдѣлано для того, чтобъ поляки, полагаясь на переговоры, не спѣшили и оставались въ бездѣйствіи, онъ же тѣмъ временемъ, соберетъ къ себѣ разсѣянные отряды, не допуститъ польское войско прійти въ Украину, а напротивъ, самъ явится на Волынь и овладѣетъ этимъ русскимъ краемъ, который уже былъ взволнованъ его именемъ.

Между тѣмъ, желая на дѣлѣ показать свою искренность къ панамъ, Хмельницкій, какъ будто въ наказаніе за злодѣянія, приказалъ приковать Кривоноса къ пушкѣ, а потомъ отпустилъ какъ будто напоруки, и отрубилъ головы тѣмъ, которые уже и въ глазахъ его были только разбойники.

Кисель получилъ письмо 12-го августа, и хотя проникалъ хлопское намѣреніе, какъ самъ онъ выражался, однако двинулся съ намѣреніемъ посѣтить *лагерь Тамерлана* [29]). Такъ коммиссары съ своими хоругвями приблизились къ Острогу; городъ былъ въ рукахъ казаковъ. Кисель просилъ свободнаго пропуска, потому что они

---

[28]) Памятн. кіевск комм I. 3. 213

[29]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 218.

идутъ для заключенія мира; казаки согласились, но съ тѣмъ, чтобъ коммиссары только прошли чрезъ Острогъ, оставили заложниковъ казакамъ, и чтобъ впереди пановъ шли казаки. Кисель отправилъ имъ заложниками десять шляхтичей; со стороны казаковъ также даны были заложники Киселю. Но случилось, что, вслѣдъ затѣмъ, Соколъ, начальникъ отряда, принадлежавшаго къ ополченію, составленному сеймомъ, напалъ, противъ воли Киселя, на Острогъ и завязалъ битву у воротъ. Тогда въ городѣ поднялся шумъ. „Что это? (кричали русскіе) Кисель ѣдетъ подъ видомъ переговоровъ, а въ самомъ дѣлѣ воюетъ!" Чернь устремилась на заложниковъ и умертвила нѣсколько человѣкъ. Польскій историкъ говоритъ, что это сдѣлано было по приказанію Кривоноса. Когда Кисель сталъ жаловаться и увѣрять, что битва въ Острогѣ была начата безъ его позволенія, то Кривоносъ написалъ ему письмо и убѣждалъ идти мимо Острога. Паны подозрѣвали въ этомъ совѣтѣ коварное намѣреніе захватить коммиссаровъ [30]). Кисель былъ въ нерѣшимости и снова отправилъ къ Хмельницкому гонца съ извѣстіемъ, что его не пропускаютъ чрезъ Острогъ и казаки продолжаютъ бушевать попрежнему. Онъ говорилъ казацкому предводителю, что, со дня отправленія письма, намѣренъ ждать только шесть дней, а потомъ терпѣніе его кончится: онъ долженъ будетъ уѣхать къ войску.

„Неужели для тебя нѣтъ на небесахъ всевидящаго Бога? (писалъ Кисель). Чѣмъ виновато отечество, ко-

---

[30]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 234.

торое тебя воспитало? Чѣмъ виноваты домы и алтари того Бога, который далъ тебѣ жизнь?" [31]).

Хмельницкій, показывая видъ прежняго благорасположенія, очень учтиво отвѣчалъ, что накажетъ виновныхъ и пошлетъ каневскаго полковника отнять у мятежниковъ Острогъ.

Казаки дѣйствительно пришли; но, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать коммиссарамъ, сами заняли Острогъ [32]).

Кисель посылалъ къ Хмельницкому посла за посломъ: не было ни пословъ, ни отвѣта [33]).

Воевода обратился къ посредству кіевскаго митрополита. Въ то время, по смерти Могилы, назначенъ былъ митрополитомъ Сильвестръ Кассовъ, человѣкъ знатной дворянской фамиліи, ученый, миролюбивый; онъ совсѣмъ не раздѣлялъ православно-русскихъ идей независимости, которыя одушевляли его предшественника. По ходатайству Киселя, онъ поѣхалъ къ Хмельницкому и склонялъ его къ миру, надѣясь болѣе всѣхъ подѣйствовать на него, какъ представитель церкви, за которую казаки ополчились. Казацкій предводитель удержалъ его нѣсколько времени, долго съ нимъ разсуждалъ и спорилъ, и, наконецъ, увѣрялъ, что готовъ къ миру, но что его удерживаетъ рада [34]).

Дожидаясь съ нетерпѣніемъ, какой успѣхъ будетъ имѣть митрополитъ, коммиссары, наконецъ, узнали, что уже вся страшная сила украинскаго возстанія отъ нихъ

---

[31]) Памят. кіевск. комм. I. 245

[32]) Памяти. кіевск. комм. I. 3. 258

[33]) Памяти. кіевск. I. 3. 259.

[34]) Памяти кіевск. комм. I. 262 —Annal. Polon. Clim. I 49

недалеко. Испуганные этою вѣстью, они ясно увидѣли, что имъ не удалось обмануть Хмельницкаго: напротивъ, они обмануты сами. Коммиссары уѣхали къ войску.

Такъ, хитрою политикою Хмельницкій выигралъ тогда много: обманывая коммиссаровъ, онъ усыпилъ поляковъ, которые не шли воевать противъ него въ Украину: а между тѣмъ, онъ самъ уже дошелъ до Случи, границы казацкой земли. И казаки съ гордостью поговаривали: *„оттакъ, ляше, по Случъ наше“* [35]). Переговоры съ Киселемъ принесли казачеству еще больше выгоды, нежели сраженія: безъ большаго пролитія собственной крови, казаки тѣмъ временемъ истребили въ русской землѣ все противное своей народности и стояли противъ враговъ огромнымъ ополченіемъ.

Между тѣмъ, на Волынь сбиралось польское войско, выставленное противъ казаковъ. Оно все состояло изъ людей новыхъ, потому что малочисленное старое войско было истреблено. Это было, кромѣ панскихъ командъ, земское ополченіе. Всякій шляхтичъ, имѣвшій въ извѣстномъ повѣтѣ жительство и желавшій служить въ войскѣ, являлся на сборное мѣсто; изъ такихъ шляхтичей составлялась хоругвь, носившая имя повѣта; нѣсколько хоругвей составляли полкъ, называвшійся по воеводамъ, такъ что вся армія, по замѣчанію лѣтописца [36]), изображала цѣлую Рѣчь Посполитую. Сборное мѣсто назначено было подъ Глинянами, верстъ за тридцать отъ Львова; сборъ войска начался въ іюнѣ, но поляки сходились лѣниво; только тѣ, которые жили въ странѣ,

---

[35]) Народ. пѣсня.

[36]) Hist. panow. Jana Kaz. I. 7.

близкой къ возстанію, спѣшили на битву [37]). Эта медленность всегда была причиною неудачъ поляковъ въ войнахъ; но еще больше вредило имъ обыкновенное соперничество пановъ: и здѣсь не обошлось безъ того. Самъ Доминикъ Заславскій, панъ чрезвычайно богатый, набиралъ военныя силы на собственный счетъ и располагалъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Львова и жители жаловались на утѣсненія отъ этого войска [38]). Вишневецкій разгнѣвался за то, что ему не давали начальства, въ то время, когда онъ одинъ, отражавшій казаковъ среди всеобщаго оцѣпенѣнія, считалъ себя достойнѣе всѣхъ. Онъ не хотѣлъ соединиться съ глинянскимъ ополченіемъ и стыдился находиться въ зависимости у Заславскаго. Между ними была давняя непримиримая ненависть. Доминикъ и Іеремія были нѣкогда соискателями руки Гризельды Замойской. Напрасно Доминикъ подкупалъ женщинъ, приближенныхъ паннѣ Замойской въ домѣ ея родителей, чтобъ они предъ невѣстою расхваливали его и чернили Вишневецкаго. „Что въ немъ хорошаго“?—говорила старая баба дѣвицѣ—„онъ такой черный!“—„Небезпокойся, не очернитъ онъ меня!“ сказала панна Замойская и вышла за Іеремію. И осталась сердечная ненависть между соперниками, и всю жизнь послѣ того они старались вредить другъ другу [39]).

Получивъ въ Збаражѣ вѣсть о невниманіи къ нему сейма, Вишневецкій въ первыхъ порывахъ негодованія, думалъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ войны, но ненависть

[37]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 265.—Annal. Polon. Clim I. 51.

[38]) Рук. И. П. Б. разнояз. Ист. F. № 5.

[39]) Dwa lata dziejów nasz. 225.

къ казакамъ была у него слишкомъ сильна; услышавъ о новыхъ грабежахъ и разореніяхъ, онъ собралъ собственное войско до двѣнадцати тысячъ и сталъ лагеремъ, намѣреваясь дѣйствовать отдѣльно [40]). Тогда, вмѣсто одного ополченія, явились два: одно подъ Глинянами, другое подъ Константиновымъ. На Вишневецкаго смотрѣли какъ на храбрѣйшаго, искуснѣйшаго воина въ цѣломъ королевствѣ; старые жолнеры были къ нему привязаны, величали его простоту, его ласковость къ низшимъ; ставили ему въ достоинство даже происхожденіе отъ воинственныхъ предковъ, нѣкогда царствовавшихъ; примѣръ ветерановъ увлекалъ толпу: многіе прибывъ подъ Глиняны, не хотѣли признавать начальства Заславскаго и отправлялись подъ Константиновъ. Такимъ образомъ, отъ разныхъ частныхъ неудовольствій, оставили Заславскаго и многіе важные паны съ своими отрядами; старый Тышкевичъ призналъ начальство Вишневецкаго; прибылъ къ нему младшій Калиновскій и Конецпольскій, его свойкъ, который недавно ссорился съ нимъ на сеймѣ, а теперь помирился и сталъ его другомъ; они то первые раздражили Хмельницкаго и первые показали себя жестокими врагами казаковъ. Общее дѣло соединило ихъ теперь.

Заславскій увидѣлъ, что изъ такого раздвоенія силъ можетъ произойти новое несчастіе и онъ притомъ подвергнется упрекамъ за то, что не умѣлъ удержать въ повиновеніи ввѣреннаго ему войска. Онъ поѣхалъ къ Вишневецкому самъ.

---

[40]) Histor. belli cos. polon. 72.

Іеремія принялъ соперника вѣжливо; они было почти помирились, какъ вдругъ пріятель Заславскаго, Самуилъ Лащъ, сказалъ какое то словцо, которое самолюбивый князь принялъ на свой счетъ, и хотя и не вышелъ изъ себя, но сталъ выражаться такъ холодно, сухо и двусмысленно, что Заславскій долженъ былъ уѣхать, не успѣвъ ничего [41]).

Въ то время Хмельницкій съ казаками уже приблизился къ Константинову. По зову его собирались гайдамацкіе загоны: спѣшилъ къ нему Кривоносъ изъ подъ Каменца, котораго, однако, не взялъ; Колодка, который передъ тѣмъ взялъ Слуцкъ, и Лисенко съ своими вовгуревцами, и Гайчура съ своими степовниками, набранными на берегахъ Соби и Роси, и Нечай, и Морозенко—имена славныя въ народной поэзіи, и Тыша изъ глубины Польши, Носачъ съ червоно-русскими бѣглецами, и много другихъ предводителей возставшаго народа русскаго стекалось къ Хмельницкому со всѣхъ сторонъ. Съ береговъ Самары шли дикіе лугари, или лѣсные гайдамаки, и дѣти вольнаго Ташлыка летѣли въ казацкій лагерь; были у Хмельницкаго и молдаване, и волохи, и сербы, и донскіе казаки, и бѣглецы съ запада [42]). Хмельницкій принималъ всѣхъ, и было у него, по увѣреніямъ польскихъ писателей, всего на все, войска тысячъ полтораста [43]), но оно, преимущественно, состояло изъ бѣглыхъ русскихъ крестьянъ;

---

[41]) Annal. Polon. Clim. I. 52 —Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 11.

[42]) Annal. Polon. Clim. I. 57 —Pam do panow. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz II, 16 —Нар. пѣсни

[43]) Anal. Polon. Clim. I. 57

Между тѣмъ. Тимошъ дѣйствовалъ въ Крыму и приглашалъ татаръ содѣйствовать казакамъ.

„Война еще не кончена (писалъ Хмельницкій въ Крымъ); корсунское пораженіе было только началомъ; добыча, которую тогда получили татары. ничего не значитъ предъ той. которую они получатъ теперь. если поспѣшатъ съ сильнымъ войскомъ. Подъ Корсуномъ мы имѣли дѣла съ слугами. а теперь будемъ имѣть съ господами. панами роскошными и богатыми" [44]).

Хмельницкій старался представить казакамъ ихъ враговъ ничтожными. говорилъ. что въ польскомъ войскѣ много жидовъ. и приложилъ всѣмъ тремъ польскимъ военачальникамъ насмѣшливыя прозвища: Заславскаго. за его изнѣженность. прозвалъ *перыною*. Конецпольскаго—*дытыною*. по причинѣ его молодости и неопытности. а Остророга за ученость—*латыною* [45]). Узнавъ о несогласіяхъ между полководцами. казацкій предводитель говорилъ: „у пановъ Богъ умъ отнялъ: каждый хочетъ быть старшимъ; а гдѣ старшихъ много. тамъ войско нездорово" [46]). Кривоносъ и Головацкій въ насмѣшку говорили. что половина польскаго войска состоитъ изъ переодѣтыхъ женщинъ.

Между тѣмъ загоны сходились; присталъ наконецъ и Ганджа съ своимъ войскомъ, которое поляки называли поднѣстранскою харамжею.

Вишневецкій услышалъ о приближеніи казаковъ и вмѣстѣ получилъ извѣстіе. что Хмельницкій медлитъ пото-

---

[44]) Histor. belli cosac. polon. 73.

[45]) Hist. belli cosac. polon. 72.

[46]) Истор. о през. бр.

му только, что дожидается хана. Говорятъ, онъ пришелъ тогда въ такую ярость, что убилъ жолнера, который принесъ къ нему объ этомъ извѣстіе [47]). Оставленный съ двѣнадцатью тысячами вдали отъ прочаго войска, онъ увидѣлъ невозможность долѣе упорствовать и послалъ въ лагерь Заславскаго Тышкевича съ предложеніемъ соединиться [48]). Паны убѣждали предводителя помириться, какъ можно скорѣе, съ Іереміею. Тогда соперники съѣхались подъ Чолганскій-Камень и тамъ, говоритъ лѣтописецъ, дали другъ другу руку въ знакъ согласія [49]). Всѣ въ лагерѣ были чрезвычайно довольны; никто, въ такой внезапной перемѣнѣ гордаго магната, не подозрѣвалъ вынужденнаго смиренія; большинству дворянъ нравилась неуступчивость князя, а предложеніе служить подъ начальствомъ соперника въ часъ опасности считали доказательствомъ его горячей любви къ отечеству [50]).

Въ половинѣ сентября, лагерь Заславскаго былъ перенесенъ на Волынь подъ Константиновъ, вблизи отдѣльнаго лагеря Вишневецкаго. Этотъ городъ, занятый казаками, былъ взятъ поляками. Пять тысячъ казаковъ тамъ находившихся ушли къ Хмельницкому. Хотя полякамъ и тяжело было смотрѣть на опустошенные и поруганные костелы, но Доминикъ Заславскій объявилъ прощеніе всѣмъ мѣщанамъ, чтобъ заохотить другихъ къ покорности примѣромъ снисхожденія [51]). Сдѣланъ былъ

[47]) Истор. о през. бр.

[48]) Лѣтоп. Малор.—Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 8.

[49]) Annal. Polon. Clim. I. 52.

[50]) Woyna dom. Ч. I. 26.

[51]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. Ист. F. № 5.

смотръ войску: всѣхъ жолнеровъ, исключая, вѣроятно, вишневцевъ, то-есть, воиновъ Вишневецкаго, красовалось, по выраженію лѣтописи, тридцать-шесть тысячъ; но, если посчитать слугъ, то было втрое болѣе людей, годныхъ къ военному дѣлу. По сказанію современниковъ, это войско отличалось необыкновеннымъ щегольствомъ. Гусары, другъ передъ другомъ, выказывали статность коней своихъ: луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чепраки вышитые, стремена позолоченыя, сабли съ серебряною насѣчкою подъ чернью, кунтуши бархатные, подбитые и опушенные дорогими мѣхами; на шеяхъ блистали золотыя цѣпи; съ перекривленныхъ шапокъ горделиво спадали кисти, усѣянныя драгоцѣнными камнями; за поясомъ были дорогіе кинжалы; сапоги украшались серебряными и золотыми шпорами. Недурно говоритъ лѣтописецъ, была убрана и пѣхота на иностранный образецъ. Но роскошь высказывалась преимущественно въ столѣ, по обычаю того времени: на столахъ, поставленныхъ въ богатыхъ шатрахъ пановъ, выказывались сдѣланные изъ сахара львы, козы, лани, розы, деревья; посуда была изъ драгоцѣннаго фарфора, или серебрянная; чарки и кубки чеканные золотые и серебряные; даже умывальницы и тазы у богачей были изъ серебра.—словомъ, по замѣчанію лѣтописца современника, въ этомъ лагерѣ было больше серебра, чѣмъ свинцу. За каждымъ паномъ шли огромные рыдваны и возы съ безчисленными богатствами; тамъ лежали шелковыя и шерстяныя ткани; собольи шубы, меды, вина, варенья, конфекты; за каждымъ паномъ ѣхала огромная толпа слугъ и поваровъ; везли даже ванны и богатыя постели. Пиры съ музыкою от-

правлялись съ утра до вечера, такъ что, „посмотрѣвъ на это войско, говоритъ польскій историкъ, можно было подумать, что оно съѣхалось на свадьбу“ [52]). „Вѣрно паны, замѣчаютъ лѣтописцы русскіе, думали, что они прибыли на ярмарку съ такими товарами, чтобъ промѣнять ихъ на казацкія рядна и попоны“ Храбрость на словахъ была чрезвычайная. „Противъ такой сволочи, какъ казаки (говорили въ лагерѣ), не стоитъ даже тратить пуль: мы ихъ плетьми разгонимъ по полю, какъ только дастъ знать нашъ предводитель“ Другіе до того были самонадѣянны, что читали такую молитву: „Господи Боже! не помогай ни намъ, ни казакамъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ негоднымъ мужичьемъ“ [53]).

Между тѣмъ, роскошь и бражничество на первыхъ порахъ оставили послѣдствія: шереговые жолнеры, подражая командирамъ, задавали другъ другу угощеніе и скоро потратили жалованье, которое, по польскому обыкновенію, получили впередъ за три мѣсяца. Тогда, отъ непривычки жить умѣренно, пустились по селамъ собирать продовольствіе, брали насильно у крестьянъ овецъ, птицу, и безчинствовали: жители, въ досадѣ, кричали: „эти защитники наши, какъ они себя выставляютъ, хуже насъ разоряютъ, чѣмъ казаки, которыхъ они называютъ нашими непріятелями“ [54]). Львовскій архіепи-

---

[52]) Histor. ab exc Wlad. IV. 23.—Annal Polon. Clim. I. 53.—Histor. panow. Jan. Kaz. 7.—Woyna dom. Ч. I. 26.—Истор о през. бр. — Pam. do panow. Zygm. III. Wlad. IV Jan. Kaz. II. 12.—Stor. delle guer. civ. 31.

[53]) Annal. Polon. Clim I. 53.—Histor belli cosac. polon. 75.

[54]) Annal. Polon. Clim. 53.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 7.

скопъ писалъ къ одному пану о своевольствѣ жолнеровъ: „королевскія и шляхетскія села опустошены до крайности, доведены до голода; люди не въ силахъ терпѣть и разбѣгаются куда глаза глядятъ“ [55]).

Вишневецкій продолжалъ стоять отдѣльно, хотя готовый дѣйствовать взаимными силами противъ непріятеля, но далекій отъ того, чтобъ формально признать надъ собою первенство князя Заславскаго. Онъ пріѣжалъ въ главный лагерь, когда нужно было совѣщаться. Полководцы не рѣшались еще что дѣлать, какъ вдругъ Хмельницкій, занявшій тогда небольшой замокъ, послалъ къ Заславскому депутатовъ съ неожиданнымъ предложеніемъ.

Казацкій предводитель извѣщалъ польскаго военачальника, что казаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобной войны, но готовы повиноваться и просятъ князя Доминика разсудить и уладить несогласіе, возникшее между казацкимъ сословіемъ и Рѣчью Посполитою, обѣщая предаться добровольно на его рѣшеніе [56]).

Такое предложеніе сдѣлано было, вопервыхъ, для того, чтобъ снова возбудить несогласіе между панами, а вовторыхъ, чтобъ продлить время, пока придутъ татары. Хмельницкій успѣлъ какъ нельзя лучше. Доминику, тщеславному и вовсе невоинственному, чрезвычайно понравилось такое уваженіе къ нему русскаго народа. Въ полной готовности вести съ казаками переговоры, онъ собралъ совѣтъ.

При самомъ началѣ этого совѣта, который не могъ

---

[55]) Рук. И. П. Б. № 90.

[56]) Hist. belli cos. polon. 44.

кончиться ничѣмъ, кромѣ разногласія, произошло замѣшательство, которое показываетъ тогдашнее положеніе польскаго общества.

Пріѣхалъ въ лагерь Кисель съ своими отрядами, гдѣ служили, большею частью дворяне православные, какъ и онъ самъ. Всѣ такіе дворяне находились тогда въ затруднительномъ положеніи. Побужденіе къ казацкому возстанію было двоякое: вопервыхъ, русскій народъ ополчился для охраненія православной вѣры, а вовторыхъ, чтобъ освободиться отъ власти пановъ; слѣдовательно, непріятелями возставшихъ были, вопервыхъ, римскіе католики, а вовторыхъ—паны. Православные паны были поставлены на скользской срединѣ между двумя крайностями. Казаки и хлопы хотя видѣли въ нихъ единовѣрцевъ, но не могли забыть и того, что они употребляли право свое надъ народомъ наравнѣ съ панами-католиками; паны-католики, хотя связаны были съ ними взаимными интересами званія, но видѣли въ нихъ много общаго съ тѣми, противъ которыхъ воевали; имъ не нравилось, когда русскіе паны говорили, что важнѣйшая причина возстанія—утѣсненіе греческой релегіи, а православные не могли равнодушно слышать, какъ ксендзы ободряли войско тѣмъ, что оно идетъ защищать римскую церковь пративъ схизматиковъ въ то время, когда въ казацкомъ лагерѣ попы уговаривали стоять за вѣру греческую. Единственнымъ желаніемъ Киселя и православныхъ пановъ было помирить обѣ стороны, но черезъ то они только навлекали на себя горшую ненависть и пановъ и казаковъ. Киселя въ лагерѣ приняли дурно. Въ самый день, назначенный для совѣта, въѣхали въ лагерь экипажи его и бывшихъ съ нимъ въ Украинѣ

коммиссаровъ. Тогда какой то Ржемыкъ-Вольскій обвинялъ православнаго магната въ предательствѣ.

— У него въ обозѣ, говорилъ онъ: — есть казаки, которыхъ схизматики приводятъ въ нашъ лагерь, чтобъ потомъ передать Хмельницкому свѣдѣнія о нашемъ войскѣ.

Множество голосовъ пристало къ обвинителю; бросились на экипажи и, дѣйствительно, вывели оттуда нѣсколько казаковъ.

Радовались тогда враги православія; оскорбленія, бранныя слова сыпались на старика.

— Онъ такъ далекъ отъ измѣнниковъ, какъ отъ руснихъ! кричали католики.

Но, когда разсмотрѣли дѣло обстоятельнѣе, то узнали, что казаки, бывшіе у Киселя, даны ему Кривоносомъ заложниками; и такъ какъ Кривоносъ не воротилъ польскихъ заложниковъ, то и Кисель привезъ съ собою казацкихъ къ предводителю.

Стыдно стало обвинителямъ. Воевода, взволнованный, говорилъ такъ:

„За мои услуги, за мои старанія—мнѣ платятъ оскорбленіями и неблагодарностью. Спросите товарищей моихъ, коммиссаровъ, какія обиды терпѣли мы отъ казаковъ, какъ самая жизнь наша была въ опасности отъ необузданнаго мужичья, наглаго въ счастіи! И вотъ, наконецъ, пришлось намъ терпѣть обиды и оскорбленія отъ своихъ братьевъ!“

Заславскій тронулся оскорбленіемъ, причиненнымъ старику, извинялся и обѣщалъ взыскать съ Вольскаго за ложный доносъ.

Пригласили Киселя въ совѣтъ: предводитель изложилъ предложеніе Хмельницкаго и перваго брацлавскаго воеводу спросилъ о мнѣніи.

„Я избранъ совершителемъ мира, установителемъ согласія, а не феціаломъ, не вѣстникомъ войны“ сказалъ Кисель, отличавшійся всегда высокопарностью въ рѣчахъ: — „чего не предпринималъ я, чего не претерпѣвалъ, чтобъ достигнуть желаннаго успокоенія, доставить отечеству благополучіе? Жизнь моя была въ опасности, имѣнія мои разорены; ругательства, невыразимыя оскорбленія были для меня горше смерти; и вотъ, послѣ всего, я держу мечъ въ той рукѣ, въ которой долженъ былъ принесть вамъ оливковую ветвь! Я польскій дворянинъ и сенаторъ; предки мои хотя были русскіе, но Свѣнтольдичи, тѣ, которые, своими совѣтами и примѣромъ, соединили дворянство роксоланское съ тѣломъ Рѣчи Посполитой. Я ничего не имѣю общаго съ мятежниками; тамъ нѣтъ дворянъ. Исповѣдую вѣру православную и всегда готовъ защищать ее, но желалъ бы первый, чтобъ гидра мятежа пала подъ геркулесовою рукою: тогда бы я спокойно жилъ въ своихъ украинскихъ помѣстьяхъ, откуда теперь меня выгнали... Но вы спрашиваете: что должно дѣлать? Воевать, но не сражаться, отвѣчаю я: медлительностью, проволочкою времени мы можемъ достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира. Къ чему отваживаться на опасности, когда можно побѣдить безъ кровопролитія? Только безумный запираетъ быстрый источникъ, когда бѣгъ его можно отвесть другимъ образомъ. Послѣдуемъ лучше разсудку, чѣмъ страсти. Воспоминаніе о желтоводскомъ и корсунскомъ пораженіяхъ, кажется, должно не допустить насъ самихъ стре-

миться на бѣду, когда можно побѣдить мирными средствами. Довольно показывать готовность къ войнѣ: этимъ однимъ легко укротить волненіе. Окажемъ мятежникамъ милость; дадимъ имъ время опомниться они захотятъ возвратиться къ прежнимъ обязанностямъ повиновенія, такъ, какъ будто всѣ содѣянныя ими преступленія произошли противъ собственной ихъ воли. А если дерзость ихъ будетъ такъ упорна, что они пренебрегутъ мирными нашими предложеніями, то любовь къ роднымъ, необходимость домашней жизни, столь врожденная человѣку, все таки заставятъ ихъ войти въ прежнее покойное состояніе. Таково мое мнѣніе. Предоставляю судить вамъ, на которыхъ возложена цѣлость отечества".

„Правда, сказалъ на такую рѣчь Добѣславъ Цехлинскій, каштелянъ чеховскій: — намъ слѣдуетъ совѣтомъ, а не оружіемъ, отклонить и сокрушить замыслы мятежниковъ, дать имъ время одуматься, а висящій надъ головами ихъ мечъ доведетъ ихъ до отчаянія; потерявъ надежду на прощеніе, они станутъ упорнѣе."

Такому мнѣнію послѣдовали паны, изгнанные изъ украинскихъ имѣній: они страшились потерять эти имѣнія навсегда, если возстаніе усилится.

Не такихъ мыслей былъ воинственный Вишневецкій.

„И я бы согласился съ вами, говорилъ онъ:—еслибъ у казацкой сволочи было столько же совѣсти, сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только что передо мною говорили. Но неужели мятежники удовольствуются нашими несчастіями и нашею кровью? Да это просто мечта, а не разсужденіе! Увѣряю васъ, начатое дѣло можетъ окончиться только погибелью одного изъ непрія-

телей. Что это такое? Намъ совѣтуютъ вести войну безъ сраженія? А если непріятель самъ нападетъ на насъ? Уклоняться, говорятъ намъ! то-есть. хлопы будутъ тѣснить наше войско, заступать намъ путь, не пускать нашихъ лошадей на пастбища. отнимать запасы, строить засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и, подъ предлогомъ мирныхъ трактатовъ, марать бумагу, а, между тѣмъ, на русской землѣ будетъ литься шляхетская кровь! Душа возмущается отъ безчестной мысли: изъ за украинскихъ берлогъ хотятъ отдать на разореніе средину королевства! Но я не умѣю красно выражаться, да теперь и время такое, что выиграть можно только дѣломъ, а не остроуміемъ. Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью,—вотъ мое военное мнѣніе. Слѣдуетъ теперь же ударить на казаковъ, пока орда еще только переправилась чрезъ Днѣпръ, а соединившись съ варварами, мятежники станутъ сильнѣе. Приходитъ время платить войску; жолнеръ будетъ требовать денегъ, или же покинетъ службу: у васъ денегъ нѣтъ; силою не удержите; начнутся побѣги, всякаго рода безпорядки. Недалеко и время избирательнаго сейма: съ какими глазами явитесь вы, ничего не сдѣлавъ? Сеймъ вправѣ потребовать отъ васъ отчета во всѣхъ огромныхъ издержкахъ для войны. Притомъ наступаетъ осень; край разоренъ, запасовъ нѣтъ; а еслибъ и достали зерна, то какъ изъ него спечь хлѣбъ, когда всѣ мельницы сожжены или разорены? Отъ одной скорости зависитъ спокойствіе Рѣчи Посполитой: не давъ сраженія, и не думайте о мирѣ. Вспомните Переяславъ, Старицу, Кумейки: тамъ вы побѣждали враговъ смѣлостью и дѣя-

тельностью. Таковъ мой совѣтъ. Вамъ, начальникамъ, предстоитъ его принять или отвергнуть.“

Сторону Вишневецкаго поддерживали такіе же рубаки, какъ и онъ, такіе же ненавистники и гонители племени русскаго [57]).

„Предложенія мятежниковъ, говорили они: — болѣе ничего, какъ коварство; предводитель не долженъ даваться въ обманъ, если хочетъ побѣдить; на хитрыя обѣщанія пусть отвѣчаетъ немедленно битвою; надежда на успѣхъ несомнѣнна; все войско желаетъ скорѣе сраженія!“

Но Доминикъ, личный соперникъ Вишневецкаго, не только принялъ сторону умѣренныхъ, но даже показалъ особенное состраданіе къ казакамъ.

„Побѣда въ рукахъ нашихъ (говорилъ онъ): это такъ; на какая польза отъ побѣды? Если мы истребимъ казаковъ, то никто столько не потерпитъ, какъ я. Большая часть мятежниковъ состоитъ изъ моихъ хлоповъ для чего я буду губить своихъ собственныхъ подданныхъ, когда могу уладить споръ съ ними мирными средствами? Никогда я этого не сдѣлаю! Тѣмъ хорошо такъ совѣтовать, которые не имѣютъ здѣсь маетностей; но я что буду дѣлать, истребивъ ихъ? Самъ земли пахать не умѣю, а милостыни просить стыжусь“ [58]).

Заславскій цѣлыя двѣ недѣли переговаривался съ казаками, то посылалъ къ нимъ условія, то получалъ отъ нихъ [59]); а между тѣмъ русскіе, бывшіе въ польскомъ

[57]) Annal. Polon. Clim. I. 54—57.—Hist. Jan. Kaz I. 8. 11.—Pam. do panow Zygm. III. Wlad. IV i Jan Kaz. II. 13—16.

[58]) Histor. belli cosac. polon. 75.

[59]) Histor belli cosac. polon. 74.

обозѣ въ качествѣ драгуновъ и слугъ, то и дѣло уходило къ казакамъ [60]). Войско казацкое увеличилось, и полковникъ Нечай, почти въ виду польскаго войска, сжегъ нѣсколько дворовъ и мѣстечекъ, и ушелъ къ Константинову [61]).

Вишневецкій прекратилъ связь съ княземъ Заславскимъ, ушелъ въ свой лагерь, и хотя стоялъ недалеко отъ главнаго лагеря, но дѣйствовалъ отдѣльно.

Онъ завязывалъ иногда перестрѣлки съ врагами, и послѣ одной такой перестрѣлки донесли ему, что татары идутъ на помощь къ Хмельницкому. Князь написалъ къ одному изъ пановъ въ главномъ лагерѣ, чтобъ тотъ убѣдилъ главнаго предводителя прекратить пустыя сношенія и напасть на казаковъ, пока еще не пришли крымцы. Заславскій съ перваго раза отвѣчалъ, что не вѣритъ слухамъ; но окружающіе его паны настаивали поступить по совѣту Вишневецкаго. Заславскій рѣшился, наконецъ, подвинуться впередъ, но не наступалъ на казаковъ цѣлымъ войскомъ, а только позволилъ полякамъ выѣзжать на *герцы* (стычки) съ казаками [62]).

КОНЕЦЪ 1-ГО ТОМА.

---

[60]) Рукоп И П. Б. разнояз. ист f. № 5

[61]) Annal. Polon Clim. I. 53 —Histor. pan Jan. Kaz I. 7,—Pam. do pan. Zygm. III Wład IV i Jan. Kaz. II. 22.

[62]) Histor. belli cosac. polon. 76.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

